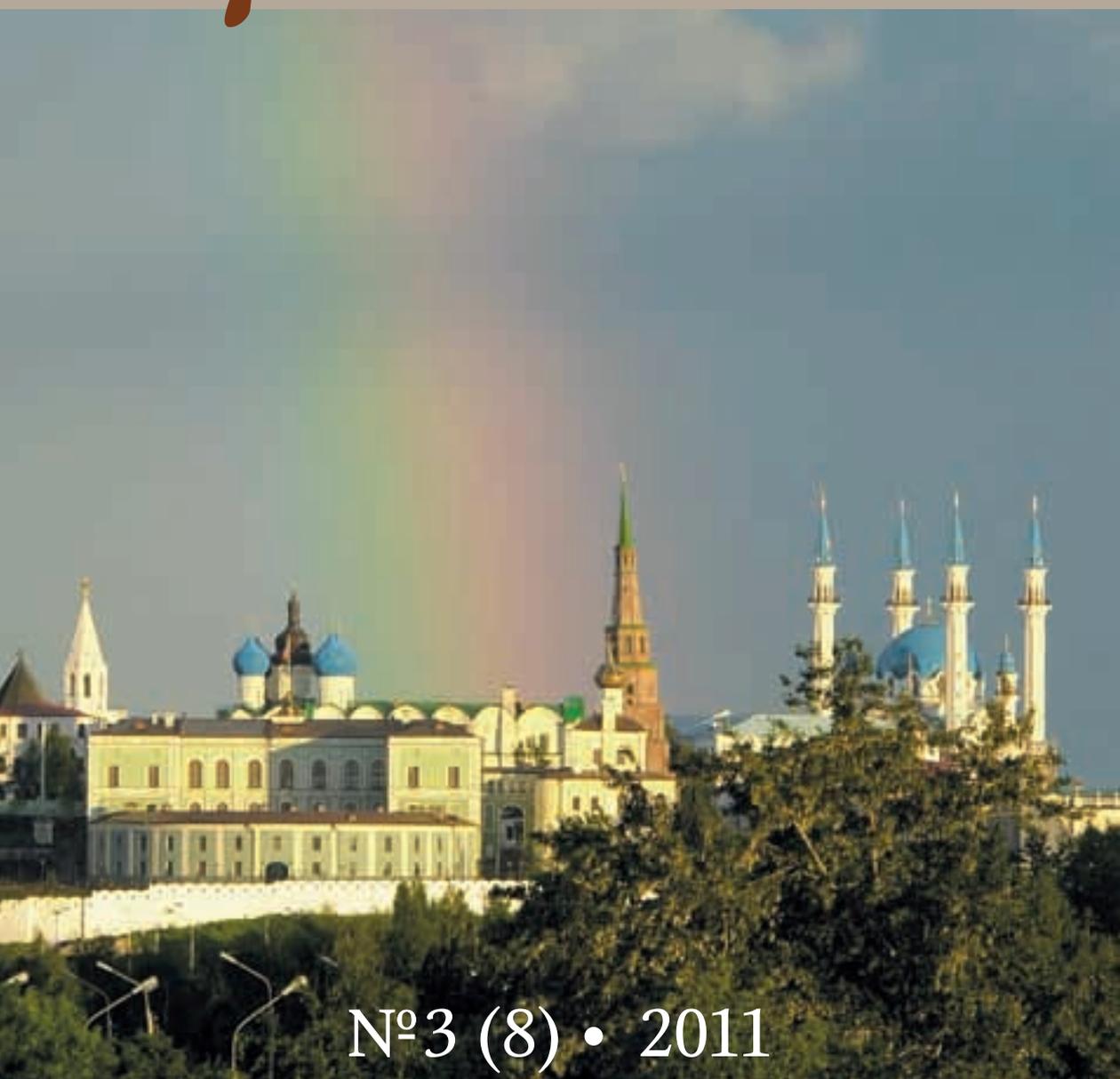

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Арҗамак

ТАТАРСТАН

№3 (8) • 2011

ФРАГМЕНТ ВСЕЛЕНСКОГО ХРАМА ИЛЬДАРА ХАНОВА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Арҗамак

ТАТАРСТАН

№ 3(8) • 2011

*Родину не предают,
Если ты человек.*

Василий Попов

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

литературного альманаха «АРГАМАК. ТАТАРСТАН»

Василенко Светлана Владимировна — первый секретарь
правления Союза российских писателей;

Ибрагимов Ильфак Мирзаевич — председатель правления
Союза писателей Республики Татарстан;

Ларионова Татьяна Петровна — исполнительный директор
республиканского фонда «Возрождение» (Татарстан);

Муратов Марат Яшарович — руководитель республиканского агентства
по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа»;

Переверзин Иван Иванович — председатель правления
Международного сообщества писательских союзов.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

литературного альманаха «АРГАМАК. ТАТАРСТАН»

Николай Алешков (*Набережные Челны*)

Николай Беляев (*Владимирская область*)

Наталья Вердеревская (*Елабуга*)

Александр Воронин (*Казань*)

Лилия Газизова (*Казань*)

Владимир Гофман (*Нижний Новгород*)

Владимир Ермаков (*Орёл*)

Диана Кан (*Новокуйбышевск*)

Сергей Кузнечихин (*Красноярск*)

Михаил Кураев (*Санкт-Петербург*)

Рамиль Сарчин (*Казань*)

Виктор Суворов (*Набережные Челны*)

Михаил Чванов (*Уфа*)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 16-00151 от 17 апреля 2009 г.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций в соответствии
с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации»

<i>Главный редактор</i>	Николай Алешков
<i>Заместители главного редактора</i>	Ольга Кузьмичёва-Дробышевская, Вера Хамидуллина
<i>Редактор-корректор</i>	Наталья Первова
<i>Дизайнер-верстальщик</i>	Виталий Павлов
<i>Офис-менеджер</i>	Оксана Кравченко
<i>Художник</i>	Ольга Белова-Недовизий
<i>Фото на обложке</i>	Михаил Медведев

События минувшего года

АПРЕЛЬ. КАЗАНЬ. ТУКАЙ

Отгремел праздник Габдуллы Тукая в Казани. Именно отгремел, потому что заявленный официально, как «торжественные мероприятия, посвящённые 125-летию со дня рождения великого татарского поэта», праздник вылился во всенародное ликование, в выражение любви и благодарности славному сыну своего народа, чьё творчество почитают далеко за пределами его родины. В 2011 году вместе с Республикой Татарстан эту знаменательную дату будут отмечать все регионы России и весь тюркский мир. К юбилею Габдуллы Тукая в Москве на пересечении ул. Новокузнецкой и Малого Татарского переулка открыт ему памятник.

25 апреля в столице Татарстана начала свою работу серьёзная международная научно-практическая конференция при участии комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, организованная Министерством культуры РТ, Министерством образования и науки РТ, Академией наук РТ и Институтом языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова. В ней приняли участие учёные из 11 стран, среди которых были гости из многих республик и областей Российской Федерации, а также Германии, Финляндии, Турции, Казахстана, Азербайджана, Узбекистана и других стран. В своём выступлении заместитель Премьер-министра Республики Татарстан З.Р. Валеева отметила, что «исток творчества Тукая уходят корнями в глубины истории татарского народа. Любовь поэта к своему народу неразрывно связана с его пла-

менным патриотизмом и идеей дружбы народов. Наиболее ярко это проявилось в его известных строках, пронизанных высокой гражданственностью: «С народом России мы песни певали, есть общее в нашем быту и морали... вовеки нельзя нашу дружбу разбить, нанизаны мы на единую нить». Эти слова по сей день сохраняют свою актуальность, выражая идею, столь необходимую в сегодняшнем мире».

Прошедшая под названием «Наследие Габдуллы Тукая в контексте национальных литератур», конференция была посвящена проблемам взаимодействия и взаимовлияния национальных культур. Директор ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова К. М. Миннуллин сообщил собравшимся, что международные организации ЮНЕСКО, ТЮРКСОЙ и Президент Татарстана объявили 2011 год Годом Тукая.

Меня очень воодушевил сам факт придания текущему году имени писателя как на его родине, так и далеко за её пределами, ведь тем самым не только увековечивается память и творческое наследие великого поэта, но и подтверждается высокая роль писателя в жизни общества, его огромная ответственность перед народом за своё творчество.

В этот же день гости Казани побывали в Литературном музее Г. Тукая, в Национальной художественной галерее «Хазине», где была развёрнута экспозиция полотен художников, посвящённых жизни и творчеству славного сына татарского народа, и совершили незабываемую экскурсию по территории Казанского Кремля, где находится резиденция Президента РТ.

Второй день торжеств вылился на улицы столицы и начался с возложения цветов к памятнику Г. Тукаю в сквере его имени. На церемонии присутствовал Президент РТ Р. Н. Минниханов, многочисленные политические и общественные деятели, а также писатели, артисты, художники и жители Казани, исполненные чувства глубокого уважения и любви к национальному гению.

Затем праздник плавно переместился к памятнику поэта, стоящему около Татарского академического государственного театра оперы и балета им. М. Джалиля. Там буквально волновалось народное море. Нужно было видеть с каким необычайным вниманием жители столицы, пришедшие на праздник поэзии, слушали выступления мастеров слова, приехавших из самых разных уголков России, дружественных государств, и своих поэтов-земляков, включая и подрастающую молодую смену. Здесь были торжественно вручены государственные премии Республики Татарстан имени Габдуллы Тукая 2011 года:

Ибрагимову Илфаку Мирзаевичу (Мухаммату Мирзе) — за книги «На Млечном Пути» (Татарское книжное издательство, Казань, 2003 год), «Живая вода» (Татарское книжное издательство, Казань, 2007 год) и за цикл стихотворений «Сын Адама», изданный в одноимённой книге (Магариф, 2009 год);

Шагимуратовой Альбине Анваровне — за исполнение на высочайшем уровне вокальных партий в операх западноевропейских и русских композиторов, песен и романсов татарских композиторов, народных татарских песен;

Шакирзяновой Лене Галимзяновне (Лене Шагирзян) — за сборники «Круговорот: Стихи и поэмы» (Татарское книжное издательство, Казань, 2002 год) и «Дарю на память: Воспоминание, посвящение» (Татарское книжное издательство, Казань, 2005 год);

коллективу художников в составе Кильдибекова Рустема Ахмедовича и Кильдибековой Марии Семёновны — за совместные произведения монументального и декоративно-прикладного искусства, созданные для интерьеров и экстерьеров общественных зданий в Республике Татарстан, и серию полотен: монументальная живопись «мозаика» и «сграффито» в гостиничных комплексах «Волга», «Татарстан», Татарском государственном академическом театре им. Г. Камала и другие; gobелены «Группа Сайяр», триптих «По мотивам народных сказок»; серию живописных полотен, посвящённых истории и культуре татарского народа «Кукморские валенки», «Поэтессы», «Паломники», «Возвращение», «Танцующий дервиш» и другие.

От имени Союза писателей России собравшихся приветствовал секретарь Правления СП РФ, лауреат Большой литературной премии России поэт Николай Переяслов. Он отметил современность звучания лучших произведений великого Тукая и прочитал в своём переводе стихотворение народного поэта Татарстана Рената Хариса, посвящённое юбиляру.

В едином душевном порыве прозвучали стихи и проникновенные слова председателя Союза писателей Республики Татарстан Илфака Ибрагимова, главного редактора журнала «Наш современник» Станислава Куняева (Москва), а также от имени Международного сообщества писательских союзов (Москва) и писателей братских республик и государств — Рената Хариса (Татарстан), Анара (Азербайджан), Валерия Тургая (Чувашия), Бронтоя Бедюрова (Горный Алтай), Вячеслава Ар-Серги (Удмуртия), Камиля Тангалычева (Мордовия) Виктора Широкова (Москва), Александра Громова (Самара) и многих других писателей. Чтение стихов перемежалось яркими выступлениями фольклорных коллективов, участники которых были одеты в красочные национальные костюмы. Это было поистине незабываемое зрелище, запомнившееся всем участникам и гостям праздника.

Апофеозом юбилея Тукая стало торжественное собрание в ТАГТОиБ им. М. Джалиля, на котором выступили Президент РТ Р. Н. Минниханов, Министр культуры РФ Александр Авдеев и многие другие официальные лица. Затем собравшимся была представлена уникальная по трагизму, гармонии и красоте опера «Любовь поэта» (композитор Р. Ахиярова, либретто Р. Хариса) в исполнении замечательных арти-

стов Ахмеда Агади, Альбины Шагимураевой, Евгения Уланова и других. На глазах у многих зрителей блеснули слёзы сострадания и восторга. В этом и заключается великая цель литературы и искусства — возвышать человеческие души.

Уезжая из братского Татарстана, гости увозили с собой глубокое чувство благодарности организаторам торжеств и радостное ощущение причастности к прошедшему знаменательному событию. А также мысли о том, что большая дружба между народами должна поддерживаться такими же большими общими делами, и культура в этом ряду занимает одно из ведущих мест.

Марина ПЕРЕЯСЛОВА,
пресс-секретарь Исполкома МСПС

ПРОСКАКАЛ «АРГАМАК» ПО ТВЕРСКОЙ

27 мая 2011 года в Литературном институте имени А. М. Горького состоялась презентация литературного альманаха «Армамак. Татарстан», совместного издания Татарстанского отделения Союза российских писателей и Союза писателей Республики Татарстан.

Очередной номер альманаха стал подарком выпускникам, студентам, бывшим и настоящим слушателям Высших литературных курсов Литературного института и тем, кто любит хорошую, современную русскую литературу. Открыл презентацию ректор института Борис Тарасов. В своей речи он подчеркнул неслучайность данного события: главным редактором издания является выпускник Литинститута Николай Алешков; более двух третей объёма презентуемого № 2 (7) заняла новая рубрика «Тверской бульвар, 25» — именно по этому адресу расположен вуз — Альма-матер тех, чьи произведения опубликованы в альманахе; а рубрика является совместным проектом одноимённого Международного интернет-портала <http://www.asslit.org> и редакции альманаха «Армамак», Содружества выпускников Литинститута и Высших литературных курсов.

В номере напечатаны роман Александра Ольшанского «До и после первой звезды», статья «Сей образ прекрасного мира...» Петра Ткаченко, стихи Владимира Коробова из книги «Сад метаморфоз», пьеса Александра Воронина «Пара», стихотворная подборка руководителя Высших литературных курсов Валентина Сорокина, а также представлено творчество выпускников и слушателей ВЛК Галины Дубининой, Антонины Спиридоновой, Алёны Каримовой, Ольги Кузьмичевой-Дробышевской, Наталии Ясницкой, Ольги Бедной, Олега Солдатова. Открывается «Тверской бульвар, 25» статьёй ректора «Литературный институт в журнальном варианте».

Николай Алешков познакомил гостей с историей и планами «Армамака». Главный редактор отметил, что в 2009 году альманах появился благодаря личной поддержке первого президента Республики Татарстан Минтимера Шариповича Шаймиева, что учредители — руководство ОАО «Татмедиа» — поддержали идею издания не местечкового масштаба (челнинского или республиканского), а рассчитанного на всю российскую провинцию — в настоящее время альманах распространяется почти по девяноста городам огромной страны.

В завершении речи Н. Алешков сказал: «В нашем альманахе нет идеологических баррикад, какие существуют, например, в столичных «толстяках». Мы публикуем и левых, и правых, почвенников и космополитов, «евреев» и «неевреев», пытаюсь собрать вместе те позитивные творческие силы, которые после развала Союза разбежались по углам. Мы полагаем, что грешно разрывать русскую и российскую литературу на куски. Можно и в одном издании дискутировать открыто и честно. Лучший аргумент в споре — качество текста. При этом мы оставляем за собой право и на собственную позицию по любому спорному вопросу».

В презентации приняли участие: руководитель семинара прозы ВЛК, председатель Содружества выпускников Литинститута Александр Ольшанский, секретарь СП России Николай Переяслов, известный московский критик Пётр Ткаченко, редактор журнала «Юный натуралист», поэт Николай Красильников, руководитель секции русской литературы и художественного перевода СП РТ Лилия Газизова, председатель Казанской городской организации Союза российских писателей Александр Воронин и другие.

На вечере прозвучали стихи в исполнении авторов. Провела мероприятие заместитель главного редактора альманаха «Аргамак» Ольга Кузьмичева-Дробышевская, кроме авторских песен она исполнила свой романс на стихи Н. Алешкова, посвящённый Николаю Рубцову. Звучала на вечере и классическая музыка: студенты Академии им. Гнесиных любезно представили своё мастерство гостям Литинститута.

Ольга КУЗЬМИЧЁВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ

СВЯТОЙ ЖЫЕН БОЛГАРА

18 июня в Спасском районе прошли торжества, посвящённые Дню официального принятия ислама Волжской Булгарией.

Гости и паломники начали прибывать в Болгар накануне. Впервые здесь заработал палаточный лагерь на две-три тысячи мест. Безусловно, лагерь будет востребован в течение всего туристского сезона. Сутки проживания здесь обойдутся всего в 300 рублей на человека, в палаточном лагере предусмотрены душевые, горячая вода

подаётся круглосуточно. Поэтому на «Изге Болгар жыены» смогли приехать мусульмане из Самары и Санкт-Петербурга, из Нижнего Новгорода и Оренбурга, из Ульяновска и Саранска, а также со всех уголков Татарстана и соседних республик.

Те, кто бывал в Болгаре ранее, удивлялись, как много успели сделать строители. Так, ровно год назад напротив экскурсионного бюро Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника установили закладной камень, а в этом году тут уже высится Памятный знак в виде древнеболгарских строений с огромным золотым куполом, который виден из любого конца обширной заповедной земли. Предстоит ещё много сделать по внутренней отделке Памятного знака, ввод которого намечен на конец 2011 года. В главном его зале будет установлен самый большой в мире Коран, идею о создании которого в августе 2010 года высказал Государственный Советник РТ, председатель Попечительского совета Фонда «Возрождение» Минтимер Шаймиев. Автором и исполнителем проекта выступил Ильдар Галяутдинов. Коран изготовят в итальянском городе Триесте по заказу Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры РТ. Как сообщил директор компании-изготовителя Неджан Братасевич, в конце июля поступили листы, из которых будет состоять Болгарский Коран (632 страницы размером по 2х3 метра). Вместе с кожаным переплётом, отделанным драгоценными камнями и металлами, и суперобложкой из шелка общий вес уникальной Священной книги составит более 130 кг.

Праздник открылся чтением священных сур Корана. Президент Татарстана Рустам Минниханов зачитал телеграмму Президента России Дмитрия Медведева: «Уважаемые друзья, приветствую вас на торжественном мероприятии, посвящённом памятной дате — Дню принятия ислама Волжской Булгарией. Это историческое событие, состоявшееся более 1000 лет назад, заложило основу религиозной традиции многих народов нашей страны, приобщив их к всемирному духовному наследию, дало мощный импульс развитию просвещения и культуры, объединило вокруг об-

щих гуманистических ценностей, присущих мировым религиям. Идеалы толерантности, взаимоуважения и добрососедства испокон веков скрепляли наше государство и способствовали формированию единой российской нации. В современной России, где проживают миллионы мусульман, многое делается для открытия новых мечетей, реконструкции памятников исламской культуры, развития духовного образования. Мы высоко ценим вклад представителей традиционного ислама в обеспечение гражданского мира и межэтнического согласия в нашем обществе». От себя же Рустам Минниханов добавил особые слова благодарности в адрес первого Президента Татарстана: «Спасибо Минтимеру Шаймиеву — человеку, который начал дело восстановления Болгара. Спасибо всем, кто присоединился к этому благому делу, кто вкладывает в него свои средства, свой труд». А Минтимер Шарипович в своём приветственном слове подчеркнул, что Болгар восстанавливают вместе с островом-градом Свяжск — всем миром, только так можно достичь в республике мира, спокойствия и благоденствия.

На торжественном открытии «Изге Болгар жыены» также выступали премьер-министр РТ Ильдар Халиков, председатель Государственного Совета РТ Фарид Мухаметшин, постоянный представитель РФ при Организации Исламская конференция Камиль Исхаков, председатель Центрального Духовного управления мусульман России Талгат хазрат Таджутдин, председатель Совета муфтиев России Равиль хазрат Гайнутдин, председатель Российской ассоциации исламского согласия, муфтий Ставропольского края Мухаммад хазрат Рахимов, председатель Духовного управления мусульман Татарстана Илдус хазрат Файзов. Такое широкое представительство придало Дню принятия ислама Волжской Булгарией поистине всероссийский масштаб. Как отметил глава республики Рустам Минниханов, никогда ещё на священной земле болгар не собиралось столько гостей.

Главным событием дня стало открытие памятника на месте захоронения сахабов. По сведениям историка Хисамуддина ибн Шарафуддина аль-Муслими, приведённым в его книге «Таварихи Булгария», в 631 году на престол Болгар взошёл Айдар хан, а пророк Мухаммад отправил к нему своих сахабов (сподвижников) Абдрахмана ибн Зубайра, Талху ибн Османа и Зубайра ибн Джагду. Они прибыли в Болгар под видом врачей, исцелили многих больных, а Зубайр ибн Джагда, опёршись о посох Пророка, впервые на волжском берегу произнёс проповедь. Через двенадцать лет двое сподвижников вернулись в Медину, а третий, женившись на дочери хана Туйбике, остался в Болгаре, где и умер. О том, что до второй половины XVIII века в Болгаре сохранялись могилы Зубайра ибн Джагда и 33-х табинов (людей, принявших ислам через сподвижников Пророка), имеются сведения в книге Мурада Рамзи «Талфикуль-ахбар», где указано: могилы были расположены к западу от Малого минарета — единственного сохранившегося до наших дней в первоизданном виде болгарского памятника архитектуры.

Впервые в этом году приезжающие смогли посетить Музей хлеба. Всё, что построено здесь на сегодняшний день, срублено только из дерева. Главный корпус ещё строится, но уже действует настоящая ветряная мельница, в пекарне по старинным рецептам выпекают вкусный хлеб, в лавках мастеров гончар лепит горшки, мастерицы расписывают сувениры, чеканщик куёт памятные монеты. Но больше всего посетителей умиляет вид обычной деревенской избы. Во дворе амбар с конюшней, у резных ворот — колодец с журавлём. Возле него все любят фотографироваться на память. Старая деревянная архитектура, милые сердцу резные наличники не остаются равнодушными никого — ведь это всё из нашего детства, из исторической памяти татар и русских, чуваш и мари... одним словом, древних волгарей и болгар.

НА САБАНТУЙ В СВЯЖСК

25 июня остров-град Свяжск посетили министр транспорта России Игорь Левитин и Государственный Советник Татарстана Минтимер Шаймиев.

Утром они принимали участие в Сабантуе, который у посёлка Мирный в Казани открывал Президент России Дмитрий Медведев. Потом глава государства поехал открывать Гребной канал на озере Кабан, а после посетил IV международный рок-фестиваль живой музыки «Сотворение мира» на площади Тысячелетия под стенами Казанского кремля. А министр транспорта РФ Игорь Левитин и Государственный Советник РТ, председатель Попечительского совета Фонда «Возрождение» Минтимер Шаймиев в это время отправились в Свяжск. В поездке их сопровождали министр транспорта и дорожного хозяйства РТ Ленар Сафин, глава Зеленодольского муниципального района РТ Сергей Батин и другие официальные лица. Гостям рассказали об истории острова-града, показали, как ведётся восстановление памятников архитектуры по программе Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры.

Экскурсия по острову началась с посещения комплекса Свяжского Успенско-Богородицкого мужского монастыря. Гостей встретили колокольным звоном.

Наместник Свяжского Успенско-Богородицкого монастыря отец Силуан рассказал, как идут реставрационные работы. Гости также осмотрели комплекс казённых сооружений, в котором сейчас располагается музей-заповедник, Иоанно-Предтеченский женский монастырь, собор Успения Пресвятой Богородицы, построенный псковскими мастерами под руководством Постника Яковлева и Ивана

Ширяя, собор Всех скорбящих Радости и трапезную церковь святого преподобного Сергия Радонежского, где Игорь Левитин помолился и поставил свечи. В память о посещении острова-града отец Силуан подарил министру транспорта России иконописное изображение Свяжска, сообщает «Татар-информ». Экскурсия завершилась на строительстве речного вокзала, где Игорь Левитин и Минтимер Шаймиев договорились о том, что Министерство транспорта России восстановит старинный 12-вёсельный ботик Павла I, на котором российский император прибыл из Свяжска в Казань 24 мая 1789 года — вместе с сыновьями Александром и Константином.

— Минтимер Шарипович очень много рассказывал о Свяжске, но теперь я сам это увидел и много интересного для себя узнал. Поражает история православной церкви, — сказал Игорь Левитин в интервью журналистам. — Мы здесь, около Свяжска, с нуля делаем первый на Волге логистический центр, по сути, даём жизнь новой истории, куда придёт и железная дорога и автомобильный транспорт, возрождаем старые традиции судоходства на Волге. Свяжский межрегиональный мультимодальный логистический центр находится на пути из Китая в Европу и создаётся в рамках нового транспортного коридора Западный Китай — Западная Европа, который прой-

дёт через Казахстан и Россию. Поэтому создание СММЛЦ включено в федеральную целевую программу «Развитие транспортной системы России на 2010–2015 годы».

Напомним, Свяжский ММЛЦ строится в 40 километрах от Казани — в районе села Нижние Вязовые (на правом берегу Волги) в Зеленодольском районе РТ, недалеко от железнодорожной станции Свяжск, в восьми километрах от федеральной автомобильной трассы М7. Логистический комплекс называется мультимодальным, потому что будет включать в себя железнодорожно-автомобильный терминал со складами и контейнерными площадками, речной порт с водно-автомобильным терминалом, подъездные железнодорожные пути и автомобильные дороги, погрузочно-разгрузочные площадки, инженерно-технические коммуникации и сервисные объекты.

Министр транспорта России провёл рабочее совещание по строительству СММЛЦ. По словам министра Игоря Левитина, логистический центр станет «якорной точкой» для развития бизнеса и увеличения транспортных потоков не только Татарстана, но и других регионов Российской Федерации, ядром транспортно-логистической системы перевозки грузов во всем Поволжье. Ввод его в эксплуатацию даст мощный импульс развития всему региону, в том числе острову-граду Свяжск.

Александр ВОРОНИН

СЛАВЯНСКИЙ ПРАЗДНИК

В конце мая в Набережных Чёлнах, как и во многих городах России, впервые широко отмечен праздник славянской письменности и культуры. Организаторами его выступили исполнительный комитет городского Совета депутатов, Закамское православное благочиние, Татарстанское отделение Союза российских писателей, обще-

ственная организация «Челнинское землячество», Набережночелнинский государственный торгово-технологический институт.

Дорогими гостями праздника стали заслуженная артистка России Татьяна Юрьевна Петрова, пианист, лауреат международных конкурсов Александр Иванович Василенко, а также председатель Международного Аксаковского фонда, писатель Михаил Андреевич Чванов, предприниматель, член попечительского совета Аксаковского фонда Вячеслав Васильевич Аброщенко, исполнительный директор Аксаковского фонда Николай Владимирович Хотько.

Сольный концерт Татьяны Петровой в Набережночелнинском органном зале, обладающем великолепной акустикой, несомненно, стал камертоном праздника. Татьяна Юрьевна своим неподражаемым вокалом с первых минут завоевала симпатии и аплодисменты восьмисотместного зала. Звучали русские народные песни, любимые публикой романсы, а также песни на стихи Фёдора Тютчева, Сергея Есенина, Николая Рубцова, Константина Скворцова и других русских поэтов. Концерт дал ощущение единства сцены и зала, на что всеми любимая певица отреагировала словами о том, что она почувствовала — здесь присутствует не случайная публика, не представители населения города N, а народ.

После концерта гостей и организаторов праздника в трапезной храма святых бесребренников Космы и Дамиана в посёлке Орловка торжественным ужином угостил благочинный, протоиерей о. Олег (Богданов). Самые горячие слова благодарности за тёплый приём и заботу гости выразили и ректору НГТТИ, доктору педагогических наук Виктору Семёновичу Суворову, обеспечивавшему их питание и проживание в своём вузе, отличающемся доброжелательностью студентов и сотрудников, чистотой, порядком и комфортом.

На следующий день праздник продолжился литературно-музыкальным вечером во Дворце культуры «Энергетик», в рамках вечера состоялась и презентация предыдущего номера литературного альманаха «Аргамак. Татарстан». Слова приветствия, размышления о значении дней славянской письменности и культуры выразили хозяйка зала, заслуженный работник культуры Татарстана Гульзада Мухаметовна Рзаева, председатель «Челнинского землячества», заслуженный строитель республики Альберт Николаевич Петров. Особый интерес вызвал рассказ Михаила Андреевича Чванова об истории и развитии Аксаковского движения, о возникновении и деятельности возглавляемого Чвановым Аксаковского фонда, который нынешней осенью будет проводить свой международный праздник уже в двадцать первый раз. Звучали стихи челнинских поэтов Натальи Первой, Олега Лоншакова, Веры Хамидуллиной, Светланы Поповой, песни на их произведения и на произведения собственные в исполнении авторов-музыкантов Александра Тарасова, Сергея Бычкова, Алексея Кознова. С гитарными инструментальными пьесами выступил девятнадцатилетний Сергей Алешков. А вёл вечер его отец, председатель Татарстанского отделения Союза российских писателей Николай Алешков.

Обозреватель

«Я СВЯЗЬ МИРОВ, ПОВСЮДУ СУЩИХ...»

Татарстанская земля всегда была гостеприимна к поэтам и писателям — именно сюда был эвакуирован Союз советских писателей в годы Великой отечественной войны, здесь проходили свои «университеты» Максим Горький, творили Толстой, Тукай, Джалиль и многие другие. А ещё наш край — родина «столпа» российской поэзии

Гавриила Романовича Державина. Уже не первый раз имя великого поэта собрало его почитателей в Казани, где 12–13 июля 2011 года состоялся II Всероссийский Державинский фестиваль.

Знаменательное событие было решено провести на два дня позже. Причиной этому стала катастрофа на Волге, глубоко поразившая каждого из нас. Напомню, 10 июля, в Камском Устье, в 3 км от берега, в грозу затонул теплоход «Булгария». Большинство погибших были казанцами, которые отправились с детьми в круиз выходного дня. Из 208 человек спаслись лишь 79 — это самая крупная авария на водном транспорте в новейшей истории России (последняя трагедия на Волге случилась ещё в 1983 году).

12 июля в речной порт Казани пришли более 5 тысяч человек, чтобы почтить память погибших на «Булгарии». Многие принесли с собой цветы и мягкие игрушки, почти никто не мог сдержать слёз. В полдень вода у двенадцатого причала, откуда теплоход отправился в свой последний рейс, покраснела от опущенных на неё гвоздик. Казалось, сам воздух заполнен неизбывной бедой, захлестнувшей республику — горестно кричали чайки, ревуны стоящих на приколе теплоходов и катеров разрывали тишину порта и отдавались в самой глубине душ пришедших болью и пустотой, которую уже ничто не сможет заполнить. Делегация прибывших на фестиваль писателей возложила на воду цветы и свечи под звуки «Реквиема» Моцарта.

Трагедия оставила серьёзный след в сердцах писателей: народный поэт Татарстана Ренат Харис на родном языке написал поэму «Татарский «Титаник», которую перевёл на русский Николай Переяслов, секретарь Правления Союза писателей России. Поэма вызвала большой общественный резонанс и была опубликована на страницах газеты «Комсомольская правда. Казань». Версий о гибели «Булгарии» было не мало. В частности, много слов было сказано о человеческой алчности и безответственности, которая позволила выйти в непогоду из порта теплоходу с серьёзными техническими неисправностями.

*Жизнь катится, как по реке теплоход,
вода за бортом то светлей, то угрюмей.
Отчизна моя! Устремляясь вперёд –
не думай о том, как велик твой доход,
а помни — о людях, что в трюме...*

— пишет Ренат Харис в своей поэме, и с ним невозможно не согласиться.

О коррупции, в частности, говорили и на открытии выставки «Державин, бич вельмож...» в национальном музее РТ. Так, председатель Союза писателей Татарстана, лауреат Государственной премии имени Габдуллы Тукая Ильфак Ибрагимов в своей речи отметил, что Гавриил Романович, будучи первым министром юстиции Российской империи, по праву считался одним из самых ярких обличителей своего времени. Об этом упомянула и Гульчачак Назипова, генеральный директор Государственного бюджетного учреждения культуры «Национальный музей Республики Татарстан»: «Гаврила Романович — уроженец Казанской губернии. Мы горды этим, и эта выставка — вклад в увековечение памяти о нём. И, конечно же, мы рады тому, что у нас есть писатели, которые продолжают его дело. Надеюсь, что они внесут свою лепту в борьбу не только с коррупцией, но и с любым общественным злом. Лирика бывает разная, но должна быть и гражданская. Державин всей своей жизнью, государственной деятельностью, своим творчеством показал, как можно бороться с общественными пороками».

В национальном музее действует постоянная экспозиция, посвящённая Г. Р. Державину — державинский комплекс. Он был создан в 2004 году. Вниманию посетителей представлены кресло и стол поэта, его письменный прибор, рукописи, а также часы Гавриила Романовича и арфа, на которой играла его жена.

После выставки участники фестиваля отправились в село Сокуры Лаишевского района, где, согласно историческим доводам, появился на свет Гавриил Державин. Делегатов поразила своим уютным величием каменная церковь времён классицизма, в которой в 1742 году венчались родители поэта (правда, в их время церковь была ещё деревянной). В Лаишево — финальной точке экскурсии — писатели возложили цветы к бюсту Державина.

В Лаишевском районе вот уже 11 лет подряд проходит фестиваль, приуроченный ко дню рождения русского поэта. С 2002 года начинают свою историю «Державинские чтения», собирающие со всей страны неравнодушных к творчеству писателя людей. Следующая конференция состоится в 2012 году.

На нынешнем фестивале присутствовали известные поэты, писатели и культурные деятели России и Татарстана: заместитель министра культуры РТ Гузель Нигматуллина, председатель Союза писателей Татарстана, лауреат государственной премии имени Г. Тукая Ильфак Ибрагимов, народный поэт Татарстана Ренат Харис, первый секретарь Союза российских писателей Светлана Василенко, секретарь правления Союза писателей России Николай Переяслов, секретарь исполкома Международного сообщества писательских союзов (МСПС) Марина Переяслова, народный артист России Николай Бурляев, глава Лаишевского муниципального района Михаил Афанасьев, бессменный куратор мероприятия, лауреат Державинской премии Лилия Газизова и другие.

Принять участие в мероприятии, а также в поэтическом вечере, проходившем в Казани, в доме-музее Василия Аксёнова 13 июля, приехали заместитель министра культуры Калужской области Вадим Терёхин, поэт и переводчик, главный редактор журнала «Сибирские огни» Владимир Берязев, заместитель главного редактора журнала «Бельские просторы» Светлана Чураева, главный редактор журнала «Юность»

Валерий Дударев, поэтесса, студентка Литературного института им. Горького Наталья Елизарова. Доктор культурологии, директор Всероссийского музея А. С. Пушкина Сергей Некрасов выразил благодарность организаторам фестиваля: «Приятно, что имя поэта Гаврилы Романовича Державина помнится на земле его родины — так же, как мы чтим его в Санкт-Петербурге, в Нижнем Новгороде, Тамбове. Когда ещё не было музея, а только забрезжила надежда получить державинский особняк, в котором более четверти века жили Державины, мы решили, что нужны встречи Державина и Пушкина. Вот уже 24 года мы проводим Державинские чтения, а в день его рождения — День русской поэзии 18 века. Сейчас мы восстановили сад, в котором гуляли Державины, туда каждый год приходят всё больше и больше людей. В такой момент хочется процитировать стихотворение Гавриила Романовича «Стихия»: «Меня ж ничто вредить не может, Я злобу твёрдостью сотру; Врагов моих червь кости сглохнет, А я пиит — и не умру».

Второй день фестиваля ознаменовался вручением Республиканской (учредители Союз писателей РТ совместно с администрацией Лаишевского района) и Всероссийской (учредители Литературный фонд России и Министерство культуры РТ) литературной премии имени Г. Р. Державина, которое состоялось в Министерстве культуры республики. В этом году лауреатами стали поэт, председатель Московской областной писательской организации Лев Котюков и казанская поэтесса Александра Кашина. К сожалению, из-за болезни Лев Котюков не смог приехать в Казань на церемонию, но державинская премия стала для него ещё одним признанием его поэтического дара — он лауреат тридцати семи международных, всероссийских и региональных литературных премий. А Александра Кашина, принимая награду, сказала: «Для меня это большая честь и большой праздник, правда, с оттенком скорби в связи с трагедией. В то же время, мне кажется, поэзия для того и создана, чтобы лечить душу человека». Поздравляя лауреатов, Первый секретарь Союза российских писателей Светлана Василенко заметила, что когда вручается премия, всегда незримо присутствует поэт, именем которого эта премия освящена.

Программа Державинского фестиваля претерпела серьёзные изменения в связи с трагедией на Куйбышевском водохранилище, и праздничные мероприятия, в том числе и традиционный праздник поэзии в Лаишево, были отменены. Тем не менее, вручение Державинской премии состоялось, а гости фестиваля — поэты, прозаики, критики и журналисты, побывали в Раифском монастыре, посетили памятные исторические места Казани и встретились с читателями и казанскими коллегами в дом-музее Василия Аксёнова.

Оксана КРАВЧЕНКО

С ОКРЕПШИМ СЕРДЦЕМ

Случилось так, что я оказался в числе трёх челнинцев, кому в начале июля нынешнего года выдающийся кардиохирург, академик Ренат Сулейманович Акчуринов и его ученик и ассистент Сергей Михайлович Корней впервые в Набережных Чёлнах сделали операции по коронарному шунтированию сердца. Операции прошли успешно, лично я возвращаюсь в буквальном смысле слова к полноценной жизни, к активной литературной работе.

Двадцать один день после операции я проходил реабилитационный период в местной санатории «Жемчужина», где также всецело был окружён заботой и вниманием медперсонала. В настоящее время включился в активный рабочий график.

Открытие в Набережных Челнах на базе больницы скорой медицинской помощи Набережночелнинского центра по кардиологии и кардиохирургии, оснащённого новейшим, высокотехнологичным оборудованием и укомплектованным прекрасными кадрами, считаю большим достижением отечественного здравоохранения и руководства Республики Татарстан. Свою благодарность всем медицинским работникам Набережночелнинской БСМП за спасённую жизнь хочу выразить стихами. Хочу добавить сердечное спасибо не упоминающимся в стихах главному врачу БСМП Ильдару Индусовичу Хайруллину и заведующей кардиологическим отделением Наиле Саитовне Станиченко, без участия которых решение об операции не было бы принято

* * *

Душа отныне не боится
расстаться с телом до поры.
Стихи о вечности в больнице
пишу, и чувства так остры,

как будто заново родился,
и сил невиданный запас,
как будто в первый раз влюбился,
жену целую в первый раз.

Благодари, поэт, стихами,
что видишь вновь речную гладь.
На берегах любимой Камы
июль рассыпал благодать.

Нет, я теперь не окочурюсь,
и до последних самых дней
спасибо Вам, хирург Акчурин,
спасибо Вам, хирург Корней.

В саду больничном свищут птицы.
Меня вели через черту
и все врачи, и медсестрицы –
спасибо им за доброту.

Я верю, что душа бессмертна,
и мне с улыбкой говорят,
чтобы она, трудясь бесшумно,
с окрепшим сердцем билась в лад.

**Николай АЛЕШКОВ, главный редактор
литературного альманаха «Аргамак. Татарстан»**

ПЕРЕВОДЧИК ПРЕДСТАВЛЯЕТ ПОЭТА

МУХАММАТ МИРЗА

КАЖУЩАЯСЯ ЛЁГКОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОЙ «ШКОЛЫ» ХАЙЯМА

Рубаи – классическая форма стихосложения Ближнего и Среднего Востока, а также Средней и Юго-Восточной Азии, блестяще разработанная и утверждённая в восточной поэзии X–XIII веков такими мастерами поэтического слова как Рудаки, Саади, Унсури, Фаррухи, Анвари, Хакани, Руми, Саади, Хафиз, Джами, Ибн Сина, Туси, Мехсети Гянджеви и, конечно же, Омар Хайям, который и довёл в своём творчестве этот жанр до абсолютного совершенства. Рубаи – это короткие, всего в четыре строки, стихотворения с рифмующимися 1-й, 2-й и 4-й строками, построенные на столкновении заложенной в его начале смысловой тезы и неожиданно возникающего в конце парадоксального и остроумного вывода. На первый взгляд, рубаи кажутся довольно простой для практического освоения формой стихосложения, однако на деле – это одна из сложных вершин поэтического творчества, представляющая собой самые настоящие поэмы в миниатюре, каждая строчка которых несёт на себе нагрузку полноценной самостоятельной главы. Без наличия искромётного остроумия, способности к парадоксальному мышлению и широты философских взглядов рубаи никогда не заняли бы той высоты в поэзии, которую они сегодня заслуженно занимают, вновь и вновь вызывая современных стихотворцев на творческое состязание с мастерами былых эпох.

Представляемые ниже рубаи Мухаммата Мирзы достойно выдерживают сравнение со своими «эталонными» средневековыми собратьями и с полным основанием дают их автору право быть причисленным к продолжателям хайямовской поэтической традиции. Главное достоинство поэзии Мухаммата Мирзы – это умение избежать плоскостного, одномерного изображения, его способность не просто выткать своим стихотворением словесный «ковёр» с остроумным сюжетом, но и суметь дать читателю увидеть внутренним взором тот потаённый смысловой узор, что как бы сам собой создаётся с тыльной стороны поэтического «ковра» узелками сплетающихся между собой сюжетных, образных и философских нитей.

Лучшие рубаи Мухаммата Мирзы – это в высшей степени органичный сплав социальности, философичности, лиризма и остроумия. Столкновение логически мотивированного развития мысли с непредсказуемо парадоксальным финалом четверостишия позволяет поэту при помощи всего четырёх строчек создать почти романную глубину, показав читателю то, о чём в стихотворении, на первый взгляд, как бы и не говорится –

например, неконструктивную и пустопорожнюю деятельность некоего общественного деятеля или хозяйственного руководителя, зримо проступающую за строками следующего четверостишия:

*Это счастье твоё, что с покорностью глупых овец
тебе люди внимают и даже кричат: «Молодец!»
Говорят о тебе: «Он такой – лишь один в целом свете...» –
и тайком про себя добавляют: «... осёл и глупец!»*

Как видим, ничего конкретного о профессиональной деятельности и личных качествах главного «героя» стихотворения напрямую вроде бы и не сказано, а, между тем, его никчёмная личность и дутый авторитет раскрываются с поразительной отчётливостью.

Удивительно ёмкий лирический портрет другого персонажа удалось создать поэту и в четверостишии о несчастном влюблённом, переживающим полосу тяжёлых жизненных неудач, но при этом не только не утратившим в себе умение любить, но и сохраняющим способность отдавать накопленное в сердце тепло той, кого он так искренне любит:

*Ну за что на него ополчилось всё страшное зло,
что на этой планете исхода себе не нашло?
Он от холода, бедный, в нетопленной хижине мёрзнет...
Но для милой на сердце – всегда сберегает тепло!*

Наряду с такими стихами-шкатулками с «потайным дном», поражающими читателя неожиданно возникающими в последних строках оригинальными и запоминающимися выводами, есть в книге Мухаммата Мирзы одно простое на вид четверостишие, которое, казалось бы, построено абсолютно без всякой опоры на столь характерную для его творчества игру в парадоксальность, и представляет собой содержательно и философски одномерную картинку, по сути – мимолётно сделанный коллективный портрет некой человеческой общности, проживающей на другом берегу реки и принципиальным образом отличающейся от той, которая окружает автора на этом берегу (хотя именно о тех, кто находится на *этом* берегу, в стихотворении как раз ничего и не сказано):

*За той рекой, за той рекой –
народ какой-то не такой:
там вам за так дают верблюда
и до-о-о-олго машут вслед рукой...*

Казалось бы, автор ни слова не говорит о том народе, что проживает рядом с ним на *этом* берегу реки, однако уже из одного только беглого упоминания о том, что на противоположном берегу – «народ какой-то *не такой*» (т.е. сильно отличающийся от здешнего), можно сделать вывод о том, что на *этом-то* берегу вам верблюда «за так» не получить не при какой погоде, разве что – за большущие деньги, и уж, тем более, не дожидаться от окружающих проявления при расставании таких сентиментальных чувств, какие являются в ходу там, за рекой – скажем, пожелания вам добра или счастливого пути... Словом – того, что было свойственно людям желать друг другу, когда наша страна воспринималась её гражданами как одна большая, одинаково доброжелательная ко всем своим детям, многонациональная семья.

Собственно, мы все сегодня оказались на одном берегу с поэтом, отделённые бурной рекой истории и времени от нашей общей, взрастившей и защитившей нас во время войны от врага Отчизны. За той, неостановимо убегающей вдаль рекой перемен остались наши славные предки, наши великие богатыри и пророки, наши герои и праведники, наши пахари, мудрецы и поэты, которые по крупице собирали и накапливали для нас высокий нравственный опыт, глубокую жизненную мудрость и ёмкую поэтическую образность.

За той условной рекой, разделившей своим руслом на изолированные участки единое некогда поле нашей отечественной культуры, оказалось сегодня для большинства жителей России и творчество писателей национальных республик, произведения которых последние годы почти не переводятся на русский язык, оставаясь неизвестными широкому общероссийскому читателю.

За той клокочущей рекой нахлынувшего на страну непонимания и раздора виднеются манящие и притягивающие нас луга, где всех ожидают любящие люди, где мы нужны и близки друг другу, а наши культуры связаны тесным и взаимообогащающим сотрудничеством. Там — наше место и наше завтрашнее будущее. Туда зовёт нас душа, но не пускает разлившаяся в половодье река:

*За широкой рекой — берег с ивами дивно красив,
там гуляют влюблённые, к ним на плотях переплыв.
Но когда половодье — река разливается бурно
и уносит плоты от затопленных водами ив...*

Настоящая поэзия — всегда! — явление в высшей степени интернациональное, сохраняющее свою социальную, образную, этическую, философскую и культурную значимость при переводе на языки всех народов. На какие бы темы ни писали великие поэты прошлого и их сегодняшние последователи, подлинная поэзия уже самим своим высоким духом, красотой художественных образов и философским проникновением в суть вещей работает на создание единой общечеловеческой культуры, понятных и близких всем ценностей и соединяющих народы образов. И блистательно сработанные рубаи Мухаммата Мирзы, скреплённые многовековыми традициями поэзии Востока, как надёжные доски подвесного моста повисают над бурно ревущими водами нашего века, зовя нас перейти реку и шагнуть в своё завтра — на тот берег, где миром правит не политика, а поэзия, где царит не раздор, а задор, где кумиром считают не хама, а Хайяма.

Вот такую удивительную силу имеют эти короткие, по-особому срифмованные четверостишия, если они написаны настоящим поэтом. Хотя на вид — всё это кажется так просто...

**Николай ПЕРЕЯСЛОВ,
секретарь Правления Союза писателей России,
действительный член Петровской Академии наук и искусств,
лауреат поэтического конкурса Совета муфтиев России
«Пророк Мухаммад — милость для миров» 2010 года.**

ЗА ТОЙ РЕКОЙ

Рубаи

* * *

Говорить о красотах тебе — что свистать соловью.
Ты за шиворот держишь судьбу и удачу свою.
Только слышишь, приятель, не лезь в разговоры мужские —
что ты знаешь о жизни, коль не был ни разу в бою?..

* * *

Словно утренний холод, что в хлипкие двери проник,
в твою голову сплетни вдохнул чей-то лживый язык,
и твой ум, как слепец, теперь бродит на ощупь в тумане,
ты — игрушка, что вертит в нечистых руках клеветник!

* * *

Р. Валееву

Ты сказал: «Если б жить не затем, чтоб считать барыши,
можно мир изменить, чтобы стали в нём все хороши...»
Но, боюсь, что не может исправить иных и могила,
если нет в них ни сердца, ни веры, ни чувств, ни души.

* * *

Не списать этот грех на режим большевистский иль царский —
мы забыли башкирский язык и забыли татарский,
и теперь сам шайтан толмачом нам единственным стал,
мудрость гениев переводя на язык тарабарский.

* * *

Каждый день все талдычат вокруг об одном:
«Мы последнюю чашу истории пьём!»
А сосед мой, что трезвым почти не бывает,
говорит: «Ничего, мы другую нальём!..»

* * *

Мир — огромный базар. Оглянись беспристрастно вокруг —
продаются и речка, и поле, и роща, и луг.
Стали ходким товаром достоинство, совесть и гордость...
Ты ещё не отнёс на базар свою душу, мой друг?

* * *

Ну за что на него ополчилось всё страшное зло,
что на этой планете исхода себе не нашло?
Он от холода, бедный, в нетопленной хижине мёрзнет...
Но для милой на сердце – всегда сберегает тепло!

* * *

Он во всякое дело влезает с суждением непрошено.
Если все скажут «стрижено» – он будет спорить, что «кошено».
Если ж с мнением чьим-то случайно согласие выскажет –
целый месяц вздыхает потом и молчит огорошено.

* * *

Одолжив в трудный час горсть муки, наши прадеды в срок
отдавали долги, чтоб никто упрекнуть их не смог.
А беспечные правнуки их набирают кредиты,
а потом от истцов, словно зайцы, бегут со всех ног.

* * *

Это счастье твоё, что с покорностью глупых овец
тебе люди внимают и даже кричат: «Молодец!»
Говорят о тебе: «Он такой – лишь один в целом свете...» –
и тайком про себя добавляют: «... осёл и глупец!»

* * *

Великий народ вносит в летопись не водевиль.
Великий народ оставляет великую быль.
Великий народ не боится шагать бездорожьем,
а где бездорожье – там вечно вздымается пыль...

* * *

Нас не смоешь, как пыль с тротуара, дождём.
Здесь земля наша, жизнь наша, родина, дом.
Кто бы нам ни внушал, что милей за граница,
скажем вслед за Тукаем в ответ: «Не уйдём!»

* * *

Он из сына растил удалого бойца.
Тот побил молодца и побил кузнеца.
А когда стало не с кем в округе подраться –
начал каждое утро мутузить отца.

* * *

Всем однажды придётся исчезнуть с Земли,
отправляясь в миры, что мерцают вдали.
Я прошу — вы костёр после нас не гасите,
пока весть не придёт, что мы к месту дошли.

* * *

Чтоб мир пробудить,— свою мощь не тая,
петух звонким криком тревожит края.
Но утро июньское будит до света —
не глас петушиный, а трель соловья.

* * *

«Сними свою шубу! — сказала лисица ежу. —
Она отвратительна, я тебе прямо скажу».
«Зато,— молвил ёж,— не мою, а твою шкуру носят
все модницы света, красясь, как я погляжу».

* * *

Нынче «звёзд» на сцене — миллион,
не запомнить даже их имён.
Мельтешат, как мухи на экране,
но от них в искусстве — только звон.

* * *

Вот ты тропой крутой — не упади! —
спешишь с ведром к колодцу впереди.
Я стал старик. Я пережил все страсти...
Но как глубок твой вырез на груди!

* * *

Мы все на этом свете только гости,
наступит час — и ляжем на погосте.
Но наш достаток виден даже в том,
куда и как зароят наши кости.

* * *

Кто силу имеет — тот молотом камни дробит,
своею работой ландшафт улучшая и быт.
А тот, кто имеет лишь ум, тот весь день под платаном
сидит — и работою сильного руководит.

* * *

Весь мир привычно смотрит, как у брата
брат отбирает всё, вплоть до халата.
Никто не крикнет: «Прекрати, злодей!» —
все за молчанье ждут себе «отката».

* * *

Пока ты под отчею крышей, ты можешь вопить,
что жизнь — для того и дана, чтоб гулять лишь да пить.
Но век человека сгорает быстрее сигареты —
успей покаянной молитвой грехи искупить!

* * *

...И наступит тот день, когда станет тебе не до песен.
Будешь нищ и убог, и покроет главу твою плесень.
От богатства до бедности — шаг. Был вчера ты — кумир,
а сегодня и дряхлому ворону не интересен...

* * *

Ты клянёшься, что выведешь вора на чистую воду,
что о всех злодеяньях его ты расскажешь народу
и его опозоришь на весь необъятный наш мир.
Но забыл ты, что мир — уж давно ему служит в угоду...

* * *

...И люди узнали «героя» судьбу —
как он на чужую садился арбу,
как он с чужаками трусливо братался
и как заработал от них по горбу...

* * *

За той рекой, за той рекой —
народ какой-то не такой:
там вам за так дают верблюда
и до-о-о-олго машут вслед рукой...

* * *

Мир стремится к богатству, от страсти дрожа.
Продаются достоинство, честь и душа.
Вся история нашей несчастной планеты —
это бег торгаша по следам барыша.

* * *

Он объехал весь мир, чтобы жизнь повидать,
он свой опыт готов землякам передать –
и он учит друзей молодых материться
и окурки щелчком на пять метров кидать.

* * *

Я не знаю – тебя ль я просил у Всевышнего в дар?
Но когда ты со мною – я чувствую в сердце пожар.
Всё на свете имеет свой смысл и своё назначенье,
без углей в самоваре – вовек не вскипит самовар!

* * *

Твои умные мысли – бесплодны, пусты и бедны,
в них одни только мёртвые формулы всюду видны.
Ты прочёл сотни книг и вобрал в себя множество знаний,
но коль нет в тебе чувств – то все знания будут вредны.

* * *

Время – та же река, глубоко её дно.
Выстрой сотни плотин – катит мимо оно.
Даже тем, кто постигнет все тайны Вселенной –
всё равно новой жизни прожить не дано!

* * *

Ты сказал – ты единственный в мире (читай: исключение.)
Мы смеялись сначала – тебе, мол, пора на лечение!
Но таких «исключений» становится в мире всё больше –
не с того ль у всех прочих и жизнь превратилась в мучение?

* * *

Лает пёс на цепи – аж земля под ногами дрожит!
Пробегают прохожий со страхом, ребёнок визжит.
Так и кажется: если сорвётся – то всех растерзает,
а шагнёшь к нему грозно – и он в конуру убежит.

* * *

Из села все века – в виде дара полей и лесов –
отправляли в столицу еду на десятках возов.
И сегодня в село наезжают порой депутаты –
чтоб собрать с избирателей хоть полмешка голосов.

* * *

Я дверь открыл — и тёплый майский ветер
твой поцелуй принёс мне на рассвете,
цветущий сад стал источать твой запах...
Ну кто меня счастливее на свете?

* * *

Сколько рек за судьбу — ради счастья, любви или славы —
переходим мы вброд иль на лодках форсируем браво!..
Жизнь — такая ж река. Дан и левый ей берег, и правый.
Отчего же душа — так не хочет спешить с переправой?

* * *

Так давно повелось: тот, кто хочет в судьбе утвердиться —
тот стремится имеющим власть чем-нибудь пригодиться:
чтоб им верность свою доказать — их готов облизать...
А другим это сделать трудней, чем вторично родиться.

* * *

Муха бьётся в стекло, но разбить ей его не дано,
от бесплодных трудов — всё в её экскрементах оно.
Человек, оглянись! Покоряя просторы Вселенной,
не сравнийся с той мухой, которая бьётся в окно.

* * *

Что за дивный народ! Каждый ближнему — искренне рад,
пусть не может помочь, но зато и не чинит преград.
Нет ни зависти здесь, ни вражды, ни взаимных упрёков...
Что мешает и нам быть такими — не знаешь ли, брат?

* * *

Ну вот и на солнце все тёмные пятна подсчитаны,
и тайны Вселенной, как детские книги, прочитаны.
Лишь белые пятна истории прячут от нас
страницы тех лет, что невинною кровью напитаны...

* * *

Если ты проиграл — то никто тебя слушать не станет,
и никто для тебя из кармана калач не достанет.
Выходя на дорогу судьбы, знай суровый закон:
кто упал — тот погибнет, коль сам через силу не встанет.

* * *

Он, как пожар, сжигал всех, а не грел,
он слал из глаз поток горящих стрел,
он всем кричал: «Не пробудите пламя!» –
и мир спалил, и сам в огне сгорел...

* * *

Чтоб вымыть тело – в воду окунись.
Чтоб вымыть душу – рьяно помолись.
Чтоб не грешить – беги от всех соблазнов.
Чтоб быть святым – наполни верой жизнь.

* * *

Всё, что жизнь предлагает – с улыбкой бери,
нет широкой дороги – тропинку тори,
даст судьба гору золота – будь благодарен,
даст пятак – как за золото благодари.

* * *

Нет забот у бездельника, кроме как лясы точить.
Ничего не умея, он каждого лезет учить.
Ты к нему подходить не спеши и на пушечный выстрел,
чтоб заряд болтовни несмолкающей не получить!

* * *

Не спеши раскрывать свою душу, как пласт,
перед тем, кому совесть – ненужный балласт.
Злопахатель и кляузник все твои беды
переверёт – и циничной насмешке предаст.

* * *

Помолчи, если вдруг голова не светла,
не спеши молвить колкое слово со зла.
Гениальные мысли – не пшённая каша,
чтоб их запросто ложкой черпать из котла.

* * *

Ну кто бы в мире о тебе узнал,
когда б ты всюду жалобы не слал?
Ты всех достал! Тебя везде уж знают!
Но о такой ли славе ты мечтал?

* * *

Что за чудо — Имам! Он речист, как артист.
Он Коран излагает, не глядя на лист.
А вчера ещё — был коммунист он идейный
и подчёркивал всюду, что он — атеист!..

* * *

Он блещет ярче солнца и луны.
Ему диплом и знания не нужны.
Чтоб стать звездой — достаточно всего лишь
надеть рубаху в блёстках и штаны!

* * *

Я могу ещё в чувствах любовных гореть
и в объятиях милую ночью согреть,
вызвать ревность могу и от ревности злиться...
А, всё это утратив, могу — умереть!

* * *

Ты колесишь по разным городам.
Ты говоришь: «Я жизнь за вас отдам!..»
А за твоей спиной остаются —
лишь брошенные семьи тут и там.

* * *

Тяжкий труд от зари до зари, краткий отдых на сене,
добывается хлеб для страны — не кривляньем на сцене.
Не пришлось бы просить сухари в этой жизни однажды
тем, кто труд хлебороба сегодня вконец обесценил...

* * *

Не согреть к обеду чайник, если нет огня в печи.
Если дом без стен и окон — для чего ему ключи?
Засучи скорей рубаху. Вот раствор, вот кирпичи...
Жизнь промчится мимо, если — вместо дел — мечтать в ночи.

* * *

Брат-богач неимущему брату не рад,
брат-богач от него понастроил оград,
но случись до копейки ему разориться —
прибежит к бедняку: «Выручай меня, брат!..»

* * *

Ты с малых лет был жаден до игрушек,
бесмысленных бренчащих погремушек.
И в шестьдесят ты всё не наигрался —
спешишь на грудь навешать побрякушек.

* * *

Ты сияешь лицом, словно яркой журнальной обложкой.
Ты шагаешь к трибуне пунцовой ковровой дорожкой.
Ты твердишь тут и там, что очистишь от грязи наш мир...
Жаль, что вместо лопаты — орудуешь чайною ложкой.

* * *

Мы должны быть готовы к любому концу.
Жизнь целует нас в губы и бьёт по лицу.
Наши судьбы — сгорают быстрее, чем спичка,
оставляя лишь серого пепла пыльцу...

* * *

Жестокость и жёсткость не смешивай ты —
есть жёсткость полезная у прямоты,
но бойся жестокости, что бессердечно
врывается в душу и топчет цветы...

* * *

Мужчина мечтает о женщине и о коне.
Стране — нужны воины, чтоб не погибнуть в войне.
Так дай же, Аллах, ровно столько мужчин в государстве —
чтоб и скакунам, и красоткам хватило вполне!

* * *

К чиновнику вопрос есть у меня:
ты знаешь свою цену, не темня?
Чтоб о себе узнать хоть раз всю правду —
отстой в больнице очередь полдня.

* * *

И вновь, принимая закон, депутаты спешат
и недоработкой его, как и прежде, грешат.
Похоже, что им и не надо хороших законов,
поскольку законы их всех привилегий лишат!

* * *

Все брежневский застой ругают смело
и хвалят демократию умело.
Но с трона слезть и власть отдать другому –
никто не в силах. К сердцу прикипело...

* * *

Он с трибуны гремел, будто шёл напролом,
он громил алкоголь, называл его злом,
а потом, на фуршете, дорвался до водки –
и, мертвецки напившись, уснул под столом.

Перевод Николая ПЕРЕЯСЛОВА

От редакции: Искренне поздравляем поэта Мухаммата Мирзу (Ибрагимова Ильфака Мирзаевича) с присуждением Государственной премии Республики Татарстан имени Габдуллы Тукая.

ВНЕ ХУЛЫ И ХВАЛЫ

ВСЕЛЕНСКИЙ ХРАМ ИЛЬДАРА ХАНОВА В СТАРОМ АРАКЧИНО ПОД КАЗАНЬЮ

Идут поезда на Восток. Утром они подъезжают к Казани. Зелёный Дол — Васильево — Юдино... На Старом Аракчино взорам пассажиров открывается чудный вид Волги, а на самом берегу, прямо у железнодорожного полотна, вдруг вырастает невиданный храм.

Вселенский храм всех религий художник и скульптор, целитель и мыслитель Ильдар Ханов строит третий десяток лет на месте дома, где родился в 1940 году. Перед самой войной.

С Ильдаром абый разговаривать сложно. Ханов всех встречает детской улыбкой, с восторгом, не поймёшь, то ли правда встрече рад, то ли это восточное лукавство. О себе рассказывает небылицы. Послушаешь его рассказы о голодном военном детстве, о знакомстве с космонавтами и Владимиром Высоцким — и невольно вспомнишь правдивейшего барона Мюнхгаузена. А Ханов с лёгкостью фокусника перескакивает на другую тему: перед окнами своего Храма вдруг появится остров из песка, а на нём замок возникнет в виде трёх летающих тарелок — реабилитационный центр для детей-наркоманов.

К его прожектам относятся по-разному. Поначалу и я, признаться, слушал Ильдара абый, разинув варежку, а после понимал — осуществить такое в одиночку не под силу. Но проходят годы — и мюнхгаузеновские сказки становятся реальностью. Вот и Храм всех религий, начавшись с одного единственного купола, которым Ханов накрыл старый бревенчатый дом родителей, уже разросся до размеров целого квартала, причудливо соединив в себе несколько разных эпох, стилей, религий.

Где же правда в речах Ильдара Ханова, а где — фантазии и мечтания? Вряд ли сходу разберёшь. Но давайте хотя бы попробуем.

ВОСКРЕШЕНИЕ

Миф о рае. Во время войны все жили бедно, от голода умерли два его брата. За ними умер и сам Ильдар. Он увидел небо в алмазах и много счастливых детей, а среди них — умерших братьев. Красивый седовласый старец показывал мальчику

рай, но потом сказал, что нужно возвращаться. Ильдар очнулся в тёмной холодной избе, услышал слова взрослых: «Сегодня хоронить его не будем. Подождём до завтра, когда родители приедут» — и пожалел, что нельзя вернуться в свет. Мама отпоила его козьим молоком, которое отец выменял на свои солдатские ботинки.

Ханов говорит, что был «на том свете» целых три дня. Но врачи уверяют, что клиническая смерть не бывает такой долгой. Возможно, то была кома или летаргический сон. Или просто абберация детской памяти? Ильдар абый до сих пор в деталях помнит своё потустороннее путешествие. Оно кардинально изменило его жизнь.

У мальчика открылся дар предвидения. Скажем, соседям он точно указал, где нужно искать пропавшую корову. А матери своей заявил, что скоро у него появится братик. Так и случилось. Ильгиз Ханов тоже стал художником, иконописцем.

В школе Ильдара практически не вызывали к доске — он умел внушить учителям, что Ханова вызывать не надо. Учился плохо, но рисовал хорошо. А потому без проблем поступил в Казанское художественное училище. Окончив его, выдержал огромный конкурс в Суриковский институт — четыреста человек на место.

В Москве пришлось совсем туго, ходил в старой телогрейке... Да и ходить он почти не мог. Однажды провалился под лёд, в результате развился туберкулёз ног. Помогли занятия йогой — её Ильдар учил по самиздату и практикует до сих пор. Ханов с трудом передвигался на костылях, потом с «клюшками». Но встал на ноги и художественный институт окончил. Даже выставку персональную устроил в спортзале — нигде его картины не помещались. Экспрессивные авангардистские полотна того периода написаны в стиле Сикейроса. В 1967 году мексиканского художника-коммуниста Хосе Давида Альфаро Сикейроса избрали почётным членом Академии художеств СССР, дали международную Ленинскую премию «За укрепление мира между народами». Однако за премией «Давид Альфарович» в Москву приехал лишь пять лет спустя. А вскоре умер. И встреча суриковского выпускника Ильдара Ханова с академиком Сикейросом, конечно, была возможна, как и приглашение расписывать здания на Острове Свободы. Миф подтвердила недавно опубликованная фотография, где они сидят рядом и о чём-то беседуют.

Как и миф о встречах со Святославом Рерихом, который в июне 1960 года открыл в Москве первую выставку на исторической родине. Мог ли абитуриент из Казани познакомиться тогда с сыном знаменитого русского живописца и мужем звезды индийского кино — внучки Рабиндраната Тагора? Но в 1974 году Рерих снова приехал в СССР — и миф снова подтверждают фотографии, где Ильдар Ханов показывает ему свои работы и даже лечит его прославленную супругу. Святослав Николаевич поведал историю, будто напротив Казани жили предки великого Свами Вивекананды... Тот высокий берег Волги, между Верхним Услоном и Печищами, маленький Ильдар любил разглядывать с детства из окон отчего дома. Именно там он задумал строить величественный Храм всех религий, от которого к Волге спускалась бы грандиозная потёмкинская лестница. Идею его строительства Ханову якобы подсказал всё тот же старец во сне. А Святослав Рерих прямо на эскизе храма делал карандашные правки. В разных редакциях, в устах разных рассказчиков сей красивый миф обретал различные интерпретации. И в итоге воплотился в реальный Храм. Пусть не такой грандиозный. И не на том берегу Волги. А от воды его отрезала автомобильная дорога...

Впрочем, лет десять Ильдар Ханов мечтал перенести автомобильную дорогу от своих окон на другую сторону — за железнодорожные пути. И сегодня я уже не стал бы по этому поводу иронизировать. Напомню, проекты Ханова, даже самые прожектёрские, имеют странность сбываться.

ИЗГНАНИЕ

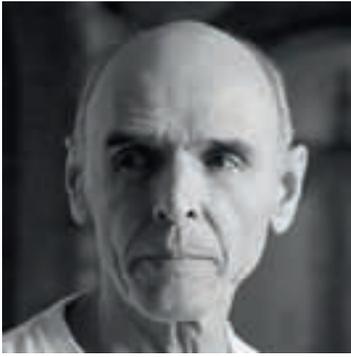
Миф о Казанском кремле. Ещё в семидесятые Ильдар Ханов представил властям грандиозный проект его реконструкции, в частности, предложил построить там соборную мечеть, вывести оттуда военный гарнизон, а в освободившихся казармах разместить Академию художеств. Деятели обкома КПСС предложили внуку Мюнхгаузену испариться из Казани — в 24 часа.

Ханов уехал — в Москву, оттуда в Набережные Челны. Прошло каких-нибудь тридцать лет — для истории и Вселенной краткий миг — а военные Казанский кремль покинули и в их казармах сейчас расположились Национальная художественная галерея «Хазинэ» и первый в мире выставочный центр «Эрмитаж-Казань» (да и Академия художеств открыла в Казани свой филиал — в бывшей фешинской школе!) Из окон центра открывается чудный вид на соборную мечеть Кул Шариф, крупнейшую в Европе. И пусть всё это воплощал не Ильдар Ханов — всё сошлось, как он задумывал.

О нём заговорили в 1975 году, когда в Набережных Челнах открыли на 30-летие Победы монумент воинам Великой Отечественной и гражданской войн «Родина-мать». Вот как об этом писал в своей книге «Сказание о КамАЗе» французский писатель Андре Ремакль: «Когда с памятника сняли покрывало, толпа была поражена. У памятника сразу же появились горячие приверженцы и не менее горячие противники». А московский искусствовед Светлана Червонная так объяснила неоднозначность мнений: «Характер этой скульптуры с её условностью срезанных, сильно геометризованных фигур, предельной экспрессивной заострённостью оказался совершенно непривычным и неожиданным в Татарии, где такой монументальной скульптуры прежде никогда не было». По мнению кандидата искусствоведения Татьяны Кривошеевой, Родину-мать скульптор воссоздал в образе птицы Симург — персонажа иранских мифов и классической тюркской лирики. Таинственная птица, которую невозможно увидеть... в суфийской литературе — это аллегория подлинного знания, символ единства творца и творения. В поэме Навои «Язык птиц» описывается миф о том, как Симург, пролетая над Китаем обронула перо невероятной красоты, что положило начало искусствам в Поднебесной. Кроме того, исходя из этимологии слова, Симург словно и не одно существо, а состоящее из тридцати птиц или ипостасей (си — тридцать, мург — птица). Птица Ханова тоже многолика. Таким образом, рискнём предположить, что «Родина-мать» Ильдара Ханова — это воплощённый в камне образ многоглавого Симурга, созданный пластическим языком модернистской кубистической стилистики, в основу которой положен древний тюркский мегалитический силуэт.

Как рассказывал мне Ильдар абый, неприятие символики и модернизма достигало поначалу такого накала, что власти подумывали демонтировать монумент. Однако строители КАМАЗа залили в его основание столь высокопрочный бетон, что никакого тротила бы не хватило. Каждую новую скульптуру помогали пробивать архитекторы Нового города, нашлись сторонники и среди руководителей города, в частности, сам легендарный Раис Беляев, первый секретарь горкома КПСС... А Ильдар Ханов продолжал в Набережных Челнах воплощать свои идеи о бессмертии и величии человеческого духа в скульптурных композициях. «Гармония», «Эволюция», «Пробуждение», «Древо жизни» на бульваре Энтузиастов, где «постарался выразить своё представление о йоговском учении, об основных энергетических центрах человека, как Вселенной в миниатюре, так называемом учении о чакрах, — писала о них кандидат искусствоведения Рауза Султанова. — Соседствуя с высотными зданиями,

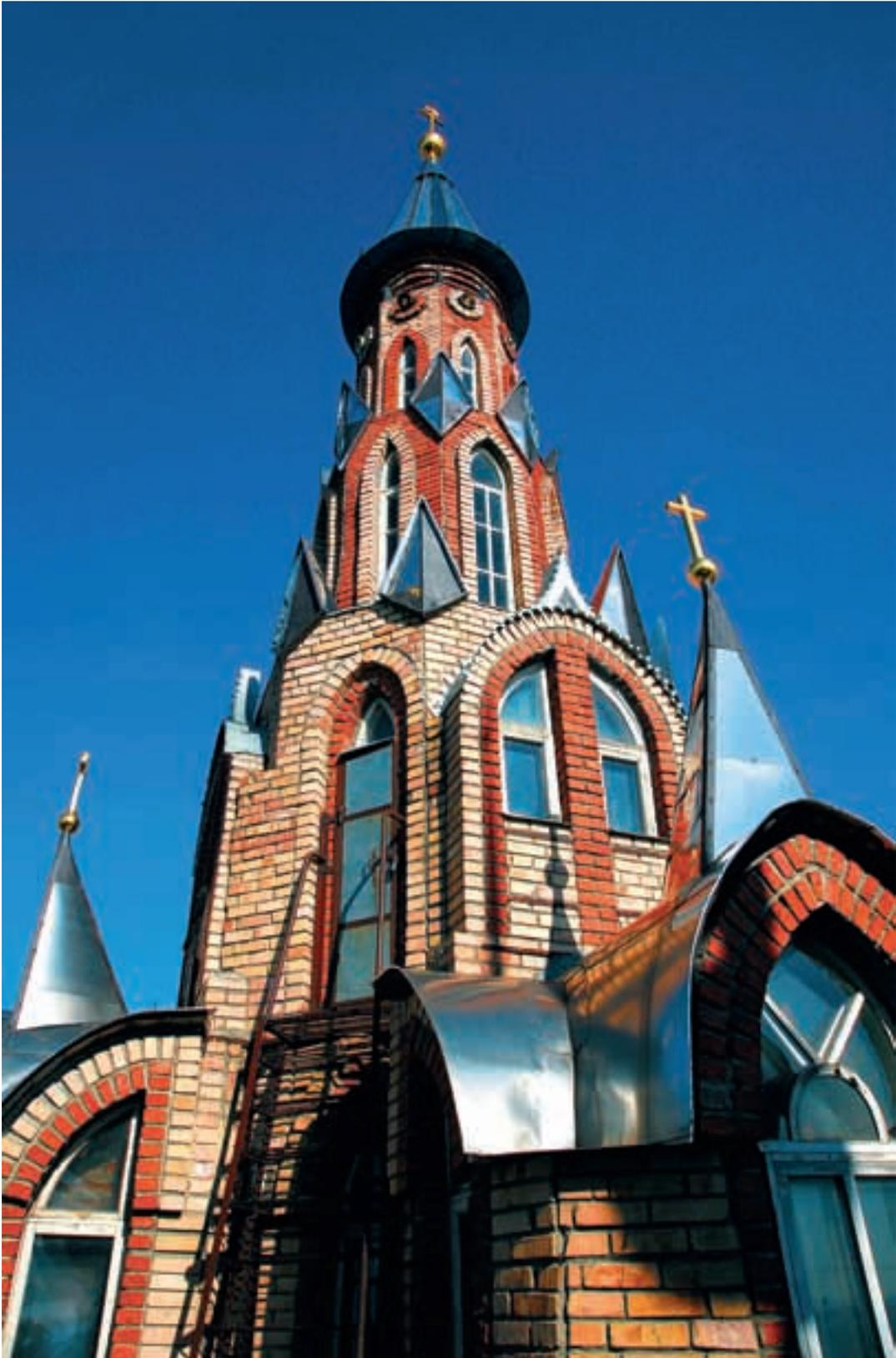
ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

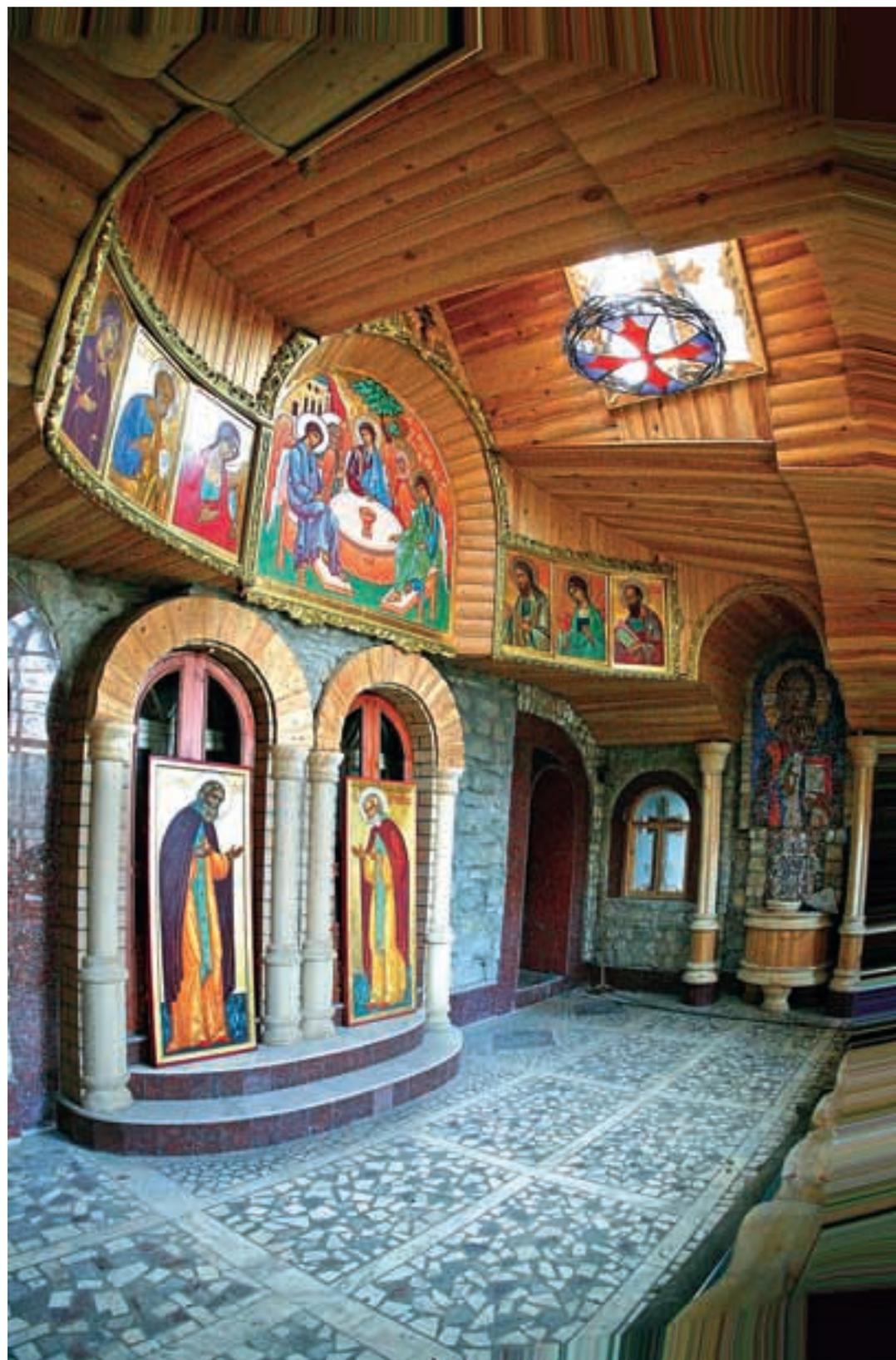
ВСЕЛЕНСКИЙ ХРАМ ИЛЬ ДАРА ХАНОВА

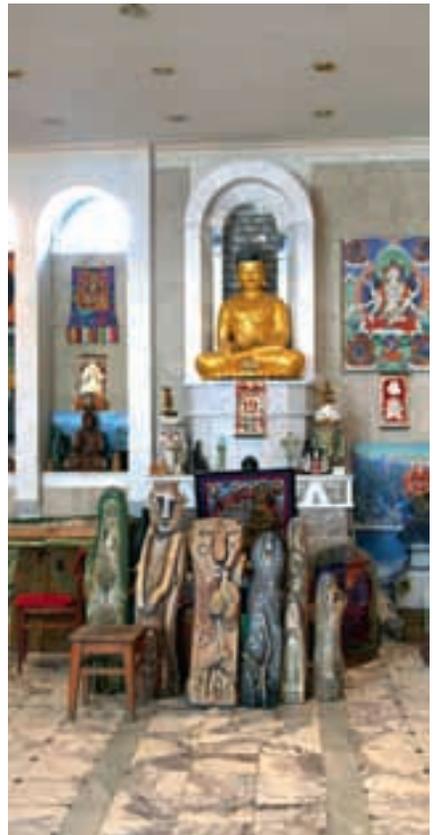

скульптуры Ханова соперничают с ними не размером, не цветовой яркостью, а мощной пластической энергией... Эти абстрактные формы, покрытые смальтой, не имеют чёткого объёма... Эти диковинные гиганты говорят нам о могуществе, силе и красоте Природы, природных стихий».

Напомню, абстрактные скульптуры на йоговские сюжеты появились в те времена, когда религиозная литература и абстрактное искусство в СССР были под запретом. Да и сам город, где они появились, тогда назывался Брежневым.

Но потом пришли иные времена, автоград переименовали в моногород, а КАМАЗ после пожара на одном из заводов долго выбирался из кризиса (нишу на рынке большегрузов быстро захватили западные конкуренты) и о монументальных скульптурах там уже не мечтали. Но и сегодня, когда подъезжаешь к Набережным Челнам, тебя встречает стела с символической композицией на вершине — «Энергия», ставшая символом любви к поколению, которое строило Камский автозавод-гигант и Новый город-сад. Их потомкам (дай Бог) останутся на память вызывающе-возвышенные монументы, возможно, именно они со временем станут главными челнинскими достопримечательностями.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ильдар Ханов вернулся в родимый дом. В Казани его монументальные работы советского периода практически нигде не сохранились. С фасада прославленного Молодёжного центра, где в 1977 году он создал величественный барельеф, новоявленные банкиры при реконструкции здания всё соскребли. В 2003 году демонтировали яблоко-фонтан, который восхищал меня своей яркой причудливостью, когда мы учились в театральном училище и бегали тайком курить в соседний Лядской садик. Лишь на Арском кладбище остался рельеф «Расстрел» (1974), который прозвали Стеною павшим — сотрудники милиции ежегодно чествуют возле неё ветеранов и вспоминают погибших коллег.

Однажды во сне тот самый старец призвал Ильдара Ханова вернуться к детской мечте — и начать строить храм 16 религий. На вопрос, откуда взять на это средства, ответил: «Возьми в сарае лопату и копай». Ильдар абый проснулся и начал рыть ров под будущий фундамент. Понимал, что на грандиозное строительство на другом берегу Волги у него не хватило бы личных сил, да и никто бы не разрешил... А тут личный участок, сам себе голова. Первая глава поднялась над старым домом в виде диковинного пристроя, вторая башня поглотила старый дом. Ильдар абый решил оставить его внутри — своего рода музей-алтарь, храм далёкого детства.

Помню, я всё допытывался, почему в Храме всех религий должно быть именно 16 куполов и башенок? Ханов, как не пытался свернуть разговор на другую тему, всё же начал подсчитывать, каким мировым религиям хотел бы посвятить отдельный пик своего собора. Но «кругом шестнадцать» никак не получалось. Выходит, что три-четыре купола придётся посвятить религиям, которых человечество ещё не знает... Вполне сумасшедшая идея, как раз для Ильдара абый. Как она реализуется, думаю, мы скоро узнаем, во всяком случае, куполов и шпилей во Вселенском храме уже больше десяти.

Поначалу приходилось слышать возмущённые мнения, мол, как он смеет строить церковь и мечеть одновременно, на что Ханов отвечал и теперь повторяет, что строит не культовое сооружение, религиозных служб в своём доме не планирует, лишь мечтает, что Вселенский храм когда-нибудь станет культурным центром, где будут

играть театральные спектакли, давать органные концерты, учить детей пластическим искусствам.

Поскольку скоро границ своего участка храма стало не хватать, пришлось обратиться к местным властям. Ханову, словно в насмешку, предлагали любой участок за железной дорогой. Но к 1000-летию Казани всё-таки снесли последние в Аракчино бараки, а живших в них селян переселили в новые квартиры, строившиеся по программе ликвидации ветхого жилья. Ильдар абый в одиночку два месяца разбирали оставшиеся хибары — и расширил участок для Храма до самых железнодорожных путей. Тут уже, кажется, самые отъявленные атеисты и скептики убедились: все фантазии и мифы Ханова, конечно, не без сверхъестественных помощников, воплощаются в жизнь.

ПРИЗНАНИЕ

В 1994 году Ильдар Ханов провёл в Казани свою персональную выставку, которую посетил первый президент Татарстана Минтимер Шаймиев. Его указом художнику присвоили почётное звание «Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан». А к 70-летию он стал лауреатом Государственной премии РТ имени Г. Тукая, и юбилейную выставку организовал в Кремле, в той самой галерее «Хазинэ», где раньше были казармы, а теперь в окна заглядывает самая большая в Европе соборная мечеть. Увы, выставлять художнику к тому времени было почти нечего. Все его живописные полотна, составленные на подрамниках и пылившиеся в рулонах по закоулкам постоянно растущего храма, однажды сгорели в пожаре (замкнуло временную электропроводку). К потере Ильдар Ханов относится с йоговским спокойствием — значит, ему дают понять, что начался другой этап жизни и творчества. Надо целиком посвятить себя целительству и строительству храма.

Как заметил кандидат архитектуры Николай Мамаков, «Вселенский храм строится без чертежей, без привычного профессионального разделения труда архитектора и строителя. Ильдар Ханов выступает в одном лице в качестве зодчего, архитектора — главного строителя, представителя некогда единой профессии, для которой процесс проектирования и строительства неразделим. И сам процесс может быть ближе к методу работы скульптора-монументалиста. Это, на наш взгляд, проявляется в скульптурности и масштабности композиции храма — на любом этапе его строительства».

И архитектор Николай Мамаков, и художник Татьяна Кривошеева сравнивают грандиозный замысел Ханова с испугительным храмом Святого Семейства в Барселоне, который гениальный Гауди строил всю жизнь, но так и не достроил. Антонио Гауди, он же Антони Пласид Гильем Гауди-и-Корнет, не любил прямых линий, называл их порождением человека. Господь же Бог даёт нам спасательный круг. Вселенский храм строится по тому же принципу — его формы округлы, текучи, изменчивы. Эклектика, бьющая в глаза, обязательно высвободит нужную энергетику. Замысел Храма живёт и развивается вместе с его создателем, и хочется верить — этому никогда не будет конца.

Александр ВОРОНИН

ОН – ИЗ ЦВЕТОЧНОЙ КАЛИТКИ

Шестидесятые годы... Добыча татарской нефти в разгаре. Мы все стремились к нефтяным районам – в Бавлы, Альметьевск, Лениногорск. Каждому хотелось откликнуться песней и стихами. Со старейшиной татарской поэзии Хасаном Туфаном отправился в путь и я. Днём бывали у нефтяников, собирали духовную пищу, по вечерам выступали во Дворцах культуры. Людям отдавали своё богатство и сами обогащались.

В Лениногорске впервые познакомился с Григорием Родионовым (сейчас он Гарай Рахим). Сначала встретился с его стихами, потом с ним самим. Для нас и фамилия, и стихи Григория Родионова оказались новыми. Фамилия даже немножко непривычна для татарского парня. Я знаю несколько молодых поколений, пришедших в татарскую поэзию, но среди них не было Родионовых.

Новое имя, новые стихи. Для меня всегда было приятно читать неповторимое новое произведение, найти новое имя. Когда я перешагнул порог шестидесятилетия моей жизни, эта заинтересованность ещё более увеличивалась: какие же люди придут завтра? Есть ли предел неповторимости? Наверное, нет. Потому что сама жизнь неповторима.

Гарай Рахим... Там, поблизости от знаменитого Ромашкинского нефтяного месторождения, недалеко от легендарной Первой скважины, на месте, где был найден третий экземпляр первой романтической поэмы на татарском языке «Юсуф и Зулейха», написанной древним татарским поэтом Кул Гали, мы дали ему поэтическое напутствие.

Гарай Рахим родился в деревне Федотовке Лениногорского района Татарской АССР в 1941 году. Родился через три дня после того, как отец ушёл на войну. Этот момент его биографии отражается в стихотворении «Вздохи матерей», которое в 1970 году публиковалось в журнале «Советская литература» на английском, немецком и польском языках. Матери ставят самовар и ждут своих мужей-воинов. Им кажется, что мужья вернуться, как только он вскипит. Матери ставят самовар и ждут своих сыновей, которые только что полетели в космос. Им кажется, что, как только вскипит самовар, сыновья вернуться к чаю. Обычная семейно-бытовая деталь, но через неё даётся многое. А кажется, что и сюжет простой, и форма стихотворения традиционная.

Поэтическая сторона, поэтический край... Мелодия кряшен иная, песни особенные. Когда-то здесь проводили праздник – посвящение в снохи. Ранняя весна, берёзы пускают листья. Вся деревня отправляется в берёзовую рощу. Два джигита срубают две молодые берёзы, вершины связывают и на эту зеленую арку подвешивают платки тех, кто в этом году вышел замуж. Весёлый хоровод во главе с разноцветной высокой аркой отправляется к речке. Там берёзы с платками несколько раз погружают в воду, намоченные влагой родной земли платки передают молодым снохам, а арку бросают в речку. Люди вдруг стихают и с тревогой следят за берёзами. Если берёзы зацепятся

за что-нибудь и остановятся, то, по преданию, это означает, что в этом году молодых снох ожидает несчастье. Люди следят и желают, чтобы берёзы плыли всё дальше и дальше.

Праздник цветов тоже очень древний. Здесь его празднуют в начале июня. Предра-светным утром, когда ещё не взошло солнце, все девушки и джигиты села отправляются на цветущие поляны. Утром, когда в селе просыпаются люди и выходят на улицу, их везде встречают цветы — на калитках, на плетнях, на оконных рамах. Избы добрых людей украшены цветами, а на калитках злых подвешена крапива... Я верю, что калитка Рахимов — Родионовых всегда была украшена цветами... Молодой поэт вышел из этой калитки, из цветочной калитки. Гарай Рахим вошёл в татарскую поэзию без шумихи. В этой сдержанности — убеждение. У него прочная форма, идущая от жизни. За его строками я вижу молодых невест, девушек и джигитов, украшающих цветами избы односельчан, вижу их лица, в общем, начинаю узнавать целый народ.

Первая книга Гарая Рахима на татарском языке, «Обещание», вышла в 1967 году. Сейчас он автор нескольких сборников. Его поэтические возможности большие. Они не только от высшего образования, полученного в университете, и от несомненного таланта, но и от знания жизни, от неиссякаемости души народа.

*Сибгат ХАКИМ,
народный поэт Татарии.
1975 год.*

ТО, ЧТО НЕЛЬЗЯ УВИДЕТЬ ГЛАЗАМИ

Лес. Сквозь густую завесу веток солнце протянуло длинные лезвия лучей. Сверкающие, бьющие прямо в глаза, эти лезвия-лучи колеблются на тихом ветру, колышутся и нет-нет да и заденут нечаянно одну из веток. И не успеешь ахнуть — отсекут её. Вот тонкий, как золотистая нить, клинок, скользя, ударил по почке. Смолистая скорлупка треснула, тихонько, как птенец, пискнув, и сразу же из трещины показался нежный зеленовато-жёлтый комочек будущего листа.

— Прощай! — прошуршала напоследок скорлупка. — Я выполнила свой долг. Дальше расти без меня. — И, закружившись в воздухе, плавно опустилась на прошлогодние листья.

Крохотная золотисто-коричневая скорлупка почки! Жестоко замерзая, она принимает удар на себя, оберегая будущий листик от январских стуж, февральских и мартовских морозов, сырой прохлады апрельских ночей. А дожив до тёплой и красивой

поры, когда весело и шумно просыпается вся природа, она погибает, предоставив лист самому себе. И в это ясное утро, когда зелёные листья, позагорав на солнце, купаются в тёплом летнем дожде, она уже лежит удобрением для них.

Люди любят природу. И с удовольствием дышат в летний день лесным воздухом, замешанном на горьковато-терпком запахе растворяющейся в земле скорлупки почки.

ЖЁЛТЫЙ ЛИСТ

Когда мне особенно не хватает тебя, я прихожу в этот сквер. Сажусь под нашим с тобой дубом и вспоминаю. Ветер теребит надо мной листья. Они шелестят, прикасаясь друг к другу, словно ладони рук. Они шепчутся, рассказывая чьи-то секреты. А по тропинкам проходят пары.

Здесь я люблю читать твои письма. Я присаживаюсь на краешек скамьи, оставляя рядом место тебе. Вот и теперь, вынув конверт из почтового ящика, я поспешил сюда.

Жаркий августовский ветер вырывает конверт из рук, торопит меня. Я нетерпеливо вскрываю его...

Вновь и вновь пробегаю глазами написанные чёрным по голубому ровные строчки. Не дочитав до конца, возвращаюсь к началу. Строчки перестают быть ровными. А ветер всё так же рвёт страницу и, выхватив её, с недовольным шелестом уносит куда-то. Рано пожелтевший дубовый листок опускается на скамью, на твоё место. Запрокинув голову, я гляжу в небо, где чётко выделяются на голубом зелёные листья. Они беспокойно трепещут на ветру, стремясь, на мгновение прильнув друг к другу, поведать теперь уже мою тайну.

А мимо проходят пары. Жизнь продолжается. И ничего не случилось, хотя дерево и уронило сегодня первый, так рано пожелтевший листок.

АПРЕЛЬ

Если когда-нибудь меня спросят, на кого похожа моя мать, я, не задумываясь, отвечу: на апрель. Когда я гляжу на её волосы, тёмной волной падающие на грудь, я всегда вижу беспредельно чёрные и в то же время ясные и прозрачные апрельские ночи. Такими ночами даже самые дальние из звёзд горят отчётливее и ярче. Они словно бы стараются напомнить, что и там, среди них, в неразгаданной безграничности, миллионы лет распахнутой перед нами, есть какие-то иные, свои миры, а может быть, и жизнь. Вот так же серебристые веточки седины, запутавшиеся в чёрных косах мамы, говорят мне о том, как много она видела и пережила.

Огромные, чуть повлажневшие глаза моей матери напоминают воздух апреля. Да, да, они всё ещё голубы и чисты, как апрельский рассвет, когда над землёй подымается пар, потому что где-то глубоко под землёй тает и растворяется мерзлота, распрямляются проснувшиеся корни. В голубых глазах моей матери, слегка подёрнутых таким вот весенним туманом, я могу прочесть о многом.

А голос матери! Звуки песни, подымающиеся откуда-то из недр её души, подобно апрельскому ветру обволакивают тёплой лаской и той особенной, лёгкой весенней грустью.

Её руки с голубыми, набухшими, словно весенние ветви, венами всё ещё не могут быть без движения, без работы.

И если я сегодня жизнерадостный, бодрый и мятущийся, будто май месяц, — всем этим я обязан матери. Потому что в природе есть непреложный закон: чтобы пришёл шумный, грозовой и зелёный май, должен миновать апрель.

ПУТИ И НАЧАЛА

Впервые он почувствовал мир тесным, прикоснувшись рукой к краешку колыбели. Захотелось раздвинуть это крохотное пространство. И он рванулся вперёд и вниз — к полу.

«Дитя, не упавшее из колыбели хоть раз, — не дитя», — говорила когда-то мать.

А потом показался тесноватым и дом, ограниченный четырьмя крепкими стенами. Доковыляв до порога, ребёнок попытался преодолеть его. Неудержимо манило что-то неизвестное, располагавшееся по ту сторону порога.

«Ребёнок подымается на ноги на пороге», — поговаривала мать.

Выбравшись во двор, он поспешил к воротам, а миновав их, к околице и ещё дальше — к горизонту.

«Ребёнок, шагнувший за околицу, должен найти и дорогу назад», — любила говорить мама.

Долго пропадал он за горизонтом. Прошли годы. Со временем стал понимать он, что дороги начинаются не только от родного порога, что у дорог нет вообще ни конца, ни начала. Постигая суть безграничного, он убедился, что нельзя ограничить мир краешком колыбели, четырьмя стенами, воротами, околицей и даже горизонтом.

И тогда он в первый раз оглянулся назад.

Далеко-далеко за вёрстами разглядел и узнал он знакомый горизонт. И ему захотелось туда. Торопливо зашагал он обратно. Вот и околица и ворота. Но, перешагнув порог, он не увидел знакомой колыбели. Её давно уже подняли на чердак.

«Колыбель делают не для того, чтобы вешать на чердаке», — повторяла его мать.

И в это мгновение он ощутил груз прошедших лет. Не замечая ворот и околицы, он поспешил прочь. Быстро уменьшалась вдалеке его фигура, таяла, превращаясь в точку. А затем и вовсе исчезла за горизонтом. Вместе с грузом прожитых лет он уносил с собой вину. Он не мог простить себе, что его колыбель до сих пор пустовала.

«Дитя — будущий отец», — так говорила когда-то ему мать.

ГЛАЗА

Взглянув сегодня на своё отражение в зеркале, я удивился собственным глазам, грустно разглядывающим меня на небольшом расстоянии. Они стали совсем не те...

— Мама, взгляни-ка на мои глаза, — говорил я когда-то в детстве, протягивая руку к своему отражению в зеркале.

Мать останавливалась на секунду возле меня.

— Да нет, ты только посмотри, мама, ведь это же мои глаза, — шептал я, стараясь прикоснуться к их отражению. — Я так счастлив, что они у меня есть. Ведь это благодаря им я вижу тебя.

И тотчас же видел в зеркале отражение счастливой улыбки матери.

Я постоянно носил в кармане осколок зеркала. В нём я мог видеть свои глаза. А у меня было столько надежд на них! Ведь это с помощью их я смогу разгадать в будущем всякие земные и неземные тайны, увидеть незнакомые мне миры. Иногда я пытался разглядеть вблизи узкое лезвие солнечного луча, пронзившего густую листву яблони. И перед взором возникали и пропадали цветные кристаллы — красные, зелёные, фиолетовые. Мне начинало казаться, что я уже на пути к разгадке одной из тайн солнца. И я уже мечтал стать художником, чтобы поведать тайну цветовых сочетаний людям.

Иногда мне мучительно хотелось увидеть свои глаза воочию, а не их отражение в зеркале.

Отец всегда говорил, что у меня глаза матери. Я пристально всматривался в её лицо, и тогда мне начинало казаться, что я наконец-то вижу собственные глаза.

Когда мать не возвращалась подолгу с работы, отец брал меня на руки, и я видел его тревожные глаза близко перед собой.

— Почему ты смотришь в мои глаза? — спрашивал я отца. — Может быть, ты хочешь разгадать мои мысли? Тогда ты не туда смотришь. Я ведь думаю не глазами.

— Я знаю и так, о чём ты думаешь, глупенький, — отвечал он. — Ты тревожишься, почему так долго не идёт мама.

Наконец она возвращалась.

— Когда я вырасту, я полечу к звёздам, — обещал я ей. — Я увижу их своими глазами. Я рассмотрю поближе и солнце, и те драгоценные камни, которыми усеян Млечный путь. И, когда я вернусь, я обо всём расскажу тебе первой.

...Но я не рассказал ей ни о чем. Не успел.

Погрузившись с головой в научные поиски, в работу, я не смог ей поведать даже о самом земном — о собственной жизни.

Давно нет отца и матери. И сейчас, вглядываясь в своё отражение, я пытаюсь представить те, материнские, глаза и облик отца, умевшего разгадывать по глазам мои мысли.

СИНИЦА

Я никогда не спорю с теми, кто восхищается скворцами, называя их предвестниками и певцами весны. Не возражаю я и тем, кто утверждает соловья царём пернатых певцов. Только сегодня мне хочется говорить о скромной птице. О жёлтой с пёстрыми отметинами синичке.

Нет слов — у скворца и крылья изящны, и щебет его приятен. Только ведь в апрельские дни, когда он поёт, струится с крыши тёплый дождик и резвые ручьи убегают по улице вниз — к проснувшейся реке. А вот когда студёным февральским утром вы услышите свист примостившейся за окном синицы, в душе вашей непременно затеплится первый весенний огонёк. Хотя за замороженными стёклами — сугробы, щедро поработала ночью метелица. А сколько же ещё впереди снежных вьюг, морозных ночей, свирепых завываний пурги, заглушающих всё живое на земле!

Соловей — первая скрипка в ансамбле певчих. Но проходит весна, и он поёт всё реже и реже, опасаясь прохлады. А осенью, когда ледяные дожди поливают обнажившиеся деревья, его не слышно совсем. Грустно становится на душе. И тут вы заметите пёстро-жёлтую синичку, опустившуюся на голую ветку за вашим окном. И вам не сдержать улыбки: «Нет, природа ещё жива...»

Синица скромна, но и цену себе она знает. Весною и летом, когда мир насыщен многообразием звуков и красок, когда пернатые возвращаются из дальних стран, её не найти. Она скрывается в глубоких лесных чащобах, уступая место другим. Поистине, лучше быть первой среди равных!

Нет, я не возражаю людям, которые хвалят скворца, наслаждаются весенним пением соловья на рассвете.

Перевод с татарского Николая Иванова

От редакции: Нашему другу, замечательному поэту Гараю Рахиму (Григорию Васильевичу Родионову) исполнилось 70 лет. Сердечно поздравляем его с юбилеем, желаем здоровья и творческого долголетия, а также поздравляем с недавно присвоенным званием Народного писателя Республики Татарстан.

ИМЯ В ПОЭЗИИ

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

ЗЕМНАЯ ТЯГА И МЕРЦАНЬЕ ЗВЕЗД

* * *

Морозно. Предвечерняя пора.
В родном селе затапливают печи.
А мне из дома уходить пора.
Мать обниму. «Куда ты, сын?». «Далече...»

Под стук колёс: «Куда ты, сын, куда?» –
берёзы тянут ветви, как ладони.
Меня зовёт Полярная звезда,
мигая на январском небосклоне.

Чернеет ночь, но манит Белый свет.
Зачем и почему – я сам не знаю.
В скитаниях рождается поэт.
Настанет срок – вернусь к родному краю.

Что я узнал? Что мир суров и прост.
Что жизнь и смерть – великая поэма.
Земная тяга и мерцанье звёзд –
поэзии единственная тема.

05.07.2011

«ПРОРОК»

В снег ли, в дождь ли – парень с гонором –
я о близких забывал.
Путешествуя по городу,
с кем попало, выпивал.

То весёлый шёл, то сумрачный
мимо танцев и кино.

Путь от рюмочной до рюмочной
мне известен был давно.

Там коллегам-алкоголикам
отпуская все грехи,
я читал за каждым столиком
гениальные стихи.

Задушевым собеседникам
наливая по чуть-чуть,
за Рубцова и Есенина
предлагал «принять на грудь».

Объяснял им, что поэзия –
Божий дар и тяжкий крест.
Путь поэта – путь по лезвию,
но зато до горних мест.

И сосед с похмельной рожей
вдруг трезвел: «Читал же я
в Книге книг, что царство Божие –
цель земного бытия!»

04.07.2011

ПОСВЯЩЕНИЕ

«Печёным хлебом пахнет дым» -
строка Валеева Разиля
зеркально детство отразила
его ровесникам седым.

Жаль, не стыкуются, мой друг,
приобретенья и утраты.
И мы, наверно, виноваты,
что изменилось всё вокруг,

что не увидит ледоход
на Каме будущее племя.
Из нас выветривает время
крестьянский дух из года в год.

Моя Орловка, твой Ташлык!
Душа сегодня – попрошайка.
А деревенская лужайка
была чиста, как намазлык¹.

¹ Намазлык – молитвенный коврик у мусульман

Твой Нижнекамск и мой КамАЗ
вовсю дымят под общим небом,
но пахнет дым печёным хлебом
лишь только в памяти у нас.

05.07.2011

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Тыщу лет, а может, больше
богатырь приказа ждал
от царя или от Бога –
не дождавшись, задремал.

А когда проснулся – поздно!
Наяву, а не во сне
лютый враг с ухмылкой постной
аж по всей гулял стране.

Надо сжить врага со свету!
Но... России больше нету.

06.07.2011

ВОСПОМИНАНИЕ О СОКОЛКАХ

Сергею Майорову

Мы вырвались из леса на машине,
и вот летим, как радостная весть.
Что за селенье спряталось в долине?
Соколки? Неужели? Так и есть!

И радость на душе, и лёгкость в теле,
как будто едешь к тёще на блины.
Здесь на холмах дубы оцепенели,
как часовые царства тишины.

Пересекая Вятку, как экватор,
домчимся мы до Камы налегке.
Ильяс Шарапов, местный «губернатор»
нас в рубленном поселит теремке.

Петух горластый утром всех разбудит:
– Ку-ка-ре-ку! Пора и по грибы...
И ничего спасительней не будет
на перекрёстках века и судьбы.

22.07.2011

* * *

По субботам включу наудачу
телевизор – а ради чего?
Заволокина слушаю – плачу
от небесной гармонии его.

Пусть земные закончатся сроки!
Только в сердце, как вечный огонь,
уходящая Русь, Заволокин,
деревенская наша гармонь...

22.07.2011

* * *

По холмам задремавшей Отчизны...
Николай Рубцов

Автострада моя, автострада!
Четверть века уже за рулём.
Наказание или награда –
по асфальту лететь напролом.

К восходящему древнему Солнцу
направляю смертельный разбег.
Я б хотел, пролетев горизонты,
угодить хоть в двенадцатый век.

Там волшебники и великаны
из тумана бредут по росе.
Здесь гаишники, как тараканы,
выползают с утра на шоссе.

Долог путь ли до финишной тризны?..
Вдруг из детства (пригрезилось мне?)
по холмам задремавшей отчизны
скачет отрок на белом коне.

Уж не я ли, двенадцатилетний,
упредить захотевший беду,
пастушок-коновод не последний
в пятьдесят деревенском году?

Нет! Мираж! Лошадиные силы –
под капотом машины моей.
Молча рву я последние жилы
в гонке века... до красных соплей.

23.07.11

* * *

Скрип шагов за спиной не люблю.
 Русский снег чужаками утопан.
 На всемирном базаре жулью
 продаётся Отечество оптом.

Но моя-то душа вам — на кой?
 Ухмыляются вместо ответа.
 Это Рок или морок людской
 день и ночь настигают поэта.

03.03.2011

* * *

Памяти Николая Перовского

Дорога, дорога... Берёзы да ёлки,
 деревни и реки, моря, города...
 И хочется всюду остаться надолго,
 а, может быть, и навсегда.

В вагонном окне промелькнувшее чудо:
 и храм на холме, и небес благодать.
 Какое-то странное русское чувство:
 во всём раствориться, от всех убежать.

И кажется, в тихой лесной деревушке
 забудет невзгоды планида твоя.
 Останутся только Россия да Пушкин,
 да посвист метели, да трель соловья.

Ах, все мы скитальцы и все богомольцы,
 с надеждой и верой глядим в небеса,
 как будто бы слышим — меж звёздных околиц
 родные зовут нас к себе голоса.

И до горизонта — дорога, дорога...
 То слышится хор, то сирены поют.
 К небесной отчизне с земного порога
 стремится душа — там последний приют...

ВЫЗОВ

Андрею Битову, пока небитому

Собрав коллег на светский раут,
 всемирно признанный эстет
 отправил женщину в нокаут.
 Казалось бы, прощенья нет!

В его обличьи Хам явился
тот, что предсказан Книгой книг,
чему «бомонд» не удивился,
гнев у «элиты» не возник.

А мэтр стремился к новой крови,
пёр, изрыгая перегар.
И лишь коллега Рабинович
отвёл его второй удар.

Суд, вседозволенности цену
определять не хочет, лжив.
Международные пен-центры
молчат, ухмылку затаив.

Они довольны, что в России
забыта пушкинская честь.
Вы всю столицу опросите –
в элитной своре рыцарь есть?

Забыт булат мужских заветов,
забыт дуэльный пистолет.
Шекспир не знал таких сюжетов.
Сюжеты есть. Шекспира нет.

24.07.2011

* * *

Где-то у Колпино между оград
не спешу в одинокой прогулке...
Мой отец защищал Ленинград,
я сегодня в гостях в Петербурге.

Триколор над Невой вростяг.
Медный всадник, вернись-ка на царство,
чтобы снова на русских костях
укреплялся оплот государства!..

Ты прости нас, отец, мы живём
в самой подлой базарной эпохе.
Торг уместен. Всемирным жульём
всё наследство дробится на крохи.

Захлебнулся вдруг твой миномёт.
И – ранение, голод, блокада...
Нет, отец, нас никто не поймёт.
Стыдно мне – я ровесник Парада.

Но Победа сегодня в распыл
отдана лжеучёным патлатым.
Виновато стоим у могил
мы, прощаясь с последним солдатом.

Где же наш неподкупный свинец?
Где отборные русские части?
Вся Россия в блокаде, отец,
потому что иуды у власти.

30.07.2011

НЕЖНОСТЬ

Случайно встретившись глазами,
двух слов друг другу не сказали,
смущённо взгляды отвели.
Поцеловать бы Вашу руку,
ведь что-то тянет нас друг к другу —
вон как ромашки расцвели!

А между мной и между Вами
необъяснимая словами
жар-птицей нежность промелькнёт.
Прекрасно всё, что не случится!
Прощай, небесная жар-птица,
и здравствуй, чистых глаз полёт!

21.07.2011

* * *

Елабуга. Взгорье. На Каму смотрю,
как свет предвечерний ласкает зарю.
Озёра, протоки — во весь окоём —
под небом высоким и в сердце моём.
И радостно сердцу. И прошлого нет.
Есть только малиновый ласковый свет.
И взор простирается так далеко —
я вижу туманов парных молоко.
Сквозь них золотятся церковей купола.
Молюсь, чтоб Россия навеки была.
О вечности думаю здесь, не спеша.
И верю — конечно, бессмертна душа.

06.08.2011

Я ШАГАЮ ПО КАЗАНИ

ПЁТР МУРАТОВ

Императорский, Государственный, Федеральный

(ВОСПОМИНАНИЯ
О КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ)

Публикуем первые главы из только что изданной Татарстанским отделением Союза российских писателей книги Петра Муратова «Встретимся на „сковородке“»

ВСТУПЛЕНИЕ

Я — довольно типичный представитель поколения, чья юность и молодость пришлась на 70-е и 80-е годы минувшего века. Уроженец Казани, выпускник Казанского университета, ныне живущий в Сибири и ностальгирующий по родному Татарстану. Однажды, ни с того, ни с сего я почувствовал неодолимую тягу рассказать о своей студенческой молодости. И вот пишу. Что к этому подтолкнуло?

Известно: «времена не выбирают, в них живут и умирают...» Поэтому описать своё студенчество — значит описать своё время. Тем более, пять моих студенческих лет выпали на самую последнюю пятилетку «развитого социализма». Меньше чем через год после окончания мною университета начнётся горбачёвская перестройка, которая похоронит под собой и страну, и строй, затем последуют годы ельцинских реформ. События тех времён широко растиражированы и общеизвестны. А ведь непосредственно предшествовавшие им годы, наречённые застойными и отчасти попавшие в некоторый информационный вакуум, были очень насыщены и значимы, во многом предвосхитив и обусловив события, следовавшие за ними.

Последним и решающим аргументом, заставившим меня напрячь память и взяться за перо, послужил рассказ Андрея Ширшова, моего лучшего друга, единственного однокашника, связавшего свою жизнь с педагогикой. Оказывается, нынешние школьники свято убеждены, что в нашу молодость, которая пришлась на время «мрачного тоталитаризма», ничего светлого, интересного, содержательного и позитивного не было и быть не могло. Вы согласны? Я — нет! И хочу доказать, что это не так.

Да и просто захотелось вернуться в ту пору, рассказать о времени «из времени» — ведь я в какой-то мере остался в тех годах. И, похоже, буду «проживать» их всю жизнь. Столько воды утекло после окончания звонкого времени студенчества... Но не подёрнулось пеплом забвения. В памяти остались какие-то туманные ретроспекции и ассоциации, обрывки воспоминаний, отзвуки песен, смеха или грусти, голосов, звуков того удивительного времени... Даже выражения лиц на чёрно-белых фотографиях той поры другие.

И если кто-то из современников, ознакомившись с моими воспоминаниями, скажет: да, это — мы, это — про нас, буду счастлив. И так...

Вот опять я «еду» на учёбу со своего Танкодрома на шестом или восьмом троллейбусе мимо исчезнувшего ныне питомника, что был напротив Танкового училища и ВДНХ, где мы, школяры, бегали на лыжах на уроках физкультуры. Обширные земли, на которых когда-то подрастали саженцы горзеленхоза, застроены ныне внушительными зданиями государственных учреждений и депо метрополитена. Мелькают перед глазами переименованные ныне в Эсперанто и Петербуржскую улицы Жданова и Свердлова. От Суконной Слободы, сохранившей в те годы облик столетней давности, деревянно-резной, патриархальной и захолустной, с яблоньками во дворах и классическими бабушками на скамеечках, сегодня остались лишь несколько каменных зданий и церквей да название станции столь непривычного для меня казанского метро.

Вокруг устоявших строений-реликтов Суконки принято решение застраивать освобождённые площади модными нынче новоделами, стилизованными под XIX век. Да и троллейбус, издававший характерный поющий звук, по этим улицам больше не ходит. От перекрёстка улиц Артёма Айдинова и Петербуржской, вдоль фасадов невысоких домов, стилизованных под Питер, и далее по Баумана протянулась пешеходная зона. А на месте «круга» с диспетчерской, где когда-то разворачивался «рогатый», стоит современный «Гранд отель Kazan», тянущий ввысь свои многочисленные этажи.

Закрываю глаза и мысленно выхожу на конечной остановке «Площадь Куйбышева — Кольцо», и, пройдя мимо большой невысыхающей лужи, взявшейся «по берегам» зеленыю, на том месте, где с недавних пор сосредоточенно размышляет о судьбах человечества бронзовый Гумилёв, ныряю в проходной двор. Да-да, того длиннющего, изогнутого, бывшего некогда доходным домом здания, выходящего одной стороной на Кольцо, бывшую Рыбнорядскую площадь, а другой, с аркой противоположного выхода со двора — на неказистый приземистый кинотеатр «Вузовец». И если «Вузовец» почил в бозе ещё в бытность мою казанцем, то «доходный дом», в проходном

дворе которого всегда витал характерный запах старины, отхожих мест и шей, приказал долго жить уже без меня. На его месте сверкает огнями и роскошью современный торговый центр «Кольцо» с огромным, натурально гранёным кольцом на крыше.

Перейдя улицу Пушкина у «Даров природы», поднявшись по мощённой булыжником университетской горке, я вхожу в старинный двор Альма-матер — мне, постоянно куда-то опаздывающему, зайти в главное здание ближе именно со двора. По левую руку оставалось небольшое двухэтажное белое, строгое зданье в стиле классицизма, где на втором этаже, на кафедре почвоведения, «грыз» гранит наук корефан Олег-Насибулла. Мы его называли то «почвоедом», то «почвогрызом». Не упомянуть это здание невозможно, потому, что оно — самое, не побоюсь сказать, знаменитое в Казани. На восьми пролётах между окнами первого этажа — восемь мемориальных плит: «В этом здании»... Создал основы теории органической химии Бутлеров, синтезировал анилин Зинин, открыл сорок первый химический элемент «Рутений» Клаус, творили знаменитые химики Флавицкий, Зайцев, Марковников и Арбузовы, отец и сын. С лихвой для небольшого флигелька, не правда ли?

Охватив взглядом полукруглое здание анатомического театра мединститута с выложенными на фронтоне золочёными буквами «*Nic locus est ubi mors gaudet succurgere vitae*» («Это место, где мёртвые помогают живым»), я пробегаю через довольно запущенный и неухоженный, весь в тени от огромных вековых деревьев университетский двор. С другой его стороны всё моё студенчество простояли машин двадцать марки «ГАЗ-66» с пассажирскими будками. Что они там делали, кому принадлежали, почему так долго стояли, я так и не узнал — привык, стоят себе — значит, так и надо.

И, распахнув дверь, по крутым с поворотом направо ступеням поднимаюсь наверх, вдохнув лёгкий запах химреактивов, просачивавшийся из-за двери, ведущей в подвал научной лаборатории кафедры физиологии растений. К гардеробщице Нурие — то ли вечернице, то ли заочнице, не помню, и дальше до аудиторий с высоченными старинными, часто лепными потолками. К овладению науками готов!

Казань-Казань... Казань семидесятых и восьмидесятых. Разлитая в воздухе патриархальная провинциальность, приправленная лёгким восточным колоритом. Смешение архитектурных стилей и укладов жизни, контраст импозантности дворянских, купеческих кварталов города и захолустья трущоб слобод и околотков, зачастую близко соседствовавших друг с другом в самом центре города. Ширь волжского разлива и простор акватории казанского речного порта со снующими туда-сюда «ракетами», «омиками» и «мошками», пахнущими соляжкой. Отдающая сероводородом жаркими летними деньками водяная гладь Нижнего Кабана и захламлённый, поросший камышом узкий Булак — протока от озера к Волге.

Старушки-татарочки в длинных белых платках, серьёзные белобородые бабаи в тубетейках с палочками, в мягких сафьяновых сапожках и русские бабули в традиционных цветастых платочках. Угрюмые гопники в шапочках с помпонами, голубых олимпийках, заправленных в широкие, на 2–3 размера больше, штаны и мятые мужички в домашних трико, увлечённо «забывающие козла» в домино за столом под деревьями — обязательном атрибуте любого казанского двора. Городская публика той поры вспоминается мне немного деревенской: сходить до ближайшего магазина в домашних тапочках и даже в майке, почистить рыбу или разрубить мясо около подъезда дома было в порядке вещей. Ещё и ключи от входной двери в квартиру под ковриками на лестничной клетке кое-кто оставлял.

Помню однообразные и заунывные дворовые песни укрывшихся в затемнённых местах группок молодняка под звуки гитары — уметь держать в руках шестиструн-

ную деревяшку, зная всего три аккорда, было тогда очень почётно. Культ дворовых хоккея и футбола: пацаны каждого двора заливали зимой свою площадку, иногда и не одну, со снежными, как правило, бортами, а уж деревянная коробка была особым шиком. Как самозабвенно болели за завсегдатаев вторых лиг — за футбольный «Рубин», ныне чемпион России, и за хоккейный, как тогда говорили, «СКА-Урицкий», ныне «Ак Барс», и тоже чемпион России. Вот только татар в тех командах, в отличие от нынешних, было по половине состава, поскольку это были по-настоящему городские команды, даже мой одноклассник Эдик Маматов дорос до вратаря «Рубина».

Слышу колоритную, немного гортанную татарскую речь, льющуюся отовсюду. И особый, нигде больше не встречавшийся казанский акцент русской речи, сохранившийся без изменений до сегодняшних дней.

Представляю, как естественно и органично неслось бы над всей этой безмятежной благодатью переплетение переливов колокольного звона и умиротворяющих напевов сур из Корана! Но, к сожалению, колокольни и минареты слились в едином благозвучии, создающем особую, неповторимую ауру родного города, уже после моего отъезда из Казани.

Сегодняшнюю Казань я почти не знаю, внешне она мне, разумеется, нравится больше той, прежней. Хотя публика казанская, как мне кажется, внутренне особо не изменилась, лишь стала поцелуеустремленной и порезче. Наверное, ни один город России, в том числе, Москва, внешне не преобразился столь разительно, как Казань Шаймиева, и я считаю её самым красивым городом в стране. Реконструирован исторический центр города, восстановлены и отреставрированы все городские мечети, церкви и монастыри. В Кремле построена самая большая в Европе мечеть «Кул Шариф», а из папских покоев Ватикана после долгой одиссеи наконец-то вернулась свояси животворящая икона Казанской Божьей Матери. Снесены трущобы, вычищен осветлённый фонтанами Булак, в Кабане вновь водится рыба. Пущено метро, возведён новый мост через Волгу, а всё ближе Подказанье застроено такими коттеджками — что твоя Европа. И каждый год я, хоть на пару деньков, стараюсь навеститься в родную Казань, чтобы «свои ладони в Волгу опустить».

Но какой город — тот или этот, этот или тот — мне нравится больше, пожалуй, и не отвечу. Скажем так, нравятся оба, и каждый по-своему. Почему? Попробую объяснить.

К 200-летию Казанского университета, ныне зовущемуся Приволжским федеральным, вроде бы всё сделали по высшему разряду: восстановили лепнину, мемориальный ныне актовый зал, реконструировали внутренний двор; стены, потолок и лестницы главного здания сверкают великолепием дорогого евроремонта. Одним словом, гостям, особенно из-за «бугра», показать незазорно. Ничего не скажу, всё современно, эстетично и, надеюсь, функционально. Вот только почти полностью выветрился неуловимый дух старого, императорского университета, который я явственно ощущал все пять лет учёбы. Гулкие пустые стены, на которых когда-то была размещена интересная информация о кафедрах биофака и его выпускниках, вывешивалась притягивающая, словно магнитом, студентов и преподавателей длинная факультетская стенгазета «Бигль», по всей видимости, полностью отвечают новой концепции дизайна и композиции внутреннего пространства.

Да и просто так войти в здание, даже мне, выпускнику, не удастся. Потому как пропускной режим, турникеты и бдительные «секьюрити». А ведь я не забыл, что почти ни одно окно универа в бытность мою студентом не было закрыто решётками, даже на первом этаже, и мы нередко лазили в окна аудиторий. Вся «охрана» состояла из старенького седого еврея дяди Бори, старавшегося выглядеть суровым и принци-

пиальным. Его всё равно никто не боялся, и каждый желающий мог свободно зайти в любое здание университета...

Застраивается ныне помпезными зданиями и дворцами в викторианском и ампири-стилях (любая европейская столица позавидовала бы!) место, где когда-то торчали трущобы Федосеевской слободки, что под стенами Кремля, где я когда-то дежурил в составе «добровольной» народной дружины биофака. Казань, пышно отпраздновавшая своё тысячелетие и готовящаяся ко всемирной Универсиаде. Казань, сбросившая обаяние патриархальности, но вспоминая свою историю — город, в котором сделан неплохой «евроремонт». И именно это, сдаётся мне, стало самым символическим и знаковым.

Просто другие времена? Конечно. Другие...

ВОСПОМИНАНИЕ ПЕРВОЕ.

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДИСЦИПЛИН В ЛЕНИНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

1

Казанский государственный (КГУ), в прошлом Императорский (КИУ), университет, основанный в 1804 году — один из старейших ВУЗов страны. Его имя связано со многими научно и исторически значимыми людьми. Это Лобачевский, Зинин, Бутлеров, Флавицкий, Зайцев, Марковников, Лесгафт, Бехтерев, Энгельгардт, отец и сын Арбузовы, Завойский, Альтшулер, Лев Толстой, Аксаков, Джалиль.

Основатель неевклидовой геометрии Николай Лобачевский более 20 лет был ректором КИУ, восстанавливал университет после сильнейшего пожара, уничтожившего город — именно при нём комплекс старых зданий ВУЗа, включая главный корпус, где находился и находится мой родной биофак, обрёл тот архитектурный облик, который сохранился до наших дней. Активно боролся с эпидемией холеры — университет был «островком безопасности» среди моря страшной заразы, радел за студентов, одним словом, был достойнейшим из людей, настоящим национальным достоянием и гордостью России. И его, и только его имя обязан был носить наш университет — об этом мы, студенты (преподаватели помалкивали), вполголоса говорили довольно часто.

Но университет носил имя вождя мирового пролетариата, «самого человеческого человека» — В. И. Ульянова-Ленина. Семнадцатилетний Володя Ульянов в год казни старшего брата, народовольца Александра, покушавшегося на царя, был без экзаменов зачислен на первый курс юрфака Казанского Императорского университета. Добавить к этому, что пенсия его усопшего батюшки Ильи Николаевича, губернского инспектора учреждений народного образования, позволяла снимать немаленький двухэтажный дом в Казани, никогда не работать его вдове и матери Ленина Марии Бланк, содержать целую ораву детей. И даже таскать за собой фамильный рояль, на котором исполнялась «Аппассионата» Бетховена, которую будущий вождь так любил послушать.

Проучился на юрфаке КИУ молодой Володя Ульянов неполный семестр, потом подбил студентов на бузу, впоследствии названную исторической «сходкой», за что был исключён из университета. Точнее, официальная историография утверждала, что швырнул свой студенческий билет непокорный Володя сам. Начало петиции «сходки» я, впоследствии не раз водивший экскурсии по ленинскому мемориалу универси-

тета, помню до сих пор: «Собрало нас сюда не что иное, как сознание невозможности всех условий, в которые поставлены русская жизнь вообще и студенческая в частности...» Стоит отметить, что начало этой петиции универсально и злободневно в качестве вступления к любому протестному мероприятию, как говорится, вне времени и пространства.

За это будущий «гений человечества» получил «страшное» наказание: был выслан под надзор полиции в родовое имение своей матушки, в деревню Кокушкино, позже переименованную в «Ленино-Кокушкино», неподалёку от Казани. «Надзор» заключался в том, что изредка к нему приходил местный урядник, олицетворявший собой, видимо, всю репрессивную машину царского самодержавия, и они-с соизволяли попивать чаёк-с с юным «врагом Отечества», беседуя за жизнь. К тому же Володе в милой уютной деревушке, в отличие от беспокойного губернского центра, уже никто не мешал в беседке, в тени деревьев около речки Ушни изучать «Капитал» Маркса.

А случись всё это не при царе-батюшке, а после Октябрьской революции и Гражданской войны, пробушевавших в нашей истории не без активного участия Владимира Ильича? Интересно, родной брат террориста Александра Ульянова был бы также гуманно наказан за своё бузотёрство в университете? Вероятнее всего, след Володи затерялся бы в колымских лагерях. А если бы старший брат был обвинён в покушении на товарища Сталина, то младшего наверняка бы поставили к стенке и без «исторической сходки»! Вот ведь какая диалектика...

Но вернёмся в пору моего студенчества. Факт кратковременной «засветки» Владимира Ильича в Казанском университете наложил мощнейший отпечаток на всю дальнейшую историю учебного заведения. О том, что нам выпала великая честь учиться в «Ленинском» университете, твердили кругом денно и ночью, особенно на первом курсе. Дореволюционное существование университета и какие-то непонятные научные достижения в этот реакционный до мозга костей период порой казались нонсенсом, солнце над ним взошло только после учёбы Володи Ульянова, и исключительно после Великой Октябрьской Социалистической Революции. Преподавательский состав университета до революции — почти сплошь ретрограды-реакционеры, один ректор Магницкий чего стоил, татар на учёбу почти не брали. Да и Лев Толстой учёбу здесь бросил! Даже Евгений Евтушенко в поэме «Казанский университет» сумел разглядеть у студенток-комсомолок «глаза народоволок», «обласкав» их при этом ныне дико звучащей аллегорией, как дочерей «наивных террористских бомб».

На мастерски выкованных дореволюционных воротах во двор университета со стороны улицы Ленина (ныне Кремлёвской) у флигеля, где жил когда-то Лобачевский, кто-то очень бдительный потрудились убрать перемычку у буквы «И» в выкованной аббревиатуре славянских букв «КИУ». Ленинский университет, конечно же, не мог быть «императорским». Правда, сейчас перемычку к многострадальной букве «И» там всё-таки, слава Богу, приварили, но без славянских «завитушек». Говоря шире, возврат на место этой современной перемычки воспринимается мной, как символ сегодняшнего стремления восстановить хоть какие-то исторические традиции. И не только в Казани, но и во всей России. Что ж, за попытку — спасибо. «Кто стреляет в своё прошлое из пистолета, рискует получить ответ из пушки» — кажется, так мудро выразился кто-то из классиков.

Напротив главного здания университета был поставлен памятник в окружении цветочной клумбы: молодой Володя Ульянов, забросив через плечо сюртук униформы КИУ, с книгой в руке идёт на занятия. За памятником полукругом — большая скамья со спинкой на мраморном постаменте. Это место неофициально зовётся «Сквородкой» и очень популярно среди студентов: оно никогда не затенено, за ним не-

большой сквер, очень удобный для встреч. Фразу «встретимся на Сквородке» я слышал и говорил сам несчётное количество раз. У брачующихся студентов университета стало традицией приезжать свадебным кортежем на «Сквородку» и возлагать к памятнику знаменитого студента цветы с обязательным фотографированием.

2

Не сложно догадаться, что преподавание общественных дисциплин, призванных выработать у студентов марксистско-ленинское научное мировоззрение, было особым. Нам предстояло изучить «Историю КПСС» (три семестра), «Марксистско-ленинскую философию» (по семестру на диамат и истмат), «Политэкономия» (семестр — капитализма, семестр — социализма), «Научный атеизм» (один семестр) и, как вершину познания, «Научный коммунизм» (два семестра). По последней дисциплине сдавался единственный государственный экзамен на пятом курсе. Я давно подметил одну закономерность: если «научность» предмета вызывает некоторые сомнения, она особо акцентируется в самом названии дисциплины, его изучающей.

Специфика нашего факультета требовала изучения ещё одной специальной, но фактически тоже почти общественной дисциплины «Дарвинизм» (эволюционная теория).

А начиналось всё на первом курсе с «Истории КПСС», или, как мы говорили, с «истории партии», без уточнения какой, поскольку в те времена количество партий не могло быть больше одной. Читал лекции и вёл семинары Михаил Николаевич Софронов — бывший фронтовик. Он ходил с палочкой, манерой говорить и убеждать напоминал мне незабвенного харизматика, некогда второго после Горбачёва человека в партии, Егора Кузьмича Лигачёва.

Свою идейную, почти кержацкую крепость Софронов продемонстрировал сразу, на первом же семинаре, на который было задано изучить и законспектировать «Манифест Коммунистической партии» Маркса и «Три источника и три составные части марксизма» Ленина. Была вызвана отвечать Олечка Караулова — спокойная, худенькая, негромкая студентка из нашей группы, носившая огромные роговые очки. Она стала довольно складно лепетать что-то в тему.

Михаил Николаевич, или Софроныч, как мы его звали, обычно являл собой точный индикатор качества ответа: если звучало то, что надо, он как бы погружался в «нирвану», изредка чуть кивая головой, а иногда вообще казался спящим. Но ситуацию он всегда держал под неусыпным контролем, не пропуская ни одного слова отвечавшего, и, если звучало что-то не то, мгновенно сбрасывал ложное оцепенение. Тут уж отвечавшему приходилось несладко — вся группа тоже внутренне поджималась.

На этот раз вроде бы всё шло нормально: Софроныч в «нирване», лепет, хоть и слабенький, но верный. И вдруг преподаватель мгновенно выпрямился на своём стуле, вытянув шею: Олечкина тетрадь с конспектами выглядела подозрительно потрёпанной — а семинар-то самый первый! Точнее, второй — на первом мы ходили в ленинский университетский мемориал. Бдительный историк партии прервал её:

- Тетрадочку, будьте добры, подайте!
- Пожалуйста...

Тетрадь содержала все конспекты по истории партии на курс вперёд — Олечкина старшая сестра окончила наш факультет в тот же год. Бог ты мой, что тут началось! Софроныч не поленился встать, и, кашлянув, тяжёлым взглядом обвёл группу — все сжались. Началось его получасовое выступление. Чего в нём только не было:

и инкриминирование бедной Олечке нежелания овладевать научным марксистско-ленинским мировоззрением, и заигрывание ею с идеологическим противником, и косвенная поддержка империалистов, ревизионистов, оппортунистов, гегемонистов и прочей нечисти. Поминался недобрый словом опальный в те времена академик Сахаров, непростое международное положение и даже, по-моему, неурожайный год.

На несчастную Олечку было больно смотреть, но, как выяснилось позже, не из-за тяжести вины. Ей было до слёз жаль безвозвратно потерянной тетради старшей сестры. Но «пахать» отныне на семинарах по истории партии Олечке придётся за двоих. Нет, за троих: за себя, за невиновную в случившемся сестру и «за того парня». Который на памятнике с сюртучком на плече.

Но она, молодчина, с поставленной задачей впоследствии успешно справилась, заработав своим усердием и прилежанием индульгенцию от Софроныча во искупление «первородного греха». Потом её спрашивали на семинарах не чаще и не реже остальных.

А вот Андрюшу Ширшова Софроныч невзлюбил сразу: тот, дорвавшись до студенческой вольницы, носил длинную гриву волос, на переменах громко смеялся и имел дурную привычку грызть ногти, в том числе, на семинарах. Позже, заделавшись заправским туристом, на занятия в универ он одевался, как в турпоход. Всё это не вязалось с классическим образом студента ленинского университета. Поэтому от Софроныча Андрей всегда имел твёрдое «удовлетворительно», вне зависимости от качества ответов.

Как-то мой глаз подметил ещё одну особенность преподавателя: ему всегда хотелось, чтобы ответ был не просто верным по содержанию, но ещё и убедительным по исполнению. Мои одноклассники, державшие ответ с колотившимся от волнения сердцем, так прозвучать не могли, а я решил попробовать.

Одевался я на занятия в универ традиционно: брючки, пиджачок, правда, галстук не любил, постригался коротко, солидности придавали очки. Позже, тоже увлечшись спортивным туризмом, я стал одеваться, как Ширшов: свитер грубой вязки, потёртые джинсы, на ногах туристские вибамы. Однако на семинарах Софроныча с туристским прикидом я «не выставлялся». Когда звучало моё имя с приглашением ответить, я резче обычного вставал и твёрдым шагом шёл к кафедре, даже пару раз пинал по пути чьи-то сумки, типа не заметил, концентрируясь на подготовке к ответу. Подойдя к Софронычу, я резко поворачивал к нему голову, обдавая стальным взглядом, и пару раз давил на желваки. Прелюдия мне всегда удавалась — Софроныч в предвкушении нужного и по форме, и по содержанию ответа блаженно откидывался на спинку стула.

Я начинал: «В своей бессмертной работе (*такой-то*) Владимир Ильич (я никогда не называл одну фамилию «Ленин» — только тёплое, якобы идущее от сердца, имя-отчество) ещё глубже развил неоспоримо подтверждённую временем теорию (*о том-то*). Давая решительную отповедь оппортунистам и ренегатам, строящим свою линию на бредовых умозаключениях и совершенно извращённых толкованиях и представлениях о бурлящих революционных (*или предреволюционных*) событиях, неправильно интерпретирующим весь ход человеческой истории и извращающим саму логику общественно-исторического развития, фактически, предавая дело великой борьбы рабочего класса за своё освобождение, Владимир Ильич... То-то и то-то.

Вместе с этим своей классической работой (*такой-то*) Владимир Ильич заложил незабываемые основы дальнейшего развития теории (*того-то*), абсолютно верно объясняющей и доказывающей своё значение в правильном осмыслении происходящего, отражающей всю палитру и многогранность сложных и далеко неоднозначных, а по-

тому неверно трактуемых меньшевиками и прочими ревизионистами насыщенных событий (*таких-то*). Эта, без сомнения, великая работа стала дальнейшим творческим развитием учения Маркса-Энгельса (*о том-то*), будучи привязанной к революционной действительности происходящих событий в России, как в самом слабом звене цепи капитализма, и являющейся революционным авангардом всего освободительного процесса уничтожения империалистического капитализма. Владимир Ильич ещё раз со всей убедительностью доказал, что...»

Не утомил, друзья? Я могу ещё долго в таком духе. Выступал я, убрав для убедительности левую руку с тетрадкой за спину, а правой рубя воздух. Произносил всё это не торопясь, сухо, чётко, твёрдо, достаточно громко, обдавая время от времени аудиторию и самого Софроныча горящим взглядом (девчонки, говорят, любовались мной). Сам Михаил Николаевич в этот момент являл собой чувство глубокого удовлетворения: он разве что не урчал от удовольствия.

Но самое главное... Перечитайте ещё раз моё идеологически безупречное и умело исполненное «токование». По сути самой работы Ленина не сказано ни слова! А «отлично» у меня уже, считай, в кармане! Часто в тетрадке, спрятанной за спину, конспекта работы не было вообще, но у Софроныча ни разу не появилось мысли проверить это, настолько я был убедителен!

Трудно ли было это делать? Отнюдь. Во-первых, я немножко артист по природе, во-вторых, с детства был напичкан этими фразами, звучавшими отовсюду. Да и в оконченной мною общеобразовательной казанской школе № 90, что на Танкодроме, три года уже успел поработать в школьном комитете комсомола в секторе печати. Ну и, в-третьих, честно говоря, верил во всё это... Первый курс, первый семестр, знаете ли, идеологическая «девственность» пока не нарушена.

Кроме меня в группе мастерски «лить воду» по общественным дисциплинам умела Леночка Лихачёва. Она делала это в своём фирменном стиле. Долго вставала, перемещая какие-то вещи, потом принимала свою любимую многозначительную позу (а ходила она в микровельветках коричневого цвета), втискивала руку в карман обтягивающих бёдра брюк и, наконец, начинала отвечать. Преподаватель поначалу слушал её с интересом: надо же, молодец, обстоятельно, издали вот-вот подойдёт к сути. Но минуты таяли, а Леночка не только не приближалась, а, скорее, отдалялась от темы. Преподаватель начинал выдавать нетерпение мимикой и жестами, но пока достаточно корректно. Минутой спустя он её прерывал, попросив отвечать по сути. Леночка флегматично, ничуть не смутившись, обдавала его своим знаменитым томным взглядом и... продолжила «лить воду» по второму кругу. И тут звучал звонок!

И вот семестр завершился. А в это самое время в нашей стране произошло событие, которое имело общемировое значение: Советский Союз ввёл «ограниченный контингент» в Афганистан. На следующий день после обнародования решения партии и правительства об интернациональной помощи братскому соседнему государству в строительстве новой жизни, торжественный Софроныч посвятил этому факту минут пятнадцать лекции в нарушение темы. Он велеречиво поведал нам о том, что международный революционный процесс продолжается, что ещё одно государство, вставшее на некапиталистический, прогрессивный путь развития — тому подтверждение, и что Советский Союз просто обязан помочь в этом нашему южному соседу.

Как на это отреагировали мы, студенты и люди вокруг? Честно скажу — никак. Многие неопределённо пожимали плечами: ввели войска — значит так и надо. Мы привыкли к тому, что наша страна постоянно кому-то помогала — в борьбе за свободу, в строительстве «новой жизни». Видимо, очередь дошла и до Афганистана (хлёсткое и ёмкое по смыслу сокращение «Афган» появится немного позже). Но пока никто

не догадывался, что на долгие десять лет слово «Афган» станет настоящей страшилкой для всех матерей, имеющих сыновей призывного возраста. Предстоял экзамен по первой общественной дисциплине. Но накануне я «завалил» экзамен по высшей математике, в экзаменационную ведомость поставили «неуд», но зачётную книжку всё же не испоганили, оставив возможность пересдачи после завершения сессии. Последним как раз и был экзамен по истории партии. Я начал дополнительно заниматься с одним математиком, готовясь к пересдаче, и пустил на самотёк подготовку к истории КПСС.

Однако многие студенты больше всего боялись именно Софроныча. Средний показатель бледности на лицах зашкаливал. И вот — моя очередь заходить. Беру билет: анализ работы Ленина «Империализм — как высшая стадия капитализма» первым вопросом, и что-то про усиление борьбы пролетариата в 1905 году — вторым. Присев за стол, я стал изучать обстановку вокруг: никто из студенток не плакал, Шишов пока не сдавал — это уже хорошо. Погода с утра приятная: свежевывающий снежок, солнышко, лёгкий морозец. Экзамен проходил в аудитории на первом этаже, то есть Софронычу не пришлось подниматься по лестнице. И это хорошо. Сам историк в обычном настроении, ничего предвещающего непредвиденную ситуацию не угадывается. К тому же — последний экзамен, сессия, безусловно, надоела и преподавателям. Одним словом, прорвёмся.

Отвечала Розочка Ибрагимова, следующей готовилась Любочка Степанищева. И та, и другая всегда готовились к экзаменам на совесть, сессии сдавали хорошо. Но у обеих был недостаток: когда отвечали, то тараторили. А Розочка ещё и красными пятнами шла.

А тут Софроныч, убеждённый в том, что настоящий студент-ленинец уверен в себе при любых обстоятельствах! Но Розочка и Любочка получили хорошие оценки. Думаю, и это хорошо: попробую сыграть на контрасте, тем более, здороваясь со мной, Софроныч даже еле заметно улыбнулся. Что ж, прорвёмся «на шару», как тогда многие выражались, — не впервой. И вот мне пора отвечать.

Отвечать впервые пришлось не стоя, как на семинарах, а сидя, пространство для махания руками было ограничено, поэтому я сразу продумал какой делать акцент: в такт самым веским словам несильно ударять ребром ладони по столу. Я стартовал:

— В фундаментальной программной классической бессмертной работе Владимира Ильича Ленина «Империализм — как высшая стадия капитализма» совершенно справедливо и аргументировано утверждается: империализм — действительно высшая стадия капитализма! Более того, империализм — не только высшая, но и последняя (бум!) стадия капитализма! Со всей убедительностью и исторической прозорливостью Владимир Ильич показал также, что империализм — это не только высшая и последняя стадия капитализма, но и гнивающий (бум!), паразитический (бум!) капитализм! Владимир Ильич не уставал повторять и неопровержимо доказывать, что империализм — канун (бум!) социалистической революции! Со всей силой и очевидностью утверждалась непререкаемая истина: рабочему классу — гегемону революции — нечего терять, кроме своих цепей (бум!), приобретёт же он весь мир (бум-бум!)! В канун социалистической революции, как никогда, актуален бессмертный лозунг Карла Маркса «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (бум!) Классовая солидарность трудящихся всего мира и пролетарский интернационализм неизбежно приведут (бум!) к победе социализма и в последующем коммунизма во всём мире!!! (бум-бум!) Учение Маркса, Энгельса и Ленина всесильно, потому что оно верно! (бум!) На смену капиталистической общественно-экономической формации неизбежно придёт социалистическая общественно-экономическая формация (бум!)! Капиталистический, империа-

листический способ общественного производства с его хаосом (бум!), глубочайшим антагонизмом (бум!) между производительными силами и производственными отношениями, бесконечно повторяющимися кризисами (бум!) неизбежно будет заменён социалистическим плановым, лишённым антагонистических противоречий способом общественного производства на благо всего общества (бум!)

И тут я решил устроить Софронычу небольшую провокацию: он во время моего пламенного выступления сидел, привычно откинувшись на спинку стула, с полуприкрытыми глазами, часто кивая головой в такт моим ударам. Я добавил:

— Недаром капиталисты пробуют использовать элементы нашего планирования.

Благодушную истому Софроныча как рукой сняло. Он, очнувшись, мгновенно распахнул глаза.

— И что, это устраняет основные противоречия?

— Нет! Нет, конечно же!!! — я, отшатнувшись от него и раскинув в стороны руки, почти вскричал так, как будто хотел воскликнуть: «Вы что, в своём уме?!»

Моя гневная реакция на подобное еретическое предположение окончательно удво-влетворила Софроныча, подведя черту под освещением первого вопроса билета.

Девчонки, готовившиеся в аудитории к ответу, как заворожённые, наблюдали за разворачивающимся перед ними захватывающим действием — вот это да! Даже из коридора чуть-чуть дверь приоткрыли: что там, внутри, за непонятные гулкие удары?

На второй вопрос про борьбу пролетариата я начал отвечать так: «Развитие революционной борьбы в 1905 году хорошо отражено в романе Горького «Мать». И начал пересказывать содержание романа. Но, поскольку роман был немаленьким, Софроныч, ещё не «остывший» от моего ответа на первый вопрос, потянулся за зачёткой — «отлично»...

Я, выйдя из аудитории после экзамена, обычно никогда сразу не уходил, как бы пытаясь отдышаться. Безусловно, любой экзамен — это, в первую очередь, психологическая дуэль с экзаменатором. И хорошая, тем более, отличная оценка всегда воспринимается маленькой победой. Осознание этого светлого чувства особенно приятно в контрастном сочетании с завистливыми взглядами ещё не сдававших. Заваливших, не сдавших экзамен, конечно же, было жаль, даже некоторую долю вины испытываешь перед ними за свой успех. Но, как говорится, каждому — своё, ничего не поделаешь. Я и сам чуть больше недели назад вылез из аудитории совершенно раздавленный «неудом» по математике, будь она неладна.

Пока я «отсыхал», из аудитории выскочили одна за другой две счастливые студентки с хорошими оценками и сразу же кинулись меня обнимать: «Ты — молодец! Софроныч после тебя был такой довольный и нас не мучил! Спасибо тебе!» Пожалуйста!

После успешной сдачи экзаменов (математику я пересдал на «хорошо») спокойная жизнь на семинарах по истории партии мне была гарантирована на оба семестра, оставшихся до завершения полного курса её изучения. Правда, я уже не с таким остервенением блистал очками при ответах, перейдя как бы в более спокойное осмысление насыщенной истории партии Ленина. А на втором курсе был избран в комитет комсомола биофака, что, смею надеяться, возвысило меня в глазах Софроныча.

И вот на смену курсу истории КПСС пришла философия, точнее, марксистско-ленинская философия (МЛФ) — разница между ней и просто философией, как таковой, есть и весьма значительная. На то она и «марксистско-ленинская».

Основой МЛФ, разбитой на два курса материализма — диалектического (диамата) и исторического (истмата), являлись работы Маркса по дальнейшему развитию теории диалектики Гегеля, распространяющей свои законы на материальный мир, «Антидюринг» Энгельса и «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина.

В начале, когда шла классическая философия, было интересно: универсальные законы — отрицания отрицания, перехода количественных изменений в качественные и так далее. Но потом начался плавный загиб в сторону обоснования неизбежности победы коммунизма и уже знакомое по истории партии притягивание «за уши» всего внушительного здания мировой философской науки, начиная с Аристотеля и Сократа, к делу священной борьбы пролетариата за своё освобождение.

Лекции по МЛФ читала немного странноватая преподавательница, выпускница, между прочим, биофака, а не истфака, монотонно бубнящая с кафедры и всегда смотревшая в сторону, а не на аудиторию. Как её звали, каюсь, запамятовал, — будем звать её «философиней». Хорошо помню, что она была большой подругой жены нашего декана Анатолия Ивановича, матери Нинки Голубевой, о чём последняя поспешила передо мной похвастаться. Поэтому на лекции и семинары Нинок почти не ходила, а на мою реплику, дескать, получишь «неуд», с ухмылкой отвечала: «Пусть только попробует!»

Однако мне ходить и на лекции, и на семинары полагалось — заступаться за меня было некому. Ни шатко, ни валко проскочил второй семестр второго курса. Пламенные речи перед «философиней» не «прокатывали», наоборот, требовалось изображать вдумчивое, неспешное осмысление бытия. Зато постоянные заклинания про «ленинский университет» почти полностью прекратились. В философии меня всегда «убивала» несколько искусственная, на мой взгляд, заумная игра понятиями и специфическими терминами. Впрочем, со временем, как и по истории партии, я научился лить философскоподобную воду, глубокомысленно вздыхая и хрестоматийно поправляя очёчки.

На экзамен по диамату я вызвался идти первым. Философиня неподвижно сидела, привычно глядя в сторону, не выказывая никаких эмоций. Но вдруг прервала меня монотонно заданным вопросом: «Каково значение диалектического материализма для всех общественных наук?»

Что тут ответишь? Большое! Однако просто так ответа не дашь, поэтому опять пришлось начинать блять что-то про гениальную прозорливость классиков марксизма-ленинизма, додумавшихся распространить законы диалектики на процесс познания материального мира. «Философиня», подняв на меня глаза, повторила свой вопрос, чуть его переиначив: «И всё-таки, что даёт диалектический материализм для развития всех общественных наук?»

Блин, вот привязалась! Ну, что даёт, что даёт? Много чего даёт! Даже очень! И я опять начал говорить, явственно понимая, что «философиня» хочет услышать от меня какое-то ключевое слово, чёрт бы его побрал! Минуты через три моего словесного «поноса», она опять меня прервала: «Методологию! Методологический аспект для любой науки!»

Фу, ты, господи! Вот ведь где, оказывается, собака зарыта! Ну, как я мог не вспомнить про «методологию» и вытекающий из неё «универсальный гносеологический аспект познания любого явления!» Хлопнув себя по лбу, мол, как же можно было призабыть об этом, я уже открыл было рот, чтоб подхватить и всячески развить глубочайшую мысль, но «философиня», нарисовав в зачётку «хорошо» и поблагодарив за ответ, пригласила следующего мытаря, точнее, мытаршу. И это была единственная моя не отличная оценка по общественным дисциплинам. Остаётся добавить, что

профилинившая весь курс МЛФ Нинок Голубева, получила «столько же»: «ах, мама-мама, как же ты была права!».

Исторический материализм, где собственно истории, а, следовательно, и разглагольствований о теории классовой борьбы было намного больше, не оставил в памяти ничего, кроме всё той же бесконечной заумной болтологии.

Это был уже третий курс, подаривший, помимо начавшейся после завершения МЛФ политэкономии капитализма, изучение ещё двух незабываемых предметов: «Научного атеизма» и «Дарвинизма».

Курс политэкономии капитализма, как выяснилось позднее, оказался наиболее полезным для меня, ибо, начиная с девяностых годов, я стал заниматься предпринимательской деятельностью. Теоретические познания про циклы производства — простого и расширенного, оборота капитала, товар — деньги — товар, учение о прибавочной стоимости, всего лишь через десять с небольшим лет наполнились практическим смыслом. Но кто б мог тогда об этом подумать! Правда, позднее прибавочная стоимость, созданная наёмным трудом, стала присваиваться мной и моим компаньоном, как владельцами первоначального капитала. Это, согласно теории Маркса, недвусмысленно относило нас в разряд представителей «эксплуататорского» класса капиталистов. А сам факт осуществления нами найма рабочей силы с целью извлечения этой самой прибавочной стоимости трактовался апологетами классовых битв, как почти «смертный» грех. Вот такой парадоксальный исторический «регресс»! Хотя чего парадоксального? Веление времени.

Тем не менее, «Капитал» Маркса я считаю самым дельным трудом из всего, что нам пришлось изучать. Там всё логично и понятно. Недаром мировой общественной наукой, даже спустя десятилетия, «Капитал» считается самым значимым творением Маркса. Всё остальное, созданное им, согласитесь, было накрепко привязано к той конкретной, давно прошедшей исторической обстановке. Мир безвозвратно изменился, и с его изменением политические взгляды и вытекающие из них суждения герра Карла превратились в историческую статистику, несмотря на потуги некоторых «товарищей» упорно проецировать их во всемирно-историческом масштабе. Призрак коммунизма, бродивший по Европе, сегодня почти полностью растворился, материализовавшись в горстку маргиналов и трепачей. Даже Геннадий Зюганов стесняется говорить «за коммунизм» — сегодня этого уже никто не поймёт, а если и поймут, то совершенно неправильно.

Лекции по политэкономии читал забавный старичок по фамилии Железнов, никогда не снимавший в помещении берета. Видно было, насколько он любил политэкономия капитализма, и как равнодушно относился к политэкономии социализма. Даже оговорился как-то, что политэкономия социализма — это наука, которой, вообще-то, не существует. Правда, тут же исправился: она, мол, пока ещё, «м-м-м, э-э-э», в стадии становления и развития (это на седьмом-то десятке лет «торжества» идей социализма!). Оч-чень интересный кульбит! Зато на экзамене по «соцполитэку» ставил всем только хорошие и отличные оценки.

Неожиданно интересной дисциплиной оказался «Научный атеизм». Впрочем, от собственно атеизма там были довольно слабо аргументированные и, честно признаюсь, не сильно навязываемые доказательства отсутствия жития и бытия Божия. Это, видимо, из-за того, что к нам на факультет не «забрехал» главный университетский богохульник, доцент кафедры научного атеизма по фамилии Комаров — духовный внук председателя «Массолита» Берлиоза, погибшего на Патриарших прудах под колёсами знаменитого булгаковского трамвая. Как и Берлиоз, Комаров «крыл» все религии без разбора. Ну, да Бог ему судья, тем более, что пламенные атеисты нередко в случае смены общественного строя или просто «перемены ветра» быстро

становятся рассудительными богословами. Сколько бывших комсомольских вожаков ныне под рясами!

Зато удалось получить много конкретных систематизированных знаний по мировым религиям, ведь познавательной литературы, сжато излагающей суть и структуру основных вероисповеданий, тогда практически не было. И если бы не регулярная апелляция к навязываемой мысли «Бога нет», то этот предмет можно было бы смело именовать «Основами религий».

Дарвинизм! Сперва я думал, что основу этого предмета составит подробное описание путешествия Чарльза Дарвина на легендарной шхуне «Бигль» (так, кстати, называлась наша факультетская стенгазета) и глубокое осмысление открытого им видового разнообразия галапагосских вьюрков¹. Но это прозвучало как-то всуе, мимоходом и в самом начале.

Вёл курс доцент кафедры генетики Михаил Стеколыщиков — пенсионер довольно адекватный, но не без капризов: он тоже мог за что-нибудь невзлюбить студента. Андрюше Ширинову, например, опять не повезло — не любили преподаватели старой закалки нестандартных студентов. Зато хоть одним «раздражителем» для «Стекла» (такое у него было «погоняло» среди студентов) стало меньше: густую длинную гриву волос Андрею пришлое остричь из-за требований преподавателей военной кафедры.

Про Стекло на факультете говорили разное. В пятидесятые годы самым отъявленным лысенковцем университета был именно он, слывший главным защитником мичуринского, советского, «истинно материалистического» понимания биологической науки. Но, когда схлынула пена лысенковщины, он преспокойно стал преподавателем кафедры генетики — «продажной девки империализма», согласно терминологии того разнузданного для биологической науки времени.

Генетики во всём мире несколько снисходительно, как известно, относятся к дарвинской эволюционной теории происхождения видов. Мои однокурсники с кафедры генетики тоже высокомерно посматривали на тех, кто внимал речам Стекла. Наиболее одиозные представители его негласных оппонентов демонстративно ничего не писали на лекциях «дарвиниста». А в перерывах между занятиями многозначительно рассуждали, красуясь перед негенетиками, о резерве мутаций организма, молчащих генах, интронах и тому подобном.

Стекло на своих семинарах обожал также рассказывать про то, как в героические тридцатые годы он с группой молодых активистов-односельчан создавал комсомольскую ячейку в родной деревне, или про какие-то секты. Всё это имело такое же отношение к дарвинизму, как учение незабвенного Трофима Денисовича Лысенко к генетике. Недаром, один из студентов написал по завершению курса этого предмета едкую эпиграмму: «Был научный дарвинизм — стал Стекланный онанизм», но озвучил её после завершения курса.

Да, чуть не забыл! Военная кафедра или «военка», как мы её называли! Она, родная, достойна отдельного пера! Но речь в этой главе идёт только об общественных науках. А какие науки могут быть на «военке», кроме, разумеется, главной — науки

¹ Будучи во время кругосветного путешествия на шхуне «Бигль» («Ищейка») на островах Галапагосского архипелага, Чарльз Дарвин обратил внимание на удивительнейшее видовое разнообразие вьюрков — подвид птиц (чуть больше воробья) на каждом относительно маленьком островке (разные формы клювов и т.д.). Это впервые натолкнуло его на мысль о чрезвычайной видовой изменчивости под воздействием различных условий, закреплении новых признаков и, в итоге, о естественном отборе, как движущей силе эволюции. Напомню, дарвиновская теория эволюции ныне раскритикована генетиками, доказавшими, что, поскольку «работает» мизерная часть генома (совокупности генов) любого организма, то большая, «неработающая» его часть представляет собой «резерв мутаций». Запуск неработавшего до поры, до времени участка генома и является истинным материалом для эволюции и нового видообразования.

побеждать! На том же насыщенном событиями третьем курсе была одна дисциплинка, которую можно было бы здесь упомянуть: ППР — «партийно-политическая работа». Ведь мы, как будущие офицеры запаса, должны уметь вести и её. Честно говоря, сам предмет ничего, ну, ничегошеньки в памяти у меня не оставил. Промеж себя мы расшифровывали аббревиатуру ППР так — «посидели, по... ли, разошлись».

В памяти остался только преподаватель, который, помимо ППР, вёл также у нас и военную историю — полковник Салов, старенький, седой отставной военный. Запомнился он всего двумя выступлениями. Немного напоминая Софроныча, смачно пенял однажды на уроке тогдашнему президенту США Рейгану: «Он говорит, что у него есть дела поважнее мира! А что (тут он резко сдёрнул с носа очки, чего, впрочем, Софроныч никогда не делал) может быть важнее мира?! И хочется сказать ему по-нашенски, «по-лётчески»: да как же вы дошли до жизни такой, сук-к-кины сыны!!!» И, мгновенно успокаиваясь, переходил дальше: «Следующая тема урока». Или кричал, подводя итог очередной теме, резко выкинув вверх обе руки, в адрес ФРГ: «Да сгорит эта Западная Германия, как свеча! В течение десяти минут!» И так же спокойно продолжал: «Следующая тема урока».

4

«Экваторный» третий курс запомнился мне также появлением на биофаке первых иностранных студентов. Их было пятеро: Чонг Киль Ун и Ли Кым Хэк из КНДР, а также Нильс Дебус, Аннет Фекете и Бетина Либетанц из ГДР. Почему я запомнил имена? От имени факультетского комитета комсомола мне поручили проинтервьюировать иностранцев для стенгазеты «Бигль». Сперва я направился к немцам, но девчонок в их комнате не оказалось, а Нильс, угостив меня чаем, заверил, что я могу не беспокоиться, и завтра ровно в 12:00 нужный материал будет в комитете комсомола. Я согласился. Мы немножко поболтали о том, о сём, и я, уже уходя, спросил его:

— Ну, как тебе вообще здесь?

Нильс, секунду помолчав, немного сморщил лоб и, кашлянув, дипломатично ответил:

— Надеюсь, я ещё привыкну, освоюсь.

Забегая вперёд, скажу — он не только полностью освоился, но и почти натурализовался, увлёкшись самостоятельной авторской песней, спортивным туризмом и побывав благодаря этому во многих местах нашей страны. Нильс сумел прочувствовать и понять глубину души и искренность наших людей, не заикливаясь на внешней окружающей картинке и не делая из неё далеко идущих выводов. Сумел, как говорится, научиться отделять зёрна от плевел, философски отсекая негатив, неизбежно и нередко выплывающий в различных ситуациях.

Он научился ставить духовное выше материального, читать между строк и видеть «за кадром», отрешаться от официальной трескотни и ценить то сокровенно-трепетное и глубоко затаённое в душах подавляющего большинства людей, что создавало истинную общность и духовность советского народа. Именно то, что помогало нам всё правильно понимать, не унывать и радоваться жизни. Не исчезло ли это в нас навсегда? Нильсу удалось, верно подобрав нужный камертон, получить настоящее наслаждение от общего позитивного звучания нашего времени, столь зачастую незаслуженно сегодня критикуемого.

Добавить к этому дух студенческого братства, особенно зримо проявляемого в общежитиях, радость юношеских взаимоотношений, отличающихся искренностью и романтизмом... Было особенно приятно, когда Дебус встречал меня в универе и,

широко улыбаясь, приветствовал неизменной «ловлей краба» и фирменным: «Питег, здогово!», демонстрируя свой неистребимый берлинский акцент.

А у Аннет Фекете («фекете» — по-венгерски «чёрный», её отец, как выяснилось позже, был венгром) вообще случилась большая любовь с Рустемом Хайрутдиновым, «Рустом», как мы его звали, ставшим нашим одногруппником с четвёртого курса после его выхода из академического отпуска. Руст, будучи главным туристом биофака, поэтом и автором многих песен, вскоре приучил обеих немок, Аннет и Бетину, к туризму: приглашал их на турслеты в «мохотундре» или на Казанке, таскал с собой по марийским лесам, или «в Марийку», как мы выражались, — вотчину казанских туристов. «Маделс» (девчата, по-немецки) быстро освоили основные туристские навыки, пройдя тернистый путь от трогательно-беспомощных «чайниц» до туристок средней руки, чего в Германии достичь было бы весьма проблематично. Они, как и Нильс, влюбились в самодеятельную песню под гитару, нередко вслух недоумевая: «Майн готт, сколько у вас чудесных песен! Но почему по радио звучит одна ерунда?!»

Позже мне рассказывали, что Нильс Дебус, окончив университет и вернувшись домой, все отпуска проводил только в СССР, как правило, в походах, заранее списавшись с друзьями и совместив сроки отпусков. Вздыхая, он не раз говорил: «В Германии невозможно представить себе такие отношения между людьми, немцы держат друг друга на расстоянии и в душу к себе не пускают никого».

Рассуждая несколько шире, выражу собственное мнение, которое я никому не собираюсь навязывать. Историческая общность интеллектуально-духовного пространства создаёт общую ментальность, казалось бы, совершенно разных по происхождению народов. Не побоюсь утверждать, что русские и татары, несмотря ни на что, стали по-настоящему братскими народами, что бы мне ни говорили. Общие взаимосвязь, мировосприятие и менталитет — великие вещи. Ведь, как ни крути, но вроде бы славяне — поляки, например, или даже сербы — ментально намного дальше от русских, чем татары, равно как и киргизы или туркмены, от татар, по сравнению с русскими.

Самое парадоксальное, и Нильс не скрывал этого — вернувшись в Германию, он отчётливо почувствовал, что его родина стала ему несколько чуждой. И чем больше проходило времени с момента возвращения, тем острее становилось новое чувство. Как ни банально прозвучит, Нильс, наверное, постиг смысл тютчевской цитаты — «умом Россию не понять...». Скажу больше, подобное понимание и приводит к тому, что человек навсегда утрачивает двухцветное восприятие окружающего мира. Ведь не всегда «грязно», там, где грязь, как и далеко не всегда «чисто», когда кругом чистота. И я не удивлюсь, если узнаю, что Нильс сейчас живёт в России, учитывая, что восточным немцам с советскими дипломами ой, как несладко в нынешней объединённой, такой правильной, такой демократичной Германии...

А вот с интервьюируемыми северокорейскими товарищами, присланными учиться на кафедру генетики, было намного сложнее. И хорошо, что поначалу их оказалось только двое. Помогло то, что я, представившись «заместителем секретаря комитета комсомола по агитации и пропаганде» был воспринят ими, хоть и небольшим, но всё же «начальником», что существенно стимулировало их общение со мной. Русский они знали намного хуже немцев.

Чонг Киль Ун и Ли Кым Хэк поначалу очень настороженно ко всему относились, в их глазах угадывалась какая-то постоянная тревога, они почти не улыбались и были подчёркнуто серьёзными. Когда я объяснил цель своего визита, они что-то долго обсуждали, потом один из них подсел ко мне с огромным, шикарно изданным фотоальбомом на русском языке под названием «Гора Пэкту». Нет, это был не сборник горных пейзажей: в горных лесах Пэкту «великий вождь и учитель, ясное сол-

нышко и светоч разума» Ким Ир Сен поднял на священную антияпонскую борьбу весь корейский народ. Здесь он начал создавать непобедимую Корейскую народно-освободительную армию, самую прогрессивную в мире Трудовую партию Кореи (ТПК), а также разработал первые положения бессмертного великого учения «чучхе» — опора на собственные силы.

С портрета «любимого учителя и великого полководца» во весь рост и с перечисления всех мыслимых и немыслимых восторгов в его адрес и начиналась эта книга. Далее шла общая фотография членов Центрального комитета ТПК с их поимённым перечислением. Внизу каждой фотографии перед именем члена ЦК стоял определённый эпитет, например, «лучезарный» такой-то, «радужный» такой-то, «несгибаемый» такой-то и так далее — корейский язык, как и русский, видимо, лексически очень богат. Но что меня просто сразило: каждый эпитет был именем! Например, произносится «лучезарный», без конкретного имени — и каждый северный кореец прекрасно знает, о ком идёт речь.

Безусловно, я из вежливости стал смотреть эту книгу, Ли Кым Хэк, словно пятилетнему корейскому ребёнку, всё очень обстоятельно объяснял — я одобрительно мычал и кивал головой. Однако книга была о-очень большой, и, когда мы дошли до середины, я осторожно, но твёрдо напомнил им о цели своего визита — взять интервью для стенгазеты. Тем более, основной смысл демонстрации мне этой книги стал ясен уже страниц через десять: корейский народ — «самый» героический в мире, Трудовая партия Кореи — «самая» прогрессивная, а Ким Ир Сен, соответственно, — «самый» мудрый человек на Земле.

Гордые представители «самой» несгибаемой в мире страны опять начали что-то обсуждать, по-корейски, разумеется. Ли Кым Хэк (он, видимо, был за старшего), задал несколько неожиданный для меня вопрос:

— А «что» ты «хочес» услышать?

— Ну, — отвечаю, — как что? Кто вы, откуда, какую окончили школу, как оказались в Советском Союзе, почему попали именно в Казанский университет, каковы ваши первые впечатления — короче говоря, всё, что может быть интересно студентам, ведь теперь вы — одни из нас! Понятно говорю?

Они опять принялись что-то между собой выяснять. Наконец Ли Кым Хэк обратился ко мне:

— Давай!

— Давай! — обрадовался я.

В ответ он замолчал, сверля меня своими раскосыми чёрными глазами. Я понял, что, видимо, пора задавать какие-то конкретные вопросы.

— Где, — спрашиваю, — ты родился?

— В Пхеньяне.

— Замечательно. А кто твой отец?

— Рабочий.

— Прекрасно. Сколько у вас детей в семье?

— Семеро.

— Чудесно. Школа, которую ты заканчивал, носит имя Ким Ир Сена?

— Носит.

— Великолепно. Так и запишем: «Я родился в столице нашей страны Пхеньяне в большой дружной семье рабочего. Школа, которую я закончил, носит имя великого вождя и учителя корейского народа Ким Ир Сена». Годится? — предложил я, отчётливо понимая, что при таком раскладе моих сил надолго не хватит.

— Всего корейского народа! — акцентировал Ли Кым Хэк, резко вскинув вверх указательный палец.

— Хорошо-хорошо, «всего корейского народа», — согласился я.

После чего, хмыкнув себе под нос, Ли Кым Хэк опять начал о чём-то рядиться с Чонг Киль Уном. Вскоре я услышал их вердикт:

— У нас так не «писут».

— А как, гм-гм, у вас, извините, «писут»?! — подчёркнуто отчётливо спросил я, чувствуя, что начинаю терять самообладание.

Они опять стали держать совет.

— Короче! — бесцеремонно прервал я непонятный для меня диспут. — Вот вам бумага, вот — ручка, пишите, как принято у вас, я через час приду — будем переводить! Ясно?!

— «Хоросо-хоросо», — ответил Ли Кым Хэк, сбавив тон. Он почувствовал моё раздражение, а, поскольку я все-таки был «насяльник», понял, что нужно выполнять моё поряжение. Понятия о субординации у них были железобетонные...

Через часок я вновь постучал к ним в дверь.

— Ну, что, готово?

— Готово. — Ли Кым Хэк, протянул листочек, испещрённый немислимыми закорючками.

В это время в комнату пришёл третий жилец — Радик Салихзянов, высоченный нехилый первокурсник. Во время исполнения мною художественного перевода с корейского он, лёжа на кровати, тайком слушал наши потуги, время от времени неслышно сотрясаясь от смеха и накрывая лицо тетрадкой. Почему он столь старательно скрывал свои эмоции, я узнал позднее.

Процесс авторизованного перевода состоял в следующем: я предлагал пять-шесть вариантов перевода каждого предложения, а северокорейские товарищи после недолгого консилиума выбирали наиболее, по их мнению, точный. Ещё часа через три стало казаться, что корейский мной освоен свободно — сон в ту ночь явился мне на этом колоритном гортанном языке. По окончании «интервью» они написали мне на память корейский алфавит, объяснили слоговую, идеографическую (не иероглифическую!) систему построения корейского письма, научили писать моё имя и фамилию по-корейски.

И вот, наконец, вышел долгожданный «Бигль» с интервью первых на биофаке иностранных студентов. Нильс Дебус не подвёл — их заметка появилась вовремя. Они написали скупо, точно и очень просто, по существу. А рядом... Рядом с их довольно примитивным текстом красовалось давшееся мне потом и кровью интервью северокорейцев. Но, поскольку русский язык я всё-таки знал лучше немцев, «корейский» текст по звучанию и содержанию ярко контрастировал с «немецким» в лучшую сторону.

Народ, с интересом читавший статейки иностранцев, с восхищением констатировал: «Да-а, насколько корейцы лучше владеют русским, по сравнению с немцами!», так как обе заметки были подписаны их именами. Однако немногие, уже успевшие пообщаться с приверженцами великого учения «чучхе» вживую, недоумевали: надо же, насколько они умеют концентрироваться именно при написании, бывает же так! Молодцы! Написано-то просто безупречно! Но я помалкивал — пусть говорят.

С тех пор, случайно встречаясь со мной в универе, корейцы (они везде ходили вдвоём) останавливались и самым обстоятельным образом докладывали о своих делах: как успевают, какие оценки получены. Словом, скрупулёзно отчитывались перед «насяльником». Я не возражал, ради Бога.

Каждый раз я подмечал в них что-то новое: на лицах появились улыбки, изменилась походка, манера говорить, во всё более уверенной речи стали проскакивать нестандартные образные обороты, а то и студенческий сленг. И вдруг как-то слышу хохот — оборачиваюсь, вижу: мои «чучхеисты» непринуждённо болтают со своими однокурсниками, кого-то хлопают по плечу. Ну, думаю, процесс пошёл (последние два слова пока без кавычек, так как знаменитого политического деятеля, обессмертившего эту фразу, тогда знали только на Ставрополье).

Позже мне рассказали забавную историю, как на вечеринке в общежитии, куда также были приглашены корейцы, кому-то взбрело в голову исполнить смешную, песенку про китайцев, подхваченную другими гостями:

*Солнце восходит над рекой Хуанхэ,
Китайцы идут на поля.
Горсточка риса и Мао портрет —
Вот и вся ноша моя!*

Припев: уня-уня-у-ня-ня...

*Солнце заходит за реку Хуанхэ,
Китайцы идут домой.
Горсточка риса уж съедена давно,
Лишь Мао любимый со мной!*

Припев.

*Солнце зашло за реку Хуанхэ,
Китайцы давно уже спят,
Только их детишки, сидя на горшке,
Цитатниками Мао шелестят.*

Наследники идей чучхе и славных традиций антияпонской борьбы её не поняли, тем более, пелось как бы на китайский манер: речка — «рецка», горсточка — «горстацка», ноша — «носа». Лишь чуть напряглись, услышав и пытаюсь понять знакомые слова «Мао» и «Хуанхэ».

И тут неистребимый выдумщик Айдар Аюпов выдал экспромт:

*Солнце зашло за общежитие номер раз,
Студенты давно уже спят.
Только Чонг Киль Ун и Ли Кым Хэк
Цитатой Ким Ир Сена шелестят!*

Услышав святое для всех северных корейцев имя Ким Ир Сена, друзья-чучхеисты перестали улыбаться, потребовав от Айдара подробней объяснить смысл не совсем понятной ими песенки. Все гости немного насторожились: обида могла вспыхнуть смертельная.

Однако никогда не унывающий, находчивый Аюпов, не моргнув глазом, выдал:

— Ну, что тут непонятного? Солнце село, все студенты нашего общежития легли спать, только вы не спите, изучаете труды великого полководца Ким Ир Сена! Ясно?

— А-а! Понятно! Да-а, хорошо, хорошо! — Счастливые улыбки вновь вернулись на лица чувствительных корейцев. Гости, догадавшись не рассмеяться, облегчённо вздохнули, и веселье покатило дальше.

А на другой вечеринке бедные Чонг и Ли не угнались за нашими разгильдяями в выпивке («литрболисты» из них никакие) и мертвецки «отрубались» там же в гостях: Чонг Киль Ун валялся поперёк чьей-то кровати, тихонечко постанывая в тяжёлом хмельном забытьи, а Ли Кым Хэк дрых, сидя за столом и уронив голову на руки. Они остались одни в комнате: все ушли на дискотеку в красный уголок общежития. Айдар Аюпов вошёл и что-то случайно уронил.

Ли, мотая головой, обдал его мутным страдальческим взглядом.

— Ты трезвый?

— Трезвый, — пожал плечами Аюпов.

— Тогда пошёл на х... отсюда! — И кореец вновь уронил голову на руки.

Одним словом, студенты братской Северной Кореи стали всё меньше и меньше отличаться от других наших студентов, но следует заметить, что приснопамятный лидер ГДР Эрих Хонеккер занимал в сердцах и умах студентов-немцев космически меньшее место по сравнению с лидером КНДР у студентов-корейцев. На занятия в университет они ходили с одинаковыми большими значками с изображением основоположника чучхе, на полках в комнате общаги на самом видном месте стояли его труды, которые они действительно почитывали, а тумбочку между их кроватями украшал бронзовый бюст «великого полководца».

Их сосед Радик Салихзянов, сперва обрадовавшийся тому, что жильцов в комнате будет только трое (обычно первокурсников селили по пятеро), позже жаловался, что корейцы его часто достают своей непонятной подозрительностью, излишней строгостью, крайней обидчивостью и каким-то элементарным житейским «недотумкиванием». Тем более, ему сперва было интересно узнать их видение мира, но те, всегда всерьёз воспринимая любую идеологически выдержанную беседу, очень примитивно трактовали события мировой истории, и всё, абсолютно всё, подводили к главному, в их понимании, событию в истории человечества — рождению и деятельности Ким Ир Сена. Он был для них живым божеством. Конечно, Чонг и Ли не могли не осознавать скудость своих «миссионерских» потуг, но, видимо, какие-то установки они в своём посольстве получали, а потому Радик казался им вполне «по зубам».

Добавить к этому постоянный специфический запах в комнате от их присутствия, а уж когда северокорейцы, не понимая истинного назначения удобной эмалированной посуды с крышкой и большой ручкой, варили на кухне общаги рис в ночном горшке (чистом) — это стало факультетским анекдотом.

Сильно задел за живое Салихзянова один случай. Как-то раз он решил убрать в комнате. Мурлыкая себе что-то под нос, Радик вытирал пыль на их тумбочке, приподняв бюст Ким Ир Сена. В этот момент нелёгкая занесла корейцев в комнату. Увидев бюст «божества» в руках Салихзянова, они подскочили к нему, а Ли Кым Хэк, с силой вырвав «священный образ», возопил, округлив глаза:

— Оставь и никогда больше не трогай!!!

Радик опешил:

— Ты чего, упал что ли — я ж пыль вытираю!

— Всё равно, никогда даже не прикасайся к Нему!

Радик затаил злобу. И вот однажды он заметил в кипе журналов немного помятую обложку с изображением Ленина. Салихзянов вырвал её, принёс в комнату и, разгладив руками, прикрепил над своей кроватью. Лёг, закурил и стал дожидаться прихода высокоидейных соседей. Когда те вошли в комнату, он громогласно изрёк:

— Слышите, вы! Видите этот портрет? Тронете — убью!!!

Корейцы молча пожали плечами, никак не отреагировав на провокационный тон и угрозу Радика — их лица даже немного посветлели: наконец-то и у этого, в их представлении, балбеса и пустомели появилось хоть что-то святое.

Разок, кстати, и мне пришлось на них обидеться. Вскоре после их первой зимней сессии, я, встретив Чонга и Ли, спросил:

— Ну, друзья, как сдали сессию?

— Хорошо!

— А что по истории КПСС получили? — поинтересовался я, ожидая услышать «отлично», будучи уверенным: иных оценок у выходцев из страны, где изучению общественных дисциплин придают решающее значение, быть попросту не может. Но в ответ услышал банальное:

— Четвёрки.

— А чего не пятёрки-то?

— А нам это не нужно!

Как это «вам не нужно»?! Вы что, какое-то непонятное учение вашего Кима ставите выше изучения истории партии великого Ленина — основателя первого в мире государства рабочих и крестьян, уничтожившего классовые антагонистические противоречия в обществе и заложившего основы подлинной социальной справедливости? Создателя большевистской коммунистической партии — боевого авангарда пролетариата, самого революционного класса на земле? Вы же, едрид вашу, тоже иногда кличете себя коммунистами! А?!

И потом. Ваш Ким Ир Сен родился всего-то в 1912 году, когда Ленин уже был признанным вождём мирового пролетариата. Да ваш Ким «пешком под стол ходил», когда Ленин осуществил Великую Октябрьскую Социалистическую Революцию, когда исторический залп «Авроры» возвестил всему угнетённому миру о начале новой эры в истории человечества, в том числе, и вашей революционной истории!

Весь этот поток «революционного» сознания мгновенно пронёсся в голове. Я покраснел от негодования и уже открыл, было, рот, но в последний момент остановил себя. Ладно, думаю, «живите». Во-первых, не хотелось подпадать под «синдром Салихзянова». Во-вторых, подобная отповедь, несомненно, корейцев страшно бы обидела и уничтожила мои с ними добрые отношения. В-третьих, «хорошо» — это всё же не «удовлетворительно», ведь даже мой друг Ширшов отхватил в своё время трояк.

И, в-четвёртых, самое главное. Впереди ещё четыре с половиной года их учёбы в универе, продолжение курса истории партии и других общественных наук — будем работать с ними дальше. Я же видел, как буквально на моих глазах они меняются в нужную сторону, хотя и с небольшими периодическими отклонениями. Но ничего: жизнь полноценна во всех своих проявлениях. Будем следить за развитием ситуации. Время поправит.

Правда, по окончании первого курса, верные последователи теории чучхе расстались с Радиком Салихзяновым. Последней каплей, переполнившей чаши терпения обеих сторон, стала очередная ссора. Результатом её — два заявления от Радика и самих корейцев в деканат с просьбой о расселении корейско-татарского коллектива, не сумевшего разделить высокие идеалы интернациональной дружбы.

Причиной неисполнения моих надежд явилось появление в следующем учебном году на биофаке ещё семерых северокорейских студентов во главе с новым лидером их «общинки» — студентом Рим Мен Чхолом.

Как я сказал про Лигачева? «Торквемада»? Нет, товарищи дорогие, до этого высокого звания престарелому Егору Кузьмичу, как до Луны пешком. Знаменитый безжалостный испанский инквизитор Торквемада — это и есть Рим Мен Чхол, и, наоборот, Рим Мен Чхол — Торквемада настоящий. Надо было видеть его лицо: каких-либо эмоций на нем я не замечал в принципе, плотно сомкнутые челюсти, тяжёлый свинцовый взгляд, по чучхейским «канонам» оно было, по всей видимости, почти «иконописным». И как он ходил! Точнее, проносил себя — надо было видеть. По-моему, это качество могло быть только врождённым. По слухам, Рим Мен Чхол был какой-то их партийной «шишкой», но это и так не вызывало сомнений: он мгновенно изолировал корейских студентов, добился через деканат их компактного совместного поселения в общежитии, постоянно проводил с ними какие-то политзанятия.

А уж бедным Чонг Киль Уну и Ли Кым Хэку досталось по полной за год их безнадзорной студенческой вольницы — на них было невозможно смотреть без боли, точнее, боль и тоска были написаны на их немного «обрусевших» за год лицах. Наши ребята, их однокурсники, продолжали ещё какое-то время звать их в гости, приглашать на вечеринки и застолья по различным поводам, но те только глубоко-глубоко вздыхали. Впрочем, никто не расспрашивал, почему северокорейские «первопроходцы» вдруг стали «невыезд...», пардон, «невыходными»: одного лицемерия Рим Мен Чхола было достаточно, чтоб всё понять правильно.

По линии комитета комсомола биофака были попытки установить хоть какое-то идеологическое сотрудничество с посланцами северной части Страны Утренней Свежести, но позже, по слухам, был дан сигнал из деканата: оставить их в покое.

Правда, перекидной настенный фотокалендарь комитету комсомола они подарили — он целый год красовался на стене. Это «чудо» надо было видеть! О чём календарь? Естественно, о счастливой жизни в КНДР под мудрым руководством великого вождя и учителя Ким Ир Сена и его бессмертной партии. Все до единого лица на фотографиях светились блаженными, немного дураковатыми улыбками — у станков, в кабине комбайна, на улицах, сценах, в аудиториях. Участники забавной «фотосессии» казались классическими восточными фарфоровыми «болванчиками». Мне даже показалось, что их лица малость смазаны маслом или каким-то отсвечивающим кремом: на них играл солнечный или световой блик. На канонической территории «чучхейской епархии» уныние, я слышал, вообще запрещено — только песни и радость, здравицы и славословия, плакать и горевать допускается лишь специальными постановлениями партии и правительства.

В футбол около общаги северокорейские студенты играли только между собой, причём в одно и то же время, по расписанию. Однажды кто-то из наших предложил им сыграть вместе, но Рим Мен Чхол решительно отрезал: «Ми сами!»

Впрочем, выступить на ежегодном фестивале художественной самодеятельности биофака они не отказались. Посланцы севера Корейского полуострова, как сейчас, у меня перед глазами на сцене: все невысокие, черноволосенькие, коротко подстриженные, в коричневых пиджаках и синих штанах — они так и ходили на занятия. И все с одинаковым Ким Ир Сенем на нагрудных значках. Вышли строем в ногу с серьёзными минами, исполнили в унисон несильными басками песню с какой-то бесформенной мелодией про «солнце востока и великого полководца». Надо отметить, что все студенты-северокорейцы, отслужив в рядах Корейской народной армии, были

старше большинства однокурсников, правда, внешне определить это было невозможно: возраст по ним не «читался».

Доброжелательные студенты-зрители (на фестивали обычно было трудно достать билетик, давали по несколько штук на группу) от души похлопали, устроив даже небольшую овацию. Впервые, находясь за кулисами, я увидел улыбку «в исполнении» Рим Мен Чхоло: уголки его губ чуть-чуть приподнялись.

Как-то раз один их однокурсник то ли по незнанию, то ли для прикола поинтересовался у Рим Мен Чхоло:

— Слушай, Рим, а что за человек изображён на ваших значках?

— Это великий вождь и учитель Ким Ир Сен! — отчеканил тот, изобразив на лице некое подобие презрения к вопрошавшему.

— Да-а? Как интересно! А вождь кого и учитель чего, не подскажешь?

Оскорблённый до глубины души Рим Мен Чхол судорожно отшатнулся от «богохульника», как от прокажённого, после чего почемучка просто-напросто прекратил для него своё земное существование.

Однако, как правило, северокорейцев старались не задевать. Их крайняя чувствительность, доведённая до иступления, была видна невооружённым глазом. Бог с ними — живут да живут, их проблемы. Нам бы со своими разобраться.

Разок, правда, высокоидейный Рим чуть было не «огрёл». Была суббота, в красном уголке общаги вечером устроили, как обычно, весёлые «скачки» — дискотеку. Понятное дело, это мероприятие северокорейскую общину не интересовало. Точнее, интересовало или нет на самом деле — никто не знал: Рим Мен Чхол в это время всегда проводил политзанятия в читальном зале общежития, пустующем субботними вечерами. Дискуссий на них я не помню, обычно выступал сам Торквемада в северокорейской реинкарнации или кто-то другой под его железным приглядом. О чём шла на них речь, тоже оставалось для нас неведомым — выступления были, естественно, на корейском. Только тема ни у кого из наших не вызывала сомнений: теория «корейского коммунизма» — чучхе.

Всё шло у них по плану, несмотря на доносящуюся снизу музыку. Но вдруг в читалку заглянули двое наших студентов — кого-то искали. Один из них, здоровенный кабан с кафедры охраны природы был в изрядном подпитии по случаю своего дня рождения. Он окинул корейцев придирчивым взглядом, кроме них в читалке, ясное дело, больше никого не было.

— А-а, всё сидите... И не надоело вам, — начал «охранник», — шли бы лучше в красный уголок, поскакали бы, развеялись!

Тут он заметил своих «изолированных» с недавних пор однокурсников Чонг Киль Уна и Ли Кым Хэка.

— О, Киль Ун, Кым Хэк! Завязывайте с этим делом, пошли ко мне в комнату, выпьем, закусим, побазарим: у меня сегодня день рождения! Вы что-то вообще перестали к нам заходить!

Услышав это, дуэт корейских «первопроходцев» вздрогнул, панически взглянув на своего духовного наставника.

И тут Рим Мен Чхол сделал шаг вперёд, как бы заслоняя своим героическим телом вверенную ему «паству».

А подвыпивший именник, обдав Торквемаду недовольным взглядом, продолжил:

— Слушай, Рим, а ты-то чё вылез, «ёкэлэмэнэ»! Тебе не кажется, что ты уже их всех заколебал до крайности? Ты чё такой-то, блин, а? Или думаешь, что если ты иностранец, то, в натуре, в грызло от меня не получишь? Ты, блин, мне давно не нравишься! Ходишь, как этот, всё время, «ё-ма»!

Наверное, это был высший момент испытания на крепость идейного руководителя местной партийной ячейки Трудовой партии Кореи. Он стоял молча, как скала, с непроницаемым лицом — без сомнения, с такими лицами люди, готовые умереть за свои убеждения, обычно восходят на эшафот. В это мгновение Рим Мен Чхол, скорее всего, представлял себя на переднем краю битвы с идеологическим врагом, за ним плотными шеренгами стоял весь несгибаемый народ КНДР, вооружённый самым передовым в мире общественным учением «чучхе». Да что там народ! Сам Ким Ир Сен, «великий полководец и любимый учитель», незримо вдохновлял его на подвиг!

И «враг» пал! Точнее, отступил! Более трезвый приятель агрессивно настроенного «охранника», потянув того за рукав к выходу, промямлил:

— Да ладно, пошли. Чёрт с ними, пусть сидят...

Посередине семестра Ли Кым Хэк исчез. Балагур Аюпов, ставший в тот момент непривычно серьёзным, поведал однокурсникам вполголоса: к нему поздно вечером заходил Ли, попрощался — его, дескать, срочно вызывают в посольство в Москву, утром в дорогу. И еле слышно добавил: дядю дома арестовали... «Я ему, мол, не ездил, ты что? Сгинешь ведь! Неужели ничего нельзя придумать — ты же ещё здесь, а не там!» Но в ответ Кым Хэк (вообще-то это имя) выпрямился и непреклонно ответил: «Если Родина, Партия приказывают — надо ехать!» Что ж, мы это тоже, в своё время, «проходили». Но как такую утечку информации не пресёк Рим Мен Чхол — остаётся загадкой.

Так или иначе, но немного несуразного, хотя и симпатичного парня среди студентов больше не стало... В деканате на все вопросы отвечали сухо: вызван в Москву в распоряжение своего посольства. Точка.

Позже, уже в разгар перестройки, даже, по-моему, ближе к её завершению, я где-то прочитал, что Ким Ир Сен издал приказ: всех студентов КНДР из Советского Союза — срочно домой! Понятно почему: чтоб не только не подхватили «заразу» инакомыслия, но и вообще не имели понятия о том, что возможно, в принципе, инако мыслить.

6

А на четвёртом курсе начался новый предмет, «Научный коммунизм», сокращённо «научком» или просто «научка». По нему предстоял, напомним, единственный государственный экзамен.

И если доселе изучавшиеся общественные дисциплины имели хоть какой-то предмет исследования, то каково было высокое предназначение «коммунизма», пусть даже «научного», я так и не понял. Какая-то умопомрачительная заумь, тавтология, набор заклинаний и благих, но сомнительных, намерений. Какой-то несусветный замес, «попурри» из всего, что мы уже изучали до этого с добавлением новых умозаключений про совершенствование и развитие всенародного государства от стадии диктатуры пролетариата до высот развитого социализма. Или про структуру современного бесклассового общества, лишённого всяческих антагонизмов, состоящего из двух родственных классов трудящихся — пролетариата и колхозного крестьянства с «прослойкой» интеллигенцией, в том числе, в нашем лице. Опять зазвучали во весь голос привычные фразы-напоминания про «ленинский университет», как передовой край овладения марксистско-ленинским научным мировоззрением, про «студентов-ленинцев», которые должны являть собой маяки для всей советской молодёжи.

Взять, к примеру, «развитой социализм». Во-первых, я так и не добился разумительного ответа на вопрос: почему он именно «развитой», а не «развитый»? Во-вторых, почему социализм таковым считался только в Советском Союзе? Скажем,

с Польшей с её «мелкобуржуазной стихией» (85 % земли были не в государственном пользовании) всё более-менее ясно. Другие «братские страны социалистического лагеря» тоже постоянно вызывали подозрения в неискренности своих коммунистических убеждений, несмотря на признания в любви, публичные лобызания и даже горячие засосы в губы дорогого Леонида Ильича с их лидерами. Особенно с Эрихом Хонеккером — лидером «витрины социализма». Кстати, о ГДР, где порядка было побольше, обильнее и сытнее жизнь, чем в СССР — об этом не только в один голос говорили все, без исключения, побывавшие в Восточной Германии, но даже справедливо не отрицалось на одном из семинаров по «научке». Там-то почему социализм «развитым» не считался?

Вспомнил! На прямой вопрос ответ всё-таки был дан. Как говорит Задорнов, готовы? Тогда слушайте: «Дело в том, молодой человек, что в СССР достигнут более высокий уровень развития отношений между производительными силами и производственными отношениями». Ну-у-у! Вот теперь — всё понятно, какой может быть разговор! Автор ответа — препод, который вёл у нас семинары, Фарид Фильзович, фамилии не помню, с кафедры научного коммунизма, что на историческом факультете. Боже мой, даже специализированная кафедра имелась!

Но позвольте! Хоть и была отчасти понятна опасность наших «вождей» относительно кержацкой крепости чухейской «интерпретации» социализма, но если мера оценки «развитости» идёт от обратного, то «самый развитой», или, скажем так, «развитейший» социализм должен иметь место в Северной Корее? По логике-то так? Ведь там и кушать особо нечего, и, воистину, «народ и партия едины»? Правда, признаюсь что в задавании вопроса в такой формулировке я стал храбрым только сейчас. Нет, конечно, и тогда его вполне можно было бы задать — жив-здоров остался б точно. Но я же был членом комитета комсомола, да ещё заведовал агитсектором, а, значит, сам должен был уметь отвечать на такие вопросы. Могли также возникнуть сложности при сдаче госэкзамена, если бы я чересчур часто задавал их. Отсюда напрашивался закономерный вывод: извольте, товарищ «студент ленинского университета», овладевать марксистско-ленинским мировоззрением, не задавая лишних вопросов!

Или ещё один «перл». Вопрос. «Почему в Чили не смогла удержаться у власти компартия во главе с пламенным марксистом Сальвадором Альенде?» Ответ. «Главная причина поражения Альенде заключалась в нежелании и неумении осуществить установление власти диктатуры пролетариата». Блеск!

Тут я сразу вспоминал приснопамятного Софроныча, который при обсуждении перспектив мировой революции, закатив глаза, мечтательно-сладостно выдохнул: «Эх, какими бы шагами зашагал мировой революционный процесс, если бы пролетариат США взял власть в своей стране!» И ведь это говорилось не в шутку, не для прикола. А сейчас даже Зюганов стесняется рассуждать о мировой революции — засмеют в приличном обществе.

Одним словом, утверждение «пролетариат, рабочий класс — гегемон революции» и в том же духе зазвучали опять. Слева — направо, справа — налево. Но дело-то уже было с четвёртого курса на пятый, а не на первом, поэтому на мякине провести нас было уже намного сложнее. Тем не менее, какие-то совершенно абстрактные, фантастические положения и утверждения всё звучали и звучали от имени некоего вышестоящего, мифического, как сейчас говорят, виртуального, безликого существа по имени «Пролетариат». Мне всё время хотелось с ним познакомиться и потолковать о жизни. С отдельными встречающимися якобы его представителями мне как-то не везло, ау-ау — где же вы, настоящие?

Выходит — чтобы правильно воспринимать теорию «научного коммунизма», нужно родиться северным корейцем. Или стать им. Но чегой-то не хотелось — ни мне, ни моим однокашникам..

Можно даже ввести в научный обиход, обосновать и градировать новую переменную: «коэффициент северокореистости». И тогда всё, абсолютно всё встанет на свои места: у этого коэффициент повышен, у этого — понижен, а у этого счастливого — отсутствует вообще. Даже градацию стран, и, в целом, любых явлений, можно провести по этому показателю, введя новую единицу измерения — «севкор». Один «севкор», два «севкора» и так далее. Шкалу оценки — какую пожелаете: можно десятибалльную, можно стобалльную, это не принципиально..

Наконец, проскочил первый семестр последнего пятого курса. Неумолимо близилось время госэкзамена. Для комиссии готовились характеристики из деканата. Перед этим я, как политинформатор, вместе с комсоргом (Ширшовым, кстати!) готовил послужной список на каждого студента группы: какую работу вёл, каких успехов добивался в общественной жизни, в чём участвовал, ездил ли в колхозы и так далее. Потом что-то добавлялось от научных руководителей, дополнялось от кафедры и, в итоге, визировалось в деканате. Одним словом, экзамен предстояло сдавать не просто какому-то преподавателю или даже комиссии. Экзамен «наш человек — не наш человек» принимала как бы сама система.

И вот госэкзамен настал! Взяв билет, я ознакомился с содержанием вопроса: «Тенденции и направления осуществления ленинской национальной политики при развитии социализме». Хорош вопрос? Нет? Вы не правы: билет просто замечательный. На самом деле, ответ на него умещался в одной единственной фразе: «Тенденция заключается в следующем: дальнейшее всемерное развитие национальных культур при их одновременном взаимопроникновении и взаимообогащении под мудрым руководством КПСС». Всё. Садитесь: «пять».

Но это слишком упрощённо. Требовалось «налить воды», минимум, — минут на пять-семь, максимум — на десять-пятнадцать, уж кто как сумеет. Я привычно открыл рот и... Уф, друзья, что-то я и сам уже устал от этой «списфисской» риторики, да и вас, наверное, успел ею притомить, сколько можно?

Слежу краем глаза: ага, достали мою характеристику, ага, читают — ну, что, в ней всё гладко, как-никак сам на себя писал. И бессменный политинформатор группы в течение всех пяти лет учёбы, и три года заведовал агитсектором в факультетском комитете комсомола, и неоднократный победитель конкурсов лекторов и политинформаторов, и активный участник художественной самодеятельности, и горный турист. Ещё и учился без троек. Одним словом, «наш человек». По лицам экзаменаторов стало видно: «система даёт добро». И точно: «достаточно, спасибо, вы свободны!» Уже про себя, не волнуясь за итог, я заранее промолвил: «Садитесь, пять». Так оно и вышло: «система» меня отметила на «отлично».

Однако стоит заметить, что госэкзамен по научному коммунизму с первого раза сдали не все студенты. Несдавших оказалось трое: Андрюша Ширшов (он лишь пару раз был на лекциях), Фарид Габдуллин — самый большой, хоть и скрытый, антикоммунист на курсе и студент из Дагестана — Шамиль Омаров. Андрюша-наглец как-то на ремарку преподавательницы «что-то я вас на лекциях не припомню» ответил взаимностью: «Я вас — тоже». Они сдавали «научку» аж после военных сборов, когда все остальные уже получили на руки дипломы. Сдавали так себе, почти не готовясь, что-то промямлили преподам, заработав свои «достойные» оценки. Зачем, спрашивается, только людей мурьжили?

Но «система» не только отметила меня положительной оценкой по научному коммунизму, но и «заметила», к тому же, ещё раньше госэкзамена.

На третьем курсе секретарь комитета комсомола биофака Валера Князев, впоследствии преподававший на кафедре охраны природы, спросил меня: как ты относишься к перспективе твоего дальнейшего секретарства на моём посту?

Спрашиваю:

— А почему именно я?

— Видишь ли, — ответил Валера, — во-первых, ты мне симпатичен. Во-вторых, мы, партийно-преподавательский состав факультета, всё время анализируем студентов на предмет «подходит нам — не подходит». Ты по всем признакам подходишь.

— Ну, — немного опешил я от неожиданности, — я пока не готов к этому.

— А тебя никто и не торопит. Время есть, учись, работай. Всего доброго!

Конечно, в тот момент мне было приятно услышать такое. Незыблемость существовавшей в те годы системы не вызвала сомнений, и правильно «вписаться» в неё с самого начала было весьма важно. К тому же, фраза «по окончанию университета оставлен на кафедре» была магической, истинным символом твоего преуспеяния по жизни — очень и очень многие к этому стремились всеми силами, хотя, не стану скрывать, не все.

А в конце четвёртого курса, когда я уже приступил к выполнению дипломного проекта, о чём речь впереди, разговор «в тему» продолжил мой шеф Борис Михайлович Куриненко — руководитель проблемной лаборатории № 7. Говорил он тоже предельно откровенно: «Мы подыскиваем нужных нам людей, а Вы, Петя, производите приятное впечатление, не хотелось бы нам в Вас ошибиться!» Похоже, «верным курсом иду, товарищи». Что ж, добро...

7

Почему я объединяю понятием «система» оба компонента: и профессорско-преподавательский состав, и функционеров от комсомола и партии? А как иначе! Если хочешь преподавать или просто работать в ВУЗе, то требуется доказать свою верность «системе», поучаствовать в комсомольской работе, повыступать на собраниях, выявлять недостатки и бороться с ними, принимать личные комплексные планы, проходить Ленинские поверки, сдавать Ленинские зачёты. И только попробуй хоть раз оступись! «Система» заметит и запомнит всё.

Ну, а хочешь расти, возглавить кафедру, а, тем более, факультет — пожал-те в Ленинскую партию. Даже просто доктором наук без партбилета стать было весьма затруднительно. Но вступить туда представителю презренной, не имеющей чёткой классовой ориентации «прослойки» было ох, как непросто, хоть на завод к станку топай! А в партии уже другие «правила игры», совсем, между прочим, не смешные — это вам не комсомольские «игрища».

Однако, чтобы наверняка попасть в настоящую «обойму», гарантирующую превращение из функционера общественного в элиту системы — функционера «номенклатурного», необходимо было стать членом университетского, или, как мы его называли, «большого» комитета комсомола.

Члены «большого» комитета слыли ребятами подчёркнуто принципиальными и бескомпромиссными — к этому обязывало их положение, необходимость подачи личного примера всем остальным комсомольцам. Время от времени ими устраивались публичные «порки». Например, за одну единственную совершенно невинную, на мой взгляд, фразу («студенты едут в стройотряды, чтобы, в первую очередь, заработать») был немедленно исключён из комсомола один из командиров стройотряда. Это вызвало недоумение многих студентов: командиром тот был сильным, просто,

увлѣкшись спором на одном из заседаний «большого» комитета, не «профильтровал свой базар» в нужном месте. Необходимость постоянного оправдания высокой ответственности накладывало на членов комитета определённый отпечаток: лица у них были чуть-чуть «римменчхоловскими».

Безусловно, звание члена «большого» комитета комсомола ко многому обязывало. Однако, глядя на них, мне было интересно: бухают ли они на чьих-нибудь днях рождения, орут ли во всю глотку песни, умеют ли хохотать, держась за живот, «скачут» ли на дискотеках, матерятся ли, «подкатывают» ли к девчонкам. Что надевают на себя вне стен университета — в Альма-матер они всегда ходили в костюмно-галстучной униформе. Но спросить об этом я стеснялся. Хотя, в целом, ребятами они были вполне адекватными, не в пример своему северокорейскому коллеге. Я знал и работал с некоторыми из них.

Некоторое время руководил работой университетского комитета комсомола Мурат Гадыльшин — ленинский стипендиат, студент то ли мехмата, то ли ВМК (факультета вычислительной математики и кибернетики). Он после окончания универа стал одним из секретарей горкома комсомола города, то есть осуществил желанный для многих переход в стройные ряды «партийной номенклатуры». Комитет комсомола ленинского университета для него стал потенциальным трамплином в серьёзную карьеру.

Величиной номер два в «большом» комитете комсомола был руководитель идеологического сектора Алексей Снашков — худой, высокий, всегда несколько утомлённый, спокойный молодой человек с печальными глазами. Ему посчастливилось в последующем даже закончить ВПШ (Высшую партийную школу) при ЦК КПСС, что гарантированно обеспечивало достойный карьерный рост. Однако в разгар горбачёвской перестройки я случайно заглянув в «большой» комитет и увидев Лёшу, был озадачен. Глаза у него стали ещё более печальными: новый курс на «обновление социализма, демократизацию и гласность» спутал карты очень многим, в том числе, похоже, и ему. Больше я со Снашковым не встречался, и какова его дальнейшая карьера не ведаю.

Ну, а моим непосредственным куратором был заведующий агитсектором «большого» комитета, студент юрфака Игорь Шевцов — парнишка деятельный и спокойный. Он, обрисовывая мне «планов громадьё», с горечью, но, тем не менее, совершенно искренне, говорил: «Ну, почему, почему в тридцатых годах люди несли последнее, чтоб наша промышленность развивалась, страна сильнее была, а сейчас такого нет? Значит, надо работать, чтобы люди стали такими же!» Мечтатель Манилов, чёрт возьми! Или ещё один его перл: «Что значит — не хотят? Хочу — не хочу для них кончилось, когда они подали заявление о вступлении в комсомол!»

Вообще же, организационно сектор агитации и пропаганды вместе с культмассовым и военно-патриотическим входил в состав идеологического сектора — структура организации была одинаковой и для «большого», и для «малых» (факультетских) комитетов комсомола. Но многочисленная армия политинформаторов академических учебных групп университета была в ведении факультетских агитсекторов. Я сам ежегодно проводил на биофаке конкурсы политинформаторов групп, их победители соревновались далее уже на университетском уровне.

К тому же я продолжал регулярно проводить политинформации в группе. Вспомнилось, как на первом курсе ещё не «выдрессированные» мною подгруппы, не дождавшись окончания очередной политинформации, ринулись на выход, но я, встав грудью, не дал открыть дверь. Мне удалось усадить несознательных студентов обратно лишь с помощью подоспевшего на выручку Ширшова, заставив их дослушать политинформацию до конца. Больше такого «безобразия» в нашей группе не повторялось. Интересно, на сколько «севкоров» это потянет?

И вот, на третьем или на четвертом курсе я победил на факультетском конкурсе (победитель определялся голосованием), пройдя на университетский этап. Решил выпендриться: вместо беспроблемной темы про польский кризис начала восьмидесятых годов, с которой одержал победу на факультетском этапе, я выбрал более чем спорную тему: «Мода, престиж и собственное «я».

Доложилась уверенно, народ слушал с интересом, но, по завершению своего выступления, нарвался на довольно жёстко заданный вопрос Снашкова, сидевшего в президиуме:

— И в чём же, Вы считаете, причина увлечения буржуазной модой у определённой части советской молодёжи?

— Ну, — отвечаю, — причин несколько: и в усилении идеологической войны против нас со стороны капиталистического Запада, и в заметном улучшении условий жизни в нашей стране, и в ослаблении работы с молодёжью со стороны партии.

Снашков и Шевцов, тоже находившийся в президиуме, как по команде, резко обернулись в мою сторону и одновременно раскрыли рты. Однако, согласно «табели о рангах», энергично парировать подобное еретическое утверждение, точнее, его последнюю часть, да ещё прозвучавшую прилюдно, полагалось главному идеологу универа — Снашкову.

— Партия! Никогда! Не ослабляла! Работу! С молодёжью! — отбил он, как молотом, и, повернувшись к аудитории, добавил. — Следующий участник конкурса.

Я, ещё не осознавая всей тяжести «содеянного», сел на место, не сомневаясь в том, что уж в тройку-то призёров попаду обязательно — выступление мне и самому понравилось. Но моё имя нигде не прозвучало.

На следующий день я, случайно встретив Шевцова поинтересовался:

— Ну, как моё выступление?

Он посмотрел на меня, как на дурачка.

— И у тебя ещё хватает наглости спрашивать?! Как ты мог сказать «партия ослабила работу с молодёжью»?!

Ну, и дальше, в том же духе. Я стоял, краснея, не от стыда, а от злости: а что, Игорёк, разве я не прав? Если под «работой» ты подразумеваешь официальную трескотню, мероприятия «для галочки», шефскую помощь селу и прочую фигню, пусть и активно навязываемую, то докажи мне, в чём я не прав! Наверное, такие, как ты, только рангом повыше, запретили Грушинский фестиваль бардовской песни или приказывали вылавливать силами БКД и ОКОД (сможете вспомнить расшифровку этих аббревиатур?) студентов около храмов Божьих во время служб. Но я не стал развивать тему — с Шевцовым спорить было бесполезно.

Кстати, стоит попутно отметить, что многие шли в ОКОД, чтоб заниматься каратэ, тоже официально запрещённым в те годы видом спорта. Не буду заставлять вас напрягать память: БКД — это «боевая комсомольская дружина», а ОКОД — «оперативный комсомольский отряд дружинников», или, по-иному, «юные держинцы». Чем они отличались друг от друга, уже не помню. Эдакие немного воензированные формирования из комсомольцев, правда, на добровольной основе, призванные помогать милиции в патрулировании улиц, в проведении массовых мероприятий, в работе с недисциплинированной молодёжью. Многие активисты БКД и ОКОД впоследствии сделали карьеру в рядах МВД и даже КГБ. Так вот, каратэ для них было «разрешено», поэтому некоторые шли туда, чтоб, получив полезные навыки, «слинять» оттуда через некоторое время. Но не надо путать с ДНД — «добровольной народной дружиной», куда «гоняли» на дежурства в добровольно-принудительном порядке. Отдельные несознательные «уклонисты»

от ДНД могли лишиться стипендии — за этим следил главный «ДНД-шник» факультета студент Чертопьятов.

Не стану утверждать, что система поставила мне «на вид» за крамольный ответ на конкурсе политинформаторов, но «шаров» не добавилось точно. О! Попутно вспомнил градацию взысканий по комсомольской линии: поставить на вид, объявить выговор, строгий выговор, выговор «с занесением», строгий выговор «с занесением». «С занесением» — в личное дело комсомольца: система учитывала всё. И, как «высшая мера», — исключение из рядов ВЛКСМ. После этого вполне возможно было и из университета вылететь.

Нетрудно заметить, что пострадавший некогда на «большом» комитете командир стройотряда одним махом проскочил по всей лесенке наказаний всего за одну только крамольную фразу про истинный стимул студентов работать в стройотрядах. Итог: «Анафема!» Рим Мен Чхо-о-ол? Где ты, родной?

Весной 1984 года мой друг, студент-почвовед Олег Волков, по кличке «Насибулла», происходившей от его прежней фамилии Насибуллин, крепко «въехал» в свою будущую жену Светочку Пешкову с генетики, оба они были курсом младше меня. Светка была удивительной девчонкой: доброй, отзывчивой, непосредственной, обаятельной — от неё шёл как бы внутренний свет. Весёлая, юморная, компанейская, стройная, симпатичная, артистичная — участница очень популярного у нас на факультете театра миниатюр «Динь-динь».

Как-то жарким днём идём: я, Ширшов, Насибулла и Света из столовки, что на физфаке. Точнее, «идём» — мягко сказано: весело хохоча, скачем, как козлики, стреляя друг в друга шариком от настольного тенниса из игрушечного пластмассового пистолета с широким стволом. На Светочке надеты лёгкая футболочка, озорные штанишки-бананы, светлые волосы на голове собраны немного вбок «конским хвостиком».

Проходя мимо открытых окон помещения «большого» комитета комсомола (он был на первом этаже главного здания), мы заметили, что там идёт какое-то очередное, очевидно, очень важное, собрание — выражения лиц «комитетчиков», резко контрастируя с солнечным приветливым днём, красноречиво свидетельствовали об этом. Председательствовал на нём тогдашний секретарь, «сахарь» Олег Горянин — по национальности то ли якут, то ли алтаец.

Светочка, смеясь, предложила нам:

— А давайте в них стрельнём, чего они сидят, как эти!

Мы, комсомольцы-добровольцы, немного опешили:

— Как — так, стрельнём?

— А вот так! — Светка «пальнула» в открытое окно: вытолкнутый пружиной пистолетика шарик пролетел вдоль длинного стола, за которым угрюмо заседали комсомольские вожаки. Мы, заржав, убежали от окна прочь.

Вволю нахохотавшись, я с грустью сказал:

— Но шарик-то жалко, «боеприпасов» у нас больше нет!

Светуля совершенно не смутилась:

— Да я сейчас его принесу!

— Из «большого» комитета?!

— Ага! Откуда ж ещё?

Мы вместе зашли в главный корпус и пошли к «большому» комитету, держась от Светки на некотором расстоянии — было страшно интересно, как отреагируют на её визит строгие «комитетчики». Она запросто, без стука, без всяких там «можно войти?» заскочила в мрачноватое помещение, где шло угрюмое заседание, и, улыбнувшись, весело чирикнула:

— Привет, ребята! Тут у вас шарик не пролетал?

«Мрачноватое помещение» тут же озарилось улыбками «комитетчиков», даже Снашков залыбился — я наблюдал за этим незабываемым зрелищем из-за угла. Только официальный зануда Горянин медленно встал со своего кресла в голове стола с возмущённой миной.

— Какой ещё ш-ш-шарик?! Что за шарик?! Это что за безобор-р-разие такое?! Девушка?! А?!

Светочка, держа игрушечный пистолетик обеими руками, направила его на Горянина, и, обдав возмущённого функционера очаровательной улыбкой, хихикнула:

— Поговори ещё у меня! — и, подняв шарик с пола, упорхнула в дверь.

Через пару секунд мы услышали дружный, немного приглушённый гоготок «комитетчиков», оценивших шутку студентки — уж не знаю, как дальше пошло заседание.

Меня же снедал вопрос: а интересно, возможно ли такое в Северной Корее, особенно если бы шарик чмокнулся в бюст или изображение «великого полководца»?

Мда-а... Очень бы хотелось узнать, как сложилась дальнейшая судьба и карьера самых «больших» университетских комсомольцев — Гадьлышина, Горянина, Снашкова, Шевцова... Где они сейчас работают, где живут, какие взгляды «исповедуют»? Согласно статистике, не более 10 % бывших коммунистов подтвердили свои убеждения в виде членства в различных российских компартиях после впечатляющего обрушения всего здания государственной партийности, глобального идеологического доминирования КПСС. Тогда как, по всей видимости, остальным девяноста процентам на всё на это было глубоко... Но кто бы в то время мог это предвидеть?!

Сейчас, конечно, многие «вякают»: я предвидел, я чувствовал, я знал, что... Да ни хрена вы, господа «провидцы», не чувствовали и не предполагали! И я — в том числе.

И последнее. Удивительно, но факт: сможет ли кто-нибудь назвать мне две-три основные фундаментальные работы Ленина. Не пересказать содержание или привести какие-то цитаты из них, а всего то — назвать. Назвать! Ведь любой образованный человек выдаст, не задумываясь, главные произведения, скажем, Толстого, Достоевского, Шолохова или Булгакова. Даже старику Марксу, в этом плане, повезло почему-то больше, чем «дедушке Ленину», ибо вопрошаемые мною бодро выдают: «Капитал»! А как же самый массово изданный за всю историю человечества и переведённый на все языки мира «литератор», как сам себя именовал Владимир Ильич? А вот так, значит, выходит... Почему? Не знаю.

8

«Я — мост!» — аллегорически утверждал Евгений Евтушенко в поэме «Казанский университет», написанной к столетию со дня рождения Ленина. «Мост», естественно, между прошлым и будущим. Вот только где искать опоры для моста истории, пусть даже в лице популярного поэта? Евтушенко в 1970 году перекинул его между «сходкой» студента Володи Ульянова и современным собирательным образом студентки Казанского университета «с глазами народоволки». Позвольте, поэт, позвольте!.. Ваша метафора напоминает мне кое-где сохранившиеся до сих пор, возведённые ещё при товарище Сталине мосты в тайге и тундре для так и не построенной Транспорной железной дороги. То есть, мост есть, а путей в ту и другую сторону — нет. И никогда не будет. То есть это — мёртвый мост.

«Мост» ли я сам? Полноте, милостивые государи, — так, хлипкая дощечка. Вот только опоры, думаю, у меня будут надёжней: славное дореволюционное прошлое Казанского Императорского университета и нынешний универ, восстановивший пер-

воначальный вид исторического актового зала и приваривший ту пресловутую перемижку буквы «И» в кованной некогда на совесть славянскими буквами аббревиатуре «КИУ» на воротах. Да и название улицы, на которой стоит моя Альма-матер, изменили с Ленина на Кремлёвскую, хотя до революции она именовалась Воскресенской.

Конечно же, для прочности конструкции «моста» нельзя не поставить между конечными опорами несущий бык в виде научных достижений моего универа и многих известных имён советского времени: физиков Завойского и Альтшулера, математиков Четаева и Чеботарёва, химиков отца и сына Арбузовых, биологов Самойлова и Ливанова. Да много ещё кого. Даже нас — простых студентов, пусть и бывших.

Только не «преподов» научного коммунизма и истории КПСС, вкупе с комсомольско-номенклатурной братией, с которой когда-то я и сам тоже был ассоциирован. Кто их кроме меня сегодня припомнит? Но совсем забывать их тоже не стоит: всё же некоторые из них, получив хорошее образование и, будучи, в целом, умными людьми, занимаются, надеюсь, нужным делом.

Понятно ли то, что я пытаюсь донести, нынешней автоматизированной, компьютеризированной, интернетизированной, телефонно-мобилизированной, блогизированной, скайпированной и ай-си-кьюированной молодёжи? Не знаю, надеюсь на это, ведь, в любом случае, историю отцов стоит знать и уважать. Тем более, что левые идеи нынче опять в моде, особенно у той же молодёжи. Сейчас популярно порассуждать о социальной ответственности бизнеса, о социальной направленности государственной политики. Но — и тут проходит водораздел — стану настаивать: левые и коммунистические идеи — совсем не одно и то же! Кстати, в Северной Корее Интернет, в нашем представлении, запрещён — есть, я читал, только один дохленький провайдер внутри страны, да и автомобилей в личном пользовании единицы, и то с разрешения ЦК ТПК и исключительно в порядке поощрения передовиков производства.

Мне возразят: когда коммунисты были у власти, люди были добрее и человечнее, да я и сам об этом упоминаю! Но тогда, и в этом я тоже не оригинален, народ «доедал» остатки исконной, богоугодной духовности и морали; в те времена ещё жили и здравствовали миллионы «моих патриархальных бабушек», овдовевших, в большинстве своём, во время Великой Отечественной войны. И, по мере того, как их становилось всё меньше и меньше, нарастал пассионарный, по Гумилёву, разлом между «тем» народом и «этим».

Безусловно, огромную роль в этом нарастающем процессе сыграло какое-то маниакальное стремление вождей и идеологов двигаться к достижению некоего неясного общего состояния: «от каждого по способности, каждому — по потребности». При этом приносились обильные «обрядовые» жертвы. Во имя чего, например, сложили головы наши ребята в Афгане?

Но, скажите на милость, КАК определить этот самый уровень «потребности», и КТО его сможет определить? Рим Мен Чхол и ему подобные? По всей видимости — да. Тогда понятно... Уж они-то сумеют правильно навязать его, они-то научат радоваться каждой пайке, лишь бы не промокало и не жало. Как пел, в своё время, «Наутилус Помпилиус»: «нищие молятся, молятся на то, что их нищета гарантирована...».

Обожаю телесюжеты из Северной Кореи. Как они маршируют, какие грандиозные массовые парады и меропрятия проводят! Это сколько же нужно времени, чтоб так всё отточить? Поднята рука — и тысячи людей плачут от умиления в адрес Ким Ир Сена или его сыночка, раздаётся команда «Фас!» в адрес проклятого американского империализма — и поднимается дружный «лай». А, впрочем, в адрес любого, на кого укажет «земное солнышко». Что ж, технологии зомбирования, подобно ремеслу гаитянских шаманов — бокоров Вуду их северокорейскими «коллегами» освоены в совершенстве.

Нет, товарищи дорогие, это не абстрактная картинка — это мы в нашем несостоявшемся будущем. Смотрите и «наслаждайтесь»! В словосочетании названия страны — Корейская Народно-демократическая Республика (КНДР), правдиво только одно слово — «Корейская». Нет, я решительно не хочу быть «северным корейцем»!

О-хо-хо! Было, было, было... Оттрезало и ушло. В последующие годы мне довелось близко познакомиться ещё с одним элитным университетом страны — Новосибирским. Я сдавал на его базе кандидатские минимумы по английскому и философии, НГУ окончили мои дети. Фраза «Ленинский университет» не звучала в его стенах никогда, и, вообще, съехавшиеся в хрущёвскую оттепель со всей страны признанные и непризнанные учёные создали особую неповторимую атмосферу тогдашнего Новосибирского Академгородка.

Под стать им были воспитаны и студенты: бытовало высокомерное, и даже несколько пренебрежительное, отношение к общественным дисциплинам, а существование комитетов комсомола как «больших», так и «малых», никто особо не замечал. Исторический концерт Галича незадолго до его высылки из страны, вольнодумство, научная деятельность академиков-экономистов Заславской и Аганбегяна — «акушеров» перестройки...

Но не хочется мне в связи с этим кидать камень в огород моего родного университета, ведь если бы Ленин учился не в Казани, а в Новосибирске, пардон, в Новониколаевске... Правда, в пору молодости «дедушки» Ленина Новониколаевска ещё не существовало.

Да и, в целом, не хотелось бы выглядеть и считать себя оппонентом системы той поры, другой тогда не было, и не просматривалось даже в отдалённой перспективе. Любая система должна уметь не только себя сохранить, но и воспроизвести, тем более, многие, очень многие страстно жаждали стать её частью, мгновенно схватывая принятые в то время правила игры. К тому же, она, система-матушка, соглашусь, была не самой плохой: относительно приличные стипендии, бесплатное высшее образование, гарантированное трудоустройство по специальности.

Единственное, что мне не нравилось в ней — обилие добровольно-принудительных повинностей и жёсткая смычка между собственно наукой, образованием и классовой идеологией. Не исключено, что преподаватели-ветераны, которые, по-прежнему, преподают, могут и не вспомнить отличия государства диктатуры пролетариата от государства всенародного. Я, кстати, и сам подзабыл. А то вообще могут пожать плечами, мол, что-то не припомню, неужели так, в самом деле, было? И не сомневаюсь, что сегодня согласятся с непреложной истиной: наука и высшее образование должны быть беспартийны...

От редакции: Желающие приобрести книгу Петра Муратова «Встретимся на «Сковородке» или связаться с автором, могут обратиться к нему по электронному адресу: murat@online.nsk.su

АГОНИЯ ТРИУМФА

ПОЭМА

Об авторе. Необходимые пояснения.

Сопин Михаил Николаевич родился в 1931 году в селе Ломном Курской (ныне Белгородской) области. Мать из украинского рода (Нидбай), отец русский. Многодетная материнская семья была «на разломе»: белые, красные, махновцы...

В 1932 году семья бежала от голода в Харьков. Отец — испытатель танков на Харьковском танковом заводе, в 1937 году был арестован, через несколько месяцев выпущен и почти сразу умер от скоротечного распада лёгких. Мать — рабочая. В семье было трое детей.

В сорок первом Михаил уходил из Харькова в колонне беженцев. Пережил оккупацию в Ломном, бои шли прямо у них во дворе. Вместе с бабушкой оказывал посильную помощь раненым, выводил из окружения бойцов Красной Армии в 1942 году. У него на руках умер младший брат, погибали друзья. Принимал участие в боях в армии генерала К.С. Москаленко. Дошёл до Потсдама. Впечатления этих лет преследовали Михаила всю жизнь.

В послевоенный период трудился в колхозе, закончил ремесленное училище в Харькове, вместе с матерью работал на заводе токарем.

В первый раз был арестован за хранение оружия, отбывал на строительстве Волго-Дона. Вторично — по Сталинскому Указу от 4.06.47. Срок в 15 лет отбывал в пермских северных лагерях.

В лагере закончил заочно десятилетку. Там же начал всерьёз писать стихи. По отбытии срока переехал в Пермь. Трудился сантехником, имел семью, двух сыновей. Но его не печатали. Однажды в отчаянии обратился к известному критику В.В. Кожиннову, и тот Михаила поддержал, но для того, чтобы пожелания превратились в действие, нужно было переехать в Вологду.

В Вологде получил поддержку местной писательской организации. В 1985 году в Северо-Западном книжном издательстве вышел его первый сборник «Предвестный свет», в дальнейшем — сборники «Судьбы моей поле», «Смещение», «Обугленные веком», «Девяносто третий год», «Молитвы времени разлома», «Свобода — тягостная ноша». С 1991 года — член Союза писателей СССР, который вскоре развалился на несколько Союзов.

Публиковался в коллективных сборниках, в журналах «Наш современник», «Новый мир», «Москва», «Юность», «Север», «Подъём» и других. Однако большая часть наследия осталась в рукописях.

Умер 11 мая 2004 года. Похоронен в Вологде.

Только перечень книжных, журнальных и газетных публикаций Михаила Сопина занимает 12 страниц. Обширна география: Москва, Вологда, Пермь, Белгород, Воронеж, Харьков, Архангельск, Екатеринбург, США, Лондон, Израиль... Автор опубликован в альманахе «Академия поэзии» (2005 год), в сборнике «Шрамы на сердце», изданном к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Тем не менее, большей частью его наследие остаётся неизвестным широкому кругу читателей

Поэма «Агония триумфа» публикуется впервые.

1

Да, есть страх,
 Есть ответственность:
 Вдруг я о чем-то забуду,
 А потом обленюсь,
 А в душе, в глубине — отрекусь!
 В безымянных степях
 Голубые глаза незабудок
 Тех, с кем хлеб я делил.
 Откажусь — не прощай меня, Русь.
 Здесь я в детстве летал!
 И в нежнейшем ракивовом лепете
 Есть мой радостный голос.
 Так больше теперь не поют.
 Злые силы меня превратили
 В ослепшего лебеда
 И пустили на волю,
 Навек осквернив мой уют.
 Запах жёлтых ракив...
 Перед вечными, может, метелями...
 Мой загубленный край,
 Всё изведав, меня ты поймёшь!
 Для кого над землёй,
 Окантованной пихтами-елями,
 Знаки тайные пишет,
 Шипя по периметру, дождь.
 Провожая в полночь,
 Сычи мне вослед чутко охнули.
 А потом далеко-далеко,
 Будто выплеск крыла,
 Прошумело, прошло,
 Словно дождь за железными окнами:
 То ли сон, то ли явь.
 Может быть, это жизнь и была?
 Время жёлтых ракив.
 Как мы поздно становимся мудрыми,
 Так нелепо приветствую
 Мыслей не наших полон.
 Лики храмов бревенчатых,
 Вслушайтесь в голос заутрени:

Возвратилась душа моя к вам,
 На последний поклон.
 Отрыдать, отмолиться
 За всех и за все.
 Вы ведь знаете:
 Вечность неба и воля,
 И крылья спасали меня.
 А глухие сердца
 Не сумели расправиться с памятью —
 Чем я жил и живу,
 Буду жить до последнего дня.
 Через тысячи мук,
 Через множество лет ожидания,
 Через тундровый наст
 Сердце чуяло травный укос...
 Не казни — не зови меня
 В близкое давнее-давнее,
 Где так нежно и жутко,
 Так легко и так тяжко жилось.

2

Тени снов — ребятишки,
 Под радугой — солнечнотелые!
 Поразительность вечности.
 Миру — ни края, ни дна.
 Облака над горой
 Развернулись хоругвями белыми.
 Поезд, в вечер въезжая,
 Дал голос у Песочина.
 Ах ты, прошлое,
 Степь моя — тропка, бегущая ровненько.
 Загоришься, закорчишься —
 Стали лицом мы к войне.
 И кусками, стоп-кадрами
 Рвётся и крутится хроника,
 Черно-белая лента
 Моих полыхающих дней.
 И осталась за кадром
 Изба, где певали по вечеру
 Серебром голосов

О замёрзшем в степи ямщике.
 Я бежал под навес,
 И лошадины губы доверчиво,
 Согревая теплом,
 На моей замирали щеке
 Перед тьмой грозовой...
 Смолкла песня.
 И лязгнули траками.
 Взрыв округу потряс:
 Рухнул храм.
 Пала пыль по росе.
 И пошла моя жизнь по околицам
 Да буераками,
 От казённых вожжей
 Резко взяв стороной от шоссе.
 Сорвалось, промело...
 Сколько лет было лютых и снежных!
 И ловил я в снегах
 Позывные из детства: «ку-ку»...
 И у печки в бараке
 Полынная блазилась нежность –
 Как в далёком былом
 Яровой стебелёк на току.
 От звонка до звоночка
 Оттопал, проползал, проехал –
 Сиротой беспризорной,
 Разгвазданный болью войны.
 Отпусти, отпусти,
 Не зови меня.
 Чёрное эхо,
 В две ушедших навек,
 В две навек дорогих стороны.

3

Я едва согреваюсь
 У вьюжного белого полымя,
 Правым боком припав
 К продувному судьбы пустырю.
 И поёт мне метелица
 Голосом дикого голубя,
 И с замёрзшей улыбкой –
 Не помню уж сколько, стою.
 Где вы, други мои,
 Беспризорная вольница пашен?
 Между детством и старостью
 Вбуханы годы – не в счёт.
 Перед жёстким законом
 Уж больше руками не машем,
 Лишь

Меч времени
 Головы белые наши сечёт.
 Все плотнее метель.
 Все теплее ловлю колыбельную...
 И хочу, чтоб так длилось.
 И ветер прошу:
 «Ты подуй».
 И зелёной звездю
 Снежинка в ладонь мою белую
 Опустилась, как с ёлки,
 В туманно-буранном году.
 Так вручила мне Родина
 Чашу надежд и страданий.
 И сказала без слов:
 «По делам твоим, сын мой, испей –
 За добро, за расправу
 Над братьями и над стадами,
 За дурман родников,
 За хлеба ядовитых степей».
 Экипажи России,
 Во мне ещё кровь не остыла.
 Поднимаясь, быть может,
 На свой предпоследний бросок,
 Салютует вам, братья-славяне,
 Поэт, смертник фронта и тыла!
 Сердцем к сердцу – я с вами,
 К виску прижимая висок...
 Перепахано траками жито.
 И рваное солнце.
 Миномётные взрывы
 Отсекают подходы к холму.
 Нервной цепью, без крика,
 Сутулясь, бегут рокоссовцы.
 Бьют лениво МГ
 По последнему...
 По одному.
 Вот за вас пил сырец
 Я, пацан, на расстрелянном поле.
 Всё в груди. С этим жить мне
 До точки, до смертного дня.
 За Победу, солдаты!
 Я знаю:
 Не выйдет без боли.
 За Победу,
 Солдаты,
 Со мною и после меня.
 Так и только – на равных,
 Без скотско-лакейской морали:
 Самокруточка-«сорок»,

По фляге глоток – пополам.
 Нас по поздней морали
 Не раз и не два обокрали
 Грязью чистых анкет,
 Дефицитом любви и тепла.
 Подсобить? Погодим.
 На расправу – гуртом, как на вече.
 Неизменный наш почерк
 Или путеводная нить?
 Признак нашей любви –
 Неуёмная жажда увечий:
 Лишь добив до конца,
 Начинаем жалеть и щадить.
 К вам мой голос, потомки,
 Сейчас, в лихорадочном спринте,
 Все по той же системе
 Ведут словоблуды войну.
 Продолжающих жизнь
 Заклинаю:
 Холопство отриньте,
 Чтоб не мыкать сынам
 Тягомотную нашу вину.
 Однолюбы судьбы,
 Огневые солдаты и дети,
 Забинтованный болью и памятью,
 Чтоб не реветь,
 Я прощально машу вам, родные,
 У края столетья,
 Провожая себя
 Со штурмгруппой
 Идущих на смерть.

4

Все осмыслить хочу,
 Разглядеть сквозь бинты декабрей:
 Как героика масс
 Превращается в общую робость?
 Неужель по команде:
 «Зло кончилось! Будьте добрей!»?
 Можно вывеску «Рай»
 Нацепить на духовную пропасть?
 Вот за то, что не слеп по команде -
 Стал тенью от века.
 Не заплатят семье.
 Путь мой жизненный не уследят.
 К покаянию души
 Я годами иду в свою Мекку
 Одиноко и молча,
 Как пропавший без вести солдат.

Слышу голос небес.
 И молчанье истерзанных всеу,
 Колокольные звоны,
 Библейскую грусть алтаря.
 Слышу вечное:
 Да. Побивали камнями безумье,
 Топорами, свинцом,
 В совершенстве безумье творя.
 Так вот нас и мело,
 Озверелых от фронта и тыла:
 В сорок клятом и в том,
 В захлебнувшемся кровью году...
 Откровенье – возмездье:
 За всё, что тогда не добило,
 Добивает теперь
 У беспмятных масс на виду.
 Как тогда в декабре,
 Где просил я теплом поделиться:
 Но лишь пела метель
 Безнадёжно, безумно, бело.
 В доме смех и вино.
 Цвет червонный на праздничных лицах.
 В двух шагах от тепла
 Смертью белой мне в сердце мело.
 И рукой по стеклу я ударил -
 Не этим ли спасся?
 Резкий пьяный фальцет
 Бросил свите команду: «Ату!»
 Полыхала позёмка
 По широким по красным лампасам.
 Согревалась душа,
 Ощущая пинков «теплоту».
 Неуютно мне, думы.
 Упал бы в декабрь, холодея.
 Улыбался... Заискивал...
 Я и они – экипаж?!
 Разделила сперва,
 А потом предала нас идея.
 Ну а мы, в свой черёд:
 Но что выжгло в душе – не предашь.
 От снегов, что летят,
 Торопясь к нам ко всем на поминки,
 От уральских и прочих
 Ещё не оттаял мой чуб.
 Птицы каторжных мест
 Плачут вьюгами душ из глубинки.
 Дай мне, Господи, силы.
 За всех отмолиться хочу.
 Иван-чаем крутым

Зацвели наши ахи и охи.
 И сегодня любого
 О военной шпане расспроси,
 Без раздумий ответят:
 «Болезненная гримаса эпохи,
 Плаха с колом осиновым -
 Место для них на Руси».
 Ни конвойного мата над нами,
 Ни пёсего лая.
 Не скули, моя боль.
 Не впервые от нас отреклись.
 Не нацистам лишь только
 Бросали детей на закланье -
 За оградой державы
 Жрал гугаговский нас реализм.
 Если всё ворошить
 Для рассмотров-реабилитаций...
 Надо тысячу лет.
 Край и общество братских могил!
 Сколько нас перебито
 На рынках, в подвалах, у станций,
 По закону и без,
 На вселенском распутье туги.
 Убиенным, гонимым
 Открывают вам счёт
 Эти строки.
 И сегодня их памяти вечной
 Взметнулся мой стяг:
 Не на всех я ещё
 Разослал в белый свет похоронки,
 Отгорел в этой жизни
 Ещё не за всех я бродяг.
 Дорогие мои,
 Я беспамятством массы стреножен.
 Сколько хлама-бездушья
 К родному подпёрло двору?
 Те – с хулой, те – с хвалой,
 Непреклонною и непреложной.
 Ну, вперёд, моё сердце!
 Не время ещё в конуру.
 «Непущателей» вой.
 Отвоёвана самая малость.
 Запретителей рёв-
 Сей багажник копился не год.
 Но бреду потихоньку -
 Оглобля б в пути не сломалась!
 Крут подъём.
 Круче спуск.
 И арба с перекосом идёт.

Нам разбиться – что плюнуть:
 Споткнись, и на скальник, под кручи...
 Стань – и вспять понесёт.
 И – взахлёт вокруг горла шлея.
 Шаг назад –
 Произвол.
 А по курсу – за тучами тучи.
 По зыбучей-по зыбкой
 По оползи стёжка моя.
 Да и только ль моя?
 Лишь холопов на той карусели
 Не кружит:
 Смолкли казни,
 Пой, храмная медь.
 Скоморошки-стишки,
 Чуть от титьки отпав, облысели.
 Певунцы-горюнцы,
 Без подачки – ни взвыть, ни запеть.
 Без команд – ни гу-гу.
 Благодарь! Похвальба гробовая.
 Ну да Бог вам судья,
 Уж чего уж там, пой – кто о чем.
 Нет без волюшки вольной,
 Нет песни.
 Рабыня – бывает.
 Вот тогда из удушья
 Придёт Емельян Пугачёв.
 Связь времён – пыль времён.
 Кроны жрут свои древние корни
 И безумьем созрев,
 Ядовитые мечут плоды.
 И цепями, цепями бьют нежных
 Стада непокорных -
 Перекатное поле
 Дубасит оседлых под дых.

5

За недолю и волю,
 За бред многовечных туманов
 Перепуталось все:
 Москали. Голодрать. Казаки.
 Каждый в землю ложился -
 За землю,
 За жизнь – без обмана,
 За единственную – до захлеба -
 Штыками в штыки.
 Где истоки мои?
 Частью вытравлены, частью помню:
 Мои предки – оттуда,

Где пелось и плакалось всласть.
Разливался «максим»,
Гоготали махновцы, как кони,
Башлыки с головами
Разбив о советскую власть.
Ради вдовьих платков?
Я по траурным по полушалкам -
Семь дедов, подсчитал,
Семь дедов моих в землю легло.
Я же плоть их и кровь,
Безысходно, и тяжко, и жалко.
Отпалили друг в друга.
Отпластались — клинки наголо.
Что осталось от вас?
Тёмный парус над общей недолей.
И сидит здесь душа моей памяти -
Псом, на цепи.
Отгуляло
Слепое
И Дикое
Ты, Гуляй-Поле.
Сорок тысяч коней
Разметали свой прах по степи.
Всех разгваздала сила,
Что в гетры и липы обута.
За моря укатали помещики, баре, князья.
Угнетенье, оно ведь всегда
Разрешается бунтом.
Без свободы, без правды горючей
Народу нельзя.
Озвереет душа.
Истребляется в ней всё, что чутко.
Знаю сам по себе:
От высокопоставленной лжи
Меж запоев — как в бездну -
В мир глядел отрешённо и жутко.
Смерть от скверны бежала,
Отчаясь прервать кутежи.
Был бездомным. Гонимым.
Не зря в этой жизни люблю я
Вас, предтечи мои,
Гнусью загнанные на веку,
Гусяры дерзновенной России,
Есенин и Клюев!
В огневой нас купели
Дерзновенный крестил Аввакум
Для барханов и тундры,
Для песен по гослесосекам.
Эти райские кущи

Певцов покупных не манят.
Каруселька страны,
Каруселька судьбы,
Каруселька,
Смех и слезы — лечу,
Закружила ты в доску меня.
Так увечно прожил.
Так калечно рассвет прозреваю.
Сам себя сотворял
И рассвет — в терпком поте лица.
Не к разгулу я, край мой,
Не к бунту тебя призываю,
К состраданью, к свободе,
На исповедь кличу сердца.
Нас разьяла двуликость.
Мы предали отчий обычай.
Жжём свои же дома
И с восторгом глядим на зарю!
До сегодняшних дней
Обезглашен и обезьязычен,
Скорбь земную несую,
В никуда, в белый свет говорю:
Как такое возможно -
Полвека бесправья, обмана?
Мял конвейер судейский:
Вне шеренги — подонок, бандит.
Деспотия плодит
Палачей, стукачей, атаманов,
Холуёв-подпевал,
Любоедов идейных плодит.
День за днём,
Год за годом
Хлобыщут то страхом, то смутой.
Как без солнца цветы -
Слюденеют хрусталики глаз.
Величайший талант -
Беззаконье с законом не спутать,
Чтобы вера в Отчизну
Звериной тоской не сожглась.
О прислужники дьявола,
Что вам до рая и ада?
Только шабаши править
На спинах, поверженных ниц.
Вам — что бить, что любить..
Будет так, как верховному надо.
Для таких вот народ -
Подъярёмная сволочь тупиц.
Все на собственной шкуре:
Отстойники. Стройки. Забои.

Оплевали, растлили -
И скопом «воспитывать» нас.
Тело каменным стало,
Душа только помнит побои,
Отшагав со страной
Её исторический пласт.

6

Сколько лет отшагал я вот так?
Тридцать пять или сорок?
Пролетело четыре десятка.
Годочки, года...
Гулеванила, властью пригретая,
Страшная свора,
А точней — самовластьем,
Цветущим так пышно тогда.
И не стёрли вас годы.
Я помню вальжные лица.
На груди главаря
Полыхал разноцветный значок.
Отшибали воришке-мне ребра,
Как мялкой кострицу.
А с портрета
Дзержинский
Глядел в мой кровавый зрачок.
И разбитые губы,
Распухшие чёрствые шкварки
Обращались к нему,
Но сгорала мольба:
«По-мо-ги...»
И смещались в сознаны:
Душегубки... Эсэсовцы... Харьков...
«Бэ-удишь, сэ-волочь,
За-ста-вим чекистам лизать сапоги...»
Самосудами бит,
Геноцидчиками полосован.
Враг — захватчик. Он враг.
Но свои-то, свои — па-ла-чи!
Кто в ответе за всё?
Только хлопают крыльями совы.
Только траурный ворон
Над детством распятым кричит.
Над Россией ворон,
Стал спутником русского поля.
Либо он ненасытен,
Либо мы заблудились в «добре»:
То ль войны ураган
Панихидно в стране колоколит,

То ли рельс перезвон¹
Из бесчисленных дальнолагерей.
Беспросветная летопись -
Трассы, спецлагри, спецстройки.
Память вечная мёртвым -
В виденьях меня не увечь.
Моралисты плетей,
Педсадисты, взгляните за строки:
Мятежи, спецсуды, побегушки, расстрелы,
ЧВ².
Смрад вензон и тубзон.
Кроты кочки тряпичных треухов-
Шапки эры рабов,
Форма серых идейных гримас.
Здесь рождалась агония
В теле большого триумфа
Произволом Закона,
«Во благо»,
«От имени» масс.
Маскарадчики, к вам
Эти б маски-гримаски на танцы.
Скольких морок эпохи
Прокажённый ваш ветер промял:
Украинцев, болгар,
Белорусов, поляков, испанцев,
Русаков, азиатов, грузин,
Возвращенцев-армян.

7

Нет названья тому,
Что годами мы все созидали!
Всем гигантский бы крест
На гигантской воздвигнуть горе,
Всем, что смертно легли
В воркутинско-уральские дали,
Отломив «до звонка»
В джунглях тюрем и концлагерей.
За картошин пяток,
Перепрелой половы мешок,
Для опухших детей
Помело колосков из колхоза...
Где, когда, перед кем
За народную кровь и за слезы
Не на Суд управитель,
А хотя бы с повинной пришёл?
Просто вышел бы к смертным

1 удар по рельсу — сигнал для заключенных (побудка, выход на работу и т.д.)

2 членовредительство

И крикнул:
 «Простите мне, люди,
 Прегрешенья мои,
 Заблужденья мои,
 Слепоту!
 Нету добрых средь нас.
 Было прежде, так есть и так будет -
 К власти чистым не выйти.
 Нет честной дорожки к посту».
 Стало нормой – по избам
 Шнырять, по сусекам мести.
 Стал разбой героизмом.
 Бесчестие стало в чести.
 Массам – равенство в нищенстве.
 Избранным масс – спецпайки.
 Правдолюбец – в этап.
 Бунтанул – на глаза пятаки.
 Пустоглазая свищет косищей
 По цвету пород.
 Убивали убийцы народа
 Бесправный народ.
 И плодили ворье – мелкоту.
 И судили за мзду,
 Чтоб ретивых страшился:
 Чуть что – и накинут узду.
 И накидывали:
 За молчанье, за мысли, проступки.
 Поощряя льстеца,
 Возносился в зенит лиходей.
 Наплодили путан
 Политические проститутки,
 Ради «светлого завтра»
 Туманя сегодня людей,
 Чтобы выскоблить память...
 Отречься от пашен и вод.
 Если взять каждый год,
 Сколько кровушкой уж окликало!
 И опять призывают:
 Дать отпор крикунам-радикалам.
 А сейчас радикал -
 Каждый, кто «по талонам» живёт.
 Слюдяные глаза.
 Перекошены злобою лица.
 Струпья с сердца не слезли,
 И снова туда же – к кнуту!
 Хочет есть радикал,
 И по сходной цене лохмотину -
 Прикрыть наготу.
 Отыграв-отболтавив

Обострённую схваткою классов-
 В социальном удушьи
 Найдётся для смердов вина!
 Боже мой, сколько раз
 Молодым человеческим мясом,
 Наспех сляпав Указ,
 Затыкала ты прорву,
 Страна...

8

«Двадцать пять, пять и десять» -
 Ваш почерк,
 Лже-юре, лже-факто,
 Самосудчики века,
 Жестокость вождей, ваш прогресс.
 Опочил Сатана.
 Вы остались с железною хваткой.
 Демократией-эхом
 Двадцатый аукнул партсъезд.
 И по ростепели
 Беговые снега захрипели.
 О солдатских этапах
 Не успели пропеть «соловьи»
 Об ушедших «во льды»,
 Захлебнувшихся в белой купели...
 И о нас у болот
 Кулики не пропели свои.

Спой хоть ты, моя память!
 А может быть, боль устарела?
 Или ты, моя совесть,
 Отреклась от помойных тех ям?
 Мысль, как узник,
 В былое глядит, ожидая расстрела,
 До жестокой тоски
 Ощувив пустовой бытия.
 По апрелю снежит.
 На ветле, за окошком, сорока.
 И такая вокруг -
 Всех ко всем
 Безучастная тишь.
 Неужель ты вот так, умираешь душа,
 Раньше срока,
 И не помнишь, что помнишь,
 И не видишь – куда ты глядишь.
 Значит, зря мы прошли
 По окопно-этапной трясине.
 Значит, общество наше
 Годами не грея, дымит.

Значит, нет больше совести,
 Чуткости к звуку:
 Рос- сия!.. -
 Когда сердце от боли
 Сдетонирует, как динамит.
 Что, земля моя, с нами?
 Неужели мы неизлечимы?
 Вжатый, втопанный, вмятый,
 Я слышал твоё:
 «Поднимись!»
 И старался не плакать
 Тогда, когда были причины,
 Но дышать не могу -
 Прёт опять ломовой оптимизм.
 Вновь плодят слепоту.
 Лишь глаза на мгновение закрою -
 Образ нынешних действии
 Все тот же: он бьёт, я служу.
 Беззащитно. Пустотно. Беспомощно.
 Мнится порою,
 Будто мы
 Пласт к пласту
 Отвалились за жизни между.
 Мало, что ли, вскормили
 Судейской похлёбкой из стали?
 До кровавой отрыжки -
 Мильоны!
 Под самый кадык.
 Но не слышно:
 «Шабаш...
 На столетье вперёд мы устали...
 Распиная себя
 Под речуги идейных владык».

Краснопенная, бешеная
 Тройка-птица, опомнись, куда ты?!
 Героичен твой путь и трагичен,
 И свят, и свинцов.
 Без помех, сам-на сам,
 Демагоги прошли в депутаты.
 На литфронте бои -
 Импотенты дубасят скопцов.
 Племя соцреализма.
 Отцы. Просветители черни.
 Мысль и честь в портмоне.
 Содержимое яд -
 Мёд уста.
 Да. У каждого века
 Свой символ для Тайной Вечери:
 Свой Пилат, свой Иуда.

Роди только, время, Христа!
 Лобызать, распинать -
 Прикажи лишь! -
 Не все ли равно?
 Здесь отдельной душе -
 Как под сетью гигантской птице.
 Все до капли положено
 В рамках того, что дано:
 Можешь петь, подпевать,
 Продвигаться по должности, спиться.
 В этом темпе. И только.
 Так будет ещё после нас:
 Поживут-пожуют
 И исчезнут. Что было, то сплыло.
 Человеку — трагично.
 Массе — может быть голодно, стыло.
 Срам и скорбь за былое,
 Такое, увы, не для масс!
 Нет такого в истории,
 Время моё, не листай.
 Не буди неприязнь
 У всевластной урядницкой клики.
 Мы уходим,
 Последние певчие северных стай,
 Гениальные в серость
 Роняя предсмертные крики.

9

Волны дум. Вихри дум.
 Отдели вопль восторга от воя -
 Благородные чувства
 От визга подкупленных клак.
 Таёт льдинкою век.
 Отторгается все, что живое.
 Веру в светлое завтра
 Железный втирает кулак.
 Значит, нет на земле
 И не будет другого расклада:
 Тем — горбатить без роздыха,
 Этим — стославить тот труд.
 Притерпеться к ярму.
 Придышаться к тюрьме и распаду.
 Те — с престижем рождаются.
 Эти — в забвенье умрут.
 Всем, в ком совесть жива,
 Нам земля — не плацдарм для наживы.
 Я не с вами, кто сжёт
 Наших белых надежд корабли.
 Ваши праздники — бред.

Вы больны.
 Ваши лозунги лживы,
 По которым народ
 Вы к блаженству под страхом вели.
 Я из дебрей эпохи,
 Из джунглей двадцатого века
 По окопам и лагам
 Горемычную правду свою
 Приволок к тебе, молодость,
 Веруя в честь человека,
 Отдающего жизнь
 Для других – в доброте и в бою.
 Сам её отдавал.
 Бит за то, что на серость плевал я.
 Говорю вам:
 Подачек не ждите. Страшитесь тенёт.
 До остудной могилы
 Обрыдла игра нулевая.
 Нет ничейного счёта
 У жизни стремительной.
 Нет.
 Не добит, не дострелян,
 Железом калёным не выжжен,
 И на серость плюю – как плевал,
 Но бескровно, смеясь.
 И той частью, где сердце,
 К Отчизне – уж некуда ближе.
 Жизнью битые, гнутые -
 Все мы страны сыновья.
 Нам шаманили в двадцать
 И в сорок:
 «Надейтесь. Однажды...»
 Никакого «однажды».
 Мы мчимся, подобно лучу!
 Поддержи меня, Родина,
 Не лишай меня мужества жажды:
 Дострадать, досказать,
 Догореть без остатка хочю.
 И другим я не стану.
 Не желаю средь гнуси и лени
 Бить локтями в лицо
 И в восторге вопить:
 «Все равны!»
 Вон они рвутся в зал
 Для духовного всеоскопленья.
 Раздувается зал,

Достигая масштабов страны.
 Мне б себя отыскать.
 Отыскать бы себя мне... Поверьте!
 От глупцов-погонял
 Я, как рикша, под мыслью влачусь:
 Не в чужой похвале
 Наша сущность и наше бессмертье -
 В нас, в живых,
 В нас самих,
 В естестве наших мыслей и чувств.
 Я кричу в летаргию эпохи
 И в оцепенелость округи:
 Мы – родня на Земле.
 И Земля нам на время дана.
 На Голгофу идущих
 Беру я душой на поруки.
 Жизнь – одна.
 И Любовь.
 Кровь – одна.
 И Свобода – одна.
 В этом трепетном мире,
 По сути своей не жестоком,
 Осеняю признаньем
 Травинки, пичужек, зверьё.
 Всех живущих прошу,
 На все три стороны от востока:
 Защитите Любовь!
 Иль распните меня за неё.
 Океаны молчанья
 Мчат безмолвия долгого волны.
 Для того и живу,
 Сквозь глумления чащу дерусь,
 Что без этих вот строчек
 История будет неполной -
 Как без «Мёртвого дома»,
 Как без Гоголя странного
 Русь...
 Пятилеток снега,
 Как странички тетрадей в косую,
 Мрак листаёт над тундрой,
 Вглядитесь, взглянитесь вокруг -
 Там вон дети войны,
 Сиротище страны голосует
 За «счастливое детство»
 Культямы обрубленных рук.

Конец 80-х – начало 90-х.

ИМЯ В ПОЭЗИИ. ЭСТАФЕТА

ВАСИЛИЙ ПОПОВ

ПОДЫМАЙСЯ, ВАНЯ!

* * *

Утро туманное, холодно, росы...
Я выгоняю коров.
Вижу вдали огонёк папиросы
Прыгает мимо домов.

Ближе — и вот уже тень выплывает.
Катится топот копыт.
Марта моя оглянулась, зевает
И на дорогу мычит.

— Будет тебе, окаянная, будет!
Что ты орёшь, как петух?
Всех малышей на деревне разбудишь...
Вон уже едет пастух.

* * *

Отгуляла Русь, отпировала.
Всё пропили, продали вчиста.
Что осталось? Только честь и слава,
Да и те у пыльного куста.

Подымайся, Ваня, подымайся.
Отряхни рубаху и штаны.
Храм построен. Заходи и кайся.
Нет твоей здесь никакой вины.

Только ты. Тебе дана дорога,
Твой народ, твоя это судьба.
Потерпи — ещё совсем немного,
Потерпи, и кончится борьба.

* * *

По коре сосны шершавой
Муравей ползёт на небо.
У сторожки обветшало
На крылечке крошки хлеба.

Далеко ушёл хозяин.
Перевёрнуто корыто.
А когда придёт, не знаем,
Постучались – дверь открыта.

На столе холодный чайник,
У печи дрова сухие.
И, наверно, неслучайно –
Что у нас леса глухие.

Вот и свет уже в окошке,
Мы на лавках, как на конях,
И горячие картошки
Заскакали на ладонях.

Наливаем для согрева,
Завтра снова в путь далече.
Не забудьте белкам хлеба
Приготовить на крылечке.

* * *

Догорает в печке уголёк,
Завтра снова печку затоплю.
Я один, но я не одинок,
Я люблю, весь этот мир люблю.

Засыпай, а я посторожу,
В темноту на небо погляжу,
Ничего я больше не спрошу,
Веточкой золу поворошу.

* * *

Иду налегке с горы:
Слушал, как воеет ветер,
Видел, как день горит,
Думал о белом свете.

Как хорошо дышать,
Роща поила соком.
Вот и прошла душа
Мимо небесных окон.

Скоро пройдёт весна.
А на окне стаканчик...
Поле, и в нём луна —
Сорванный одуванчик.

* * *

Евгению Семичеву

Пыль столбом летит на поле,
Всё шиповника кусты.
У сосновых колоколен
Раскачались кресты.

Пахнет ягодой клубникой,
В небе ласточка-вьюнок,
На холме кивает дикий
Проезжающим чеснок.

Ах, дорога, в нашем беге
Всё равно летела пыль.
Были лошади, телеги,
А теперь автомобиль.

Ничего не изменилось,
Как была душа темна,
Так и сердце колотилось,
Словно белая луна.

Ночь и я лечу к могилам,
Попроведывать родных.
За стеклом уже не в силах
Разобрать картин ночных.

Знаю, где-то домик старый
Будет ждать меня в пути,
А пока лишь светят фары —
То и вижу впереди.

* * *

Страшно мне, милая, страшно, родная,
Что-то таится в душе — не пойму.
Снег надо мною кружится, не тая,
А ведь октябрь ещё на кону.

Может, природа обманчива нынче,
Может быть, сбилась с развилки дорог.
Вот посмотри, потерялся и ищет,
Ищет хозяйку пугливый щенок.

Я улыбаюсь, и кажется странным,
То, что любовь — это дым от огня.
То, что разбойник с ошейником драным,
Очень замёрз и похож на меня.

* * *

Чёрный лес, заснеженное поле,
Вдалеке саней весёлый бег.
За любовь к родимому доколе
Будет биться русский человек?

Я иду, распахиваю ворот,
Тяжело дышать и хорошо.
Позади остался тёмный город,
Впереди стеною снег пошёл.

Где земля, где небо — я не знаю,
Замело, куда же мне идти?
Ничего не видно, замерзаю...
Огонёк мелькает впереди.

Слава Богу, люди, слава Богу —
Я кричу — я здесь, я здесь один!
Потеряв и шапку, и дорогу,
Подбегаю — ягоды рябин.

* * *

Солнце со лба на грудь,
Справа налево луна:
Крестят меня, и в путь -
Родина продана.

Я не могу молчать.
Выданы мне слова.
Выйди меня встречать,
Чёрная голова.

Я не боюсь тебя,
Войско моё — тайга.
Слышишь, уже трубят —
Это мои луга.

Слышишь, за мной бегут -
Это ватага рек.
Родину не предают,
Если ты человек.

Выйди меня встречать,
Чёрная голова.
Чтобы могли начать
Войска рубиться два.

* * *

Снова на сердце тревожно,
Снова беру я тетрадь.
Господи, сколько же можно
Кровью твоею писать?

Больно за то, что я знаю,
Если строка побежит –
Грешники, значит, вонзают
В белое тело ножи.

Господи, мир обезумел,
Тонет в своей суете.
Нет, не воскрес, Ты не умер,
Ты ещё там на кресте.

БЫВШИХ ОФИЦЕРОВ НЕ БЫВАЕТ

Летом 1912 года из Санкт-Петербурга во Владивосток Северным морским путём отправилась парусно-паровая шхуна «Св. Анна» под руководством лейтенанта флота Георгия Брусилова, племянника выдающегося русского военачальника А. А. Брусилова. Но уже в октябре, зажатая тяжёлыми льдами около Ямала, а потом вмёрзшая в них, она стала дрейфовать на север и на следующий год оказалась в широтах, близких к Северному полюсу. Летом 1914 ода часть экипажа во главе со штурманом Валерианом Альбановым отправилась в беспрецедентный переход по дрейфующим льдам к ближайшей земле — архипелагу Франца-Иосифа, которая тоже ещё не была спасением. Из 13 человек до мыса Флора, где их по счастливой случайности подобрал возвращающийся после гибели во время неудачного похода к полюсу Георгия Седова парусник «Св. вмч. Фока», дошли только двое: штурман Валериан Альбанов и матрос Александр Конрад. По сей день оставалась в полной неизвестности судьба оставшихся на судне членов экипажа, как и судьба членов группы Альбанова, с которыми он дошёл до Земли Франца Иосифа и с которыми вынужденно расстался на мысе Ниль.

И вот летом 2010 года поисковая экспедиция клуба «Живая природа» сделала на Земле Франца-Иосифа сенсационные находки: останки одного из членов береговой группы Альбанова, дневник одного из членов экспедиции, экспедиционные вещи, упоминаемые в дневнике Валериана Альбанова. Но, по-моему, главный результат этой экспедиции в том, что она вообще состоялась — через 96 лет после случившейся в Арктике трагедии! Ведь до этого пропавшую экспедицию практически никто не искал. Да, выдвигались всевозможные гипотезы, писались статьи, книги, дневник Альбанова, как дневник штурмана Климова, использовал в своих знаменитых «Двух капитанах» Вениамин Каверин, я написал книгу «Загадка штурмана Альбанова». Можно сослаться на сотни объективных причин, по которым экспедицию не искали: первая мировая война, гражданская, голод, коллетивизация, Великая Отечественная... Правда, мы с выдающимся полярным лётчиком, заслуженным лётчиком-испытателем СССР, заслуженным испытателем космической техники

Героем Советского Союза Василием Петровичем Колошенко и легендарным флагштурманом Полярной авиации Валентином Ивановичем Аккуратовым вынашивали планы поисковой экспедиции, но тому помешал развал Советского Союза, как помешал он осуществлению практически уже подготовленной экспедиции на вертолётках по меридиану через два полюса.

И вот наконец нашлись люди, которые после десятилетий слов, пусть и искренних, благородных, перешли к делу. Важность этой экспедиции ещё в том, что есть категория «арктических исследователей», которые, сидя на тёплой московской печи, рассуждают, как должен был поступать Валериан Альбанов в той или иной ситуации. Мало того, раз он не вручил почту родственникам оставшихся на судне, значит, он её уничтожил, а уничтожил потому, что она его компрометировала. И ссора его с Брусиловым, о которой в своём дневнике сообщает Альбанов, произошла, конечно же, из-за единственной женщины на судне, Ерминии Жданко. И развязка этого треугольника, возможно, была кровавой. И, возможно, что, уходя, Альбанов перестрелял участников экспедиции, как ненужных свидетелей, а судно сжёг, заматывая следы, а дневник похода придумал. Точно так же об экспедиции Г. Седова, который умер во время похода к полюсу: раз не найдена его могила, а его спутники вернулись не совсем истощёнными, то не иначе, как они его съели.

Люди, сейчас собравшиеся пройти путём В. Альбанова по островам Земли Франца-Иосифа, жили и руководствовались другими принципами и ценностями. Они хотели по возможности установить истину. Отсутствие её мешало им спокойно жить. И они, отложив все свои дела, улетали в по-прежнему суровую Арктику, чтобы попытаться найти следы или даже останки береговой группы Валериана Альбанова, что, возможно, откроет хотя бы часть тайны гибели всей экспедиции Брусилова, которая не ставила перед собой свершения великих географических открытий, но, волей судеб, оказавшаяся в полярных широтах, где до неё никто не бывал, внесла неоценимый вклад в историю освоения Арктики, в укрепление позиций России в северных широтах, но по сей день не известна судьба и не предан достойно земле или океану прах её участников.

Костяк поисковой экспедиции составили спасатели аэро-мобильного отряда «Центроспас» МЧС России, профессионалы высочайшего класса, работающие на ликвидации последствий природных и техногенных катастроф не только в России, но по всему миру. Но это не была экспедиция МЧС, потому что они полетели в Арктику не по приказу министра Шойгу, а по приказу совести в свой отпуск. Среди моих ближайших друзей — командир Приволжского поисково-спасательного отряда МЧС Вячеслав Климец, в своё время повторивший мой путь первоисследователя пещер Урала. Потому я считал, что вроде бы всё знаю о профессии спасателя, но, оказалось, что нет, только соприкоснувшись с участниками этой экспедиции, я понял, что спасатель — это даже не профессия, это образ жизни, это, помимо всего прочего, излом собственной судьбы, заставивший спасти других на изломе их судеб. Это очень тяжёлая профессия. И не только физически и психологически в привычном понятии этого слова. Сейчас я имею в виду несколько другое: в большинстве своём они спасают людей, пострадавших не столько в результате природных катастроф, которые всё чаще тоже провоцируются человеком, а в результате последствий необдуманной или даже преступной, деятельности властей, политиков, обслуживающих их безнравственных учёных, экономистов, юристов... И можно только догадываться, что творится в их душах. И мне понятно, почему стал не дипломатом, а профессиональным спасателем выпускник МГИМО, фотограф экспедиции Владимир Мельник: дипломатам, мягко говоря, нередко приходится поступать против своей совести.

В то же время это и не экспедиция ФСБ, хотя поисковиков забрасывал на Землю Франца-Иосифа, на пограничную станцию Нагурское, Ан-72 авиации ФСБ, а дальше по точкам поисковые группы разбрасывали транспортно-боевые вертолёты Ми-8 ФСБ России. Да, лётчики выполняли приказ начальства, но у всякого приказа есть границы, и, когда по условиям погоды или сложности посадки полёты были трудно осуществимы или даже запретительны, за управление вертолёта садился сам тогдашний командующий авиацией ФСБ, кстати, ученик В. П. Колошенко, лётчик-снайпер, военный лётчик-испытатель первого класса, заслуженный военный лётчик, осуществивший первым на вертолёте Ми-8 посадки на Северный, а потом на Южный географические полюсы, Герой России, генерал-лейтенант Николай Фёдорович Гаврилов.

Что каждого из этих людей привело в поисковую экспедицию? Начальника экспедиции, в прошлом офицера-десантника, за плечами которого более полутора тысяч парашютных прыжков, в том числе парашютное десантирование на Северный полюс и спуск на дно Северного Ледовитого океана в районе Северного полюса, Олега Продана, позвало жизненное кредо: «Сделать то, что другие до тебя не смогли! Обещал — умри, но выполни!» Врач экспедиции Роман Буйнов так ответил на этот вопрос: «Поиск правильной жизни, когда всё понятно: кто с тобой и с кем ты (хотя и здесь бывает по-разному). А практически привёл Лёня Радун, мы познакомились в 1995 году во фронтовом Грозном — он был спасателем, а я — врачом. Кое-что повидали (у Лёни, кстати, много правительственных наград, в том числе и орден Мужества за Чечню). Так вот спустя 10 лет он пригласил меня в Арктику. Просто как человека, в котором уверен, ну и плюс мой врачебный опыт (правда, штатный врач в экспедиции был, тоже из отряда «Центроспас»)».

Спасатель Александр Унтила так ответил журналистке Елене Березиной, бравшей у него интервью после ликвидации катастрофы на Саяно-Шушенской ГЭС: «Когда я служил в Воздушно-десантных войсках, у нас был закон — своих не бросать. Сколько человек ушло на задачу — будь то засада, налёт или разведывательно-поисковые действия, столько же должно вернуться, и не важно, мёртвые они или живые. Вытаскивать необходимо всех. Были случаи, что при спасении одного человека, при эвакуации одного тела погибшего товарища гибли люди, но никто никогда не ставил под сомнение непреложность этого правила, этого закона братства и чести. Из истории Великой Отечественной мы знаем, что война не окончена, пока не установлен и не захоронен последний солдат. Люди, которых мы сейчас ищем в Арктике — в своём роде тоже солдаты. У них был свой фронт, но пали они за то же, за что погибнут их потомки на различных полях брани — за укрепление мощи и славы России, расширение её границ, за Великий Северный морской путь, в открытие которого они внесли свой вклад. Путь, который оказался таким незаменимым для Советского Союза во время Великой Отечественной войны, который спас тысячи жизней. Найти их для нас — дело чести и смысла жизни, пусть страна сейчас и живёт другими ценностями».

Вот об Александре Унтила, спасателе 2 класса аэро-мобильного отряда «Центроспас», сделавшего первые и самые главные сенсационные находки экспедиции (я полагаю, Бог так решил, наградил таким образом за его заслуги перед Родиной), сегодня мой рассказ. В МЧС Александр Унтила всего три года. Учитывая его службу в ВДВ, он мог и в МЧС устроиться на командирскую должность, но он принципиально пошёл служить в «Цетроспас» с нуля, рядовым, успев освоить за 3 года уже 12 необходимых спасателю профессий, хотя многие из них для него были далеко не в новинку.

«Когда я служил в ВДВ...». Он не просто служил в ВДВ. К 2007 году, к своим тридцати годам, он — майор, прошедший путь от командира группы до заместителя ко-

мандира отдельного 218-го разведывательного батальона спецназа ВДВ, который организационно входил в знаменитый 45-й отдельный гвардейский разведывательный ордена Александра Невского, полк ВДВ, но имел статус отдельной войсковой части, хотя в своё время послужил основой формируемого 45 полка, мало того, днём основания полка считается день рождения 218 батальона — 25 июля 1992 года. Сформированный в декабре 1994 года 45-й полк спецназа разведки ВДВ был на то время едва ли не единственной полнокровной боевой единицей во всех Вооружённых Силах России. Создавал его начальник разведки ВДВ полковник Павел Поповских, тот самый, которого потом обвинят в убийстве журналиста Д. Холодова и долго, несмотря на несколько оправдательных приговоров, продержат за решёткой, как сейчас снова закрыли за решётку, не сумев повесить на него дело о покушении на национальное достояние России господина Чубайса, обвинив теперь в подготовке государственного переворота легендарного полковника ГРУ Владимира Квачкова, прототипа главного героя фильма «Чёрная акула», выдающегося военного теоретика и разработчика действительно необходимой армии реформы. Создаётся впечатление, что власть борется с элитой российской армии, с её лучшими представителями. Основой полка стал 218-й батальон спецназа, геройски проявивший себя в Карабахе, Приднестровье, Абхазии, к нему Поповских добавил «непромокаемый» (по шутке ВДВ) 901-й десантно-штурмовой батальон, выдержавший годичную блокаду в осаждённом Сухуми. 1 января 1995 года, под звон кремлевских бокалов полк бросили в Грозный, как последний резерв всей Российской армии, и он спас её от позорного поражения и развала, как, впрочем, спас от развала и саму Россию, как государство.

И вот в 2007 году, к тому времени награждённый медалью «За отвагу», медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» 1 и 2 степени, медалями «За разминирование» и «За воинскую доблесть» 1 степени, за 2 года и 8 месяцев боёв и специальных операций в Чечне не потерявший ни одного солдата (вряд ли кто ещё может похвалиться подобным!), в расцвете своего боевого опыта и таланта, и крайней необходимости в таких офицерах в расхристанной российской армии, Александр Унтила выбрасывается из неё под предлогом реформирования. Нынешний самый инновационный в истории России министр обороны намеревался было вообще расформировать войска ВДВ по их ненужности, но кто-то, всё-таки более благоразумный, остановил его. Но судьба отдельного уникального батальона, в январе 1995 года спасшего армию и страну от позора, всё равно была предрешена, он попал под каток «реформирования» по той простой причине, что квартировался, в отличие от 45-го полка, не в Кубинке, а в центре Москвы, в Сокольниках. А земля в центре Москвы, дураку понятно, дороже всякого золота и даже интересов обороны страны: наверное, не только Лужкову это не давало спокойно спать, а может, кого-то во власти тревожило соседство этой уникальной боевой части, или батальону не могли простить взятие в январе 1995 года Грозного и что пестовал его в горниле чеченской войны, как и потом 45-й полк, никто иной, как полковник Поповских. Переводить же батальон в другое место хлопотно и денежно, потому, под предлогом реформирования армии, его полностью разогнали, аллею Героев раскорчевали, землю продали и построили на этом месте элитные многоэтажки. Так Александр Унтила оказался на улице. Он писал мне: «Мне предложили единственный вариант: занять в Кубинке, в 45-м полку, нижестоящую на две ступени должность командира роты обеспечения (баня, столовая, склады), других офицеров, а среди них были люди намного авторитетнее меня, просто выбросили на улицу, ничего не предлагая. Хвататься за соломинку и менять «ориентацию» я не захотел, ушёл со всеми». К счастью, у него к тому времени, в его 30 лет, уже была льготная военная пенсия.

Полк в Кубинке тоже пошерстили, на 60 процентов сократили количество офицеров. Наверное, его тоже бы расформировали или перевели в другое место, но спасли, не поверите, удивительные обстоятельства. Всем резануло по сердцу, когда 16 августа 2009 года разбился, выполняя рядовой тренировочный полёт, начальник 237-го гвардейского Центра показа авиационной техники им. И. Н. Кожедуба в Кубинке, командир, ведущий и соло-пилот легендарной, известной всему миру пилотажной группы «Русские витязи», заслуженный военный лётчик полковник Игорь Ткаченко. Этому предшествовало решение властей передислоцировать Центр и соответственно пилотажную группу в Липецк, а авиабазу отдать миллиардеру Сулейманову под VIP-аэропорт для олигархов. Игорь Ткаченко куда и к кому только не обращался, пытаясь спасти авиабазу! В последний день перед своей трагической смертью, потеряв последнюю надежду на спасение авиабазы, он в отчаянной беспомощности написал рапорт об увольнении из Вооружённых Сил, и утром, взлетев с натянутыми до предела нервами, погиб, столкнувшись в воздухе с другим самолётом, чего в обычной обстановке никак не мог допустить ас-лётчик такого класса. Известный лётчик-испытатель Магомед Толбоев на вопрос журналистов, что он думает по поводу перевода авиабазы из Кубинки, однозначно назвал это решение преступлением, независимо от того, кем оно принималось. И вот после трагической гибели Игоря Ткаченко стало известно об отмене решения перевода авиабазы и, соответственно, пилотажной группы в Липецк. Я, как, наверное, и многие, наивно подумал, что у кого-то эта смерть пробудила совесть. Но, увы, с совестью было всё «в порядке». От неё откупились, присвоив посмертно Игорю Валентиновичу Ткаченко звание Героя России. А спасло Кубинку то, что она, оказывается, входит в перечень военных объектов, которые по соглашению с НАТО подлежат взаимной инспекторской проверке. И в НАТО возмутились, что российская сторона нарушает соглашение, не поставив западных партнёров в известность, переводит авиабазу в другое место. Как говорится, спасибо «родному» блоку НАТО!..

Через какое-то время Александра Унтила пригласили в охрану первых лиц государства, оказывается, там знали цену офицерам 218-го батальона, но вскоре, найдя удобный повод, он уволился оттуда. На вопрос журналистки Елены Березиной он ответил: «В денежном и карьерном отношениях это, конечно, был прекрасный вариант, но не офицерское дело — бегать за коньяком, выгуливать собачку хозяина и носить за его женой сумки в магазине. Пусть я снял погоны, но до конца жизни я должен блюсти свою честь. Все знают, что я был офицером. А я должен помнить, что я и остался офицером, только запаса. Бывших офицеров не бывает. Ты не вправе совершать недостойные для себя поступки».

Обязательный для нынешних журналистов вопрос о пресловутой дедовщине заставил его усмехнуться:

— Моим солдатам некогда было этим заниматься. Дедовщина — от избытка свободного времени, а мы постоянно занимались делом. И потом, наше подразделение — боевое, здесь другие взаимоотношения. Сегодня ты молодого обидишь — а завтра пойдёшь с ним на боевую задачу. И не обязательно, что он может выстрелить тебе в спину, он просто, скажем так, не захочет, рискуя своей жизнью, спасти тебя. Убить можно и бездействием... Как удалось не потерять ни одного солдата? Секрет прост: дружить и ещё раз дружить, и солдат, и, тем более, себя — и в плане дисциплины и в плане боевого мастерства. Спасибо моему первому ротному! Он говорил так: ранили или убили — значит, дурак, плохо воевал! Наверное, и Бог помог, хотя верующим себя назвать не могу, только ещё иду к нему. В 22 года я стал командиром группы спецназа. Четыре месяца я входил в специфику ведения боевых действий. Ездил

по «учебкам», отбирал солдат, обычно самых хулиганов, детдомовцев, с условными судимостями — из такого контингента, как правило, получают самые лучшие солдаты. Когда командир спецназа готовит солдат к операции, он с ними спит и ест. Два месяца подготовки проходят в лесу, где вы вместе живёте, добываете себе пищу, отрабатываете засады, вождение, стрельбу боевых машин. Командир группы — сколько бы ему ни было лет, хоть двадцать два — полностью за всё отвечает. И пока их готовишь, сплетаешься с ними душой, держишь их, конечно, на дистанции, но, тем не менее, получается почти семья. У солдат тоже свой «телефон» — кто увольняется, передают молодым: «Попадёте к Унтила — будет тяжело, будете гоняемы нещадно, но до дембеля доживёте». Да, за все пять командировок в Чечню, которые длились в общей сложности два года и восемь месяцев, я не потерял ни одного солдата. Лёгкие ранения были, но все остались живы. И моя частичка заслуги тоже в этом, наверно, есть, я тоже ради этого жертвовал своей личной жизнью, свободным временем. Считал, что, раз мне выпало служить в спецназе, значит, в этот отрезок времени ничего более важного, чем служба, быть не может. Я дважды ночью вставал, обходил казарму, знал каждого солдата, как зовут его папу, маму, знал клички их кошек, собак, знал, на какой пятке у кого какая мозоль... Жаль, что так внезапно всё закончилось. Тяжело было жить, когда наш батальон расформировали. Можно сравнить это с любовью, как если бы ты любил человека, полностью был поглощён им, и потом вас внезапно разлучили!

Следующий вопрос можно было не задавать, потому что ответ можно было предугадать, по крайней мере, я заранее знал ответ на него, но он был задан, может, по неопытности, может, из-за отсутствия такта:

— А как ваша семья относилась к такому вовлечению в профессию?

— Была семья, но не сложилось. Дома почти не бывал, всё время в командировках, денег мало, жилья нет. Я жил в казарме, с солдатами. Потом нам выделили помещение девять квадратных метров, бывший склад. Так что понять мою бывшую жену можно, тем более когда это всё находится в Москве, и человек, выйдя за ворота воинской части, видит совсем другую жизнь.

— Тем более странно, что вы с такой ностальгией вспоминаете о годах своей армейской службы. Да и к войне в Чечне у многих подход и оценки далеко неоднозначные.

— Да, наверно, мне просто повезло — я успел вскочить в последний вагон последней электрички прежней армии, у которой был престиж и уважение в народе. Я застал: когда отец приезжал к родителям в деревню, он целый месяц ходил, не снимая форму; все хотели видеть его в гостях только в форме, офицер в доме — это была честь для хозяина. Что же касается войны в Чечне, то, честно говоря, мы тоже постоянно задавали себе вопрос: что мы там делаем? Может, поэтому, несмотря на сопутствовавший мне тогда успех, внутри постоянно грызло какое-то сомнение: правильно ли я поступаю? Пока я сам себе чётко не поставил задачу: вот я привёз в Чечню 18 солдат и должен 18 солдат вывезти отсюда живыми и здоровыми. И мне сразу стало как-то проще. Хотя, думаю, то, что мы там делали, было всё-таки нужно. Если бы то количество оружия, взрывчатых веществ и наркотиков, которое наш отряд там уничтожил, попало бы в Россию, и прежде всего, в Москву, терактов, заказных убийств, наркомапов среди молодёжи было бы намного больше...

Сейчас как бы параллельно существуют две России: одна — всё на продажу во главе с Чубайсами, Абрамовичами и Прохоровыми и подведомственной им властью, и другая, коренная, униженная, втоптанная в грязь, которая пытается спасти то, что

от России ещё осталось, прежде всего, её духовную суть, без чего она перестанет быть Россией. Доблестный русский офицер Александр Унтила, в 30 лет вышвырнутый из армии, (сколько он ещё солдат спас бы в той же Чечне, Дагестане, Осетии!..) стал профессиональным спасателем, потому что он по жизни — спасатель. Когда случилась трагедия на Саяно-Шушенской ГЭС, сразу несколько комиссий, авторитетных учёных, аналитиков пришли к заключению, что страшная техногенная катастрофа — прежде всего результат расчленения Чубайсом единой энергетической системы страны. Вставал даже вопрос о возбуждении против него уголовного дела. Но уже через неделю, как по команде, а скорее всего, действительно по команде, и команде самого Чубайса, его имя в связи с катастрофой уже не упоминалось, нашли других виновных, мелких стрелочников. В то время, когда Александр Унтила, рискуя жизнью, разгребая жуткие завалы, спускался с товарищами всё ниже в жерло порушенной станции, пытаясь найти в них ещё живых, а его сослуживцы водолазы ныряли в смесь воды и вытекшего из генераторов масла в лёгких водолазных костюмах к тому же ночью, то и другое по технике безопасности категорически запрещено, потому что сопряжено со смертельной опасностью, но некогда ждать, когда привезут специальные водолазные костюмы, счёт идёт на минуты и даже на секунды, поскольку была ещё надежда найти живых, в результате четыре водолаза попали в больницу с тяжёлым отравлением масляными парами, Чубайс уже восседал, валяжно развалившись на каком-то правительственном заседании и, нагло улыбаясь, поучал власть, как управлять страной. Он не только, как и раньше, вышел из воды сухим, но и через какое-то время уже командовал другой корпорацией, провально для страны «осваивая» народные деньги.

Недавно 45-й полк ВДВ, за его боевые заслуги, Президент наградил орденом Кутузова. Правда, незадолго перед этим он наградил главным орденом страны — Андрея Первозванного — главного разрушителя страны Михаила Горбачёва, что было воспринято народом как плевок в его душу, и на этом фоне все другие награды выглядят уже чуть ли не оскорблением. Полк в день 66-й годовщины Великой Победы без Александра Унтилы прошёл по Красной площади в парадном строю. Вполне возможно, что Александр не видел парада даже по телевизору, по крайней мере, его телефон и электронная почта в этот день и позже молчали, незадолго до этого он вернулся из Японии, где в числе лучших российских спасателей работал в самом разрушенном землетрясением районе — Сендае, и вполне возможно, что в день парада он, спасая людей, работал на очередном стихийном бедствии или техногенной катастрофе. Надо признать, парад неплохо смотрелся, несмотря на инновационную мешковатую форму от Юдашкина, в которой уже перемерзло, переболело столько российских солдат. Можно только гадать, почему армию лишили парадной формы. Повторяю, парад хорошо смотрелся, но у многих поведение первых лиц государства буквально вызвало шок. Даже кремлёвские старцы, как к ним не относиться, в свои восемьдесят с лишним лет в День Победы стоически выстаивали военный парад, отдавая дань уважения армии: прежней — освободительнице и нынешней — охранительнице Родины. А тут: главнокомандующий, премьер-министр и министр обороны раскрепощённо так, даже валяжно, расставив ноги, как в народе говорят, по-бабы, сидели на лавочке, только семечки не лузгали, словно мимо них в торжественном марше проходила не российская, впервые за свою историю ставшая действительно рабоче-крестьянской (может, потому к ней такое отношение?) армия, воюющая даже во время прохождения парада и несущая боевые потери, а какие-нибудь наёмные ландскнехты, вроде французского Иностранного легиона.

Вот уже три года, как Александр Унтила оставил военную службу. Но война не оставила его. «До сих пор не могу отделаться от привычки, — пишет он мне, —

где бы ни был, ночью просыпаюсь каждые 15 минут — ровно на 4 секунды, — чтобы окинуть взглядом «палатку», спросить дежурного о наличии людей и оружия». Однажды он признался мне, что пишет. Я попросил прислать что-нибудь прочесть. Я не буду рассуждать о художественных достоинствах прочитанного. Прочтите сами. Я хочу только сказать, что написать это мог только честный, любящий Родину человек, и что его честная, горькая, жёсткая и даже жестокая военная проза сродни прозе окопных лейтенантов Великой Отечественной: Бондарева, Воробьёва, Быкова...

И последнее. О понятии — русский: что это — чистота крови или отношение к России? Как ни горько, может, некоторым «суперрусским» признать, но факты говорят о том, что Александр Матросов был всё-таки не русским, а башкиром, а меня, например, переполняет гордость, что башкир погиб за Россию, скрыв свою этническую национальность, принципиально определив себя русским солдатом, как и переполняет гордость, что одна из самых любимых у башкир старинных песен — песня «Любезар» о Великой Отечественной войне 1812 года. «Любезар» — переименованное на башкирский язык «любезные». Потому что так назвал башкирские конные полки Кутузов, они доблестно сражались в частях атамана Платова и однажды чуть не взяли в плен самого Наполеона. И те из нынешних башкир, что гордятся этим, для меня — русские. В том и суть истинной русскости, что под её духовным влиянием люди самых разных национальностей становятся русскими по духу, то есть любящими Россию и даже отдающими за неё жизнь. Не могу сказать, что меня не тревожат нынешний мощный наплыв в Россию так называемых мигрантов. Но если у нас по-прежнему сильная кровь и сильная национальная идея, Россия перемелет любых мигрантов. В конце концов и Пушкин, и Лермонтов — потомки мигрантов. Если же мы, уже нищие телом и духом, будем только стонать и плакать по этому поводу, лить слёзы и размазывать сопли, — как говорится, туда нам и дорога! Пятая колонна в России гораздо страшнее мигрантов.

Ещё в самом начале нашего знакомства я поинтересовался у Александра Унтила его странной фамилией и заметил, что он упорно не склоняет её, хотя мужские фамилии в русском языке склоняются. «Нет, моя не склоняется!» — твёрдо ответил он.

Потому что доблестный русский офицер Александр Унтила — этнический финн. Его дед попал в плен в так называемую финскую кампанию, из-за начавшейся Великой Отечественной войны не успел вернуться на родину, а уже его сын, отец Александра, стал не просто гражданином России, а доблестным российским офицером-вертолётчиком, отличившимся в небе Афганистана.

Итак, я предлагаю Вам рассказ Александра Унтила.

ПОЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ

АЛЕКСАНДР УНТИЛА

Нога

(Быль)

Третий сводный отряд специального назначения от 54 отдельного разведполка ВДВ выходил на боевую задачу. Отряд отвечал за всю горно-лесную часть Веденского района, до самой Грузии, и ранней весной 2001 года работы разведчикам хватало. Закопошились зимовавшие в сёлах под легальными документами боевики, разномастные воины ислама потихонечку попёрли со стороны грузинской границы — кто на заранее оборудованные лесные базы, а кто просто — подкальмить, где придётся. Набирал обороты очередной сезон затянувшейся войны, которую с крайней подачи руководства приказано было именовать контртеррористической операцией. Офицеры в отряде быстро переименовали её в контрацептическую, давно махнув рукой на стратегические цели и идеи и сведя насущные заботы к минимуму — сбересть солдат и, по возможности, собственное здоровье, без потерь дотянуть до конца очередной командировки.

Без потерь, правда, не обходилось. Мало того, что многодневные сидения в засадах и пешие прогулки по зимним чеченским горам в поисках окопавшегося или выдвигавшегося на очередной промысел душья никому не прибавляли жизненного тонуса. Из без того немногочисленного списка личного состава жёлтыми зубами выгрызал свою долю гепатит, от дистиллированной воды из горных речек сыпались зубы. Содержимое сухих пайков, неизвестно по какому принципу, то цементировало наглухо содержимое желудков, то дружно подсаживало бойцов

и командиров на жидкую струю. Обморожения, потёртости, фурункулы считались личным недосмотром их обладателя, за такую напасть от начмеда¹ можно было получить разве что пинок под зад в плане профилактики на будущее, да временный титул дежурного чухана.

23:00, 03 марта 2001. Колонна пошла. Тихо, без света, почти на холостых. Три БТРа с личным составом на броне, «Урал» с боеприпасами и командно-штабная «шишига»². Ни болтать, не курить, наблюдать во все стороны. Головной БТР ведёт колонну на ощупь — ни звёзд, ни силуэтов гор на чуть бледном небе. Со всех сторон морозящая снегом непроглядная темень. Раскисшая ледяной глиной колея осталась слева, движение — по обочинам. На инженерную разведку времени нет, к рассвету надо быть под Элистанжами, встать, закрепиться, замаскироваться. Первая ГСН³ сходу выдвигается и садится на засаду, остальные тихо налаживают временный быт ПКП⁴ — с этой точки 14 дней отряду работать по окрестным горам. Не дай Бог засветиться на марше или при оборудовании временного лагеря — в лучшем случае — затаятся, отойдут, и вся работа пойдёт прахом. В худшем — понаблюдают, подтянутся и накроют. Хоть и малочисленный отряд специального назначения — желанная добыча для любого полевого командира, и подставляться никому не хочется.

Две недели — при минимуме тепла и пищи. Фонарями не пользоваться, костры не жечь, одежду сушить на себе. Сон — урывками. Две группы на засадах или в РПД⁵, одна в охранении. Позади остался базовый лагерь — более-менее обжитый «Шанхай» с нехитрым уютом, печками, самодельными банями и чахлым, вечно больным электричеством от дизель-генераторов.

02:20, 04 марта 2001. Подморозило, небо очистилось. Глиняная жижа схватилась коркой, хрусталём лопается под скатами крадущихся БТРов, глушит ровный тихий свист турбированных дизелей, демаскирует.

На посветлевшем своде проклюнулись ночные светила, обрисовались силуэты гор. Ориентироваться стало легче.

- Омич — Палычу.
- Связь.
- Две тройки.

Палыч — командир механизированной группы и зампотех отряда. Колонну ведёт он. Капитан, 24 года, тянет уже третью командировку. У Палыча давно нет имени и фамилии, для офицеров — и воинского звания. По отчеству, ставшему позывным, к нему обращается даже командир отряда — грозный подполковник Шувалов, он же Омич.

Опытный, знающий, надёжный и невозмутимый офицер, чемпион округа по боксу, внушал благоговейный, уважительный ужас солдатам. Палыч мог днём и ночью провести колонну вне дорог в любом направлении. При полном отсутствии запчастей починить БТР. За два месяца из любого сопливого призывника, которого мама перед армией не научила умываться, подготовить хорошего механика-водителя или пулемётчика. Он не орал, не топал ногами, не раздавал зуботычины и практически не наказывал бойцов за их многочисленные «косяки». Провинившемуся десантнику он смотрел в глаза и бросал одну только фразу, которая надолго делала несчастно-

¹ Начмед — начальник медицинской службы

² «Шишига» — ГАЗ-66

³ ГСН — группа специального назначения

⁴ ПКП — передвижной командный пункт

⁵ РПД — разведывательно-поисковые действия

го посмешищем. Самой большой катастрофой для солдата было попасть к капитану на профилактическую беседу с глазу на глаз — общался с «преступником» Палыч в этом случае почти на равных, угощал чайком и сигаретами, но даже у самого отчаянного раздолбая в итоге долго шевелились от ужаса пеньки волос на голове, холодный пот тёк за шиворот. Воин икал и пускал газы, трясся от стыда и осознания собственной ущербности.

Две тройки — колонна стой. Метрах в сорока по курсу — две пары зелёных угольков. Палыч поднял «Вал»¹, приник к ночному прицелу. Волки. Две матёрых тени с горящими светодиодами глаз. Стоят, не уходят, не шевелятся. Капитан чуть повёл стволом, потянул спуск. Тихонько чавкнул затвор, между передних лап первого зверя зеленоватым облачком взметнулся фонтанчик мёрзлой земли. Второй волчара — видимо, помоложе или самка — резко присел, подогнув хвост между задних ляжек. Вожак невозмутимо потряс передними лапами, досадливо стряхивая стегнувшие по ним льдинки. Звери продолжили путь.

— Омич — Палычу.

— Да.

— Две пятёрки.

Колонна пошла.

05:30, 04 марта 2001. Вышли на место. В галогеновом мерцании увязнувших в дымке звёзд наметились очертания небольшой поляны с провалами старых капониров под технику. Когда-то, ещё в первую кампанию, на этом месте стоял артиллерийский дивизион, стоял основательно и плотно. Вгрызшись в землю, обложившись мешками с песком и окутавшись паутиной колючей проволоки, дивизион контролировал гаубичным огнём добрую треть Веденского района. Поляна чуть возвышалась над рельефом, была замаскирована подлеском, имела хороший обзор.

— Странник — Омичу.

— Связь.

— Проверь... Грач, охранение.

Приступили к работе сапёры, проверяя место будущей стоянки. Солдаты поминутно останавливались, присаживались, поднимая левую руку, и осторожно ковыряли поляну щупами и пехотными лопатками.

06:30, 04 марта 2001 г. Омич собрал командиров. Вытирая пот, подошёл Странник. Над командиром сапёров колыхался светлеющий воздух, от БЗК шёл пар.

— Долго ещё?

— Звенит всё, товарищ подполковник. Банки, гильзы, колючка ржавая... Если всё копать — часа два, как минимум.

Шувалов на секунду задумался, потёр кирпичный подбородок.

— Так, хорош, не успеваем. Палыч, распредели технику по капонирам и загоняй. Грач, готовь группу на засаду. Татарин, с тебя охранение. Ставь аккуратно, в кусты пусть не лезут. Странник, как рассветёт, вокруг лагеря проверишь, могли растяжек понаставить.

В самый глубокий капонир Палыч загнал «Урал» с боеприпасами. Подошёл к Страннику:

— Николаич, капониры проверял?

— Не всё успел, Палыч. Там всё звенит, мусора накопили кучу.

— Эх...

¹ «Вал», АС — автомат специальный, калибр 9 мм, имеет интегрированный прибор бесшумной и беспламенной стрельбы

На рассвете Странник снял в кустах вокруг лагеря четыре растяжки. Гранаты были относительно свежие, не проржавевшие. Свежими были и накопанные гильзы и банки, как будто специально принесённые и насыпанные вокруг да около для усложнения работы сапёров. Сомнения, возникшие накануне, заворочались, как упитанные ежи в корзине, закололи душу.

— Местечко-то наше засвеченное, Странник.

— Да я уж понял...- сапёр досадливо сплюнул. — Ждали нас тут, или предусмотрительные очень. Странно, что на въезде фугасик не поставили. Видимо, очень хотели, чтоб мы въехали.

— Что командир?

— Согласен. Думает, спалили нас. Скорее всего, у душья за такими местами постоянное наблюдение. Какой-нибудь бача раз в два-три дня делает обход, смотрит, не ведут ли свежие следы к местам старых стоянок.

— Думаешь, подтянутся? — Палыч щелчком стряхнул с плеча снежинку.

— А хрен их знает. Могут. Может, так из миномётов постреляют...

Шувалов принял единственно возможное в сложившейся ситуации решение — доложив в Ханкалу о случившемся, отправил все три группы на засады, на пути возможного подхода боевиков. В лагере оставили броню и минимум личного состава. Организовали круговую оборону, наблюдение за дорогами. На случай возможного обстрела из миномётов или эрэсами решено было восстановить старый блиндаж. Им занялись сапёры. Расчистив вход, Странник послал бойца на разведку. Воин сунул в жерло укрытия миноискатель, и тот сразу истошно завопил зуммером. Осторожно потыкали шупом. В блиндаже было по щиколотку воды, схваченной ледяной коркой, из которой, как остовы затонувших кораблей, торчали пустые цинки из-под патронов. Посветили фонариком на сочащиеся влагой стены, под покрытый сосульками и мёрзлыми поганками бревенчатый потолок... Есть. Еле заметная проволочка, на уровне глаз. Грамотно, ничего не скажешь. Заходя в незнакомое помещение, человек обычно светит по сторонам и себе под ноги, не замечая того, что находится перед его носом. Снимать растяжку пока не стали — кто его знает, сколько раз и где этот фугас продублирован. Рассеялись последние сомнения. Духи упорно ждали, когда кто-нибудь встанет на это место, ждали и готовились.

Омич приказал, в случае обстрела, прятаться в БТРах и сразу же выводить машины с площадки, и теперь сидел над картой, грыз карандаш и ломал голову, куда уводить отряд. Двигать в базовый лагерь тем же путём было опасно, просить пехоту выставить блоки — окончательно запороть всю операцию.

Тянулся пасмурный день. Группы мёрзли на засадах, потихоньку жевали галеты и холодную тушёнку. Редкие снежинки кружили белыми мухами, ныряли в стильную грязь.

16:46, 04 марта 2001.

— Омич — Татарину. Три двойки, по руслу. Вижу восемь. Вижу десять... двенадцать...

Духи шли по руслу. Шувалов быстро прикинул расклад. Нормально. Направление подхода угадало, мины выставлены, группа успела окопаться. Грач чуть сместился, отрезая боевикам пути возможного отхода. Отряд был небольшой, двенадцать «чехов», вооружение стрелковое, два пулемёта, гранатомёт — наверняка, разведка. Шли грамотно, головкой, боковые дозоры и тыл, но уж больно торопливо — видимо, не терпелось засветло выйти к лагерю и организовать наблюдение. Здоровенькие, упакованные, видно, что не первый год воюют, а вот дисциплина в подразделении

хромает, идут вроде осторожно, а веточками похрустывают, стволами кусты цепляют, в ядре ещё и ругаться умудряются полусшёпотом.

Головной дозор сняли в два ВССа¹ и сразу растащили по кустам, забрав радиостанцию. Русло ручья в этом месте делало небольшой изгиб, остальные «бородатые» держали дистанцию метров в сорок. На духовский запрос по станции ответили двумя щелчками тангенты — заблаговременно подслушанный условный сигнал. Главные силы противника двинулись дальше, дошли до поворота, Татарин произвёл подрыв установленных мин. Четыре ОЗМ-ки² разом грохнули, разметав клочья по деревьям. Боковые дозоры и тыл боевиков тут же залегли, открыв стрельбу во все стороны, но группа Татарина вжалась в открытые окопчики, слилась с мёрзлым мхом, отмолчалась. Не получив ответа, духи успокоились. Решив, что заминированное русло никем не прикрывалось, завыглядывали из укрытий, закаркали гортанными голосами. Наконец, двое полезли в ручей, осмотрели тела подорвавшихся, собрали оружие и закаркались вверх по склону. Тихо всхлипли бесшумные винтовки. Два трупа, бряцающая оружием, покатались на дно. Немногочисленные остатки банды, уже не прячась, ломанулись назад по руслу, прямо на пулемёты Грача. Тут уже деликатничать не стали, бойцы прилежно отработали по коробу.

Шувалов был доволен. Минусы обернулись плюсами, среди разведчиков раненых и убитых нет, результат впечатляет. Шуму, конечно, наделали, но тут уж не до жиру. Забито двенадцать «бородатых», если их основные силы где-то на подходе — вряд ли сунутся, услышав звуки боя и потеряв со своими связь. Трофейная станция пару раз что-то обеспокоенно спросила на чеченском и замолкла — «духи» ушли на другую частоту. Сейчас — ноги в руки и сваливать отсюда. Жаль, погода хреновая, вызвать бы вертолёт, может, получилось засечь остальных и грамотно навести артиллерию... Надо спешить. Пока светло, есть шанс проскочить.

18:00, 04 марта 2001.

- Палыч — Омичу.
- Связь.
- Всё, отход, «ленту» на дорогу.

БТРы и шестьдесят-шестая выползли на дорогу, построились в походный порядок. Наводчики хищно поводили жалами КПВТ³, обшаривая в прицелы стремительно темнеющие склоны. Грузёный «Урал» беспомощно елозил в своём укрытии — за день жирная глина подраскисла, солидолом забила протекторы колёс. Из леса потянулись разведчики — пыхтящие, нагружённые трофейным оружием и снаряжением. Развернули охранение, полезли на броню. Водитель «Урала» — бритоголовый, с оттопыренными ушами, боец по фамилии Клюков смешно пучил глаза и вытягивал шею, отчаянно газовал.

Палыч подошёл к «Уралу», глянул в капонир, открыл дверь в кабину:

- Слушай сюда, Клюква. Я тебя сейчас бэтээром зацеплю, как трос натянется, дашь на первой полный газ, как вылезешь — сразу нейтралку и по тормозам. Понял?
- Так точно...
- Давай...

¹ ВСС — винтовка снайперская специальная. Калибр 9 мм. Имеет интегрированный (встроенный) прибор бесшумной и беспламенной стрельбы.

² ОЗМ — осколочная заградительная мина.

³ КПВТ — крупнокалиберный пулемет Владимиров танковый — калибр 14,5 мм, основное вооружение БТР-80.

Палыч выдернул из колонны замыкающий БТР, подогнал задом, завёл буксирный трос. Отошёл метров на двадцать — не дай Бог лопнет — срежет, как бритвой. Махнул механику. БТР пыхнул соляжкой, потянул, Клюков дал газу, «Урал», поднимая фонтаны жидкой грязи, полез из своей ловушки...

18:10, 04 марта 2001. Земля встала вертикально и с размаху ударила Палыча по затылку. Пропали звуки, смазалась картинка. Капитан попытался вдохнуть — не смог. Подвигал челюстью, выплюнул что-то солёное, дунул в нос, прочищая ходы. Поморгал глазами. Прямо по курсу было пасмурное небо, под ногами пустота. Наконец до него дошло, что он лежит на спине, впечатавшись в огромную лужу, ледяные струйки уже весело текут за шиворот, холодят гудящий затылок. Сразу встать не получилось, Палыч перевернулся на живот, встал на карачки, утопив в жиже ладони. Закашлялся, выхаркивая из лёгких комья глины. Всё действия казались невообразимо затянутыми, как при замедленной киносъёмке.

Так, «Урал»... Где он? Поднялся, помотал головой...

Грузовик скатился назад, в капонир, кабина была разворочена, левое переднее колесо залетело в кусты.

На выезде из укрытия чернела воронка, над которой всё ещё висело в воздухе си-зое облако, напоминающее небольшой ядерный гриб. Возвращающееся обоняние резала вонь солярки и тротиловой гари.

«Оружие» — обожгла мысль. Палыч поискал вокруг себя. Автомат оказался в руках, только держал его капитан как будто двумя кусками дерева. Забросил оружие за спину и, шатаясь и потирая отсушенные ладони, побежал к «Уралу».

Грузовик наклонился на левый бесколёсный бок, крыша вздыблена, искорёженная дверь заклинила. Срывая ногти, потратив бесконечные секунды, удалось её от-крыть. Палыч встал на подножку, хрустнул стеклянным крошевом. Урал накренился ещё, застонал рваным железом. Вот он, Клюков, как обычно, выпучил свои глаза, за-тянутые красной сеткой полопавшихся сосудов, пялится с ужасом и непониманием.

Секунда на оценку обстановки. Боец зажат между сиденьем и рулём в районе таза, голову держит, значит, шея не сломана. Странно, потолок кабины над его головой вмят, явно здорово припечатался. Правая рука сломана и неестественно вывернута, ниже локтя, вообще, сплошное месиво, а дальше... Дальше. Левую ногу не видно, те-ряется где-то под остатками приборной доски. Пах разворочен, лоскутья и клочья ваты — остатки штанов — густо пропитаны кровью. Правая нога... Правая разбита в районе бедра, явно, разорвана артерия — кровь хльщит пульсирующими толчками, скатывается ртутными шариками по снежно-белому обломку бедренной кости.

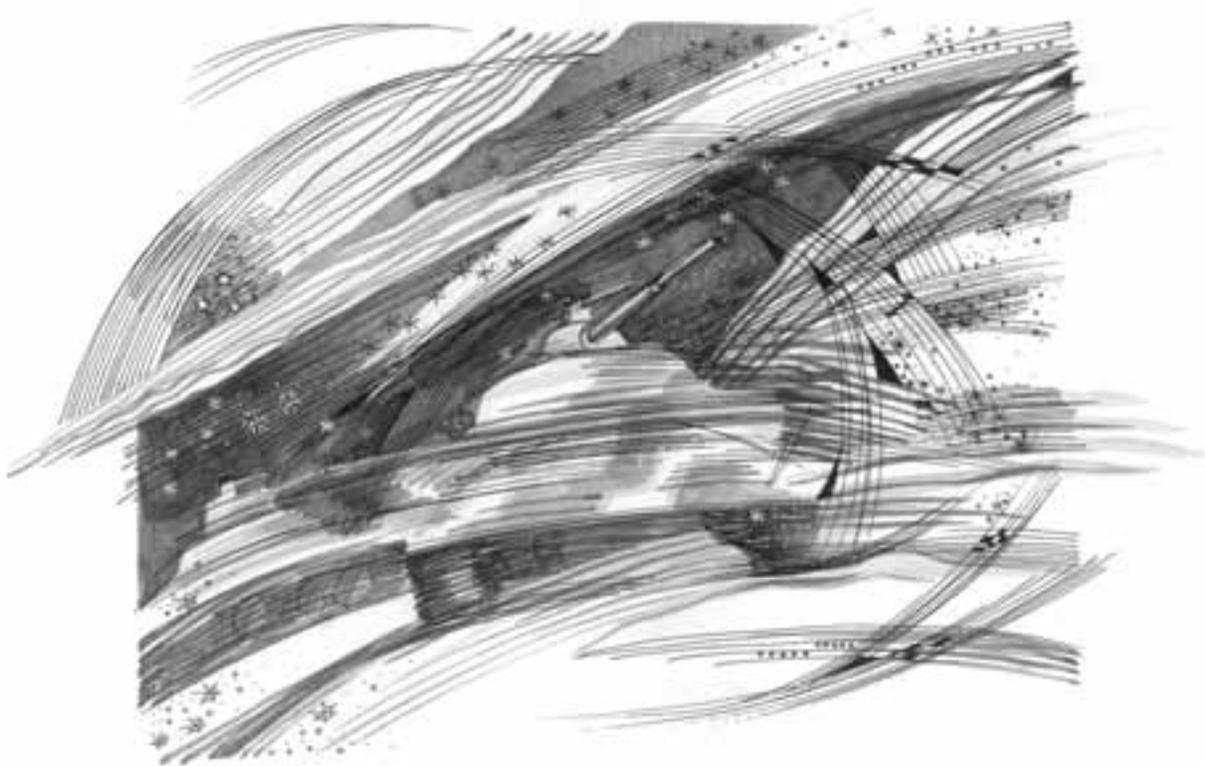
Клюков пялится необыкновенно осмысленным взглядом, но явно не понимая, что с ним произошло и что ему делать — боли он, по всей видимости, ещё не чувствует из-за шока. Палыч глянул на него построже, тихо сказал:

— Рот закрой, воин. Нормально всё.

Боец немедленно захлопнул отвисшую челюсть, длинно, со свистом выдохнул, пустив из угла рта кровавые пузыри, и вдруг обмяк, мешком сполз на сиденье.

Всё. Надо вытаскивать его отсюда. Палыч обернулся, хрипло проорал через пле-чо: — «Жгуты и промедол!»

Правая нога солдата оказалась обмотанной вокруг рычага переключения пере-дач, держалась на лоскуте кожи и лохмотьях ватных штанов. Недолго думая, Палыч вытащил нож и обрезал все это. Дёрнув вниз остатки штанины, проткнул её сбоку лезвием, пару раз крутанул, затягивая импровизированный жгут. Водительское си-денье со своих креплений было сорвано. Капитан вышиб его пинком вглубь салона,

потянул молчавшего Клюкова на себя. Левая нога выскользнула из своего плена, изгибаясь в тех местах, где ей совсем не положено. Всё ясно, тоже раздроблена. Пачкающаяся в липкой крови, подхватил бойца под тощий зад, передал кому-то в подставленные руки.

Стали подходить разведчики, прибежали командиры групп. Доставали промедол, потрошили свои индивидуальные перевязочные пакеты. Кто-то не сдержался, запричитал:

— Ой, бля...

— Ой, ё...

Клюков задыхался, оглянулся безумными глазами и заскулил.

— Тихо всё! На хрен ушли отсюда! — Палыч поймал взглядом вытаращенные глаза первого попавшегося разведчика. Тихо и внушительно сказал:

— Сейчас жути нагоните, он запаникует и умрёт. Всё нормально, всем улыбаться, ясно? И вообще, дуйте по своим местам, не дай Бог обстрел начнётся.

Подошёл Омич, разогнал разведчиков.

— Ты как сам-то, Палыч?

— Нормально...

Капитан дошёл до БТРа, постучал в броню прикладом.

— Тимоха, цел?

— Так точно...

— Воды умыться дай... И бушлат чистый.

Пока механик возился внутри машины, Палыч повернул на себя зеркало заднего вида, глянул... Да уж, ну и рожа. Весь в крови и глине, на чёрта похож. Скинул

бронезилет, бушлат, ставший комком сырого теста. С пятилитровой пластиковой баклажкой подскочил Тимоха.

— Вот, товарищ капитан... Из силового, тёплая...

— Полей...

Палыч умылся, стуча зубами, «тёплой» водой, натянул чистый бушлат и пошёл помогать доктору.

Клюков, обколотый лошадиной дозой промедола, наконец потерял сознание. Доктор уже навертел из бинтов целый футбольный мяч и затолкал его солдату в пах, наложил нормальный жгут на оторванную ногу и теперь накладывал шины на переломанные конечности.

— Как он, Док? — мысли тяжело ворочались в гудящей голове, заплетался язык.

— Хреново... Крови потерял много, если внутренние повреждения есть — вряд ли довезём. Омич вертолёт пошёл вызывать... тут и так целый набор, ещё и нога...

«Нога!» — мысль молнией мелькнула в разжижённом контузией мозгу.

— Тимоха!

Примчался механ, вылупился на распростёртого Клюкова, отвалил челюсть и запис. Палыч вывел его из ступора подзатыльником, отвёл в сторону.

— Тимоха, лезь в «Урал». Там осталась нога Клюкова, возьмишь её, ботинок и штанину снимешь, нароешь чистого снега — вот с этой горки, дальше не лезь. У тебя две РШГ¹ лежат в десанте, снимешь с них целлофан. В один замотаешь ногу, вложишь в другой, а промежуток забьёшь снегом. Если лётчики быстро прилетят, может, ещё и пришьют. Понял?

Тимченко умчался, Палыч, преодолевая тошноту и мотая головой, помогал Доку. Начмед что-то плёл, но пчёлы, свившие улей в черепной коробке и отчаянно гудевшие, мешали его слушать.

— Слушай, Док, сустав у него цел тазобедренный?

— Да вроде...

— А яйца?

— Там всё всмятку, Палыч. Мягкие ткани всё в лоскуты. Как он жив-то ещё, не пойму. Я вот помню...

— Слышь, Димон, а ногу ему можно пришить? Я сказал, чтоб её в снег замотали. Ну, я читал где-то, что так можно сохранить оторванную часть...

— Не знаю... вряд ли. Судя по всему, ему с бедра вынесло кусок, я из-под бушлата две горсти обломков выгреб... Хотя можно вставить штырь металлический, а кожу и мышцы со спины вырезать... Ты сам-то как? Ого, у тебя кровь из уха...

Доктор опять затрепал языком, видно ему необходимо было говорить, чтобы отвлечь себя от страшной работы.

Опять заморосило. Клюкова бережно перетащили в БТР, накрыли одеялами. Док с трудом нашёл у бойца вену, воткнул иглу, подвесил под броневой потолок какой-то пакет.

Снаружи забарабанили:

— Палыч!

— Чё...?

— Не «чё», а «я»... вылезай.

У БТРа стоял Омич.

— Как боец?

— Жив пока...

¹ РШГ — Реактивная штурмовая граната

— Я с Ханкалой связался. Двигаться нам нельзя, и вертушка придёт только утром. Темно уже и погоды нет... — комбат выругался. — Расставь бэтээры по периметру охранения и иди к бойцу. Продержи мне его до рассвета, слышишь, Палыч? Тебя солдаты слушаются, вот и прикажи ему, чтобы не умирал...

— До рассвета... Ногу не пришьют, поздно будет.

— Какую ногу? — не понял Шувалов. Палыч рассказал ему про ногу.

— Ничё... Снег чаще меняйте. Бывают исключения, — обнадежил комбат, и, развернувшись, ушёл в темноту.

23:05, 04 марта 2001 г. Палыч полез в десант. Клюков очухался, застонал, разлепил глаза.

— Товарищ капитан... Товарищи капитаны... где я?

— В БТРе ты, Клюков. Спи давай, чего проснулся?

— Я подорвался, да?

— С чего ты взял...

Клюков с трудом сглотнул, хотел кашлянуть, но не смог.

— Я знаю, подорвался... Сильно?

— Зацепило маленько... Меня самого потрянуло, голова гудит. Жить будешь. Не истери мне тут!

— Не, я нормально... Я только вот одного не пойму, товарищ капитан...

Клюков зажмурился, из глаз ручьями потекли слёзы. «Промедол отпускает», — догадался Палыч.

— Почему я, товарищ капитан? Ну почему я? Столько народу, командировка, считай, к концу подходит, и все целы, почему я-то?

Губы водителя задрожали, в глазах вспыхнуло отчаянье. «Всё, сейчас сорвётся», — понял Палыч. Ему жалко, невообразимо жалко было Клюкова, но он понимал — пожалей сейчас бойца — и тот зарыдает, забьётся, замечется, выдерет сломанными руками капельницу, разорвёт бинты. Надпочечники выплеснут в кровеносное русло адреналин, повысится давление, сердце закачает — погонит и без того скудные остатки крови из сочащихся ран. Жалость поставит их на один уровень, а Клюкову сейчас нужен командир. Он должен чувствовать рядом силу, бояться и слушаться её, не позволять себе расслабиться. Палыч поймал мутный взгляд Клюкова, спокойно и зло сказал:

— Ты охренел, мартышка? Ты что, хотел, чтобы Тимоха подорвался или я? Тебе легче было бы, воин?

— Да нет, я не в том...

— Вот и помалкивай лежи, силы береги. И вообще, ты у нас везунчик, лежишь тут живой, болтаешь всякую хренотень. Починят — плясать будешь. Нам ещё два месяца корячиться, а ты сейчас домой улетишь, к подруге, она тебе, герою, плюшки будет в госпиталь таскать...

— Подруга... — Клюков вылупил глаза. — Товарищ капитан, а у меня... ТАМ... цело всё?

— Ясен пень, — соврал Палыч, поняв, что с подругой допустил осечку. — Ты вон на доктора так возбудился, что ему пришлось твоё полено к ноге примотать. Ты, может, у нас нетрадиционный, а, солдат?

Клюков попытался улыбнуться, его перекосило.

— Тебе больно, воин? — встрял доктор. Палыч зыркнул на него, сильно пихнул локтем в бок. Не хватало ещё, чтоб солдат сконцентрировался на своих ощущениях.

— Больно...

— Док, на хрена ты спросил? — зашипел Палыч. — Коли теперь промедол.

— Нельзя, и так уже шесть тьюбиков.

— Ну, а на хрена спросил тогда?! Клюков, ты терпи, понял? Сейчас вертолёт при-
дёт — и всё, конец. Госпиталь, белые простыни, медсёстры... Терпи, родной... Терпи,
с-сука!!

Боец заметался, пошёл испариной. Впал в забытье, заскулил. Вкололи ещё про-
медол. На возражения доктора Палыч резонно заметил, что допустимые дозы рас-
считаны с большой перестраховкой, а если боец помрёт от боли, то доктор ляжет
рядом с ним.

05:30, 05 марта 2001 г.

Клюков то терял сознание, то просыпался, бредил и стонал. Палыч то материл его
последними словами, то успокаивал, смачивал распухшие горячие губы водой и чаем,
выдавливал их по капле из ватного тампона солдату в рот. Рассказывал ему байки
и анекдоты, заставлял слушать, смеяться и смотреть в глаза. То называл Клюкова
братом, то уродом маминым, плаксивой тёлкой, макакой и позором ВДВ... Застав-
лял рассказывать про свою деревню, читать стихи, исполнять Гимн России... Палыч
тянул его на тросах нервов, на канатах сухожилий, усилием воли выдирая и сплетая
их из собственной плоти, физически ощущая, как звенят они от натуги, дрожат, пере-
тянутыми струнами, удерживая ускользящее сознание солдата, как потрескивают,
рвутся, кучерявятся кольцами их отдельные пряди.

Тросы жгли руки, резали ладони, капитан наматывал их на локти и тянул, так сжи-
мая челюсти от напруги, что скулы, казалось, вот-вот прорежут кожу, раскрошатся
зубы, лопнут мелкие сосуды и вены на руках.

Клюков жил, держался, цеплялся за капитана. Он боялся умереть, зная, что на-
рушит его, командира, волю, и Палыч будет недоволен им, может, даже назовёт
солдатом-обезьяной. В его обескровленном, изломанном теле теплился уголёк духа
и твёрдая вера в командирское слово. Если Палыч сказал, что Клюков выживет, зна-
чит, так оно и будет. Не может не быть.

Дважды заглядывал Омич. Приходил Странник, рассказал про фугас. Безоболо-
чечный, замыкатель прикопан и засыпан гильзами сантиметров на семь. Когда за-
гоняли «Урал» земля была подмёрзшая — он и не сработал, а за день подтаяло... Да
Клюков ещё, как назло, буксанул, колёсами сверху поелозил. Источник питания —
японский аккумулятор большой ёмкости, вынесен далеко в сторону, закопан на метр
и утеплён. У фугаса была и вторая часть, гораздо более мощная, и рвануть она должна
была прямо под кузовом гружёного боеприпасами «Урала». Части устройства соеди-
нял ДШ¹, но он почему-то не сработал.

06:30, 05 марта 2001. Забрезжил рассвет. Клюков уже ничего не соображал. Он
осунулся, посинел, ничего не говорил и не слышал, только чуть шевелил побелевши-
ми губами. Палыч уже просто сжимал его единственную целую руку, пытаясь через
кожу перекачать из себя жизнь в тряпичное тело солдата. Усилием воли подгонял
неторопливые секунды.

Пришёл вертолёт, грузно коснулся колёсами поляны. Поднял ледяную пыль, зме-
ями погнал по земле оранжевый дым пирофакелов, обозначавших место посадки. Два
«крокодила»² сопровождения кружили в воздухе. Клюкова погрузили, за него тут же
взялись ханкалинские врачи — воткнули плазму, одели маску, ещё что-то...

¹ ДШ — детонирующий шнур.

² «Крокодил» — боевой вертолёт МИ-24.

Палыч шёл от вертолётa к БТРу. Поднял глаза, увидел, что навстречу ему, скользя по грязи, бежит Тимоха, прижимая к груди пакет.

— Товарищ капитан, нога, ногу забыли!

Ё-моё... Палыч вырвал у солдата пакет, бросился к вертолёту. «Восьмёрка»¹ уже закрыла боковую дверь, готовясь к взлёту.

— Стойте, стойте, черти!! — Кричал капитан. Ногу заберите!

Дважды его сбивало воздушным потоком, Палыч падал и снова бежал. Наконец, вертолёт оторвался и, заложив с места крутой вираж, полез в светлеющее небо.

07:05, 05 марта 2001 г.

Палыч сидел, прислонившись к колесу БТРа, злые слёзы текли по лицу. Дикое напряжение крайних суток отпускало, выходило нервной электрической дрожью. Капитан вдруг обозлился на себя, встал, размазал копоть рукавом. Подошёл доктор, принёс в железной кружке граммов сто спирта. Палыч молча проглотил, запивать не стал.

— Доктор, а ногу-то не забрали. Не успел я отдать. Теперь всё, не сохраним? Может, с колонной центроподвоза отправить?

— Не, Палыч, теперь всё. И так-то шансов мало было.

— Эх, баран я, надо было её сразу у Тимохи забрать!

— Разверни, давай хоть посмотрим состояние — предложил Док.

Разрезали верхний пакет, вытряхнули снег. Внутренний пакет оказался неестественно маленьким и мягким. Развернули, высыпали... Кусок ступни с пальцами, пятка, куча разрозненных лоскутов плоти и отломков кости, самый большой величиной с ладонь.

— Тимоха! Что это за херня, воин!

— Нога, товарищ капитан... — Испуганный Тимоха тарачил из люка заспанные глаза, — я в «Урале» окошки позавешивал и всю ночь собирал с фонариком. Всё собрал, до последней крошки... Не пришьют?

Палыч молча, на автомате сгрёб ногу обратно в пакет, бережно положил в БТР.

— Нормально всё. Заводи давай и вставай в замыкание. Мабута² уже до нас блоки³ выставила, двинемся сейчас.

07:45, 05 марта 2001 г.

— Палыч — Омичу.

— Связь.

— Готов?

— Да.

— Три пятёрки.

— Понял.

Колонна пошла...

¹ «Восьмерка» — транспортно-боевой вертолёт МИ-8.

² «Мабута» — общее название, придуманное десантниками для подразделений, не относящихся к ВДВ. Интонация при использовании — от снисходительно-ироничной до презрительной.

³ «Блоки» — блок-посты. Выставляются для контроля за проверенными участками дорог.

Эпилог

Клюков выжил. Из Ханкалы его перевели в Ростов, потом в Москву, в госпиталь Бурденко. Солдату пришлось, помимо оторванной правой ноги, ампутировать левую ниже колена и правую же руку выше локтя. Заштопали лёгкое, удалили селезёнку и ещё Бог знает сколько всего. Клюков на удивление стойко переносил тяжелейшие операции, держался и даже пытался шутить. Когда же его, наконец перевели в палату и разрешили посещение родными, боец сломался под их сочувственными взглядами и похоронным нытьём. Он причитал и капризничал, как маленький, размазывал по лицу сопли и слёзы, ревел сутки напролёт. Бился в истерике, швырял посуду и ничего не ел. После дикой дозы успокоительного впадал в жар, липкий бред, всё стонал, грозил какому-то Палычу, обещал найти его и убить за то, что не дал ему, Клюкову, умереть, заставил жить обрубленным кастратом с привязанной до конца дней к культе бутылочкой...

Как-то, месяца через полтора, уставшая, перепуганная мать бочком протиснулась в палату. Клюков лежал и, безучастно уставившись в потолок, изучал трещины в побелке.

— Опять ничего не ел... Осунулся-то как, сынок, кожа да кости, прям светишься весь. Тебя лекарствами пичкают, кушать надо...

За окном шумела буйная молодая листва, верещали птахи. Четвёртый этаж. Сегодня ночью он сделает это, лишь бы окно не закрыли. Любой ценой, на руке и зубах, перелезет через дужку кровати на подоконник, совершит свой последний в жизни прыжок. Не крайний, как говорят в ВДВ, а именно последний.

— Письмо тебе, сынок... Из части, что ли. Москва-400, капитану Путилову. Прочитать тебе?

Клюков заморгал, оторвал глаза от гипнотической трещины в потолке.

— Дай сюда... Сам я.

С трудом разорвал конверт, вытащил исписанный с одной стороны листок.

Солдат читал письмо и менялся на глазах. Обрисовались скулы, появился блеск в глазах. Он живо пробежал глазами строчки, уже не в первый раз перечитывая написанное. Наконец опустил листок на грудь, вытянулся, подобрался. Казалось, он сейчас стоит в строю — только почему-то лёжа. В глазах — деловая озабоченность, на впалых щеках — впервые — румянец. Вошла старая докторша, осеклась на полуслове, оторопело уставилась на пациента.

Клюков расправил на груди тельняшку, перевёл на мать повеселевший взгляд.

— Mam, принеси воды тёплой, бритву, щётку зубную. Я тебе сейчас адресок черкану, сходишь в Союз ветеранов. Скажешь, капитана Путилова солдат, пусть помогут чем смогут. И книжек принеси — в институт восстанавливаться надо. Скоро командир приедет...

Будем жить!

P. S. Как мать ни просила, письма ей Клюков так и не показал. Сын часто его перечитывал и хранил, как величайшую драгоценность. Она ревновала и не могла понять — какие такие неведомые слова смог найти командир, и почему их не подсказало ей материнское сердце. Матери однажды удалось случайно разглядеть только первую строчку. Письмо начиналось словами:

«Клюков, обезьяна...»

ЖЕНСКОЕ ИМЯ В ПОЭЗИИ

НАТАЛЬЯ ВЕРДЕРЕВСКАЯ

ЖИЗНИ ВЕЧНЫЙ КРУГОВОРОТ

ГОРЯЩЕЕ ЛЕТО

1

Сорок дней и сорок ночей
жара, жара, жара.
Сорок дней и сорок ночей
сегодня, как и вчера.
Небо печью над головой.
Земля тверда, точно камень.
Мечемся меж обмелевшей рекой
и мёртвыми родниками.
Ягоды высохли, не созрев
Травинка желта между плит.
Что гадать: это Божий гнев
или природа мстит?
Сорок дней и сорок ночей.
Пот стекает с лица.
Сорок дней и сорок ночей...
Начало конца.

2

«Россия в огне» — из излюбленных штампов.
Россия в огне революций и страхов.
Победные зарева новых свершений,
как сталь закалявшие цепь поколений.
Огни Днепрогэса, огни космодрома,
во имя прогресса и очень весома.
Как часто всё это произносилось!
Со временем, правда, поизносилось.

Россия в огне — без метафор и тропов.
Гигантский костёр на востоке Европы.
Леса полыхают гектар за гектаром.
Торфяники дышат убийственным жаром.

Ломаются сосны – горелые спички
 (а где-то опять произносятся спичи!)
 и вот уже в считанные мгновенья
 сметаются огненным валом селенья.

Печальная песня ещё не допета.
 Забудут ли люди горящее лето?

2010 г.

ВЕСНА НАСТУПАЕТ

Весна наступает со всеми обвалами,
 с разливами рек, взбудораженных взрывами.
 Как все мы устали, как хочется малого:
 спокойного мая и лета счастливого.

Чтоб холод не тронул цветущие яблони.
 Чтоб луг не сожгла прошлогодняя засуха.
 А ночи бы – звёздными! А зори бы – ясными!
 А радуга в небе играла бы красками!

Нам всем обещают большие свершения.
 Да разве мы против? Пускай совершаются.
 Но надо и в наше войти положение:
 весна наступает, и жизнь продолжается.

И что бы там не было в мире политики,
 и что там в обширных программах ни значится,
 цветут на прогалинах жёлтые лютики,
 лесная фиалка под веткою прячется.

Так пусть не обманут нас радости малые:
 такое немалое их назначение!
 Весна наступает со всеми обвалами,
 и людям, и миру несёт обновление.

АННА

Зима пришла не вовремя,
 нежданно – нежданно.
 Метёт метель за окнами
 четвёртый день подряд.
 Мне мнится: в дымном облаке
 скользит, как призрак, Анна.
 Святая иль пророчица –
 так люди говорят.

Есть имена неброские,
немодные и милые,
в чьи именины помнится
почти что ни о ком.
Они пропахли росами
(а может даже миррою),
горчинкой тополиною
да летним холодком.

А в этом старом имени –
дыхание пустыни,
звезда над древним городом,
пастушеский напев.
В нём ветер струны трогает
в старинном клавесине,
свидетелей печалей
ушедших королев.

Зиме ещё пять месяцев
трудиться неустанно,
а что позднее сбудется –
и предсказать нельзя.
Летящую походкою
идёт по свету Анна,
над временем, над вечностью,
над пропастью скользя.

АВГУСТ

Наклоня упругие ветви,
ждут сады: уборки иль ветра.
Август движется незаметно,
и зима ещё далека.
Но уже холодеют зори,
всё в рябинах камское море
и шиповник в алом уборе
завлекает нас на луга.

Ещё будут ветер и стужа,
дождь устанет стучать по лужам,
но сегодня ещё жемчужен
даже пасмурный небосвод.
Но цветут георгины пышно,
дозревает поздняя вишня,
совершается, нам не слышно,
жизни вечный круговорот.

Золотые краски заката
душу рвут и зовут куда-то.
Нива летняя полусжата,
тёплым золотом залита.
Дни не коротки и не длинны.
И глядит сквозь прорезь рябины
день последний: память Марины,
холодеющая плита.

УЛИЦА ТУГАРОВА

По улице Тугарова
тогда телега скрипела
везла маринино тело
на скромный тёмный погост.
А следом душа мятежная
летела, летела, летела,
мучилась и надеялась
и достигала звёзд.

О Якове Тугарове
не скажем худого слова.
Пусть боль офицеров расстрелянных
ему простят небеса.
Он жил в жестокое время,
на пике крутого излома,
когда накрыла Россию
чёрная полоса.

Мир праху красных и белых.
Ладно! Что было, то было.
Но улица Тугарова
не с этим сопряжена:
теряя последние силы,
по ней Марина ходила,
и не было больше выхода,
и грохотала война.

Горят костры заповедные
на Чёрной горе в Силезии,
в Тарусе и Павлодаре,
на разных материках.
Искры, во тьму летящие.
Луны холодное лезвие.
Ночь рожденья поэта,
прописанного в веках.

Мы тоже костёр зажигаем.
Дым в поднебесье тает.
Вселенная раздвигает
звёздные берега.
А молодые пары
приходят к милой Цветайке —
от улицы Тугарова
едва четыре шага.

Короткий отрезок времени
на скорбном пути Поэта,
что между болью и смертью
и славой её лежит,—
улица Тугарова.
долгая улица эта
ей, Марине Цветаевой,
по праву принадлежит.

* * *

В телевизоре ад земной.
Кровь рекой течёт на экране.
Боевик ли суперкрутой,
или киллер очередной
или новый взрыв в Дагестане...
Разобраться нам не дано,
где тут будни, а где кино.

Но куда б не снесло нас всех
(что в России знаешь заранее?),
нам останутся свет и снег,
лёгких лыж стремительный бег,
зимней удочки трепетанье:
всё, чем должен жить человек.

* * *

Континенты в шрамах или ссадинах,
в запахах гниения и тления.
Человек давно уже не сапиенс
и, конечно, не венец творения.
Расплодились на планете вороны,
завладели домами и кущами.
А давно ли жить казалось здорово:
веровали в светлое грядущее.
Мир как будто на весах качается.
На экранах Ливия с Японией.
То ли время смуты не кончается,
то ли приближается агония.

Мы давно уже привыкли к тяготам,
да и нужно нам совсем немножечко:
вкус надежды – кисло-сладкой ягоды,
радости земной – по чайной ложечке,
жить спокойно до конца столетия,
праздники встречать и будни серые,
целовать душистые соцветия
и твердить: «Живу! Люблю! И верую!»

ОСЕНЬ

Августовские редкие громы
и сентябрьские пёстрые дни...
Осень снова у нашего дома
зажигает живые огни.

Снова тучи надвинулись низко,
дождь стучит по свинцовой реке
и сияющий день – как описка
в этой длинной холодной строке.

Мёрзнет пашня, в предзимье раздета.
Луч случайный дрожит, как струна.
В нашей памяти знойное лето –
как неверное марево сна.

Так стремительно жизнь пролетела.
Так недолги погожие дни.
И крылатая осень несмело
зажигает живые огни.

ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ

Дождь припустился – не унять.
Вдали глухое рокотанье.
Гроза в июне – благодать,
а в сентябре она – прощанье.

Не будет радуги весь год.
Не будет рос. Не будет лета.
И сенокос, и обмолот
остались за порогом где-то.

Ещё зелёная листва,
чуть тронутая желтизною,
тепло прощается со мною.
А я в ответ ищу слова.

Так много их, да вот беда:
они мне в руки не даются.
А грозы, что ж, они вернутся.
И люди вновь тепла дождутся.
И грянет летняя страда.

МАРТ

Снег, снег, снег...
Был или будет ещё?
Март весне
подставляет своё плечо.
Снова листаем букварь
обретений и новых потерь.
А позади февраль.
А впереди апрель.
Душу мучит опять
льющийся с неба свет.
Что нам ещё принять?
Как нам себя понять
на переломе лет
и на исходе лет?
Мартовские лучи,
теплы, но не горячи,
едва касаясь лица,
врачуют наши сердца.
Скоро оно придёт:
время светлых ночей.
Иволга запоёт
в сплетенье зелёных ветвей.
Грянет солнцеворот.
Эхом откликнется даль.
Март начинает год –
так говорили встарь.

ДОБРОЙ НОЧИ ВАМ

Тёплый дождь, и молнии над домом.
Гром, сердито тающий вдали.
Луговые травы расцвели.
Всё таинственно и невесомо.

Ах, июнь, и ты идёшь к концу.
На подходе – сердцевина лета.
Молниями, что ли, ночь согрета?
Дождевые капли по лицу.
Отблески забытых фонарей
на асфальте, мокром и блестящем.

Грань меж будущим и настоящим.
Передышка на исходе дней.
Окна угасают не спеша.
Тише, тише, тише рокот грома.
Под неверною защитой дома
чуда ждёт усталая душа.
Доброй ночи вам и сладких грёз.
Отошли тюльпаны и сирени.
На цветущий луг зовут свирели.
Жаждет поле тёплых летних гроз.
Доброй ночи вам и добрых снов.
В звёздном облаке плывут планеты,
и на все вопросы есть ответы
из обыденных и вечных слов.

СТИХИ О МОЁМ ИМЕНИ

Имён и прозвищ навалом. Им нет ни конца, ни края.
Кому какое достанется — такое вот бытиё.
Наталья — значит «рождённая», «родившаяся», «родная».
Я родилась когда-то, и это имя моё.

Есть имена понятные: Светланы там и Людмилы,
когда-то переименованные на наш российский манер.
Вера даёт опору. Надежда прибавит силы.
Любовь оставалась любовью даже в СССР.

А эти другие пришли к нам из Греции или Рима
или из Палестины ещё библейских времён.
Софья — по нашему «Мудрость». «Несущая мир» — Ирина.
Даже простая Матрёна — от древнеримских матрон.

Я родилась не в Афинах, не в Средиземноморье —
на ледяном Урале в холодный день декабря.
С тех дней меня подхватило житейское многоборье
где так нечасты победы, но ничто не бывает зря.

Мы все рождаемся в мире, в этой земной юдоли,
где петляет во мраке жизненная стезя.
Но нам изначально свыше даётся свобода воли.
Мы выбираем сами, и жаловаться нельзя.

Нужна ли память о прошлом? Время врачует раны.
К чему будоражить души живущих сегодня людей?
Расстрелы тридцать седьмого. Военных потерь курганы.
Годы бдящей цензуры и серых очередей.

Со мною судьба обходилась не сказать чтобы слишком сурово.
Скорее так, как со многими: за полосой полоса.
Но оставалось со мною свободное русское слово,
моё любимое дело, близких людей глаза.

В безумстве ветра и снега пути двадцатого века.
Двадцать первый рождается в сполохах беды и огня.
Где-то в багровом тумане скрыта дорожная вежа:
выбор для человечества, для тебя и меня.

Я доверяю имени, мне при рождении данному,
как доверяю в зеркале чертам своего лица.
Я доверяю времени, непредсказуемо странному,
и доверяю жизни в преддверьи её конца.

Не угадать, когда опустеет книжная полка,
куда заведёт дорога — последний удар весла.
В декабрьское новолуние зажжётся пушистая ёлка
в память той, что рождалась, чувствовала, жила.

ЖЕНСКОЕ ИМЯ В ПОЭЗИИ

ЕЛЕНА БУРУНДУКОВСКАЯ

ПОТАЁННАЯ ДВЕРЬ

ЯЛТА

Ялта-девочка, парусом платьице.
Тонкорунный у пирса прибой.
Ветерок одомашненный ластится,
Гонит волны курчавой гурьбой.

Мы ходили в Ливадию берегом.
Море следом безропотно шло.
Вечерело. И ласково, бережно
Солнце гладило нас, а не жгло.

Миновал профсоюзные здравницы,
Поднимались в породистый парк,
В эти первопрестольные заросли,
Где со светом мешается мрак.

Где тропинки, хрустящие гравием,
И дворца выплывает ладья.
Ах, Таврида, душа моя, Таврия
За оградкой сквозного литья.

Зачарованы временем вечера,
Угасанием знойной зари,
Возвращались беспечные, вечные,
Полу-боги, полу-дикари.

Бормотали названия странные,
Как молитву, а может, пароль,
Акцентируя звуки гортанные:
Аю-даг,
 Учан-су,
 Кара-голь.

Ялта-девочка, парусом платьице,
Тонкорунный у пирса прибор...
Что ты, милая, вот-вот расплачешься,
Будто мы расстаёмся с тобой.

* * *

В плацкартной колыбели,
На верхней полке сна...
Спешат навстречу ели.
А жизнь вкусна, вкусна.

Я пью её как воздух,
Напиться не спеша.
Глядят в окошко звёзды.
Смущается душа.

Ей хочется учиться
И нравится расти.
И поезд мчится, мчится
По млечному пути.

* * *

В обратный путь, как в сон без сновидений,
А всё, что было было не со мной.
Воспоминаний призрачные тени
Окутывают ночью шар земной.

И я к окошку потному прильну,
И всё, что есть сейчас, в минуту эту,
Как эту полную, дебелиую луну,
Опять приму за чистую монету.

НОЧНАЯ ЖИЗНЬ

Вечер упал. И раскинулись сети
Мыслей извечных о смысле и проч.
Лампу зажгу. При искусственном свете
Отодвигается ночь.

В книгу уйду с головой. В приключенья,
В странствия, в общем, по этой тропе.
Это ль не вечное наше спасенье
Вымысел, слёзы, т.д. и т.п.

Путник вернулся на родину с миром.
Поздно. Приляг, дорогая, приляг.
Между тобой и оставшимся миром
Только вольфрамовой нити напряг.

* * *

Шмель пасётся на цветке.
Зелень греется на грядке.
Я на даче. Всё в порядке.
Жизнь идёт накоротке.

К неприметному жилью
Льнёт малиновая ветка,
Любопытная соседка
Смотрит в комнату мою.

Я на грядки воду лью.
Ожидая урожая.
Я заботой окружаю
Всех кого
 зане
 люблю.

* * *

Гребёнкой частой леса окружён
Участок жизни пригородной, летней.

Тропинка извивается ужом,
Спрягают тишину сорочки сплетни.

Вольнее воздух и прямой спина,
И в унисон настроено дыхание
Со всем, чем наслаждаешься сполна —
С водой, землёй, хорошими стихами.

Там, на опушке, солнцем залитой,
Тебе навстречу лапы тянут ели.
И вся печаль осталась в жизни той —
Стреноженной, сугубой. Параллельной.

* * *

Ты хочешь обмануться тишиной?
Она тебя в покое не оставит.
Сторожки пробудившейся лесной
Сквозь груды лет недужный скрипнет ставень.

Здесь время — гость неведомый. И пыль
Стереть, как снять живую кожу
С вещи. Смутить июльский пыл
Одним души движением возможно.

Сверхзвуковые самолёты мух
Кроят и шьют незримое пространство.
Здесь день кончается легко, без мук,
Наутро припасая жажду странствий.

Бросайся сломя голову на зов
Природы, упади в её объятия.
Начни опять всё сызнава, с азов.
С травы, с цветов, с узорчатого платья

Поляны, с перечёркнутых полей
Зигзагом безымянного оврага,
Всем воздухом опять переболей,
Настоянных десятилетий брагой.

Опять, опять, тогда или во сне
Ударит кровь и бросится по венам
В той густонаселённой тишине,
Обманчивой, избытой. Незабвенной.

* * *

У меня обстригли корни.
Мама, папа, где вы, где?
Стали вы цветочным кормом,
Путь ли держите к звезде?

Вы со мною были рядом,
Опекали день-деньской.
А теперь мне вас ни взглядом
Не коснуться, ни рукой.

Это так необъяснимо,
И несправедливо так.
Улетает стружкой дыма
Жизнь — дарованный пустяк.

Что в итоге остаётся,
Достаётся мне одной.
Рядом ластится и вьётся
Мой отросточек родной.

Жизни жизнью продолжаться,
Начинаться ни с чего.
За меня ему держаться,
Мне держаться за него.

* * *

Время призрачно и прозрачно.
И за ним ничего не стоит.
Мелочь листьев — звонкая сдача
В мои горсти летит.

Я в автобус зарёванный сяду.
Оглянусь из окошка назад,
Где опавшим становится садом
Мой возлюбленный сад.

Где прошедшим становится летом
Всё, что было до слёз,
И дорога припустится следом,
Словно преданный пёс.

Монотонность пустующих пашен,
Переливчатый, каплями, свет.
Этот мир в золотое раскрашен,
И почти не одет.

Я его полюбила заочно
В том, дожитенном сне,
Где прозрачное время проточно.
И даровано мне.

* * *

Памяти М.В. Распутиной

Вот уже мама с папой живые и я молодая.
(Я в обратном порядке сценарий судьбы прокручу.)
Но оттуда слова угасают, сюда долетая.
Я как будто молчу, даже если о чём-то кричу.

Я люблю, но не знаю, что это зовётся любовью.
Я рифмую любовь с чем попало подряд.
А она навсегда, навсегда зарифмована с болью.
Я не знаю об этом, а старшие не говорят.

Но ещё не беда, не беда, ещё всё поправимо.
И подруга ещё не ступила на гибельный трап.
И смелей самолёты проносятся мимо и мимо.
И Христос воскресает, бессмертные муки поправ.

И меня птичий мир за свою без проблем принимает.
И бесменное солнце на страже в зените стоит.
И родные просторы – земля, та, которая всех понимает,
А совсем не продажный кондитерский хит.

Но сегодняшний день приближается неумолимо.
И родители смотрят с безмерной тоскою мне вслед.
Всё ещё поправимо, ах нет, уже непоправимо.
И подруга не знает ещё....

* * *

Чуть левее печной трубы
Каждый вечер обещана встреча.
Завершив дневные труды,
Я к звезде обращаю речи.

Я несколько душой не кривлю,
Ни пред кем не держу ответа.
Слишком многих уже не люблю.
Плачу только от резкого ветра.

Знаю, ты далека, далека
От вселенских моих сомнений.
Млечный путь, как стакан молока,
Неземной любви не заменит.

Не заменит земных страстей
Безразличие чёрной бездны.
Мир делить на врагов и друзей
Недочка сумеет и бездарь.

Всё устроено проще, мудрей.
Всё задумано сложно и тонко.
У звезды, у стиха и ребёнка
Есть своя потаённая дверь.

Я ребёнок большой, прости.
Стих мой нынче с утра натружен...
Вот и гаснет звезда в горсти.
Остывает нетронутый ужин.

* * *

Я у города в кармане,
В тёплой пазухе зимы.
За горами, за домами.
От сумы и от тюрьмы

Зарекаюсь, зарекаюсь.
Дымный воздух из горсти
Пью и всё не напиваюсь.
Каюсь, Господи, прости.

Я попала в переделку,
Глухозимья переплёт.
Ветер гонит Белку, Стрелку,
Во дворах баклуши бьёт.

У меня опять обнова —
Снежный прах на рукавах.
Волокита Казанова
На углу открыл кабак.

Там гуляют Тани, Мани.
Что посеешь — то пожнёшь.
Я у города в кармане.
На аркане плачет вошь.

ТРАМВАЙ

В челноке трамвая углом
Я плыву по городу.
Утром жизни, ясным утром.
Холодок за воротом.

Перекрёстки, светофоры.
Позади раскаянья.
Твои стены мне опорой,
Город неприкаянный.

Солнце светит, утро красит.
Все при деле вроде бы.
Из окошка мир прекрасен,
Он зовётся Родиной.

Город, город, ах ты, город...
Клёны – листья веером.
Город-ворог, злой и гордый.
Я тебе поверила.

Я тебя в себе растила,
Пела – не лукавила.
Гой еси, моя Россия.
Остров белокаменный.

Просыпаемся с рассветом,
Больше не советские.
Город, город! Нет ответа.
Только машет ветками.

* * *

Приходит осень с горечью в крови,
С плаксивой миной, красными очами,
С бессонницей.
И сколько ни криви
Душой, иль чем иным – не полегчает.

Пока ещё богатые стоят,
Но с каждым ветром дешевет парк.
Ещё с небес медовый льётся яд,
Ещё пылают розы-перестарки.

И вот всё изменяется за раз,
И воздух вмиг становится надсаден.
Как верный мусульманин свой намаз,
Творит природа дождь по пять раз на день.

С утра, едва натужно рассветёт,
Четвёртую опять включаем скорость,
Опять мосты сведёт и разведёт
Над пропастью страстей державный город.

Все ходят в школу сотню лет подряд,
Из форточек выплёскивают гаммы.
Застенчивый учебный звукоряд...
А жизнь свои разыгрывает драмы.

Свои задачки на дом задаёт.
По ветру не листва – листочки в клетку.

Как осень наставать не устаёт!
Поплачься ей.
Поплачься ей в жилетку.

* * *

Я ничего не стану изменять,
Ни от чего не смея уклониться.
Я в колесе несчитанная спица.
Всё движется. Водителю не спится.
Хотим простить и силится понять.
Поджарить курицу. Посуду между прочим
Помыть. Пойти пройтись. Смотри, как укорочен
Декабрьский день. Частичка бытия
Уходит с ним, чтоб вновь не возвратиться.
Ни от чего не смея уклониться,
Нет, ни о чём жалеть не буду я.

НА ПТИЧЬИХ ОКРАИНАХ

На птичьих окраинах, где одуванчик лютует,
лопух да крапива.
Где мыльную пену пускают матерчатые тополя,
Столетия бредут и бредут себе неторопливо
Белёсыми днями, ночами, ночами и днями пыля.

Подсолнечник скучный вокруг да вселенская рухлядь,
Да статуи сторожевые бессмертных старух
На лавочках. Солнце над крышами вспухнет,
Мигнёт и закатится. Тихо, так тихо вокруг.

И сфинксы дворовые в облике царственных кошек,
Мудры и презрительны. И не впадая в испуг
Воркуют, хвосты распустив,
на виду любопытных окошек
Пернатые парочки. Медлит на кнопке «пуск»

Создателя палец. Застывшим любуясь портретом,
Он смотрит, вздыхая, вздыхает и смотрит с высот.
И в воздухе тленном, глухом, до печёнок прогреетом
Лопух да крапива, крапива, лопух да осот.

РАССКАЗЫ О ГЛАВНОМ

ЮРИЙ МАНУСОВ

Внук

— Смотри, по этой вот тропинке катился Колобок. Катился, катился — по жёлтым листикам, по сухим веточкам, и вдруг! Из этих вот кустиков выскочил Заяц. Выскочил и загородил дорогу Колобку. Но тот не растерялся. Прыг на этот вот пенёк. И говорит...

Я гулял с внуком по осеннему лесу. Так же, как четверть века назад гулял с сыном. А ещё раньше — с дочерью. И с такой же энергией переносил на тропинку, бежавшую между потолстевшими деревьями, вечную историю о Колобке.

Дочь родила в тридцать три, два года назад. Почему так поздно? Ещё школьницей заявляла: «Выйду замуж только по любви». Поэтому предлагавшим руку и сердце ухажёрам, но ею нелюбимым, отказывала. А ведь кто предлагал! Известный телеведущий. Крупный издатель. Успешный банкир. Не говоря уже о скандальном режиссёре, в театре которого она играла. Не «Кушать подано» — романтических красавиц. И театр ни где-нибудь, в Северной Пальмире. Там же окончила актёрское отделение. Потом училась в аспирантуре, защитила диссертацию и, устав от наскучивших ей ролей «джульетт», приняла приглашение заведовать отделом в известном музее. Отдел новый: театр плюс музей. Дочь надевала историческое платье знаменитой балерины и на правах хозяйки принимала гостей в роскошном Белом зале. На одном из таких вечеров-балов она и познакомилась с будущим мужем. Лишь глянули друг на дру-

га, и поняли — судьба! Худошавый парень, выглядевший моложе своих тридцати пяти, был вечным отличником, программистом-антихакером, разрабатывавшим защитные коды для ведущих банков. Дочь стала его Солнышком, он для неё — Осирисом.

Я никогда не мечтал о внуке. Да и жениться не собирался. В шестом классе записал в дневнике: «Клянусь стать кинорежиссёром и снять фильм, в котором будет всё!» Вот так, ни больше ни меньше. Однако женился. Будущая избранница околдовала танцем. И, правда, её вертушки сводили зрителей с ума. Ещё поразила улыбка, в которой легко читалось, что в ней утонут любые невзгоды...

— Смотри, — показал внуку на ель. — За этим деревом пряталась Лиса. — Встал за стволом. — А вот так она появилась.

Я выглянул и пошёл на носочках, качая бёдрами. Глазёнки внука смотрели на меня, но видели Лису. Мальчик напрягся и зачарованно ждал, чем на этот раз закончится сказка.

Концов было столько же, сколько моих рассказов. «Колобок» не исключение. Истории с Репкой, с Курочкой Рябой, с Золотой Рыбкой могли быть какими угодно. Жена, услышав очередной парадоксальный финал, вскрикивала: «Не издевайся над ребёнком!». Хотя прекрасно знала, что мои фантазии не повредили ни дочери, ни сыну. Как можно развивать творческие способности без контрапункта, без метафоры, без гиперболы, без гротеска, без иронии? Малыша необходимо удивлять, поражать, потрясать. И без конца разрушать стереотипы.

Когда я учился в институте кинематографии, накопил несколько сотен открыток с репродукциями картин. Однажды додумался разложить эти открытки на ковре. Трёхлетняя дочь запоминала конфигурацию, затем отворачивалась. Я менял репродукции местами. Задача девочки состояла в том, чтобы вернуть их в свой ряд. Моей же целью было дать возможность дочери произвольно рассматривать картины. Рядом лежали Рафаэль и Кустодиев, Тициан и Петров-Водкин, Пикассо и Федотов, Сезанн и Суриков. Никого не выделял, оставляя выбор за дочерью. Спрашивал: «Какая картина тебе нравится больше?» Девочка бежала глазами по живописному полотну и вдруг тыкала пальчиком, к примеру, в «Голубых танцовщиц» Дега. В другой раз показывала на «Юдифь» Джорджоне. Однако самым родным для неё стал «Портрет мальчика» Пинтуриккьо. Часто малышка поднимала открытку сама и внимательно в неё вглядывалась. Легонько трогал за плечо. «Что тебя заинтересовало?» «Собачка». «Как ты думаешь, откуда она взялась?» «Выбежала из-за кустика». «А куда побежит?» «К лошадке». Когда дочь пошла в школу, стали играть с ней в пьяницу, превратив открытки в карты. Часть колоды у неё, часть у меня. Положив на ковёр по «карте», сравнивали их. Если на картине, к примеру, изображалось пять человеческих фигур, то она побивала репродукцию, на которой было изображено три. Наименьшей картой считался натюрморт, чуть выше был пейзаж, ещё выше — портрет. Внезапно я менял ценность. «Старшими» становились картины, которые по времени были написаны позже. В следующий раз приоритет отдавался алфавиту. Всех побивал Аверкамп. Самого же Аверкампа мог побить стоящий последним Янс. В конце концов, пришли к тому, что дочь, лишь глянув на открытку, безошибочно называла имя художника, время написания картины и могла «вслепую» рассказать о её содержании. Не просто рассказать, а поведать целую историю. О девочке с персиком, о Святом семействе, о Гекторе и Андромахе. Уже взрослой, будучая в Эрмитаже, в Лувре, в Дрезденской галерее, она с умилением вспоминала нашу детскую игру...

— Проголодался Колобок и начал есть шишки. Когда наелся, вдруг превратился в ёжика. Колючего-колючего. Раскрылся и побежал ножками. Колобка теперь только и видели.

Начиная сказку, никогда не знал, чем её закончу. Бывало, сам удивлялся развязке. Хотел продолжить историю, теперь уже Колобка-Ёжика, однако приближался обед. А домой — не близко.

От порывов ветра листья слетали «вертолётками». Внук пытался ловить их. Спросил его: «Какой листочек самый грустный?» Мальчик показал. «А самый радостный?» Наклонился, поднял.

Возвращались из лесу с букетом. Дарили маме и бабушке. Так было с сыном, и вот сейчас с внуком. Листья он отбирал сам. Связывали заранее припасённой верёвочкой.

Посадил внука в коляску. Сунув букет в сеточный карман, повесил на плечо видеокамеру — время от времени брал её с собой. Семейную хронику начал вести со свадебного путешествия. Пользовался ещё плёнкой. Запечатлел на ней и маленькую дочь, и маленького сына. Видеокамеру приобрёл, когда мальчик пошёл в первый класс.

Покатил коляску, переезжая через бугры и канавки. На пути — толстый корень. Внук знал его историю. Как знал истории многих здешних деревьев. На поляне, где мы чаще всего играли, росли берёза и тополь. Стволы их чуть ли не соприкасались, а кроны спутались. Рядом торчал старый пенёк. От его имени и шла речь. Пень, будучи ещё деревом, видел, как появились два ростка. Ростки потянулись к солнцу и вскоре превратились в деревья. На них зазеленели веточки. Однажды весной тополь прикоснулся к соседке. Прикоснувшись, вздрогнул. А счастливая берёза, зашелестев листочками, пустила свой первый сок.

Внук пока не разговаривал. Зато всё понимал. Водил глазёнками от тополя к берёзе, от берёзы к тополю. Становился между стволами, задирает головку вверх и каждый раз, уезжая, махал влюблённым ручкой: пока-пока.

Тропинка выводила к проспекту с беспрерывно несущимися автомобилями. Когда я гулял здесь с маленьким сыном, кварталы лишь проглядывались. Сегодня город подступил к самому лесу.

Если бы не светофор, дорогу не перейти. Внук терпеливо ждал. Но как только загорался «зелёный», резко вскидывал пальчик: вперёд! Пересекая проспект, он горделиво смотрел на замершие машины. Потом оборачивался, чтобы увидеть, как автомобили сорвутся с места.

Известно, молчание — золото. Только не с детьми. Проезжая мимо фонаря, рассказывал внуку о фонаре. Женщины сгребали листья, рассказывал о женщинах. Пробегала собака, — о собаке. И вслух читал стихи. Не только детские. Тютчева, Блока, Пастернака. Одно Рождественского: «Если вы есть, будьте первыми!». Стихотворение стало программным. Мальчик так живо реагировал на каждое слово, что умей он го-

ворить, сам прочёл бы его. Мои разговоры не оказались пустыми, внук до мелочей изучил маршрут. И теперь, если я что-то не называл, он ставил ножку на колесо. В чём дело? Мальчик указывал на пропущенное дерево, витрину или даже нарисованную на асфальте стрелку. Вчера я забыл о ней. Внук обернулся и показал на тротуар.

— Ах, да, извини, — развернул коляску.

Над розовой стрелкой розовыми буквами было написано: «Солярий».

— Стрелка указывает на солярий. Тебе уже известно, что это комната, где горят лампы, которые заменяют солнце. Под ними можно загорать. Помнишь море? Твоё тело было беленьким, а стало тёмным.

Сегодня мы спешили. Я сообщил мальчику, что нам ещё надо заехать в магазин и купить молочную смесь. Ребёнок понял.

У магазина встретил знакомого телеоператора. Поздоровались. Тот кивнул на камеру.

— Не расстаёшься?

— Внука снимаю.

— А у меня руки не доходят.

— У тебя ведь дочь, сколько ей уже?

— Шесть. Так и вторая родилась.

— Правда!? Прими поздравления.

— Я сына хотел.

— Понимаю.

— Кстати, ты Холмогорского помнишь?

— Конечно. Компьютерщик от бога.

— Неделю назад повесился.

— Что ты говоришь!

— В своём подъезде. Привязал верёвку к перилам и сиганул в пролёт.

— Постой, ведь Холмогорский верующим был.

— Был. Пару месяцев назад я с ним разговаривал.

— И что?

— Сказал, разочаровался в Боге.

— Он?!

— Он. А ты знал, что у него трое детей и больная мать?

— О матери не знал.

— Так вот. Он тогда жаловался мне. Не пьёт, не курит, работает сутками, а прокормить семью не в силах. Зато те, кто ворует, живут припеваючи.

— Из-за этого покончил?!

— Я же сказал, в Боге разочаровался.

— А почему Иова не вспомнил?

— Какого Иова?

— Библейского. Бог оставил того ни с чем, зато потом вернул вдвое.

— Не знаю, не читал.

Внук заёрзал.

— Ладно, — качнул коляску, — расстроил ты меня.

— Я сам, когда услышал, в осадок выпал.

Расстались. С Холмогорским сделал пару работ. По «графике» они ничем не отличались от столичного уровня.

Подъехал к магазину. Взявшись за ручку, потянул дверь на себя. Протолкнув коляску, проскочил сам. Хоть двери и современные, для колясок неприиспособлены.

Вспомнил старую дверь, тридцатилетней давности. На ручках цепь с замком. Смотришь через стекло и топчешься. Не минуту, не две, все двадцать. А придёшь к откры-

тию, не подступишься. Стена людей. Почему? Только в первые минуты что-нибудь схватишь. Потом — шаром покати.

Зато сейчас ехал вдоль ломящихся полок. Есть всё, но есть опасно. И цены кусаются. Однако, однако. Из ста сортов чая — один приличный. И, пожалуйста, кофе в зёрнах. Доставал только в столице. А детское питание! Тащился когда-то в молочную кухню. Выстояв в очереди, получал бутылочку. Могло не хватить. Или взять памперсы. Фантастика! Погулял с ребёнком, вернулся домой, выбросил и танцуй. А пелёнки замачивай, стирай. Мыльную работу брал на себя. Жалел руки жены. Девочка в «культуре», а значит, всегда на виду. Я же в кузнечном цехе. Хоть и дымно, зато зарплата. Могли одеваться у фарцовщиков. Правда, не уйди я из цеха, умер бы. Как мой бригадир, как большинство ребят.

Внук знал «свою» смесь. Сам показал пальчиком на банку. Купили. И раз оказались в магазине, не могли не прокатиться на эскалаторе. Оставив коляску у стены, прыг ножками на ступеньку. Поехали. Поднялись вверх, спустились вниз. Ещё раз вверх, и ещё раз вниз.

У коляски увидели гостей, маму с дочкой. Обе рассматривали букет. Я выдернул один лист. Протянул внуку.

— Подари девочке.

Не взял.

— Ладно, подарю от твоего имени, — повернулся к малышке. — Как твоё имя?

— Павла.

— Ух, ты! — посмотрел на женщину. В её глазах прочитал: «Да, мы такие». — Наклонился к девочке. — Держи!

Павла взяла листок:

— Спасибо.

Вспомнил сына в пятилетнем возрасте. Жена принесла с работы тюльпан. Не подрезая стебель, сунула в вазу. Вазу поставила на столик. С усмешкой бросила: «Подарил один молодой человек». Сын услышал. Подошёл к столику. Вынув из вазы тюльпан, сверкнул глазами:

— Сейчас сломаю.

— Ой-ёй-ёй, не делай этого.

— Сломаю.

Жена стояла у двери.

— Моё сердце не выдержит, — выскочила на кухню.

Я сидел на диване.

— Пожалуйста, поставь цветок обратно.

— Нет, сломаю, — обхватил бутон.

— И я ухожу, — встал. Понимал, это единственный выход. Если в комнате никого не будет, сын пощадит цветок.

Шагнул к двери. Мальчик с силой ткнул тюльпан в вазу. Внезапно бутон повис. Сын растерялся.

Я покачал головой.

— Сломал-таки.

Думал, ребёнок будет оправдываться, ведь он сломал не специально. Но мальчик, борясь с чувством ужаса, выдавил.

— Я же сказал, сломаю... вот и сломал.

Видел, что творится с сыном, однако не мог не отреагировать на его якобы вызов.

— Не буду с тобой разговаривать.

Мальчик ещё больше расстроился, но продолжал держаться по-мужски. Бросился к кухне. Встав у двери, крикнул:

— Мама, я сломал цветок! — а в глазах чуть ли не слёзы.

Голос жены.

— Правда, что ли?

— Правда, — подтвердил я. — И теперь с таким плохим мальчиком не разговариваю.

— Сынок, — жена оставалась на кухне. — Зачем ты это сделал?

Сын очень волновался, но всеми силами пытался подавить волнение.

— Сказал, сломаю... и сломал.

— Но зачем?

— Потому что сказал.

Жена, почувствовав страдания ребёнка, распахнула дверь. Подхватив сына на руки, прижала к себе.

— Ну, сломал и сломал.

Как мальчик заплакал. Уткнувшись в мамину грудь, выплакивал и жалость к цветку, и жалость к маме.

— Ну, всё, всё, — жена стала вытирать ему слёзки.

— А папа будет со мной разговаривать? — ребёнок, всхлипывая, посмотрел на меня.

— Будет, будет.

Он знал, в семье я выражал протест молчанием.

Однажды жена задержалась. Её коллектив участвовал в вечернем мероприятии. Задержалась, не то слово. Час ночи, два. Где жена? Телефона у нас не было, а «мобильников» ещё не изобрели. Поэтому предупреждали заранее: вернись тогда-то. Три часа ночи, четыре, пять. Места себе не находил. Шесть утра. Самому пора на работу. Но как оставить сына? А дочь у бабушки с бабушкой.

Стук в дверь.

— Кто?

— Я, — голос жены.

Камень с души. Открываю. Шагает через порог.

— У костюмерши была, — и проходит мимо.

Стою, расспрашивать бестактно. Но жена больше ни слова. Хотя понимала, что я пережил.

Молчал день, молчал два, молчал три. И она о вечере ни звука. Правда, от костюмерши услышал, что после концерта они пили чай, заболтались, когда глянули на часы, транспорт уже не ходил.

Но чего я ждал? Жена в жизни не оправдывалась. Тем более, не просила прощения. Этого и не требовалось. Просто объясни по-человечески. Нет же. Ей легче было умереть, чем переступить себя. Ну и я выдерживал принцип.

Жена нашла выход. Передавала вопросы через сына. Так и общались.

Прошло две недели. У жены госэкзамены. Завтра ей улетать.

— Скажи, — заглянула в комнату, — если я платье себе куплю, мы сможем дожить до зарплаты?

Понимал, дело не в платье, жена надеялась, что я, наконец, заговорю с ней. Чёрта с два!

— Вдруг самолёт разобьётся, а мы не простились. Ведь изведёшь себя.

Аргумент сильный, но я ни гу-гу. Жена вздохнула:

— Ну и ладно.

Внезапно вырвалось:

— Ты разлюбила меня.
— Я?!
— Сама сказала...
— Когда?! — растерялась.
— Сыну.
— И что сказала?
— Твой папа козёл.
— Было, — приблизилась. — Но я так не думаю, — вдруг обняла меня. — Да кому мы нужны, если не друг другу.

Почувствовал, как уходит боль. Прижав её голову к себе, погладил.

— Платье купи обязательно. — Непроизвольно выступили слёзы. — Если что, сниму с книжки.

Обнимая жену, вспомнил наше первое расставание.

Мы познакомились в лагере. Оба работали вожатыми. Прохохотали всю смену, и вот отъезд. Ей в один город, мне в другой.

Дети в автобусах, водители сигналият, а мы никак не простимся. Обнялись и стоим в пустом корпусе. Прибежала девочка. Увидев свою вожатую, пролепетала: «Вас там ждут». Мы ни с места. Появился мальчик. Этот ничего не сказал. Слышим голос начальницы: «Ну, где они там?» Девочка ответила: «Обнялись и плачут». Начальница была мудрой: «Значит, и не надо им расставаться». Позвала детей: «Пойдёмте».

Нет, мы с женой разные. Очень разные. Она, как родничок, как листочек, живёт днём сегодняшним. Я же всегда жил будущим. «Подожди, стану режиссёром. Подожди, сниму свой фильм». Зато наши сущности — сообщающиеся сосуды.

Всё откладывали с проявкой моей готовой картины. А премьера вот-вот. Звоню в студию, в ответ: «Знаем, знаем». Вдруг слышу, набирает номер жена: «Умоляю вас, режиссёр на грани самоубийства, — перевела дыхание. — И представьте моё состояние. Этот режиссёр — мой муж». Проявили в тот же день...

Павла уносила листок, а внук с недовольным видом смотрел ей вслед. Посадил мальчика в коляску. Миновали дверь, объехали лужу. Внук, увидев голубей, забыл о девочке. Приподнявшись, показал на птиц. Хоть мы и торопились, я остановился. Мальчик полез из коляски. Помог ему. Встав на ножки, внук бросился вперёд. Напуганные голуби взлетели. Постоянно задумывался, что в детской головке? Желание поймать птицу? Но зачем? Задавался и другими вопросами. Почему ребёнок ломает построенный домик? Почему швыряет машинку? Почему смешивает мозаику, разрушая узор? Не в этом ли причина всех войн, семейных и мировых? Никогда не забуду, как сражался с драконом пятилетний сын. Наблюдая за ним, спросил: «Зачем ты машешь саблей, если у тебя есть пистолет?» В ответ услышал: «Пистолетом убил и всё, а саблей можно разрубить на кусочки». Дочь, следившая, как и я, за поединком, усмехнулась. Недавно она написала притчу, навеянную Шварцевским драконом. Юноша пришёл к мудрецу и жалуется. Убиваю дракона, убиваю, но он каждый раз оживает. Мудрец покачал головой. Смерть дракона не в нём самом, и не в яйце, как у Кощея Бессмертного. Смерть дракона в каждом человеческом сердце. Хочешь убить чудовище, разруби все сердца. Юноша опечалился. Если я разрублю все сердца, не будет разницы, жив дракон или мёртв.

От воспоминаний отвлёт «мобильник». Достав телефон, нажал кнопку.

- Слушаю тебя, доченька.
- Вы где?
- Уже близко.
- Смесь купили?

— Везём.

— Молодцы, — отключилась.

Спрятав телефон, посадил внука в коляску. Опять звонок.

— Да.

— Ой, папа, ошиблась. Маме хотела позвонить.

Мобильник — данность. И данность — электронка. И данность — скайп. Одно только «но». Юным не понять — что такое «весть». Приехав сюда, в этот город, который тогда только строился, я каждый день ждал писем от жены. Тосковал, переживал, волновался. Как она там, что с дочерью? И когда замечал на вахте долгожданный конверт, охватывало чувство невообразимое. Не в силах унять дрожь, бежал глазами по тетрадным листочкам. Сердце стучало, замирало, прыгало, а на последних строчках: любим, целуем — к горлу комок. Конечно, всегда можно было позвонить. С того же телеграфа. Но сначала посылались вызов, указывалось время, и лишь через сутки, просидев не один час в душевной атмосфере тесного помещения, летел, спотыкаясь, к заветной кабинке: «Алло! Слышно? Плохо? И я тебя — плохо. Но говори, говори...» Разлука, ожидание — можно ли без них? Это человеческое, слишком человеческое. В шкафу хранятся письма сорокалетней давности. Вот ценность! А после «скайпа» никаких следов.

Подъехали с внуком к подъезду. Дочь помахала в окно. Войдя в коридор, мальчик протянул маме букет. Вдруг показал, что одного листика не хватает. Это понял только я.

Подключив камеру к телевизору, сел просматривать материал. Сегодня снял мало. Внук, помыв ручки, пристроился рядом. Созерцать себя — его любимое дело. Каждое утро, сося из бутылочки молоко, он тыкал пальчиком в телевизор: включай меня!

Дочь принесла суп. Стала кормить сына. Что-что, а ел он с аппетитом. Не так как мама в детстве. Суждениями и сказками. Причём, сказки не должны были повторяться. Спасался тем, что героиней делал саму дочь. В конце сказки она всегда выходила замуж, обязательно за принца, устраивалась свадьба, и съедалось всё, что подавалось на стол. Принцип «героя» применил потом к сыну и, уже по традиции, к внуку. Как только начинались капризы, громко произносил: «Жил-был мальчик по имени...» Ребёнок тут же сосредотачивался на собственной персоне. Был и другой способ переключения: «А помнишь, к тебе в кроватку прыгнул солнечный зайчик? Видел, какие у него длинные ножки? Не видел? Правда?! Куда же ты смотрел? А знаешь, где он сейчас? Нет?..» Малыш, слушая, забывался. Конечно, переключать внимание нелегко. Куда проще крикнуть или шлёпнуть. Боже упаси!

Внук взмахнул ручкой. Дочь не ожидала. Тарелка на пол. Расстроенная мама побежала за тряпкой.

Вспомнил, как дочь — ей было двенадцать — несла тряпку.

— Почему одним пальчиком?

— Папа, — произнесла снисходительно, — тряпка не такая тяжёлая, чтоб нести десятью.

Девочка, придя из школы, наследила. Вытирая пол, сказала, что была на картошке.

— Как?! — возмутился. — Повезли в такой холод и в такую грязь?

— Две недели работать будем.

— Нет, — поднял дочь. — Больше не поедешь.

— Почему?

— Во-первых, ты после болезни. Во-вторых, это нарушение закона.

— Какого?

— О детском труде.

— Это же вместо уроков.

— Неважно. У тебя нет нужной одежды, не заполняется протокол по технике безопасности, а копаешь ты вилами. Так?

— Так.

— Вдруг ранишь себя или товарища. Когда посылают с завода нас, нам выдают штаны, рукавицы, ватники. И если с кем-нибудь что-то случится, человек получит компенсацию. А вы? Не дай бог, несчастный случай. В школе испугаются и постараются скрыть.

— Почему же ездим?

— Посылает руководство, — поднял вверх палец. — Им нужен план. Даже за счёт вашего здоровья.

— Учительница предупредила, освободить могут только по справке.

— Не будет справки. Ваш труд незаконен.

— И что мне сказать?

— Ничего. Завтра сам пойду в школу.

Кончилось тем, что перевёл дочь на домашнее обучение. В отделе народного образования не противились, в умах шла перестройка.

Точные науки изучили быстро. Упор сделал на литературу. Учебники с «образами» даже не открывали. Погружал дочь в первоисточник. Словно это не книга, а реальная жизнь, куда она попала на машине времени. Наставлял: «Забудь о сюжете, вглядывайся в обстановку. Замечай детали, рассмотри людей, услышь их голоса. Но, главное, почувствуй атмосферу. Если тебе это удастся, значит, ты внутри вещи. Именно в этом удовольствии. Идти под руку с Онегиным, катится в бричке с Чичиковым, побывать на балу с Наташей Ростовой. Когда ты в пространстве произведения, то начинаешь домысливать, додумывать, примерять на себя; и смеёшься, и плачешь, и негодуешь, и радуешься».

Эксперимент удался. Дочь, получив аттестат в шестнадцать, легко поступила в театральный...

Мама убрала за сыном. Помыв руки, принесла новую тарелку.

— Можешь идти, папа.

— Отпускаешь?

— Ты же хотел монтировать.

— Хотел.

— Ну, вот, иди.

Я работал в другой квартире. Купил сто лет назад на гонорар от фильма. Оборудовал её под рабочий кабинет. Шкаф, кресло-кровать, стеллажи с книгами, монтажный компьютер. Когда много лет назад проявлял плёнку в бачках, сушил её, развешивая на леску, склеивал ацетоном, предварительно сцарапав эмульсию лезвием, — даже мечтать не мог о компьютере. Целая киностудия!

За монтаж садился с трепетом. И неважно, что монтировал: сюжет о внуке или представительский фильм на заказ. После рождения сына дочь попросила сделать ролик о муже. Материал был. Кое-что на видео, но больше на фото.

Врачи говорили, не дотянет до осени. Дотянул до зимы.

Из роддома дочь сразу помчалась к мужу. Положила сына рядом с отцом. Папа засиял: «Теперь я выздоровею!» Ночью он умер.

Я вышел на улицу. Моросил дождь. Накинув капюшон, подумал: «Сегодня ничего особенного».

РАССКАЗЫ О ГЛАВНОМ

МАРИНА ПЕРЕЯСЛОВА

РУКИ ГОСПОДА

Итак, я загремела в больницу (не путать с поликлиникой). На часах моей жизни было 55. А приступ «радикулита» не проходил два месяца. Всем ясно — ложись в неврологию. Только никому не ясно: зачем было терпеть боль два месяца? Особенно это непонятно врачам. А мне невозможно было представить, чтобы по доброй воле взять и бросить свою привычную кипучую жизнь на съедение монотонным больничным будням.

Вот и тянула в поликлинике один курс уколов за другим, ни минуты не сомневаясь — вот-вот поможет. Ни фига. Как будто заклинило — ни туды и ни сюды, крестец будто цементом залили, а от него поперёк правой ягодицы словно глубокая трещина прошла. Или ножом со всего маху по этому месту полосанули. Причём интересная получалась штука: ходить и сидеть я вроде худо-бедно могла, а вот лечь на живот или на спину — не получалось. Так что спать можно было только на боку, да и то строго под углом девяносто градусов: чуть вправо, чуть влево — абзац!

К моему великому удивлению именно в больнице, в этом не самом приятном заведении со мной происходили совершенно мистические и даже символические вещи, причём почти каждый день. Я абсолютно отчётливо видела, как на моих глазах разматывалась лента незримого, но заранее написанного сценария. Многие встретившиеся мне в больничных коридорах люди, давали исчерпывающие ответы на волновавшие меня в тот момент вопросы, как будто подтверждая тем самым мои любимые тезисы, почерпнутые из эзотерической литературы: «Люди — это руки Господа, через них к нам приходит Его помощь» и «Всё, что мне нужно знать — я услышу».

Буквально накануне моего визита к неврологу районной поликлиники, у нас дома случился «ядерный взрыв», казалось бы на пустом месте. Наша восемнадцатилетняя дочь Арина окончательно и бесповоротно заявила, что она уже взрослая и больше не желает жить с нами и решительно просит своих родителей снять ей отдельное жильё размером с однокомнатную квартиру. При этом (нужно отдать ей должное) она не требовала, а просила, потому что понимала, как это было не вовремя — ведь именно в тот момент мы уже полгода безрезультатно искали ей работу. Но в этой жизни всё бывает тогда, когда бывает, а не тогда, когда нам это удобно. Наше «чудо природы» решило пойти по жизни своим путём: после окончания «одинадцатилетки» Аринка не направила свои стопы прямёхонько в ВУЗ, как это делала основная масса её продвинутых сверстников, а поставила перед собой задачу — сразу после школьных скамьи пополнить ряды трудящейся молодёжи, а уж потом (когда дозреет) получить высшее образование заочно или на вечерке. На то оно и «чудо природы», чтобы ставить родителей в тупик в самое неподходящее время. Кто-то мог посовето-

вать «выстегать как следует» своё чадо, но мы отнеслись к происходящему с Аринкой с отеческим пониманием, ведь буквально совсем недавно обломилась хрустальная мечта её отрочества — отпочковаться от любимых родителей в своё собственное гнёздышко и начать вольное плавание по бурным волнам ЕЁ СОБСТВЕННОЙ жизни. Сначала мы решили разменять нашу малогабаритную трёшку на две однокомнатные квартиры и даже нашли на неё покупателей, но вырученных от продажи денег хватило бы только на однушку и комнату. Мы все трое себя уважали, и никому не хотелось жить с соседями по коммуналке. Вот и получилось, что наш блистательный замысел благополучно накрылся медным тазом.

И вот первый же человек, которого я встретила, войдя в свою двухместную больничную палату в отделении «Неврология — 1», дал мне такую замечательную подсказку, что я от удивления и радости чуть не задохнулась. Новую знакомую звали Маша Прокудина. Она встретила меня своей широкой спиной, едва повернув ко мне голову для приветствия (позже я пойму, что повернуть как следует голову ей мешал застарелый шейный остеохондроз). Я всегда терпеть не могла подобных тёток — толстых, с квадратной фигурой, нахотлившихся, словно совы, и смотрящих на тебя недоверчиво-испытующим взглядом. Маша была полна собой и занята тоже только собой. Я её совершенно не интересовала. Тем не менее, она вежливо предложила мне чувствовать себя как дома. Я почему-то решила погасить в себе возникшую сразу неприязнь и потом ни разу об этом не пожалела. Более того, я сознательно стала культивировать в себе приязнь к Маше, ведь нам с ней предстояло жить какое-то время вместе, как говорится, под одной крышей. Таких женщин переломить нельзя, и поэтому я решила подчиниться Маше. Я согласилась терпеть вечно открытое окно, из которого в палату врывается холодный воздух «с воли», зато спали мы по ночам без задних ног, оглушённые избытком кислорода. «Мне душно, в палате нечем дышать, как в могиле!» — постоянно причитала Маша, и допроветривалась до того, что вскоре начала отчаянно захлёбываться кашлем. Только после этого она смилостивилась и стала оставлять только щель в приоткрытом окне.

— Ух, никак не могу прийти в себя после ремонта. Это ж надо было такую гору свезти: сначала продать квартиру, потом подыскать новую, да ещё сделать в ней перепланировку, а потом уже все эти линолеумы, обои, плитка и прочая дребедень... Так ведь мало того, деньги-то надо где-то брать для всего этого — вот пришлось сдать через контору старенькую однушку, от мамочки осталась, царствие ей небесное.

— Машенька, вы сдавали в аренду квартиру? А через какую фирму, если не секрет?

— Не секрет. «Русский дом», а что?

— И что, надёжная фирма?

— Да вроде всё хорошо получилось...

— Маша, вы мой спаситель. Дочке нужно срочно снять квартиру, а я не знаю, куда ткнуться, чтобы не вляпаться в сомнительное предприятие. Вам не трудно будет дать мне их телефоны?

— Не трудно, записывайте!

Вот так просто, почти шутя, решила моя первая головоломка.

Странно, но благодаря больнице я в этом году увидела весну, почувствовала её каждой своей клеточкой, каждым нервным окончанием: акварельную прозрачность первой листвы на берёзах, лёгкую рябь на ещё не высохшей в низинах воде, острые иглы серой прошлогодней травы и изумрудную зелень новой с вкраплениями перезимовавших сухих листьев, шустрюю махонькую трясогузочку и степенную сороку-белобоку. Всё, что обычно стремительно пролетало мимо сознания, как, впрочем, и в другие времена года.

Территория больницы была настолько большой, что, гуляя по дорожкам лесопарка, запросто можно было устать, точно так же, как успеть завязать новое знакомство с кем-то из выздоравливающих больных и очень скоро успеть надоесть друг другу. Здесь шла своя размеренная, вырванная из привычной действительности, жизнь, где полной неожиданностью было появление нестандартного молодого больного, прихватившего с собой ролики и лихо нарезавшего на них после тихого часа на вольном воздухе по аккуратным длинным тротуарчикам. Совсем как в своём дворе, только рядом не было друзей.

Больница — это особый мир, что-то среднее между неволей и санаторием со своим уставом и режимом: утренним обходом лечащего врача, уколами, анализами, посещением специалистов и процедурных кабинетов, питанием в столовой строго по часам (даже если тебе в этот момент совсем не хочется есть, бежишь к своим тарелкам с борщом, как будто боишься опоздать), тихим часом и отбоем в десять ноль-ноль. Не сразу, но постепенно ты въезжаешь в этот неестественный для свободной жизни ритм. Со временем безвольно подчиняешься ему и тебе уже начинает казаться, что по-другому жизнь и не может протекать, а только так, как здесь заведено. Важными для тебя становятся не только твои собственные болячки, но и хвори соседей по твоим и другим палатам, а также их домашние проблемы и жизненные перипетии их близких и дальних родственников, друзей и начальников. Но всё это только до той поры, пока ты не начал выздоравливать. А вот когда чуть-чуть полегчало, ты уже начинаешь с тоской смотреть на деревья за окном и мечтать об удивительном, вольном мире, оставшемся за больничными стенами. Вот тогда тебя накрывает депрессия, и в голову лезут мысли о вселенской несправедливости, по законам которой всё человечество гуляет на свободе, и только ты, несчастный, вынужден «мотать свой больничный срок».

Маша была состоявшейся, уважающей себя женщиной. В своём доме, где с ней ещё жили сын и дочь, она была и отцом, и матерью — и главой семьи, и хранительницей очага. Эта вселенная вращалась вокруг неё. От Маши в дом шёл материальный достаток, через неё реализовывались семейные проекты в форме обмена квартиры, её ремонта, покупки машины, обустройства дачного участка, устройства детей в институт или на работу и всё это — Маша, Маша и ещё раз Маша. А посему дети безоговорочно ей подчинялись, лишь иногда взбрыкивая на её деспотизм: «Мам, ты что, издеваешься? Ну, как я успею всё это за один день!» В юности любая информация, будь то дружеский спор, музыка, известие о чьей-то гибели проникают глубоко в душу, сильно цепляют и ранят. С возрастом те же самые вещи проходят как бы по касательной, скользя по поверхности и не задевая глубин. Поэтому спор Маши с детьми был как бы разговором на разных языках, то, что волновало сына, казалось матери сущей чепухой и наоборот, сын не мог взять в толк, почему мама абсолютно не слышит его доводов. Маша была из скальной породы и все ей подчинялись. В том числе и я. Я засыпала сном ангела под грохот передач привезённого Машей из дома телевизора. И при этом мне почему-то было комфортно находиться с Машей в нашей с ней общей палате. Может быть, потому, что, как потом выяснилось, мы с ней обе были рождены в год Лошади и принадлежали к одной стихии Земли (Телец и Дева)... Как бы то ни было, уходя из больницы первой, Маша по собственному желанию великодушно оставила мне распечатанный с компьютера рассказ моей любимой писательницы Виктории Токаревой «Террор любовью», который в буквальном смысле скрасил мои оставшиеся до выписки дни.

Почему меня так обрадовал рассказ Токаревой? Потому, что она всегда подвигала меня на собственное творчество, а посему я немедленно позвонила своим домашним

и попросила привезти мне в больницу ноутбук. А уж как я открыла его светящийся экран и набрала первую строчку — меня уже не остановить, пока не допишу начатое до конца. Вот так и сочинились у меня два новых рассказа, один из которых тот, что вы сейчас читаете. И я снова вспомнила, что «люди — это руки Господа, через них Он приносит нам помощь и нужную информацию, Свой мудрый совет, нужно только уметь это услышать и не отмахнуться». И я стала ещё внимательнее присматриваться к своим «друзьям по несчастью», докторам и уборщицам и отныне просеивала все их слова через невидимое сито, надеясь обнаружить крупинцы золота, посланные мне Богом. И помощь свыше не заставила себя ждать.

Меня долго и упорно обследовали с целью поставить нужный диагноз, а так как в случае подтверждения диагноза «грыжа» или «невринома», мне предстояло решиться на операцию, ещё до вердикта врачей меня «проконсультировал» мой сосед по столу, который уже прошёл все эти круги. И я ему поверила. И приняла решение. К моей великой радости оно совпало с мнением докторов и я ещё больше укрепилась духом.

В то время, как дочка позвонила мне на мобильный и трагическим голосом сообщила, что никак не может найти работу (а снимать ей жильё мы могли только при условии её дополняющего наш семейный бюджет заработка), мне в палату подселили новенькую — Лену Ванину. И снова, с первого взгляда, внешность и этой женщины не вызвала у меня симпатии. Горообразная тётенька с огромным животом и строгим оценивающим взглядом. Но после краткого знакомства я попробовала представить её стройной девочкой, которой она, наверняка, была в юности и дальше разговаривала уже с той Леночкой. И мы очень быстро подружились. И тут вскоре Господь послал мне через Лену подсказку.

— Ты что такая задумчивая. Плохие новости? — спросила меня Лена, когда я долго и упорно смотрела в потолок, как будто пыталась найти там нужный мне ответ.

— Да вот, прямо не знаю, что делать. Уже полгода не можем найти дочке работу. Упёрлась, хочет быть только секретарём и больше никем.

— Нам в районную Управу требуется секретарь. Пусть зайдёт на наш официальный сайт в Интернете и созвонится. Я там бухгалтером работаю, поэтому в курсе.

— Леночка, ты — чудо, какое же тебе спасибо за подсказку, — и я тут же схватила телефон и начала названивать Аринке.

Все новенькие в больнице — суетливы и шумливы до безобразия, энергия из них так и хлещет, это отголоски оставшегося за больничными стенами бурлящего жизненного потока. К концу первой недели весь этот оптимизм куда-то бесследно улечивается и походка болящих становится степенно-унылой и голос тихим и глухим. Таковы неистребимые законы госпитального существования. Вот и мы с Леной стали постепенно закисать, и прогулки по парку перестали приносить нам прежнее отдохновение, когда каждый расцветший черёмуховый куст вызывал неопишуемый восторг, а выплывшая из заводи на пруду уточка умиляла до слёз. Началось томление буднями лечебного процесса и вызревание внутреннего отторжения такой формы бытия. Домой! На свободу!

— Галина Петровна, милая, выпишите меня, пожалуйста, я прекрасно себя чувствую! — взывает к лечащему врачу пациент.

— Ну, куда вы все так рвётесь? Лежите в тепле, накормлены, лекарства вам в палату приносят. Гуляйте в парке, чего вам не хватает. Надо ещё недельку полечиться...

— Если вы меня не выпишете, то меня нужно будет переводить в психиатрическую клинику, я этого больше не выдержу, просто сойду с ума.

— Ну что с вами делать... Состояние ваше, в общем, удовлетворительное. Обещайте, что долечитесь в поликлинике.

Меня, организовавшую свою жизнь в форме «творческого беспорядка», здесь перевоспитывали собственным примером — ежедневно дочиста убирали в палате, мыли с хлоркой туалет и душевую, вовремя выносили мусор, еженедельно меняли постельное бельё и т. д. и т. п. Медсестрички были чистенькие и аккуратненькие, как куколки. После всего этого, мне захотелось по возвращении домой учинить генеральную уборку и я долго фантазировала, как и что изменю в своём жилище. Культ чистоты заразителен. И не только материальной, но и духовной. Ведь ничто в нашей жизни не проходит бесследно, так же как ничто не бывает случайным.

Видимо, Господь послал эту болезнь и больницу, чтобы лишний раз напомнить мне, закружившейся в будничной круговерти, что Он всемогущ и великодушен. Ведь в самые трудные моменты жизни Всевышний несёт своих детей на руках.

СРОКИ

Последние два года мы с дядей Юрой активно обменивались письмами. Пусть не регулярно, но периодически меня начинала мучить совесть, что я давно не писала осиротевшим родителям моей двоюродной сестры Оли. Бывало так, что недели по три дела закручивали тугим жгутом, и я забывала обо всём, кроме срочной статьи в газету «Трибуна», сдачи в набор очередного номера журнала «Вестник Союза писателей», организации юбилея классика отечественной литературы, но в какое-то время узел на время ослабевал, и я снова начинала ориентироваться в пространстве: видеть цвета уличных светофоров, слышать автомобильные гудки... И тогда меня одолевала навязчивая идея — написать письмо в Пензу.

Дело в том, что после внезапного ухода моей ещё совсем молодой сестры, я осталась для её родителей как бы «вместо неё» — нужно было выслать двум еле сводившим концы с концами пенсионерам денег на лекарство или фрукты, поздравить их с Пасхой или Новым годом, в общем, делать то, что делала бы их дочь, будь она жива. Была в этой нерасторжимой связи одна замета, которая, думаю, имела свою крепкую основу: наши с Олей отцы были близнецами и это как-то по-особому влияло на родственные чувства.

Братья-близнецы Юрий и Вячеслав с рождения были неразлучны и их дочерям, естественно, выпало часто видеться и гостить друг у друга, хотя и жили мы в разных городах. Летом две наши семьи съезжались в Муром к дедушке с бабушкой, и там-то вызревало самое прочное наше дружество под тёплой крышей бревенчатого стариковского дома. Сколько солнечных дней пролетело на песчаных берегах Оки, сколько тропок исхожено к роднику за святой водой, сколько волшебных вечеров проведено под яблоневыми шатрами...

Когда мне было два годика, дядя Юра спас меня от гибели. Чтобы дойти до пляжа, нам приходилось переходить Оку по разводному деревянному мосту. И вот однажды весёлая компания, состоявшая из молодых родителей и их малолетних детишек, остановилась и стала ждать, когда очередная баржа пройдёт под вздыбившимся мостом. Как только мост опустился, я рванула к его краю — посмотреть вниз на водичку, и дядя Юра первым успел схватить меня за руку на краю бездны. Может быть, ещё тогда проявилась мистическая связь дяди со своей племянницей.

* * *

С конца этой зимы я ни с того ни с сего стала сильно болеть, вроде на пустом месте. Я и раньше переутомлялась на работе, но до гипертонического криза дело не доходило никогда. Чтобы целый месяц не удавалось сбить давление — это было что-то новенькое. Тогда я ещё не осознавала причину, — а это уже отмирал... корень нашего рода.

В начале января от дяди Юры пришло вроде обычное письмо, где среди прочих новостей он сообщил, что «слёт и сердце совсем не работает». Такие новости были и раньше, я, конечно, огорчилась за него, но подумала, что это временное стариковское недомогание и ушла в свои неотложные заботы. Потом долго не было писем из Пензы, а моё давление, из-за которого весь мир встал с ног на голову, не позволило придать значение отсутствию корреспонденции...

И вдруг пришёл конверт, подписанный рукой дяди с какой-то особенной тщательностью: каждая округлая буква адреса была аккуратно выведена, но линия некоторых знаков вдруг резко заострялась и уходила в сторону. Конверт я разрывала с внутренним облегчением: слава Богу, дядя Юра откликнулся, значит, всё в порядке.

Но содержание тщательно выписанного письма заставило меня оторопеть: «Дорогая Мариночка, уже два месяца нет от тебя писем, я не сержусь, знаю, как ты занята, но, тем не менее, по 2 раза на день гоняю Зину к почтовому ящику. В январе я слёт насовсем, а вчера врач оставил мне жизни неделю, сказал, что он такого «скелета ещё не видел в своей практике». Я вешу сейчас 25 кг. Если сможешь, приезжай меня хоронить. Ну а не сможешь, я не обижусь. Это ты прости меня, если когда что не так сделал...»

Я читала и не верила написанному. Дядя Юра большой шутник и вечно всё преувеличивает, наверное, он соскучился по мне и нарочно меня пугает. Скорее всего он болен, но не 25 же килограммов в нём...

Спустя некоторое время до меня стало доходить, что такими вещами не шутят. Но из-за того, что с пензяками я почти не говорила по телефону, а переписывалась, я не сразу додумалась поднять телефонную трубку.

Тётя Зина сквозь слезы ответила, что они с дядей Юрой будут рады моему приезду в любое время — сейчас или потом. Что такое «потом» до меня в полной мере дошло лишь тогда, когда я переступила порог квартиры, где меня ждал дядя Юра, решивший, что не может умереть не протрившись со мной.

* * *

Я не могла не поехать в Пензу и только очень боялась опоздать.

Как можно ждать этого «потом», если он сейчас живой ждёт меня! Зачем ему мои слова, если опоздаю и приеду, когда его понесут к последнему приюту в узком деревянном ящике, и он хотя и будет слышать и видеть меня, но ничего не сможет мне сказать в ответ...

Поезд подвозил меня к Пензе. В удивительной дисгармонии с моими тяжёлыми мыслями о том, что в этом городе уже умерли самые близкие мои люди — друг и сестра, а теперь вот и дядя может в любую минуту покинуть этот мир, природа за вагонным стеклом одаривала радостями бытия: железнодорожные откосы были усеяны алмазной крошкой, игравшей в лучах утреннего солнца на последних мартовских снегах. Нежно-голубые небеса в лёгкой розовой дымке были подстать беззащитному народившемуся младенчику.

Репродуктор в вагоне разрывался от доперестроечных жизнерадостных песен: «Мы желаем счастья вам!» и «Как прекрасен этот мир», и душа, как подбитая птица, делала безнадежные попытки встрепенуться и взлететь, но, придавленная камнем, опускалась в предощущении тяжести и тоски предстоящей встречи. Попутчики безрезультатно пытались втянуть меня в разговор, но я существовала как бы в другом измерении.

Это очень странное чувство: ехать прощаться с живым человеком. Ехать не к больному — со словами подбадривания и надежды, а мучительно подыскивать темы для разговора с уходящим в вечность.

* * *

Я общалась с дядей Юрой и его женой тетей Зиной с раннего детства. Не особенно помню их речи, обращённые ко мне, но жива во мне память их энергетического излучения, направленного на меня. Тётя Зина племянницу мужественно терпела — Маринка в её понимании представляла угрозу нравственности её собственной дочери, потому что была в отличие от тихой Оли — боевой, языкастой, от меня можно было ждать любой выходки (бабушка даже придумала мне имя «вирвидон»). Дядя Юра же относился ко мне сердечно и прощал детские шалости, защищая от единоклубного осуждения родственников. После смерти Оли, мы с дядей ещё больше стали нуждаться друг в друге, я чаще стала приезжать к нему в гости.

Со мной произошла странная вещь: в течение последних трёх лет, как подмытый речной водой песочный замок, стал осыпаться мой прежний мир со всеми населявшими его людьми. Более сорока лет меня окружали дорогие родные и близкие друзья, и вдруг они один за другим стали стремительно покидать землю, устремляясь в небеса в молодом или ещё не старом возрасте, подкошенные смертельными болезнями или трагическими обстоятельствами. Как будто бы сорок пять лет я плыла на корабле по реке жизни в окружении сужденных мне людей, но вдруг, после переезда в Москву, потеряла их из поля своего видения и тяготения. Я как будто пересела на другой корабль, а они остались на прежнем судне, и мы с ними поплыли по раздвоившейся реке в разных направлениях: их поток уходил в небо, а мой двигался по земному руслу.

Сколько моей реке течь по земле — Бог весть, но то, что невозвратно перевернута страница в книге моей жизни — я отчётливо осознаю.

* * *

Я ступила на перрон знакомого с детства вокзала и с ходу отмела пришедшее первым решение — ехать до дома родственников на троллейбусе. Лучше было набрать побольше воздуха в лёгкие перед предстоящей встречей — и я пошла пешком в знаменитую гору центральной улицы Московской. Не знаю почему, но мне казалось, что и эту улицу я вижу в последний раз, ведь вся жизнь дяди Юры прошла на ней. Он поселился в доме, квартиру в котором ему выделил ещё Обком КПСС, когда молодой специалист приехал в Пензу по направлению на должность инструктора отдела торфяных разработок.

Я подхожу к этому некогда элитному зданию и удивляюсь его облупленным стенам и ржавым газовым трубам. Дом также заброшен, как и мои обитающие в нём старики.

Тётя Зина захлёбывается слезами, обнимая меня у порога, и жалуется на сломавшийся позавчера дверной замок и, как бы оправдываясь, говорит о том, что дверь удаётся закрыть только на щеколду.

В дверной проём из коридора я вижу исхудавшего почти до неузнаваемости дядю Юру и слышу его звонкий голос: «Мариночка, родная моя, приехала!» Дядя совсем высох — кости обтянуты кожей, но в глазах радость плещется, и весь он как будто воспрянул. Голос постепенно слабеет, он просит смочить водкой платок, говорит, что сердцу легче, когда прикладываешь его к груди. Тётя Зина ласково гладит мужа по жиденьким волосам и радуется любым проявлениям жизни в нём: когда он на неё укоризненно покрикивает за то, что она перебивает его речь. Он как-то буднично говорит, что отпросился из больницы домой — хочет умереть около Зины в родных стенах.

Мы долго беседуем с ним обо всём. Рассказал, что с его бывшей работы из торгового техникума приходил человек и спрашивал, в чём он нуждается, а дядя Юра попросил его помочь похоронить себя. И очень был удовлетворён, что получил полное согласие и обещание сделать всё, что будет возможно.

Когда он устал, то просил меня уйти в кухню, а потом снова звал и продолжал разговор. Потом захотел мороженого и апельсинового сока. Я сбегала в соседний магазин и забила ему весь холодильник едой и напитками и радовалась, когда он смаковал брикетик «сливочного», как ребёнок, уплетающий долгожданную сладость.

Дядя стал предлагать взять на память о нём любимую вещь в доме. Я, чтобы не огорчать его, согласилась, выбрав две книги — Солоухина «Камешки на ладони» и пьесы А. Островского. Он жадно всматривался в привезённые мной фотоснимки родственников, которых он давно не видел, и дарил свои фотокарточки, как будто это было не перед вечной, а перед временной разлукой. Мы сразу договорились быть честными и не прикидываться, что всё в порядке, но, видит Бог, я уверовала в то, что он ещё будет жить, потому как заинтересованно, с огромным вниманием ко всем мелочам сущего он вёл разговор.

Я провела около дяди весь день. Когда стемнело и нужно было идти на поезд, он не стал меня удерживать и даже с некоторым облегчением воспринял мой уход: так прощаются, зная, что скоро встретятся вновь. И мы с ним совершенно искренне договорились писать друг другу.

Слёзы полились из моих глаз, когда я уже была на улице и снова шла по Московской пешком, теперь уже к вокзалу. В ушах звенели его слова: «Смерти я не боюсь. Значит, пришёл мой срок. А вы живите долго и счастливо».

* * *

Приехав домой, я написала дяде Юре письмо и стала ждать от него ответа, но прошла неделя, а почтовый ящик пустовал.

В этот вечер я не могла ни на чём сосредоточиться. Позвонила маме в Самару, она пожаловалась на то, что папа мечется, тревожен не в меру и не поймёт, что с ним.

Я почему-то достала с полки давно прочитанную книгу Екатерины Марковой «Каприз фаворита» и отыскала повесть «Тайная вечеря». Она начиналась словами «У меня кончилась краска. Я так и знала, что её не хватит. Деревянный частокол оградки лишь казался небольшим». Героиня повести красила кладбищенскую оградку...

И в эту минуту в моей квартире раздался телефонный звонок из Пензы.

РАССКАЗЫ О ГЛАВНОМ

АНАТОЛИЙ МОЛОКАНОВ

Я ЗНАЛ, ЧТО МЫ БУДЕМ ВМЕСТЕ

Эту ночь Георгий не спал. Ворочаясь с боку на бок, вслушивался в бормотанье родителей за стеной. Он уже понял, что завтра они пойдут в суд, чтобы развестись.

— А как же я, братик Вовка? — этот вопрос щемил его детское сердце.

Ранние ссоры родителей всегда пролетали мимо ушей. «Наверное, все так живут» — думал он, вспоминая соседа, который часто скандалил, гонял жену по посёлку. И ничего, живут! В свои десять лет он уже кое-что понимал. А сейчас было жалко отца и мать, без которых не представлялась жизнь.

Напротив посапывал Вовка. Георгий, как старший, нянчился с ним, иногда забывая про игры. Брата любил он по-своему. Иной раз из-за капризов он оставлял его одного, но потом возвращался, брал его на руки и тащился с ним вместе к друзьям. Он понимал, что родителям надо работать, обувать, одевать их, кормить. Противиться воле родителей он не мог.

— Детей заберу с собой, — донёсся повышенный голос матери. — Будешь свободен и не волнуйся.

Отец чуть тише ей возражал.

— И как они могут? Не спросят меня и Вовку. — Всё это сейчас не укладывалось в голову Георгия. — Уйти из дома. Пусть ищут, может, забудут свои скандалы, — мелькнула мысль. — А как же Вовка? С кем он останется? — По щекам скатились горошины жгучих слёз. Смахнув их рукой, он повернулся к стенке. — Пойду с ними на суд, не дам разводиться, — решил он, ухватившись за новую мысль.

Рядом захныкал Вовка.

Георгий взглянул в его сторону. Через минуту на цыпочках подошла к его койке мать. Поправила одеяло, постояв минуту-другую, убедилась, что он опять спит, направилась к выходу.

— Ма, — остановил её голос сына. Вздрогнув от неожиданности, она повернулась к Георгию.

— Что тебе надо, сынок? Не спишь почему? Светать скоро будет.

— Зачем... зачем вы разводитесь с папкой? — с трудом выдавил он и, не в силах сдерживать своих чувств, шмыгнул носом. — Слышал я всё.

Мария стояла в растерянности.

— Так надо, сынок — тихо произнесла она, присев на койку в его ногах.

— Я не хочу, — вновь всхлипнул Георгий.

— Тебе многого не понять, сынок, — она приникла к его щеке и обожглась о его слёзы.

— Что ты, зачем? — разволновалась она, чувствуя, что самой не сдержаться от слёз. Вырастешь, Жорушка, всё поймёшь. Сил моих больше нет. — Она зарыдала.

— Но папка хороший! У Генки вон батя колотит мамку.

— Этого не хватало! — перебила она его. — У папы другая женщина, — выдавила она из себя, не зная, зачем это надо сыну. — И он уходит от нас.

Георгий молчал. Стараясь усвоить материны слова, он представил чужую тётю возле отца.

— Спи, сынок, не ломай себе голову. Проживём и одни. Я не оставлю вас. — Она поднялась, ещё раз взглянула в сторону тихо спящего Вовки, направилась к выходу.

— Не надо. Отговорю я его, — Георгий не находил подходящих слов. Тело его содрогалось. Дверь за матерью тихо прикрылась.

Утром Георгий поднялся рано.

Мать уже хлопотала на кухне. Отца в доме не было. Быстро собрав портфель в школу, он вышел на улицу. Отец стоял у забора, осматривая огород. Посаженная на грядках картошка радовала его глаз. Стрелками дыбился лук, зеленела петрушка. Но это была сейчас не главным. Он обдумывал речь на суде, на который идти не хотел. «Только ради скорейшей развязки», — успокаивал сам себя. Перед глазами стояла та, другая, которую встретил, как казалось, давно, навсегда. Мысленно ставил их рядом, сопоставлял.

— Папа, ты здесь? — прервал его мысли Георгий.

— Да, вот вышел на свежий воздух, сынок. Духота у нас в доме невыносимая.

— Это правда, что мама сказала? — с трудом произнёс Георгий, глядя отцу в глаза. Геннадий молчал. Думал, что же ответить сыну.

— Понимаешь, Георгий, ты уже взрослый мужик. Люблю я тебя и Вовку. Надеюсь, поймёшь. А сейчас не суди, не думай плохо. Мама сказала правду. Не ладится жизнь у нас. Но я не оставлю вас. Я буду...

— Зачем? Зачем? Я не хочу... Хочу, чтобы мы жили вместе, — разволновавшись, выпалил он, по-отцовски насупив брови. — Я с вами пойду. Расскажу. Не надо, не надо развода, — кидал он словами в отца. — Если что, я из дома уйду. Навсегда, — выпалив, выдохся он и в слезах бросился вдоль забора к речке.

На уроках Георгий сидел рассеянный.

— Завьялов, иди к доске, — вновь повторила учительница.

Георгий очнулся, медленно встал из-за парты. Дважды из рук выпадал мелок. Кое-как нацарапав на затёртой доске заученную им формулу, он невнятно провёл доказательство.

— Слабо, слабо сегодня, — произнесла удивлённо учительница, ставя в журнал ему тройку. — Не узнаю я тебя.

Звонок прервал её речь.

Ученики захлопали крышками парт, бросились к выходу. Георгий вышел последним.

Направляясь от школы в сторону нарсуда, он вновь обдумывал свои действия. Без труда нашёл злополучное здание, робко прошмыгнул в его двери.

В конце коридора стучала машинка. Георгий остановился у двери с вывеской «Зал заседаний». В приоткрытую щель он увидел отца и мать. Напротив, за жёлтым столом, сидели три женщины. Одна из них читала бумажку: «... гражданское дело о разводе...», — донеслось до Георгия. Сердце его сжалось. Он ловил каждое её слово. Но последних слов не расслышал. И тут как будто кто-то его подтолкнул. Он распахнул дверь и кинулся к столу.

— Не надо! Не надо! Я не дам! Я хочу маму и папу! — кричал в волнении он, хватая со стола бумаги.

Судья растерялась.

— Ваш это сын? — произнесла она, вырывая из рук Георгия скомканные листы.

Мать с отцом кинулись к Георгию.

— Сынок, сынок, успокойся, не надо, — умоляла в недоумении мать, обнимая сына. Сердце её сжималось от боли.

Отец также старался обнять сына, но мать заслоняла его своим телом.

Георгий вырвался из объятий, бросился к выходу.

Вечерние сумерки быстро окутали землю. Ярко горел в окнах свет. Геннадий то и дело выходил на улицу, с тревогой всматривался во тьму.

— Неужели ушёл? — терзала его беспокойная мысль.

— Не сиди. Иди, ищи сына, — в слезах умоляла Мария. — Нет, я сама. — Она быстро накинула плащ, хлопнула дверью.

Георгий сидел за домом на поленнице дров, содрогаясь от слёз и холода.

— Куда, куда я пойду? — задавал он сам себе вопрос, слыша мать и отца, в душе радуясь их тревоге. — Забегали. Так вам и надо. — Он поудобней уселся на плашках берёзовых дров, чувствуя душистый их запах.

Обежав друзей, Мария вернулась домой.

— Нет и не был ни у кого, — в слезах сказала она, устало опускаясь на стул. — И всё-то из-за тебя. Что тебе в жизни, скажи, не хватало? — Не в силах сдержать своих чувств, она схватила на руки Вовку. — Уйду, уйду. Оставайся один. Этого ты хотел? — Подумав немного, выпалила: — Нет, ты уходи немедленно.

На руках закапризничал Вовка.

Геннадий, не проронив и слова, вышел на улицу. На душе скребли кошки. Переживания за сына не покидали его.

— Где же он может быть? — Он обошёл вдоль забора весь огород, в бессилии сел у поленницы дров. Мысленно вспомнил всю свою жизнь. И только сейчас осознал и вдруг понял, что сделал ошибку.

В открытой тьмой поленнице что-то ворохнулось.

— Крысы резвятся, — подумал он, вспомнив, что их во дворе у них уйма. Он поднялся, взял в руки полено. Привыкшие к темноте глаза уловили в дровах очертание съёжившейся в клубок фигуры сынишки. Не веря своим глазам, отбросив полено, с радостью в сердце он схватил сына на руки и, прижимая его к груди, бросился в дом.

— Нашёл! Нашёл! Мария, нашёл! — радостно выговаривал он, переступая порог.

Мария с минуту стояла в растерянности. Но тут же с радостью и тревогой в сердце бросилась к сыну.

— Жоружка! Милый ты мой! Где же ты был? — причитала она, обнимая сына.

Георгий открыл глаза. Увидел рядом мать и отца.

— Мамочка, папа! Я знал! Я знал! — он обвил ручонками мать и отца, крепко прижался к ним. — Я знал, я знал, что мы будем все вместе, — произнёс он, не выпуская их из объятий.

БЕССОННОЙ НОЧЬЮ

Этой ночью ему не спалось, хотя рядом мирно посапывал сынишка. Василий вглядывался в ночном полумраке в знакомые черты его лица.

«Копия — мама, — удивлялся он. — Носик, бровки — это точно, не ходи к ворожее! Да сладкий ты мой!..»

Мысли перенеслись в те далёкие дни, когда хоронили Елену. Без слёз он стоял в изголовье гроба, не замечая людей, которые пытались его утешить.

«Разве я не мужик? — думал он. — Ничего, и без ваших соплей обойдусь».

И после, лишь наедине с собой, поддавался он слабости, проклиная судьбу и то неведомое, что отняло Елену.

Проводив жену в последний путь, сразу же вернулся за сыном. Тот лежал на широкой кровати, обложенный со всех сторон подушками, и посапывал «пустышкой», придерживая бутылочку своими маленькими ручонками. Глаза у него светились непонятною для людей радостью.

— Заверни мне его, Мария, — попросил Василий соседку. — Домой пора. Загостились...

Но это уже всё было в прошлом. Теперь вот он лежит и ворочается с боку на бок, не в силах заставить себя уснуть.

«Одному тебе не управиться, — частенько нудила тёща. — Мыслимо ли это: мужик и с грудным ребёнком?! Переходите до нас. Иначе внука я заберу».

Но Василий не соглашался. Не хотелось ему идти в примаки, к тому же вспомнил, как та не хотела, чтобы дочь выходила за бывшего зэка. Он, правда, пытался тогда доказать ей, что такой же человек и что вину свою перед людьми отстрадал сполна. Однако не сумел её убедить. Не понимала она ни его, ни Елену.

— На порог мой ступать не вздумай, — с гневом кричала она. — Не то я тебя упеку, арестанта!

«Одна ты понимала меня, жenuля, — закусил губу. — В память о тебе воспитаю сына, сделаю его человеком. Слово даю».

Помнились её слова: «Васильки растут вперемежку со льном. Вместе их губят... Вот так и мы — вместе до последнего дня...»

Судьба разлучила их, и Василий вздыхал: «Не получилось по-твоему, Леноч — мой челнок. — Глаза слезились. — Нельзя спать лицом к законному свету. Надо бы переставить кровать».

На кухне изредка хлопала форточка. По полу тянуло сквозняком. Василий приподнялся на руке, подоткнул под сынишку край одеяла.

«На ночь бы надо её закрыть, чтоб не простудить сынишку», — подумал он.

За окном отдавало уже синевою. Ночную тишину прорезали звуки пробуждающегося города.

«Который же час?» — взглянул он на часы. — Никак уже четвёртый... Хорошо поспалось».

Он достал сигареты, но, подумав, бросил пачку на подоконник и вернулся в комнату. Проходя мимо трельяжа, вздрогнул от неожиданности: «Елена!..» — глаза зацепились за фотографию, прислонённую к зеркалу.

«До чего же они похожи!» — в который раз подивился он. — Елена и ... жена... Покойная...»

И будто только теперь до него дошло, отчего он не мог заснуть. Мысли тревожили и рвали душу на куски, и без того измученную с лихвою.

Но сегодня она придёт в этот дом, такая же милая и родная. «Не суди нас, Елена», — холодная дрожь пробежала по всему телу.

Вскоре он успокоился, почувствовав тепло посапывающего рядом сынишки. Мысли перенеслись на ту, другую Елену, с которой он познакомился в универмаге

и вот уже две недели зазывает её в гости. «Просто так... Для знакомства». И мучился от того, что не знал, как она поведёт себя, увидев сынишку.

Встретив тогда девушку, похожую на Елену, он не смог отвести от неё взгляда. Даже опешил: «Чуть ниже ростом, иначе одета, но ведь это моя Елена!»

— Елена! — окликнул он, не помня себя и не узнавая своего голоса.

Девушка оглянулась и смущённо произнесла:

— Да, Елена... Владимировна. Но, извините, я вас не помню. Вы чей-то отец? Хотите узнать, как учится ваш ребёнок?

Он ничего не слышал. И только глазами жадно ловил её удивлённый взгляд.

— Завтра у нас классное собрание. Приходите в школу, — произнесла Елена Владимировна и направилась к выходу.

Всю ночь он не мог заснуть. С великим трудом скоротал рабочий день, чтобы, не дай бог, не опоздать на родительское собрание.

Преодолев смущение, он вошёл в школу. У раздевалки толпилась малышня.

— Ребята, где мне найти Елену Владимировну? — спросил он у детей, невольно опуская глаза.

— На втором этаже собрание проводит, — отозвался, подбирая свою курточку, разгорячённый вознёй мальчуган.

Голос Елены Владимировны Василий узнал сразу и обмер перед дверью. Задумался и даже не заметил, как она распахнула дверь перед самым его носом:

— Это вы? Проходите, — улыбнулась учительница. — Заканчиваю.

Не глядя на притихших родителей, он прошёл к последней парте. Слушал — не понимал смысла произносимых Еленой слов. Только жадно следил за её движением по классу, отыскивая в её внешности всё то родное, сидящее до сих пор в душе.

Он не заметил, как остался один. Елена Владимировна подошла к нему и точно с усмешкой спросила:

— Ну, так чей же вы папа?

Василий смотрел в сторону, мялся как мальчишка, и не знал, что ей сказать.

И вдруг рубанул с плеча:

— Я ваш муж, Леночка!

Елена Владимировна невольно оглянулась на дверь и рассмеялась:

— Такого в моей жизни ещё не случалось, — она направилась к столу, осознавая, видимо, не случайную их встречу в универмаге.

Провожая её домой, Василий впервые раскрылся перед нею. Ничего не скрыл, чем несказанно удивил молодую учительницу. Теперь даже было как-то неловко за свою мальчишескую наивную откровенность.

...Зашумел лифт. Василий поднялся, прошёл на кухню, а сам то и дело поглядывал в комнату, где нежился Вовка: день был воскресным, слава богу, не в садик...

— Не пора ли подниматься, солдат? — улыбнулся Василий, подходя к нему. — Время к обеду.

Но Вовка молчал. Затаив дыхание, прикидывался спящим. Хитрец.

К двенадцати всё уже было готово. Честь по чести. «По-мужски» сервированный стол, покрытый отглаженной белоснежной скатертью Василий вытащил на середину зала, сынишка, одетый в чистую рубашку, сидел в кресле и смотрел по телевизору сказку.

«Ну вот, кажется, и Елена Владимировна», — вздрогнул от звонка Василий.

— Извините, что так рано пришла, — смутилась учительница. — Хотелось помочь... Так сказать, по хозяйству.

— Правильно, что пришла. Проходи, — заулыбался хозяин, принимая из её рук зонтик и поглядывая в Вовкину сторону. — Проходи. Знакомьтесь.

Вовка вбежал в прихожую. Ошарашено разглядывая то гостью, то медвежонка в её руках, он вдруг подпрыгнул и закричал:

— Мама присла, ма-ма! — и бросился в её объятия, лучась неподдельной радостью.

«Мама» едва успела его подхватить. Прижала к своей груди. Медвежонок выскользнул из рук и покатился по полу. И сам хозяин с трудом удержался от слёз — обнял обоих и прикрыл глаза, будто боялся приблизиться к нечаянному счастью.

...Вовка не отходил от Елены Владимировны. Держа в руках фотографию матери, он, по-своему лепеча, что-то пытался объяснить гостье, прижимался к ней своей головёнкой.

Гостья с тревогой смотрела то на Василия, то на Вовку и, казалось, думала о чём-то своём.

— Сынуля, иди, поиграй с медвежонком. Поднадоел ты немного, да и мам... Лене тяжело тебя держать на коленях, — прервал неловкую задумчивость хозяин.

Вовка послушно отправился к игрушкам, забытым по такому редкому случаю в детском его углу.

Взрослые ушли на кухню. Василий начал мыть посуду, чтобы только не молчать. И Елена, как ему показалось, тоже не находила слов для разговора.

— Ты не сердись на него, Елена, за маму... Брякнул малец сдуру, — неловко поморщился хозяин. — И вообще, не забывай — заглядывай почаще. Я не гоню.

— Ну что ты! — вспыхнула она. — Я действительно похожа на его мать. А сын разве не знает, что она умерла?

— Зачем это надо ребёнку? Он был совсем крошечным, не больше твоего медвежонка... И к родне его не вожу. Понимаешь, не хочу. Сам подниму, выращу. Такие дела, — частил он, круто нарезая фразу за фразой.

За окном легли уже сумерки. По-прежнему моросил холодный дождь. Огромная и неудобная страна пролегла за окном.

Василий задёрнул шторы и включил свет. Елена, стоящая у стены, улыбалась грустными, но тёплыми и понимающими глазами.

— И к своему отцу не езжу, — продолжал хозяин. — Матушка умерла, а в доме теперь другая женщина.

«Зачем об этом? О другой женщине?» — испугался он собственных слов. « — Ещё и подумает, что намекаю...»

Но выручил сынишка, ворвавшийся на кухню.

— Где вы? Мне страшно одному, — потирая кулачком глаза, с обидою произнёс он. Как будто хотел этим показать, что сейчас не на шутку разревётся.

— Уборкой занялись, сынок, — отозвался Василий. — Сейчас вот я тебе носульку вытру.

Он подхватил его на руки и понёс в большую комнату.

— Мне пора уходить, — произнесла вслед Елена. — Завтра много уроков. Трудный день.

— Подожди... Успеешь, — испугался Василий того, что она уйдёт, и они не договорят о самом главном. — Усыплю Вовку и провожу.

— Не хочу спать, — закапризничал Вовка, протягивая ручонки к «маме». — Не буду спать.

Елене пришлось вернуться на диван и усадить ребёнка на колени. На глазах у того показались горошинки слёз.

— Не хочу, не отдам, — шепелявил он, затихая. Тепло его тельца согревало Елену. Она поднялась и прошла в спальню, где уложила его на кровать, а сама прилегла с краю:

— Спи, маленький, — с нежностью шептала она. — Я буду рядом. Баю-баюшки-баю... — Пухленькие ручонки крепко обвивали её шею.

Василий стоял в дверях и не мог видеть, с какой неужимостью лились из Елениных глаз слёзы, стекая на подушку и на спокойно засыпающего Вовку.

РАССКАЗЫ О ГЛАВНОМ

АЛЕКСАНДР МАТВЕИЧЕВ

«КАК ЕГО НАЗЫВАТЬ?..»

1

— Как грязно, папа! — сказала дочь. Он подумал, что ничего здесь не изменилось за пятнадцать лет. Разве что дома постарели, и деревья в палисадниках как будто поредели — стало меньше на них ветвей и листьев.

— В сухую погоду, в общем-то, всё выглядит очень неплохо, — сказал Карташов. — Место для отдыха почти идеальное — лес кругом, ягоды, грибы. Пруд в лесу, километрах в двух, — камыши и белые лилии. В ясный день пойдём на него купаться и собирать землянику.

— Как я буду переходить дорогу? Вот увидишь, зачерпну полные туфли.

— Пройдём дальше, там вон, кажется, твёрже грунт. И пятнадцать лет назад я переходил в этом месте.

Теперь оставалось пройти короткий проулок, упиравшийся в базар — его ларьки и крытые тёсом прилавки за покрашенными в зелень воротами виднелись впереди. Тут Карташов вспомнил, что сестра его уже не живёт в прежнем доме. Об этом ему написала племянница из Башкирии в первомайской открытке, а он как-то запамятовал, и теперь не исключено, что и идут-то они не в ту сторону от станции.

Беспокоить дочь своими опасениями он воздержался: она легко могла вспылить и заплакать. В её тринадцать лет, в переходный возраст, родители это должны переносить с пониманием. Поэтому дождался, пока ближе подойдут три длинноволосых паренька, одетых по всем правилам моды — в расклешённые брюки и цветастые рубашки под распахнутыми плащами.

— Вы, ребята, не скажете, где Наталья Никитична Аюпова живёт?

Ребята хором поздоровались, переглянулись, засмеялись чему-то, и один из них, чёрненький, красивый, чем-то похожий на куст смородины — это сравнение мелькнуло вдруг у Карташова, — сказал, словно гордясь своей осведомлённостью:

— А Наталья Никитична переехала. Ещё осенью. Мы ей вещи переносить помогали всем классом. Она наша *историчка*.

Он переводил свои быстрые и чёрные глаза то на него, то на дочь.

— А я её брат.

— Я почему-то так и подумал.

— Она теперь рядом с прежним домом живёт, — сказал уже другой подросток, русский и толстогубый. — У них дом на две квартиры. Мы можем вас проводить.

— Спасибо, дойдём одни. Я прежде жил здесь месяца три, вам тогда, наверное, года по два было.

— До свидания! — снова хором и с лукавыми улыбками сказали ребята и пошли к станции, а там, наверное, через железнодорожные пути в клуб — в кино или на танцы.

Карташов оглянулся. Ребята тоже приостановились и оглянулись. Но смотрели они, как он догадывался, не на него, а на его не по годам высокую и стройную дочь. С беспокойством подумал, что надеть ей следовало не коротенькие гольфы, а колготки. При её хроническом тонзиллите и признаках ревматизма они были бы сейчас кстати. Хотя дождь прекратился, и воздух потеплел. От земли, от мокрых, словно разбухших от влаги сосновых домов и низких заборов веяло сыростью. Пахло пухлыми лопухами, полынью и картофельной ботвой. Порядком он отвык от всего этого, пока жил в центре Сибири, в Красноярске, и мотался по командировкам по всей стране.

Последнее время ловил себя на том, что перестал чему-либо удивляться. А это, думалось ему, плохо: значит, стареет и пора кое по каким статьям своей биографии подбивать бабки...

Слева, за плотным тесовым забором с четырьмя нитками колючей проволоки по верху, серели старые деревянные цеха мясокомбината. А вот, за густой зеленью яблонь молодого сада, — дом, обшитый асбоцементными плитами, где прежде жила сестра и её большая семья. И рядом другой, бревенчатый дом, похожий на барак, и по трубам видно, что он на две квартиры.

Они вытерли ноги о густую, булькающую водой лужайку перед калиткой, он нащупал в дыре с обратной стороны вертушку, и они вошли во двор.

— Ого, папа, «Жигули»! — сказала дочь.

— Чьи бы это? — шутливо спросил он.

— Тётя Наташа выиграла в лотерею, хочет их подарить нам.

— Здорово! В Сибирь поедем на машине.

Хорошо, что у дочки есть чувство юмора — будет проще жить. И ещё лучше, что понимают друг друга с полуслова. В нём постоянно жило стремление к этому душевному контакту с дочерью. Думал, что так дольше будет жить в ней, в её детях — будут и у неё дети когда-то. А повезёт — он, глядишь, и до внуков дотянет... Эти мысли о конце земного пути приходили обычно на похоронах приятелей и знакомых, бывало, и внезапно — при болезни, взгляде в зеркало: там отражалась сидящая голова с большими залысинами и, как ему казалось, тускнеющие серые глаза.

Карташов провёл ладонью по зелёной влажной поверхности «Жигулей», и острое воспоминание пронзило его. У покойного мужа сестры, дяди Ахмета, первого секретаря сельского райкома, служебная «Победа» была такого же цвета. Она часто стояла у них вот так же во дворе — не в этом, конечно, совсем в другом татарском селе — в Нурлатах Северных — и в другом дворе. С тех пор прошло, подумать страшно, почти двадцать лет. И не стало ни тяжёлого характером зятя, ни мамы. И сестра живёт совсем одна. Четверо её детей разъехались кто куда — в Дубну, в Бирск, в Саратов, в Мурманск... Всё прошло и не прошло, всё естественно, всё движется, только жутко почему-то от такого движения, как от представления о разбегающейся Вселенной.

Два крыльца, две двери. На ближней двери — большой чёрный замок. И Карташов понял, что сестры нет дома. Об этом молча сообщали и знакомый алюминиевый умывальник, который висел на стене, рядом с крыльцом, и зелёный эмалированный таз под ним, и две кастрюли, повешенные на штaketник, отделявший от двора огород.

Оставалось постучаться к соседям.

На крыльце появилась женщина лет сорока. По лицу, по кофте с оборками, по серьгам в ушах он безошибочно определил в ней татарку. Посёлок прежде почти целиком был татарским, и зять у него был татарин. Вот и женщина заговорила со знакомым ему с детства и потому таким дорогим его сердцу акцентом:

— Уехали они утром сегодня. К Наталье Никитичне дочь приезжала с мужем и с внучкой, два дня здесь жили. Внучка болеет, однако, — они в санаторий её повезли. Наталья Никитична сказала — завтра вернётся. Она здесь мало совсем живёт. Как на пенсию вышла — всё к детям ездит. Зимой у одной дочки жила, недавно от другой приехала. И к сыну уже ездила.

— Что же нам, доча, делать? — вздохнул Карташов. — Идти на станцию? Вот не везёт!

Он внимательно взглянул на дочь — глаза у неё начали быстро наполняться влагой.

— Я устала, папа, — обречённо призналась она.

— А ключ она вам не оставила? — спросил Карташов. И счёл нужным пространно пояснить: — Я её брат, приехали вот издалека, из Сибири, жили полмесяца у родных жены, в Казани. Сюда на недельку решили с дочерью заглянуть. Уже пять лет здесь не был. Последний раз приезжал за полгода до смерти зятя, Ахмета Касимыча... Жаль, не застал их. Здесь, по-видимому, Ангелина, Володя и дочка их, Лада, были. Из Башкирии, из Бирска.

— Ага! Ключ ваша сестра оставила, я сейчас принесу.

Женщина казалась не по годам постаревшей, рыхлой, лицо отёчное, нездоровой желтизны, и передвигалась она тяжело, как бы фиксируя каждый шаг.

— Ревматизм у меня, на больничном две недели, сегодня первый день ходить начала, — пояснила она, подавая ключ с длинной марлевой подвязкой.

2

Уезжая, сестра, а скорее её дочь Ангелина, которую с детства, вопреки метрикам все звали Галей, а не Гелей, помыла полы, прибралась, словно в ожидании гостей. Чисто и уютно было в квартире, разгороженной на комнатки — прихожую, гостиную и спальню — дощатыми перегородками. Пахло свежими пирогами с капустой и яйцами с луком — они лежали на блюде, на столике за русской печкой в крохотной кухне, накрытые льняными полотенцами. У письменного стола, на полу, стояла початая бутылка «экстры». «Очевидные признаки, — заверил он дочь, — что сестра должна вернуться девятичасовой электричкой. Иначе, зачем ей было оставлять свежее испечённые пироги открытыми, словно на показ? Не в холодильнике или в погребе».

Впрочем, холодильником сестра до сих пор не обзавелась. И когда при нём говорили, что партработники живут чуть ли не при коммунизме, он приводил в пример своего зятя: зарплата, как у армейского лейтенанта, льготы минимальные. Разве что ежегодный отдых в санатории или доме отдыха и отпускная премия, если заслужил, равная скромному месячному окладу. Жили, как и всё граждане страны Советов, с огорода. Питались и одевались, как и вся сельская интеллигенция, в то, что завозило в лавку здешнее сельпо. В наследство своей жене и детям бывший первый секретарь оставил лишь память, как о порядочном человеке, *пролетарии умственного труда*. Ни своего дома, ни машины, ни гаража. Или хотя бы холодильника...

— Сколько книг, папа! — восхищённо восклицала дочь. — Сколько хороших книг!.. Посмотри, папа! Ты только посмотри!

Таня переходила от одного застеклённого шкафа к другому, и вся светилась при виде такого богатства. Это была его заслуга, немного самодовольно отмечал он про себя. Изю всех сил прививал он дочери любовь к книгам. Убеждал, что они живые, у них есть душа, они всё чувствуют. Им больно, когда их бросают, перегибают, черкают на полях, мнут страницы...

Это было уже давно, и дочь теперь нуждалась скорее в том, чтобы удерживать её от чрезмерного чтения. Тем более что правым глазом она стала видеть только на пятьдесят процентов. Врачи успокаивали, что это ложная близорукость, которая с годами может пройти сама собой. С этого времени он следил, чтобы она непременно читала при хорошем освещении, всякий раз напоминая, что плохое зрение не позволит ей радоваться богатству красок, красоте солнечной перспективы; у неё могут начаться головные боли, наконец, и жизнь будет испорчена из-за неосмотрительности, от неумения управлять своими желаниями.

— Что мне читать, папа? Посоветуй. У меня глаза разбегаются.

— Джека Лондона. У нас его нет. «*Мартин Иден*» — отличный роман. На каникулах, после первого курса института, я перечитал из этого шкафа, помню, всего Лондона. А на других каникулах — Достоевского. «*Братьев Карамазовых*» только не успел и до сих пор так и не решился взяться повторно.

— Нет, я не стану Достоевского, мне, видно, рановато. Я пыталась, но многого не понимаю. Больше всего люблю Толстого. Как ты сказал — «*Мартин Иден*»? Хорошо, я начну сейчас же!

— А как с пирогами? Они же портятся!

Таня подошла к отцу, по-взрослому положила ему руки на плечи, посмотрела, запрокинув голову, в его глаза и поцеловала в подбородок.

— Как хорошо, папочка! Я бы согласилась провести здесь все каникулы. Но только с тобой...

Потом они включили маленький телевизор, согрели чайник, собрали на стол пироги, свежие огурцы и помидоры — их он обнаружил в сених. В центр стола он поставил початую «*экстру*», налил, не вникая протестам дочери, до половины стакан и произнёс тост, обращаясь к отсутствующим по разным причинам людям — к живым и мёртвым:

— Я прибыл сюда со своей любимой дочерью, потому что люблю вас, всегда помню, мне грустно, что вас нет, но я чувствую, что вы где-то рядом и, может, даже смотрите на нас. Полюбуйтесь, каким я стал — седым, заматеревшим — и какая у меня взрослая, красивая и умная дочь... А вы всё такие же, ничуть не изменились, вы не забыли меня — спасибо вам! За вечность родственных чувств, за встречу!

Он поймал себя на том, что тост его похож чем-то на обращение чеховского Гаева к «*многоуважаемому шкафу*». Только останавливаться было поздно, и он говорил это, глядя на дочь — на её загорелое лицо, в серые глаза с длинными чёрными ресницами. И ему думалось, что он глядит в будущее, чувствует его в простом сопоставлении этого сиюминутного факта с тем, что будет. Она приедет к нему откуда-то издалека и не застанет в живых. Может быть, с ней приедут её дети. Для них он, её отец, будет никем иным, как *покойным дедушкой*. Но это уже вяжется не с «*Вишнёвым садом*», а со «*Станционным смотрителем*»...

Он замолчал и прислушался: за окном снова шумел дождь, шептался своими струями с листьями рябины, смородины и малины в палисаднике.

— Как хорошо ты, папа, говоришь!.. Мне ужасно нравятся пироги. Я и не заметила, что так проголодалась.

*Не думай о мгновениях свысока.
Пройдут года, и сам поймёшь, наверное,
Свистят они, как пули, у виска –
Мгновения, мгновения, мгновения.*

Это по телевизору началась очередная серия «Семнадцати мгновений весны» — про то, что было и не было, но во что вольно или невольно верилось. Жаль, что экран такой крохотный и кинескоп, вероятно, дышит на ладан, а изображение больше походит на суетное мелькание бледных теней.

3

Дочь легла в самой большой комнате на тахту. Он устроился в прихожей на старом узком диванчике. На этом диване семь лет назад умерла его мать, а ещё через два года — зять. Он с десяти лет звал его *дядей Ахметом*. Он вспомнил об этом, но не испытал ничего, кроме грусти. Мать была старше Карташова на тридцать шесть лет, зять — на двадцать пять. И проживёт ли он столько, сколько они, — не известно. Он давно убедил себя в том, что презирал бы себя за боязнь смерти не меньше, чем за страх перед жизнью.

Потом он подумал, что потихоньку о нём начинают забывать в этом доме. В рамке над письменным столом уже нет его фотокарточки. А красуется в ней голеньякая внучка. Ему всё реже пишут, да и он шлёт только поздравления к праздникам...

Впрочем, началось это давно, полтора десятка лет назад, из-за его неудачной первой женитьбы и последовавшего вскоре развода. Потому что — и это главное — в часе

езды отсюда, в маленьком городке растёт его сын Костя. Ему четырнадцать лет, и видел он его всего раз — весной, когда сын учился в первом классе. Такой обычный парнишка в запачканном грязью пальтишке и кирзовых сапогах.

Костя бежал из кино, и племянница Карташова, Лена, остановила мальчика специально, чтобы отец мог посмотреть на него. Парнишка нетерпеливо топтался *кирзачами* в лужице, утирал кулаком нос, отчуждённо поглядывая на незнакомого дядю большими серыми глазами и твердил, что надо скорей домой — мамка станет ругаться. Никаких признаков пресловутого *зова и родства крови*...

Помнится, Карташова глодала досада, что мальчишка был так бедно одет, хотя месячных алиментов отца вполне бы хватило, чтобы *упаковать* его с иголки. Но, как пояснила Лена, алименты мать откла-

дывала на сберкнижку, чтобы обеспечить Косте счастливое будущее после окончания школы... А после развода она не отдала Карташову даже бритвенный прибор, и он ушёл из дома в том, в чём был. Не случилось бы такого и с сыном...

Сейчас Карташов попытался воскресить в памяти лицо сына, но из этого ничего не получилось. Привычное чувство вины, нечистой совести надавило на сердце, он перевернулся на диване, десятка два пружин захрустели и зазвенели в темноте, и память переключилась на отчима его сына, какого-то белообрывого и злого малого, по описанию племянницы, вымещавшего свою дремучую ревность на мальчишке...

Ладно, я подонок: бросил, уехал... А что же ты нашла через полгода взамен? Подонка на порядок выше? Ты кричала, что защитишь сына, не дашь его в обиду — и что получилось?..

Набивший оскомину внутренний монолог он прервал испытанным методом — стал думать на английском совсем о другом. О прочитанном романе «*Дженни Герхардт*» в оригинале. Он пересказывал про себя содержание книги на чужом языке, пока мозг его не утомился, и он не заснул.

4

Сестра не приехала ни на второй, ни на третий день. Карташов и Таня быстро приехали к уютному дому, полному книг и воспоминаний. Сходили в первое утро в столовую — там, как и пятнадцать лет назад, подавали свежую крольчатину и курятину с местного мясокомбината и торговали тёплым кислым пивом из деревянной бочки. А ближе к полудню сосед Шамиль — с ним они познакомились утром, — сидевший на своём крыльце, шутивший от солнца и покуривавший сигарету, увидел вышедшего во двор Карташова и, легко вспрыгнув на ноги, сказал:

— Вы на обед в столовую не ходите. У нас обедать будем. Татарскую пищу кушать любишь? Салма, перемяч, бишбармак?..

Он был не высок, тёмн лицом и то, что один чёрный глаз у него косил, и он редко улыбался, придавало его облику хмурое и опасное выражение. Карташов попытался, было, отказаться, но Шамиль так посмотрел на него, что ему сделалось стыдно. Странно, и косой глаз у него, когда надо, умел глядеть прямо.

— Мы сейчас не так живём, чтобы двух человек накормить не смогли, — сказал Шамиль. — Пока Наталья Никитична не придет, моими гостями будете. *Кунаками*... Садись рядом, покалякаем мал-мал. У меня выходные дни, у тебя отпуск — куда торопиться?

Карташов сел на выскобленную до желтизны ступеньку. От Шамиля пахло табаком и бензином, и Карташов подумал, что вот сейчас он узнает ещё об одной жизни — пусть в общих чертах, но опыт позволит дорисовать всё остальное.

— Ты кем работаешь? — спросил Шамиль.

— Инженером. Делаю автоматику — проектирую, курирую монтаж, наладку. А живу в Сибири, в Красноярске.

— У меня там есть знакомые, отсюда несколько семей уехали: Шарафутдиновы, Нуруллины, Ахметзянов Рифкат. Не встречал?

— Нет. Город большой, почти как Казань, и татар там много. В нашем доме семьи три живёт. Считаемся земляками.

— А я экспедитором работаю на железной дороге. Прежде вместе с женой на мясокомбинате работал, семь лет как ушёл в экспедиторы. С комбината за пьянку выгнали. С тех пор совсем не пью. Не лечился, ни к каким бабкам не ходил. Сказал себе сам: *не брошу — пропаду!* — и бросил... Видишь, машину купил? В начале лета

взял. Долг, конечно, есть — папе-маме тысячу должен, ничего, расплачусь... Тебя как зовут? Ты утром сказал, а я забыл... Николай? Вот, Колька, живём мы хорошо, я доволен, как живём мы. В деревне жить легче, всё своё — яйца, картошка, огурцы, помидоры... Я скотину, конечно, не держу. С ней, Колька, работы много. Корм укради, сено накоси, навоз убери, утром-вечером подои... А баба у меня, сам видишь, шибко больная. А я всё езжу — пятнадцать дней дома, пятнадцать дней в вагоне. А мясо мне мои папа-мама дают. А с комбината люди шибко воруют — у любого охранника по дешёвке хоть тонну купить можно. Садят, конечно, только на всех тюрьмы не хватает... Я двести рублей получаю. Магинур, баба моя, ещё сто двадцать. Двести мы на книжку кладем. Сто на хлеб, на сахар, на одежду тратим. Я, конечно, ещё и *чумарю* мал-мал, мухлюю. В Среднюю Азию когда еду, несколько мешков картошки захвачу. Там перекупщикам знакомым загоню, а они мне другой *шурум-бурум* дают: *ихи* яблоки, виноград, абрикосы, *урюк-мурюк*, *кишмиш-пишмиш*. У нас здесь этого нет — быстро раскупают. Ну, милиции, конечно, бесплатно дарю, чтобы за *чумару* меня за жопу не взяли. За два года ещё можно машину купить, если не пить... Я, конечно, своих товарищей угощаю: жадным быть нельзя, жадных не любят. А сам не пью. Говорю ребятам: спасибо, я своё выпил — цистерны две, тонн по шестьдесят. А ты, Колька, пьёшь?

— По праздникам, в торжественных случаях... Не часто. Бывает, по месяцу не прикладываюсь. Я всегда боялся водки: кое-кто из моих знакомых погиб от неё. В буквальном или в переносном смысле.

Было солнечно и прохладно, из леса, из полей дул ровный солнечный ветер, шевелил листья яблонь и вишен в саду — край его выступал из-за тесового сарая, — и дышалось и думалось хорошо, без беспокойного царапанья в душе. Карташову даже нравилось, что Шамиль называет его, сорокалетнего мужчину, начальника и депутата, *Колькой*. Это напоминало ему зятя: тот тоже до конца обращался к нему уменьшительным именем, как будто хотел этим стереть слой лет со своей и его жизни.

— А Наталью Никитичну после смерти Ахмета Касимыча директор мясокомбинатовский из их дома выжил, — сказал Шамиль. — Вот шайтан! Будто сам никогда не содохнет. Дом мясокомбинатовский, кричит, а живёт в нём какая-то училка!.. И сам в него залез, и сад с огородом захватил... Он и при Ахмете Касимыче на этот дом зарился. Но ведь Ахмет секретарём райкома раньше был, директором тоже был — его боялись... А женщину старую легко обидеть и ограбить! Вот и стала она жить в этом бараке. А директор, конечно, коммунист. На собраниях любит говорить одно и то же: человек человеку — друг, товарищ, брат...

Одиннадцатилетняя дочь Шамиля и Магинур, Зульфия, с какой-то поразительной искренностью полюбила Таню, под разными предложениями ежечасно стучалась к ним, сидела и смотрела на Таню своими большими блестящими глазами. Иногда задавала отрывистые вопросы и звала играть.

— Красивая девочка, — сказала Таня. — Только странная какая-то!

— Почему? — спросил Карташов.

Таня пожалала плечами, улыбнулась и снова уткнулась в книгу.

Он посмотрел, как она сидит, поджав под себя ноги на кушетке, — полурёбенок, полуженщина, и недовольство замутнило его благодушное настроение. Откуда эта *светскость*, высокомерие к непосредственности, к искренности?..

— Удивительная девочка, — сказал он с запозданием. — Ты посмотри: в ней всё светится добротой и расположением. Иди, поиграй с ней, поучись у неё.

— Чему?

— Как быстро идти душой к людям, искренности. Есть такой термин: *воспитание чувств...*

— Ну, начал, папа!.. Я читать хочу. Ведь я могу не успеть прочесть — и что мне тогда делать? Книгу украсть?

— Не просмотри за книгами жизнь. Кто-то сказал, что каждый человек — книга, надо уметь её прочесть.

— А если я не хочу?

— Не всегда надо идти от своих желаний, дочь. Так легко превратиться в эгоиста.

— И я уже эгоистка? Спасибо, папочка!

— Я не сказал этого. Но кое-какие симптомы меня настораживают.

После обеда Таня надела шорты, яркую кофточку, привезённую им из Болгарии, поцеловала его в щёку, красноречиво улыбнулась и сказала:

— Папочка, я иду играть с Зульфией. Ты не против?

— Умница! Есть вечные ценности — любовь, дружба, вера, отзывчивость, надежда. Умножай их.

Он произнёс это насмешливо-нравоучительным тоном, а сам подумал, что дорожит содержанием фразы, её смыслом. То, что для взрослых кажется банальным, для детей, как правило, — постижение изначальных истин. Не надо лениться внушать их своему потомству. Церковь это давно поняла и использует веками.

— А это кто сказал — про вечные ценности?

— Николай Васильевич Карташов. А до него — многие другие. В жизни ты встретишь немало людей, умеющих изрекать красивые и поучительные вещи. Эти люди требуют особой бдительности: их красивые слова легко уживаются с некрасивыми поступками.

— Да? А как у тебя? — и не стала дожидаться ответа, оставила его одного.

А как у меня?.. Он потёр лоб ладонью, вглядываясь в знакомый пожелтевший японский пейзаж на стене, помещённый под стекло в грубую деревянную раму. Избушка на переднем плане, пальмы, широкая река с джонками и вдали — дымящийся вулкан. Небольшая картина, выполненная, наверное, тушью и акварелью, попала к сестре ещё в войну. Подарила пожилая эвакуированная ленинградка. И он впервые с изумлением подумал, зачем было ленинградке, бросившей в блокадном городе всё, кроме дочери, брать и эту бумажную картину? Чтобы везти через Ладожское озеро — по ледяной *Дороге жизни*, а потом подарить её малознакомой молодой женщине?.. Прямо-таки «сюжет для небольшого рассказа». Надо об этом расспросить сестру...

А в какой взаимосвязи находятся мои слова и поступки?.. Человек состоит из поступков и слов — эту банальную мысль ты преподнёс дочери, не думая о себе.

Не надо долго взвешивать, чтобы сказать самому себе, как не легко быть честным и благородным. И твой жизненный баланс — не в пользу красивых и благородных поступков... Как изящно и искренне ты обманывал женщин! Они в рот тебе смотрели, когда ты вливал им в души фразу за фразой, тщательно дозируя их концентрацию — сладким, солёным, кислым. И как потом вытирал ноги об их души. Уходил, оправдывая себя всегда тем, что потерять такого, как ты, — значит многое приобрести...

Да и с тобой, бывало, поступали не лучше, но это ничего не значит. Сенека, кажется, заметил, что оправдывать свои поступки дурными поступками других — значит умыться грязью. Это единственное, что ты знаешь о Сенеке; надо как-нибудь заглянуть в энциклопедию, а то и в первоисточник — подковыряться... Ну, ладно, кто вольно или невольно не обманывал женщин?.. Часто они *сами обманываться рады...*

А как с друзьями?

Он заставил себя сделать выдержку, не торопиться с ответом, подошёл к окну, отвёл в сторону ветхий реденький тюль, с сухим стеклянным дребезгом открыл раму.

Напротив, за зелёным полем, высвеченным горячим солнечным сиянием, которое называли *стадионом*, на опушке густого лиственного леса, строилось большое белое здание. Выведен полностью был уже третий этаж. Шамиль сказал, что это новая школа. Сестре не придётся в ней работать, а зятю — тем более.

После смерти Сталина Хрущёв стал бурно проводить ротацию партийных кадров снизу доверху. И зятя из первых секретарей Нурлатского района хотели сначала перевести в другой район, очень далёкий от Казани, потом в пригородный — Юдинский. От обоих он отказался, зная, какая бедная была там земля, и какие низкие урожаи... А партия своих капризных членов, даже руководящих и направляющих, не жаловала. Из самой элитной, партийной, номенклатуры Ахмета Касимовича *опустили* в хозяйственную, и он вскоре понял на себе, как далеко было реальное бытие родного советского народа от его партийного сознания...

Года два он побывал в директорах Берсутского зверосовхоза на Каме. А там ещё до него орудовала группа, воровавшая пушнину — чёрно-бурых лис. Главбуха и ещё несколько человек посадили, а ему предложили возглавить здешний мясокомбинат. И он снова боролся с воровством, а воры грозили убийством его самого и семьи. Однажды под утро подожгли хлев во дворе. Благо, ветра не было, и огонь не перекинулся на дом. По ночам в окна летели булыжники. Пришлось закрывать ставни...

Милиция и охрана были завязаны в одну воровскую шайку расхитителей социалистической собственности. Поэтому воры и потенциальные убийцы были хозяевами положения. Зять плюнул на почти безоблачное прошлое секретарство и смертельно опасное настоящее директорство. И стал школьным учителем — преподавал историю и черчение.

— Отдыхаю, Колька, честное слово! — говорил он Карташову, когда тот проездом в Москву или из неё заглядывал в *Шемордан*. — Давно надо было уйти из той мясорубки. Честному человеку там делать нечего.

Историком зятю позволила стать двухгодичная республиканская партийная школа, а учить черчению — землеустроительный техникум. После его окончания Ахмет строил Турксиб — разбивал и нивелировал теодолитом и нивелиром трассу железной дороги в пустыне. Крепко подвыпив, слёзно жалел себя: рассказывал, как в него там стреляли *басмачи*, как умирал от жажды и жёлтой лихорадки, как ночами в палатке боялся скорпионов и тарантулов...

С друзьями, думал Карташов, у него вроде всё в порядке. Впрочем, в отношении одного, самого лучшего друга детства и юности, ты допустил, сам того не желая, оплошность, глупость. Тебя и сейчас бросило в жар при этом воспоминании. Димка Орловский написал, что женился вынужденно, не по любви, из жалости — девчонка от него забеременела, — а ты что-то сострил в письме по этому поводу, и письмо наверняка попало жене, потому что друг уже больше не писал... Карташов почувствовал, как кровь прилила к лицу; он бы всё сделал, чтобы Димка простил ему. Может, ты своей пошлой остротой испортил ему жизнь, а, если честно, предал его. И теперь ты никогда не узнаешь, что случилось с его семьёй. Семнадцать лет прошло, как ты подложил ему свинью, просил друзей разыскать Димку, ничего из этого не получилось...

Как сделать так, чтобы дочь не повторила моих ошибок? Он обращался к себе то от второго, то от первого лица — рассматривал себя со стороны и изнутри. Пока получается, что она во многом повторяет меня. У неё те же привязанности — к книгам, к пониманию событий, — это передалось. А если она незаметно усвоит и всё

другое, чего я сейчас стыжусь и от чего бы отрёкся, будь это возможным? Яблоко от яблони...

Надо себя контролировать. Воспитывать её с учётом своего негативного опыта. Ты часто так и поступаешь: рассказываешь дочери о каком-нибудь своём поступке и потом даёшь ему оценку. Она любит смешное. И ты рассказываешь ей о чём-то забавном, и так же смешно делаешь выводы. Она должна стать лучше тебя! Будь иначе — перечёркивай всю свою жизнь к чертям...

5

Таня появилась к пяти часам, очень весёлая, стала торопливо рассказывать, прихлопывая в ладоши:

— Ох, папочка, зачем я надела шорты? Мы с Зульфией в магазин за хлебом ходили, на нас — я не могла сначала понять почему — все оглядываются. Потом одна бабушка остановила Зульфию — красивое имя, правда? — сказала что-то сердитое по-татарски, плюнула в мою сторону и пошла, и всё бормотала что-то. Зульфия сначала не хотела переводить, что конкретно, — я её упростила... Бабушка, оказывается, сказала, что я бесстыдница. Аллах меня накажет, если я буду носить шорты... А ты, папочка, в прошлом году в Сочи тоже в шортах ходил. Мы даже в кино и в кафе ходили в шортах. Я Аллаха боюсь, я сейчас переоденусь... Дядя Шамиль сказал, чтобы ты шёл к нему, — все вместе на машине кататься поедем. А здесь раньше паранджу носили?

— Нет... Я думал, что мы сейчас пойдём на кладбище — к бабушке и дяде Ахмету.

Он заметил, как тень разочарования прошла по её лицу, но она сразу справилась с собой, повернулась к двери:

— Хорошо, папочка. Я предупрежу дядю Шамиля.

— Не надо. Поедем с ними. На кладбище можно сходить завтра. Может, тётя Наташа, наконец, явится, с ней вместе пойдём.

Она взглянула на него с благодарностью, взяла со стула платье и пошла переодеваться за печкой...

Карташов сел рядом с Шамилем, на заднем сидении возились и смеялись дети — Таня, Зульфия и её трёхлетний братишка Ринат, смешно говоривший то по-русски, то по-татарски, а иногда на смешанном русско-татарском диалекте, — это-то и смешило девочек. На мальчике была расшитая серебром тибетейка, и он, просунув смуглую мордашку между головами отца и Карташова, часто заглядывал в зеркало над ветровым стеклом.

Поехали по главной улице посёлка, и Карташов попросил не спешить. Дорога высохла, оказалось даже, что её покрывал побитый во многих местах асфальт, и зря он думал вчера, что ничего не изменилось в посёлке: в центре выстроили двухэтажный быткомбинат, столовую, магазин. По ту сторону железной дороги, сказал Шамиль, в прошлом году сдали большую больницу. Газопровод мимо проходит, газовая станция построена, и теперь в каждом доме плиты газовые стоят.

— А дома нам большие зачем? Никто не захочет в них идти, — сказал Шамиль. — У всех огороды, куры, свиньи, коров много. Я сам не захочу в многоэтажку, зачем мне? А куда машину буду ставить? Тут у каждого, если не машина, — мотоцикл есть. Одних «Жигулей» штук десять. Здесь почти каждый чумарит — собачьи и кроличьи шапки шьёт и продаёт, валенки валяет, носки-чулки вяжет, *гусей-мусей, картошку-моркошку* продаёт. И денежки копит. Если бы машины свободно продавались, все бы уже на них ездили.

— Слушай, Шамиль, а Габдулла-абый жив? Я с ним после третьего курса института на здешнем хлебоприёмном пункте работал — разнорабочим месяца два.

— Галиуллин, что ли, кузнец? Он на пенсии, мимо поедем, заехать можно. Хороший старик.

— Давай на обратном пути. Кстати, куда мы едем?

— А куда. Кататься. В *Сабы* хочешь, в райцентр? Был там?

— Пришлось раза два.

Карташов, не сказал, что из института его вышибли, потому что женился во второй раз. В институте поднялся страшный шум. Никто не хотел понять его высоких чувств — а любил он тогда искренно и сильно. И видели все одно: он бросал жену с грудным ребёнком. Аморально это было. Но продолжать с ней жить, думалось ему, было ещё аморальней.

В начале их жизни она сама говорила: разлюбишь — уходи. А коснулось дела, — всех подняла на ноги: родственников, комсомол, декана Попкова. Он кричал тонко и бешено, совсем не по-докторски, вот-вот инфаркт разорвёт его толстую грудь...

Сейчас он может сказать, что они были правы. Он и тогда так думал, но что он с собой мог поделаться?.. Тем более что в этой истории тихая и покорная первая жена превратилась в настоящую мегеру, готова была загрызть и его, и сына. И он видел точно: будущего у них нет, всё смешалось со слезами и грязью. Упрекала, почему он не подтолкнул её своевременно на аборт... Оказалось, что с первого момента, как они встретились на танцплощадке, ей сердце подсказывало: бойся его! Это подлец из подлецов, ждать от него ничего, кроме пакости, нельзя!..

А он иногда думал, что танцплощадка, где собиралась пьяная молодёжь, слышался мат, случались дикие драки с поножовщиной, находилась во дворе полуразрушенной церкви, превращённой властями в кинотеатр. В таком святотатственном месте не могло зародиться счастье.

Чёрт, в самые хорошие минуты наплывает эта слякоть! Лучше смотреть на лес, на сосны. Как хорошо, что они сохранились, стали, наверное, больше и толще на пятнадцать колец. Хорошая у «*Жигулей*» амортизация, лучше, чем у «*Волги*». Об этом стоит сказать Шамилю, умаслить сердце автолюбителя. Или попросить — пусть отвезёт до *Вятских Полян*, не откажет, если сказать, что там живёт его сын.

— Ну, машина! — сам стал расхваливать своё сокровище Шамиль. — Газ немножко прибавляешь — рвёт, как зверь! Я ездить быстро боюсь, шестьдесят километров — хватит. Куда торопиться?

А сам понемногу набавил скорость, машина присела на корму, стрелка на спидометре подползла к восьмидесяти, мелкий гравий торопливей застучал по днищу.

Потом ехали полем, оно простиралось до далёкого горизонта, освещённое усталым предвечерним солнцем, жёлтое от стерни, убранное, ожидающее пара и озими. А вот и озимь, сочная, яростно зелёная, высокая, готовая удариться в колос.

— Рано, однако, посеяли, шайтаны! — сказал Шамиль. — Торопятся план выполнить, от райкома грамоту получить.

Объехали по улицам райцентр — большое село с кирпичной водонапорной башней на окраине, стаями белых ленивых гусей на дороге и у дворов. В окнах крепких, под шифером, домов косо отражалось, плавилось густой желтизной заходящее солнце. Последние лучи его пронизывали листву в садах и ивах вдоль тихой речушки, перекрытой деревянным ненадёжным мостом. Карташов узнал одноэтажный суд, где ему выдали под расписку исполнительный лист для передачи на хлебоприёмный пункт, и военкомат, куда его вызвали встать на учёт. В нём он ещё разговорился с высоким и худым капитаном — лица его он уже не помнил — и оказалось, что служили

они в одной дивизии на Дальнем Востоке, только в разных полках. Нашлись общие знакомые, и состоялся праздник души.

Шамиль раза два останавливался, выходил поговорить со знакомыми, они оглядывали машину, пинали со знанием дела пыльными сапогами в колёса, говорили что-то по-татарски, смеялись, мельком взглядывая на Карташова. У них были медные, обожжённые солнцем лица, чёрные со взбухшими венами руки. Чувствовалось, что они рады случаю отдохнуть после тяжёлого рабочего дня в праздном разговоре со знакомым человеком и, может быть, бывшим собутыльником.

Карташов обрадовался, когда выехали из села, снова открылось ровное поле, золотая пыль стояла в чистом зеленоватом воздухе, горизонт стал дымным, приглушённым, зато небо налилось полной, ничем не замутнённой голубизной. «Рублёвская голубизна», — подумал Карташов. Улыбнулся своей привычке всему находить штампованные сравнения. Обратился к Шамилю, не очень надеясь, что тот поймёт его:

— Сколько живу в Сибири, а родней вот таких полей нет. Сопки, тайга, поля по холмам — красиво, привык. Но что-то здесь есть такое, от чего щемит сердце. Правда, попадаются похожие места...

— Как что? — перебил его Шамиль сердито, устремив на него чёрные свои глаза, и косивший глаз опять смотрел прямо. — Как что такое? Родина есть родина.

А когда проехали потемневший, ставший как будто гуще и воинственней от подступивших сумерек сосновый бор и въехали в посёлок, Шамиль спросил:

— Габдуллу абый видеть хочешь?

— Разумеется.

Почему-то Карташов так и предполагал увидеться со старым кузнецом — не дома, а на улице. Просто дома им ни разу не случалось вместе бывать — только в кузнице и на улице — у магазинов, вблизи вокзала... И действительно, Габдулла абый сидел на лавочке, у входа в свою казённую квартиру в барачном доме, разбитом на отдельные секции, без скучных пахнущих плесенью коридоров. Рядом с ним сидела его седая, худенькая жена, повязанная белым платком. Они шурились, глядя на приближающихся людей, и, поняв, что идут к ним, поднялись навстречу, улыбаясь белыми ровными зубами. Карташов вспомнил, что он и прежде радовался этим целым красивым зубам, словно они принадлежали ему самому.

— *Исамесес*, — поздоровался Карташов.

— *Исамесес*, — ответили они вместе: крепким и полным, как вздох мёда, голосом бабай, и дребезжащим, словно губная гармошка, — его жена.

Конечно, старик сдал; сейчас, прикинул Карташов, ему было, пожалуй, где-то под восемьдесят. Совсем побелели его редкие и длинные, как у запорожца, усы. Плечи под простой белой рубашкой навывпуск, подпоясанной узким ремнём, обвисли и стали словно поуже. А необъятная ладонь, в которой, бывало, легко умещалось лошадиное копыто, сделалась мягкой, без твёрдых, как шляпки костылей, мозолей. Но, в общем-то, он оставался молодцом — высоким, крепким, из тех, что в прежние времена составляли царскую гвардию гренадеров...

— Узнаете, Габдулла абый? — спросил Карташов.

Старик ещё больше сощурился, наклонил голову влево, потом вправо, словно перед портретом в картинной галерее.

— Узнаю, малай! Ты с Василием Даниловым работал на КПП, из жести диффузоры делал. Правильно, *малай*? И зовут как, тоже помню — Николай.

Карташов искренно поразился. Проработал он не со стариком, а рядом с его кузницей, в мехмастерской, чуть больше месяца, прошло пятнадцать лет, тогда у него и усов ещё не было — и вот Габдулла абый узнал его почти с первого взгляда. Он

тщетно пытался вспомнить, что означает «КПП», — явно, не контрольно-пропускной пункт, но умолчал, чтобы не отвлекать старика от более важного разговора.

— А это дочка твоя? — старик коснулся головы девочки огромной ладонью. — Большой, однако, красивый. Как зовут? Чай, *малай*, пойдём пить.

— *Рахмат*, Габдулла абый. В другой раз, вы простите. Вот Шамиль торопится.

— Где живёшь? Кем работаешь? Вижу, учёный стал, это хорошо... Сибирь живёшь, инженером работаешь — молодец, *малай*.

Старик сидел на скамейке, глядя на Карташова снизу вверх, положив ладони на колени, и во взгляде его, в том, как он слушал, немного напрягаясь — наковальня и кувалда сделали его туговатым на ухо, — чувствовался неподдельный интерес, соучастие, житейская мудрость, которая даётся долгим вдумчивым трудом и размышлениями по поводу конкретных случаев. А Габдулла абый умел обобщать. Уже много позже, читая книжки Гастева и Керженцева по научной организации труда, Карташов с удивлением обнаруживал, что Габдулла абый дошёл до всего своим умом и следовал на практике тем же трудовым установкам: «Ты, *малай*, не спеши работать, всё подготовь, всё положи удобно: если инструмент левой рукой держать — слева, если правой рукой — справа... Надо, *малай*, удобно работать, себя ломать не надо. Дышать всегда надо хорошо, свободно — грудь давить нельзя...»

Его было интересно слушать; за каждой мыслью пульсировал многолетний опыт. Он и каждой вновь выкованной детали радовался, осматривал её, ещё горячую, и, поворачивая в щипцах, спрашивал: «Как, *малай*, *якши*? Хорошо?» И акцент, и неправильный русский в устах умного кузнеца были приятны Карташову, привычны с детства, когда он жил в окружении татар.

— А дядя Вася Данилов отсюда не уехал? Здесь живёт? — спросил Карташов.

Данилов приехал сюда из Казахстана — работал там обходчиком на каком-то полустанке — и мечтал подкопить денег и вернуться на прежнее место — в голую степь, в холодный барак. Но с накоплениями никак не получалось: едва на руках оказывались заработанные гроши — он пропивал их. Причём пил вместе с женой, маленькой крикливой старушонкой, иногда приносившей ему в заготзерно супец или варёную картошку с квашеной капустой на обед. Восьмидесяти копеек на обед в здешней столовой у него никогда не было. Да если и были, то он предпочитал на них выпить четыре кружки разведённого водой и приправленного содой для пены пива.

— Умер Данилов. Недавно умер, весна, май, наверно. Пил он, *малай*, *булна шибко*! А пить разве можно? Зачем пить? И так, *малай*, жить весело... А ему шестьдесят пять было, молодой ещё, и всё пил да пил. Пришёл утром в магазин рано — опохмелиться хотел, пива просил, а продавец отказался давать, сказал, только в одиннадцать власть разрешал. Данилов сел на завалинку, на солнышка грелся немножко — и умер. Я на фронте пил мал-мал, когда сто грамм старшина давал, и махорка курил. А война кончался — бросил. Кузнеца сила много нада. И зачем голова дурной делать? Куришь, пьёшь — думаешь плохо, память худой бывает, сила нет...

Карташову было жаль дядю Васю, мужика, действительно, беспутного, говорливого, к пятидесяти годам сохранившего, может быть, не больше шести зубов, небритого. Он курил махру, рассказывал разные истории из своей жизни. Ругал жёсть и молодых, вечерами крутил патефон, играл на гармошке, по выходным уезжал куда-то рыбачить. Бывало, прогуливал и любил схватываться с нормировщиком, одноногим Абдрахманом, одетым в неизменный офицерский китель. Диффузоры для вентиляции делались из миллиметровой жести по чертежам. Дядя Вася очень этим гордился, говорил, глядя в след ухотившему Абдрахману: «Попробовал бы ты, чёрт хромой,

сделать эти *валторны!* Смотрел бы, небось, как баран на эти чертежи, хрена с два что бы понял...» И потом хвалился, как по пьянке привёл к себе толстую буфетчицу с вокзала: «*Наяриваю* её на полу, как на гармошке играю, — и тута откуда ни возьмишь моя вваливается: «Ах ты, кобель старый! Ах, ты сука толстожопая!...» Буфетчица за поллитровкой сбегала — и миром все уладили...»

— Пойдём, малай, к нам чай пить, чего мы здесь говорим? — повторил Габдулла-абый.

— *Айда, айда*, — сказала его жена, приподнимаясь.

— *Рахмат, рахмат*, — поблагодарил Карташов стариков поспешно.

Он бы, в общем-то, с удовольствием посидел с ними, только не хотел их беспокоить. Всё и без долгой беседы было ясно: Габдулла абый остался прежним, и завидным почему-то Карташову представлялся его длинный путь, где всё было чисто и честно, как надо. И землю он покинет без долгов, справедливо рассчитавшись с прошлым и будущим.

— Спасибо, *малай*, не забыл, зашёл, — сказав Габдулла абый, обнимая на прощание его ладонь своей необъятной кистью. — Прощай на всякий случай. Старый я делаюсь, всё, *малай*, может быть...

Он добродушно засмеялся в свои запорожские усы, подмигнул и добавил:

— Однако лет двадцать ещё жить будем, потом Данилова искать пойдём.

Карташов посмотрел на дочь. Она сдержанно улыбалась и не отстранилась, когда Габдулла абый провёл ладонью по её расчёсанной на прямой пробор голове.

— Сын у него тоже кузнец, — сказал Шамиль, выводя машину с обочины на дорогу. — В заготзерне заместо отца работает. Больше десяти лет уже — сразу, как из армии пришёл. Ничего, говорят, хороший кузнец.

А Карташову вдруг вспомнилось, как Габдулла абый выходил по воскресениям прогуляться по посёлку в чёрном чистом костюме с медалями и орденом *Красной Звезды*, шёл на вокзал, сидел там на скамейке с мужиками в железнодорожной форме и беседовал, ухмыляясь в усы.

«Одежи много, малай, иметь не надо, поучал он, снимая с телеги разбитое колесо. — Один костюм — работать, другой — отдыхать и в гости ходить. А кушать хорошо надо — сила будет, работать охота будет...»

Вечером, перед сном, дочь неожиданно сказала:

— Мне, папа, дедушка понравился, напomini, как его зовут. И расскажи мне о нём что-нибудь. Я, когда домой вернёмся, хочу девочкам рассказать об этой деревне и о дедушке.

6

Карташов услышал со двора знакомый звонкий голос сестры и с трудом, боясь неосторожного движения, сел на постели. Идти навстречу сестре он не решился: накануне, после посещения кладбища, его сразил острый приступ радикулита. Нагнулся над тазом во дворе помыть руки, а разогнуться уже не смог, еле дошёл с помощью дочери до дивана. И удивлялся про себя, как вид могил матери и зятя, их коричневые фотографии на эмалированных овалах, привинченные к сваренным из покрашенной серебрянкой стали обелискам, сразил его на повал. Слёзы произвольно, сами собой, полились из глаз... Крест на макушке маминого обелиска сохранился, а никелированную звезду с могилы бывшего персека вандалы отвинтили. Смерть уравнивает всех, и за высокой железной оградой покоились христианка, раба Божия Евдокия и безбожный мусульманин и титулованный большевик Ахмет.

Сестра, к его удовольствию, совсем не изменилась, была такой же низенькой, полной, подвижной и звонкоголосой. Они родились от разных отцов и, очевидно, поэтому ни в их характерах, ни во внешности не проглядывало ничего общего. Он выглядел как бы подчеркнuto медлительным, вальяжным, меланхоличным, насмешливым. А сестра — вспылчивой и отходчивой, не очень разборчивой в выборе выражений, с душой, открытой любой радости и любому горю. Чёрные и круглые глаза её по-прежнему блестели, и, казалось, её не коснулись по-своему трагические перемены в жизни, обрушившиеся на неё за последние пять-шесть лет: смерть матери и мужа, распад шумной и дружной семьи. Две её дочери, Светлана и Ангелина, после окончания Казанского университета вышли замуж. Светлана, радиофизик, жила под Москвой — в Дубне. Ангелина, геолог-нефтяник, с мужем Володей, тоже геологом, получили направление в Башкирию, в Бирск. Сын Олег, третий по возрасту, после окончания авиационного института служил в армии — нёс дежурство в ракетных шахтах где-то под Саратовом. А младший, Альберт, нарушив все семейные традиции в получении высшего образования, после службы во флоте на Дальнем Востоке работал в Казани на заводе и учился на вечернем факультете с полгода в вузе. И вдруг махнул с другом в Мурманск — плавать матросом на рыболовном сейнере или траулере. Пишет, что учится заочно в мореходке — хочет стать штурманом или капитаном дальнего плавания.

— От чего бы это у тебя? — спрашивала Наталья Никитична, имея в виду его ридикулит.

— Не знаю. Есть предположение, что после кладбища. Мы вчера с Таней ходили туда. Увидел памятники с фотографиями — неожиданно, словно на живых наткнулся в этих зарослях... Потрясло.

У Натальи Никитичны мгновенно накатались слёзы, она привычно смахнула их кончиком платка, повязанного на шею, и мгновенно повеселела:

— Что поделаешь, Коля? Скоро и моя очередь. А пока что скучать некогда. Уже три внука — и все в разных местах. Жаль, ты Галю не застал — она тебя любит.

На обед Наталья Никитична позвала Шамиля и его жену Магинур. Они пришли, посидели недолго, после чая сразу встали и, понимая, что брату и сестре надо поговорить без посторонних, попрощались по-татарски. Наташа бойко отвечала им на татарском, вызывая лёгкую зависть у Карташова: прожить в Татарии все молодые годы и не изучить татарский — что может быть глупее?..

— Повезло тебе на соседей, — сказал Карташов.

— Не говори! Золотые люди. И Шамиль, и Магинур, и ребятишки у них — вся семья чудесная. А я и не знаю здесь никого плохих людей, ко мне все хорошо относятся. В общем-то, и понятно: в посёлке нет семьи, из которой бы у меня кто-нибудь не учился. Около двадцати лет в этой школе проработала — не мало.

В открытое окно тянуло тёплым ветром и за тюлем, в солнечном подвижном мареве по ту сторону зелёного, огороженного пряслами стадиона, Карташов видел на фоне леса белое здание строящейся школы, в которой сестре не довелось поработать.

— У меня с неделю назад Лена была, — сказала Наталья Никитична. — Хотел бы её увидеть?

— Конечно. А как?

Лена была его племянницей, дочерью другой его сестры, Марии, с которой он навсегда поссорился из-за первой жены. Мария не могла ему простить то, что он оставил сына, и он её понимал, только исправить что-либо было уже невозможно. Получалось странное: он поддерживал связь с её детьми — сыном и дочерью, они понимали друг друга и, он чувствовал, любили его. И муж сестры, Вадим, относился

к нему со сдержанной симпатией. А с Марией ничего не получалось: она не умела прощать.

— Я сейчас схожу на почту, позвоню Лене, и она приедет вечерним поездом, — сказала Наташа... Наталья Никитична.

— Мария её не отпустит.

— А Мария на курорте, лечит нервы. Что-то плохое у неё. Внезапно начинают холодеть и синеть руки. Лена тебе всё расскажет о Косте... Признайся, ты бы хотел его видеть?

Карташов помедлил, обдумывая ответ.

— Дело не во мне, — сказал он. — Хочет ли он видеть меня? В таких делах легко наделать глупостей. Рационализм здесь, пожалуй, уместней сантиментов.

— Да Костя давно всё знает! У него же другая фамилия, чем у отчима и матери, наша фамилия. А парню пятнадцать, и он же не дурак. Он Лене сам сказал: хотел бы увидеть отца... Я тебе хочу открыть один секрет, только не выдавай меня, ради Бога. У Марии с Вадимом жизнь с самого начала не ладилась, их только дети и держали. Она несколько раз от него хотела уйти — то к первой своей любви, врачу, который живёт на Сахалине. То к какому-то мужику — познакомились на курорте несколько лет назад. Перед Димой не таилась — говорила ему прямо, и он у неё в коленках валялся. Представляешь, Коля?.. А перед отъездом на курорт побывала у меня, на кладбище сходили и потом почти всю ночь не спали — разговаривали. Зря, говорит, я Кольку осуждала: разве можно жить, как я, не любя. Когда каждое движение, каждое слово, манера есть, двигаться — ну всё буквально бесит, раздражает...

Ничего нового в Наташиных словах для Карташова не было: Мария и ему говорила, что сто раз пожалела, согласившись выйти замуж за Вадима. Они вместе окончили Казанский техникум связи перед самой войной — она телефонисткой, он радистом, — и он всю войну писал ей с Ленинградского фронта. Но она не любила его — отвечала на письма из уважения к фронтовику и однокурснику. А он приехал через год после окончания войны в Казань, почти сразу после её возвращения из Ворошиловграда, где она работала на восстановлении телефонной станции, и как-то сумел её уговорить выйти за него. Может потому, что в Ворошиловграде она пережила тяжёлую драму расставания с красавцем-офицером, признавшимся, что до войны он был женат, а теперь ему надо возвращаться к жене и ребёнку в Харьков. За время войны он их потерял. Думал, что они погибли в оккупации или при эвакуации, и вот неожиданно нашлись. И первая её любовь, одноглазый весельчак и добряк Мишка, в войну, потеряв связь с Марией, женился на Сахалине. Потом какими-то путями отыскал её адрес и умолял простить его и начать счастливую совместную жизнь. Словом, всё перемешалось в вятском королевстве... И вот новый сюрприз, преподнесённый жизнью Марии — на сей раз от непорочного, всеми уважаемого, Почётного гражданина города *Вятские Поляны* Вадима Ивановича Бажанова!

— Ты только представь, Коля, что этот тихоня натворил! — широко раскрыв свои и без того всегда округлённые вишнево-тёмные глаза, говорила Наташа. — Оказывается, у него в Ленинграде живёт его ППЖ — *полковая походная жена*. У них и дочь есть — в сорок четвёртом родилась, во время войны, в Ленинграде. А Марию всю их совместную жизнь упрекал, что она ему досталась не девушкой. В первую ночь сказал ей: «Видишь, какой я не опытный? Это у меня в первый раз...» Ну не ханжа ли? Сбежал от своей фронтовой подруги, нашей Мусе жизнь изгадил, а ума не хватило скрыть всё. Твоя бывшая жена, Галка, недавно Марии эту новость на хвосте принесла. У неё подруга на почте работает — так она, как гоголевский почтмейстер, может вскрыть любое письмо из любопытства. Вот ей и показалось интересным, почему

это Вадим Иванович, человек в городе известный и в некотором роде Галина родня, вдруг получает письма до востребования. Вскрыла одно, второе письмо, не утерпела — и с Галей поделилась. Галя тоже потерпела сколько-то, и всё выложила Марии. Письма идут ему от какой-то Маргариты и его дочери Альбины из Ленинграда: когда он сможет приехать, не может ли помочь дочери деньгами на покупку зимнего пальто?.. А Вадим в Питере действительно бывал по два-три раза в году — в командировках, в отпуске. Предлог у него есть уважительный: там старший брат его, Аркадий, главный инженер какого-то треста, живёт ещё с войны. Он и Вадима куда-то неплохо пристроил, когда он из армии демобилизовался и год прожил со своей *фронтовой подругой* и дочкой... Представляешь нынешнее состояние нашей сестрички, Коля? Тут не только нервы сдадут, мозги могут свихнуться! Не знаю, чем у них закончится эта катавасия. Не даром Бог заповедовал роду людскому: не судите да не судимы будете!.. И Мария сейчас спохватилась: зачем я на Кольку так напустилась, брата потеряла?

От старой атеистки и коммунистки было немного странно слышать тёплое упоминание о Боге. При ней и родная мать перекреститься не решалась. А бронзовую иконку, завёрнутую в головной платок, в котором иногда посещала церковь в Вятских Полянах, прятала под своей подушкой.

— Вот какая драма-пиковая дама, — только и смог на всё это произнести Карташов. — А Вадим уже знает о своём разоблачении?

— Пока нет. У Марии характер не наш с тобой — кремень! Сказала, вернётся с курорта, разберётся с ним по-своему... Ну ладно, Коля, сбегая на почту, позвоню Лене — пусть приедет...

7

И вечером Лена действительно прикатила на электричке из Вятских Полян в Шемордан. Она примчалась с вокзала запыхавшаяся, раскрасневшаяся, в красной вязаной кофточке, в чёрных брюках, хорошо сложенная, с распущенными, едва ли не до пояса, прямыми волосами.

Странно, глядя на неё, думалось Карташову, что, уволившись из армии, казалось, относительно недавно, — лет семнадцать тому назад — он впервые увидел Ленку в распашонке, подпрыгивающую в детской кроватке. Она была крикливой, надоедливой девчонкой. А сейчас ей за двадцать, она студентка четвёртого курса химико-технологического института, у неё красивые глаза и губы, матовое лицо, нежный голос, хорошие манеры и подкупающее умение быть искренней. Ему понравилось, что она сразу заговорила с ним на «ты», подчёркивая этим родственную близость с ним. И с Таней она моментально сошлась, хотя и видела её впервые. Всё было просто у этой девушки; она, по-видимому, легко адаптировалась и к новой обстановке, и к людям.

Он лежал, злясь на свой радикулит, а Лена сидела рядом на стуле, положив ногу на ногу. Таня примостилась на краешке постели, в ногах у отца.

— Конечно, поедем к нам, — говорила Лена. — Папа тебе радикулит вылечит моментально. У него всяких снадобий — пропасть. Ты помнишь, наверное, что у него радикулит с войны?

— Помню. С блокады, с ленинградских болот. У него и других болезней много.

— С годами ещё прибавилось. Но он молодец, с каждым годом все энергичней. Сейчас рыбалкой увлёкся, такой заядлый стал браконьер — сам увидишь!.. Рыбу по соседям раздаём — некуда девать. А Костю я к нам приглашу — поговорите с ним. Он давно меня просил показать тебя — хотя бы на фотографии.

— Пожалуй, надо об этом сказать его матери, Гале. Спросить разрешения.

— Да-да, я как-то это упустила. Ну и я ей скажу. Она, помнится, заикалась о том, что пора всё рассказать... Пстой! Так её, по-моему, и дома нет! Она собиралась поехать с младшим сыном в деревню, в Тойму или Мухино, — к родителям её мужа. А с Костиной бабушкой я всегда договорюсь, мы с ней как подружки.

И потом она с увлечением и очень живо, часто в лицах, с передачей всех интонаций, стала рассказывать забавные истории о Косте — о его рассеянности, доверчивости, граничащей с простофильством, о честности и его трагической неспособности к математике. Из-за этого он еле-еле переходил из класса в класс.

— И это бы ничего, многие успевают не лучше, — говорила Лена. — Но, понимаешь, дядя Коля, отчим не порядочный, злой, он ему этим постоянно в глаза тычет. Вот, мол, Гарик — это его сын, он в четвёртом классе — отличник, а ты дурак... И, ясно, Косте обидно, он подавлен этой своей неспособностью. Как-то бы ему восьмой надо закончить. И потом — в техникум или в ПТУ. Мама говорит, что поможет. Она ведь как-никак завуч в их школе, у Кости в классе историю два года вела. Маме в этом году орден Трудового Красного Знамени дали, но она очень больна, дядя Коля, и довольно часто говорит о вас — жалеет, что у вас так с ней получилось...

Карташов слушал и виновато поглядывал на дочь. Лицо у Тани оставалось непроницаемым. До неё, казалось, не доходило, что речь шла о собственном брате. Только на что-то весёлое она отзывалась добродушным смехом. А тяжёлая житейская суета её не трогала, и она сторонилась не связанных с ней непосредственно забот и тревог, предпочитая бытие без участия в проблемах родных или знакомых ей людей.

Иногда Лена вдруг останавливалась говорить, смотрела пристально на Карташова, хлопала в ладоши и восклицала:

— Надо же! Как вы похожи с Костей. Внешне — само собой. А главное — привычки. Смотреть вот так отсутствующе, качать головой. И как это только передаётся? Ведь вместе вы нисколько не жили!

Карташов не находил, что ответить — не разводите же антимию о генах, — и больно ему было, словно он стоял у свежей могилы.

8

Автобус шёл по длинной дамбе, отделявшей станцию от города. В половодье в мае — в июне, вспомнилось Карташову, безобидная речушка Ошторма разливалась, и по краям дамбы, на месте нынешних огородов, долго голубела спокойная неглубокая вода с торчащими из неё зарослями тальника.

— Смотри, дядя Коля, как наш город расстроился, скоро ни одного дома деревянного не останется, — сказала Оля.

Он уже видел, что на горе, на месте бывшего «Сахалина», стояли многоэтажные дома, а завод, ради которого и строился город, разросся, бетонные корпуса прикрыли старые, красной кирпичной кладки здания, выросла ещё одна труба у ТЭЦ. Его не удивляли эти перемены. По Союзу ездил он много — чуть ли не по всем пятнадцати республикам — и везде наблюдал то же самое: новое молодым сильным плечом вежливо, но напористо отодвигает или ломает старое.

— Я выйду на две остановки раньше вас, сразу заеду за Костей — это как раз по пути, — сказала Лена. — А вы поезжайте домой.

И она назвала остановку и адрес.

Карташова эти буднично сказанные слова испугали, он беспомощно посмотрел сначала на Лену, потом на дочь. Таня неопределённо улыбалась — она была по ба-

бушке, его матери, и редко открыто проявляла свои чувства. Зато Лена смотрела на дядюшку сочувствующе, на её добром широком лице отражалось любое движение души.

— Хорошо, — сказал он, а сам чувствовал, что в тело проникает противная дрожь.

Так бывало перед трудным экзаменом, перед тем, как войти в аудиторию — дёргать билет.

От остановки они шли медленно, проклятый радикулит охватывал поясницу тяжёлым свинцовым поясом. Любое неосторожное движение доставляло острую боль.. Ему не верилось, что, может быть, через несколько минут он увидит своего сына. В его отпускные планы это не входило... Думалось, есть отчим, которого он зовёт «*папой*», и пусть этот папа не совсем хорош — пьёт, дебоширит, уходит из семьи и вновь возвращается, — но он Косте всё равно ближе неизвестного, родного только по крови, отца. Алименты, даже и большие, не в счёт — это по закону. Да и не хотелось быть похожим на киногероев — раскаявшихся папаш-бродяг, появляющихся на экране в самые счастливые минуты, чтобы испортить всю обедню.

Дочь отобрала у него портфель и терпеливо вела под руку, повторяя: «Осторожней, папочка!.. Осторожнее, здесь снова неровно...» Она, казалось, и думать не думала о предстоящем. Его даже покорило от этой бесчувственности. Он всё время оправдывал себя тем, что делается это ради дочери. Рано или поздно у неё не будет ни отца, ни матери, зато останется брат, а братья, как правило, любят сестёр, и, значит, она не будет одинокой.

— Ох, как вы медленно идёте! Я уже обо всём договорилась. — Это была Лена, она запыхалась, нагоняя их, но Карташов понял, что не в этом причина её возбуждения. — Тётя Галя, к сожалению, оказалась дома. Я ей всё сказала, она согласилась прислать Костю, только не сейчас. Часа через два... Говорит, потеряла голову, не знает, что делать. Предупредила только, чтобы не говорили, что ты его отец. Дядя мой или что-нибудь в этом духе... Ты сумеешь себя сдержать? Не подведи меня, дядя Коля!

— Конечно.

И впрямь — вся жизнь игра. Вот он снова — герой мелодрамы. Редко приходится ставить свои условия, а сейчас ты явно — в побеждённых.

Потом он лежал, не снимая галстука и жилета, на диване с электрогрелкой, подложенной под поясницу, и переключателем изменял температуру — то больше, то меньше, — смотрел на трёхрожковую пыльную, давно не модную люстру под потолком и думал. Зять был на работе, ему позвонили, он сказал, что постарается сегодня прийти пораньше — часам к шести. Он на заводе был видной фигурой — главным энергетиком, — работал здесь больше двадцати лет. Да и родился он в этом городе. Медлительный, рассудительный, нудный временами. Лишённый, казалось бы, эмоций рационалист. Во всём система, всё по полочкам, по папкам, ко всякому явлению и поступку — готовая моральная мерка. И смоделировал свою жизнь по хорошо продуманной схеме, и умело притворялся счастливым. В мужестве и терпении трудягезятку не откажешь. И вот образцовая семья стоит перед новым испытанием... Оба — и он, и жена — орденосцы, сын — в аспирантуре, дочь заканчивает институт. Но нечто мрачное витает, накапливается в этих стенах — как метан, который сестра может взорвать после возвращения с курорта... А ты в этом доме не очень желанный гость. Сам напросился.

Лена сбегала в магазин, быстро протёрла пол влажной тряпкой и скрылась на кухне. Таня уткнулась в книгу. Карташов нетерпеливо посматривал на часы, пытался сосредоточиться и выработать линию своего поведения с сыном и с тоской понимал, что фальши не избежать.

Чтобы отвлечься, принялся сравнивать свой быт с тем, что бросилось в глаза в доме сестры.

По-прежнему просто живут люди, квартира в три комнаты, мебель потёртая, смешанная, никаких гарнитуров, всё самое необходимое. Зато ты оброс, заставил всё чешским блеском, нигде ни пройти, ни сесть, кажется, весь воздух вытеснен из квартиры лоснящимися заграничным самодовольством ящиками, коврами, хрусталём... И со второй женой всё сложилось отвратительно. И, может, прав был ныне покойный декан Попков, спустив на непокорного студента собственного *полкана*. А потом натравил на него *комсомольских волчат*. Но не только история, но и жизнь любого индивида не терпит сослагательного наклонения.

— Волнуешься, дядя Коля? — выглянула с кухни Лена.

Карташов кивнул головой. Никогда ему не грезилось, что всё так произойдёт — прозаично, даже как бы между прочим. И есть в этом что-то нехорошее, искусственное, словно ты собираешься заглянуть в замочную скважину.

— А ты, Таня? Волнуешься?

Таня посмотрела на Лену с рассеянной улыбкой и неопределённо пожала плечами. До неё явно не доходило, что сейчас она встретит брата — ей просто было не знакомо это чувство.

Наконец, раздался тройной, явно условный звонок. Только это пришёл не Костя, а худощавый, порывистый парень с широкими бровями, очень деловитый, сухой в обращении, одетый в белую нейлоновую рубашку. Знакомясь, он посмотрел на лежащего Карташова вскользь, без улыбки, не счёл нужным спросить, почему это дядя лежит, не хворает ли, а тут же стал разговаривать с Леной.

Карташов догадался, кто это: слушатель морской академии, приехавший в отпуск из Ленинграда, Ленин одноклассник. У них дело идёт к свадьбе — не в этом, так в следующем году. Об этом ему, тоже по секрету, поведала Наталья Никитична. Мрачноватый супруг для светлой и доброй Лены. В Карташове шевельнулась неприязнь к парню, и он был рад, когда тот ушёл.

— Собираемся завтра на рыбалку, — сказала Лена. — Сразу на двух лодках едем. Вот Валерка бегаёт, подготавливает моторы, снасти. Плыть далеко — километров за сто пятьдесят, у них там какое-то рыбное место есть. Даже стерлядку оттуда привозят. Валерку с отцом моим водой не разольёшь — настоящие друзья.

Да, всё предусмотрено у Вадима Ивановича, Лениного папы, запрограммировано: и своего будущего зятя он уже взялся обрабатывать заранее, чтобы тот впредь оглядывался на тестя, прежде чем обидеть Лену. В этом и заключается ум — в способности прогнозировать и свои, и чужие поступки. В чём-то Вадим Иванович похож на Габдуллу-абыя, обстоятельностью своей, что ли?.. Но прокол с его *фронтальной женой* многое может свести на нет. И на старуху бывает проруха!.. Был бы желателен, конечно, мирный исход этой истории, но твоё участие здесь ничего не решит и, безусловно, только навредит...

9

И снова завершал дверной звонок — сначала ненадолго, а потом пошли короткие, как морзянка, послышки.

— Ну, это, конечно, Костя! — выскочила с кухни Лена.

В цветном просторном халате она стала больше похожей на свою мать, хотя по восточному разрезу глаз и очертанию губ она, пожалуй, больше унаследовала от отца.

Карташов заволновался, хотел встать, но затем решил, что лучше лежать — так естественней. И, может быть, таким и запомнит его Костя: не исключено, что это их первое и последнее свидание. Он с беспокойством взглянул на дочь. Она сидела с раскрытой на коленях книгой и смотрела на дверь. Слышно, как мальчик снимет в коридоре ботинки и что-то говорит Лене.

— Здравствуй, Костя! — ответил Карташов на не совсем явственное приветствие сына.

Действительно, красивый мальчик — смуглый, высокий, угловатый, не сложился ещё. В каждом суставе как бы пружинка, и от этого движения немного кукольные, не скоординированные.

Карташов пожал тонкую руку сына, пробормотал «дядя Коля», перехватил удивлённый взгляд мальчика, но тот уже подошёл к Тане, тоже пожал ей руку, сел на стул и положил ладони на колени.

— Накупался я сегодня, целый день провёл на пляже, на Вятке, — сказал он, прямо глядя на отца прозрачными, словно промытыми вятской водой, большими глазами, выразившими какое-то непонятное ожидание или надежду. — А я вас уже видел.

— Где? — спросил Карташов.

— На фотографии у тёти Ани, маминой сестры, которая в Сосновке живёт. Вы туда на похороны ездили, когда у неё Олег умер. Сын её. Вы там у гроба сфотографированы.

— Хорошо, что не в гробу, — усмехнулся Карташов, вдруг, словно тогда, ощутив трупный запах, смешанный с хвоей и тройным одеколоном.

Мальчик немного смутился и засмеялся.

Он отлично помнил этот случай. Девятнадцатилетний Олег, красивый и необычайно весёлый и разбитной парень, приехавший домой на каникулы из Казани, умер на рыбалке в лодке от солнечного удара и кровоизлияния в мозг. В институте шла летняя сессия, и Карташов, получив телеграмму от жены, смог приехать на похороны всего на одни сутки.

— Давайте чай пить, — быстро вставила Лена. — Ты ведь, Костя, конфеты любишь?

— Люблю. Давайте чая. А вы откуда приехали?

— Из Сибири. Я Ленин дядя.

— А я свой город люблю. У нас здесь хорошо, я никуда не хочу. Больше всего мне нравится Вятка, я в ней могу по десять раз в день купаться.

— Поэтому и уши у тебя снова болят, — сказала Лена.

— Не болят, закладывает как-то. Осенью всё пройдёт, когда купаться негде будет. Я нырять люблю.

Он говорил оживлённо, весело, ему, верно, доставляло удовольствие рассказывать о себе.

— У меня в детстве тоже уши болели, — сказал Карташов. — Осложнение после малярии. Все барабанные перепонки были перфорированы — в мелких дырках. Врачи говорили маме — могу оглохнуть. Ничего, прошло... И я, как и ты, до сих пор люблю нырять.

— Да? — удивился, расширив глаза, Костя. — А вы кем работаете?

— Инженером.

— Костя, помоги мне на стол собрать, — сказала Лена. — Поговорим за чаем. Он молодец, всегда мне помогает. Даже пол мыть напрашивается.

Когда собрали на стол, Карташов отключил грелку и осторожно перебрался с дивана на стул. Теперь он сидел в торце стола, и слева от него была дочь, а справа — сын,

похожие друг на друга и на него. За окном перебирали солнечный свет листья тополя, точно сочиняя импровизированную цветомузыку.

— А у вас что? — спросил Костя.

— Радикулит. Никогда такого сильного приступа не было... Расскажи, как ты учишься?

— Плохо. На *троечки*. По математике *двойки* часто бывают — *не секу* я в ней.

Костя засмеялся, словно сказал, что-то весёлое. Тане стало смешно. Похожи, очень похожи, сразу скажешь, что брат и сестра. Красивые ребята, ресницы одни чего стоят — чёрные, загнутые вверх. У обоих здоровые загорелые лица. Костя шепелявит — один в один, как и папаша, а дочь немного картавит, как эмигрантка, родившаяся где-нибудь во Франции.

— Жаль, что не ладишь с математикой, — покачав головой, сказал Карташов. — Ты куда после школы думаешь?

— В морфлот. Восьмой класс закончу — пойду в училище. А есть такое?

— Не знаю. В Казани есть речное училище.

— В речное не хочу — в морское. Мне дядя Боря, который в Киеве живёт, обещал помочь устроиться. Я к нему ездил на каникулы в прошлом году. У них квартира в Дарнице.

— Тогда математику тебе тем более надо знать. Без неё вряд ли поступишь. Туда наверняка конкурс.

— Не получается никак. Ну, ничего, как-нибудь. Вся надежда на дядю Борю.

Карташов не стал разочаровывать сына: он вспомнил его дядю, слесаря-лекальщика; Галя вызвала брата из Киева как палочку-выручалочку, когда Карташов подал на развод. Борис день начинал с «огнетушителя» краснухи. Наливал только себе и убеждал зятя, что делает он очень нехорошо: «Ты, я так понимаю, той своей девахе сику набок свернул и слово дал, что женишься на ней!.. Да плюй ты на своё слово! У тебя сын — об нём башка пусть болит...» К вечеру «спаситель» напивался и мог только невнятно мычать, вызывая в Карташове чувство брезгливости...

От второй чашки чая Костя отказался.

— Лучше пластинки прокручу. Райкина вы любите? Я тоже. Сейчас поставлю.

Он открыл широкую тёмную тумбочку, на которой стоял «комбайн» — старый телевизор с приёмником и проигрывателем, и стал выкладывать на стол кипы пластинок.

— Ты что читаешь, Костя? Какие книги? — спросил Карташов, надеясь услышать что-нибудь утешительное: может, он в литературе силён?

Костя перестал перебирать пластинки, задумался и ушёл от ответа, перехватив инициативу.

— А я этим летом чуть на плотях не утонул, — сказал он. — Сорвался с бревна — и под плот! Ну, не растерялся. Головой чувствую — надо мной бревна. Глаза открыл — вижу, где вода светлей, я туда грести, грести — и вынырнул за плотом... По-моему, ничего не надо бояться. Меня один раз пацаны из нашего класса хотели побить. А я их сам позвал во двор, встал спиной к забору и сказал: «Ну, *beïme!*..» И никто меня не ударил, засмеялись только. А и побили бы — так что? Оклемался бы! Я смешное люблю, люблю других посмешить. И на уроках тоже...

У Карташова вдруг сжалось сердце — он тоже любил клоунаду, не раз за это вылетал из класса, а в армии получал наряды вне очереди. За каких-то полчаса мальчишка сделался близким ему. Не так, как дочь — сравнение это и делать ни к чему, — только знал он, что с этого дня он навсегда лишится покоя. Абстрактное понятие — «сын» обернулось для него теперь живым, добрым человеком, говорившим на местном диа-

лекте — врястяжку, с нажимом на букву «о». Издали ему самому и из рассказов той же Лены Костя представлялся забитым, несуразным парнишкой, обиженным судьбой. И вот ничего подобного: нормальный парень, интересный, начитан, правда, маловато, не то, что его дочь, изучающая музыку и английский в специальной школе. Зато в нём чувствуется щедрость и открытость души. Что-то от поэтов, умеющих всему удивляться.

Как трогательно слушает он пластинку, приоткрыв полные губы, стараясь не пропустить ни одного слова. И смеётся искренно и радостно, будто слышит всё это впервые. И неожиданно выключает радиолу и говорит:

— Я пойду.

— Что ты, останься ещё, — сказала Лена. — Куда торопишься?

— А чего ещё здесь делать? Я пойду.

— Он всегда так, — сказала Лена виноватым голосом. — Не остановишь.

— А что, если в кино сходить? — предложил Карташов.

— Можно, — согласился Костя.

Карташов надел пиджак, — кажется, радикулит не так давил на поясницу, — и они вышли во двор, покрытый густыми тенями от тополей и лип. Он медленно шёл между детьми, поглядывая на них с застывшей усмешкой. Лена легко шагала немного в стороне, рядом с Костей, и внезапно Карташов почувствовал себя старым — а это к нему приходило редко, всегда думалось, что главное впереди, — и подступило понимание, что кое в чём пора и подвести итоги — *to summit up*, как бы сказал Сомерсет Моэм. Куда-то пропала возникшая, было, непринуждённость, мальчик нервно кружил головой, торопился и не смотрел на Карташова.

У бугра, на котором одиноко стоял новый кинотеатр с замысловатой и безвкусной неоновой рекламой над плоской крышей, он резко остановился:

— Я не хочу в кино. Смотрел я этот фильм. Пойду домой!

— Жаль, — сказал Карташов.

Его угнетало чувство вины перед мальчиком. Но не удерживать же его силой? Да и что мог он ещё сказать?.. «*Я вернулся с состарившимся сердцем*», — пришли ему на ум прочитанные где-то слова. Не глядя ни на кого, строгий и замкнутый, Костя подал всем руку, подчёркнуто, как бы демонстрируя мужскую силу, сжал отцовскую ладонь и пошёл по тропинке вниз, к молодому скверу, не оглядываясь. Стройный подросток в зелёной рубашке с засученными выше локтей рукавами. На ходу он немного расставлял локти и махал руками не в такт шагам — почти по-детски, хотя и ступал уже твёрдо и споро.

— Мне кажется, он обо всём догадался, — сказала Лена, поджав губы. — Он на кухне спросил меня: «*А как его называть?*» Мы, наверное, сделали большую глупость...

ОДА МОЕЙ ДЕРЕВНЕ

Ты, конечно, знаешь и чувствуешь, как любят тебя твои сыны и дочери, которых ты народила много за свои 300 лет. Моя душа взлетала к облакам, когда я смотрел на твои улочки с высоты холмов, когда подходил пешком в детстве, возвращаясь из школы или подъезжая на телеге с покосов, лёжа в душистом сене. Я готов был обнять каждый твой домик, приласкать и пригладить каждый сарайчик и положить в ладошки каждый лоскуток огорода цветущей картошки. Сердце моё помещало в себе всех её жителей со всей живностью.

Я мог бы рассказать с любовью и нежностью о каждом жителе моей деревни, но это будет целая «Война и Мир» или энциклопедия. И моей короткой жизни на это не хватит. Но как можно не упомянуть моего дядю Сашу-кузнеца, у которого было прозвище «Хо Ши Мин» за его мудрость. Ни один человек не мог в деревне остаться без его характеристики. Язык его был острый и язвительный, его побаивались. Своим острым умом он мог любого осадить или высмеять. В одно время он был лесничим, и я часто летом пропадал в лесу с моими двоюродными Валерой, Люсей и Таней. Лес казался, полным тайн. Мы всегда находили там что-нибудь съедобное, а чаще просто играли в войну или прятки.

Моя красивая и добрая тётя Устя. Она возила меня на телеге на Троицу в село Ишуткино, где и крестила в церкви. Тётя могла часами сидеть и рассказывать все новости, пекла самые вкусные пироги и была заводилой на праздниках. Кто бы мог предположить, что жизнь её закончится в трагическом одиночестве.

Как можно не вспомнить Ивана Дмитриевича, который после хорошей выпивки приговаривал, поднимаясь в гору: «Опа-типа, опа-типа». Отступал и снова штурмовал пригорок. Его так и звали: «Опа-Типа».

В Ендурайкино имя Яков было почему-то распространённым. Верили в святых?!

Был у нас дядя Яша по прозвищу «Кино». Маленького роста, жилистый, с хитрым взглядом, любил он шутки-прибаутки, а больше сочинять и выдавать свои байки за действительность. Нам, несмышлёной детворе, это нравилось. Мы слушали, развесив уши, про то, как он слетел с элеваторной башни, как во время сна, когда он пас стадо, ворона свила гнездо на его голове, про летающую корову и всякую другую чепуху, над которой взрослые только посмеивались. Он был клоун — настоящий, народный. Спасибо дяде Яше, что он жил в нашей деревне, а не в другой, ибо я никогда бы не написал картину, посвящённую ему. Дядя Яша был артистом для всей деревни, ставил мини-спектакли, веселил народ в его отчаянной и однообразной жизни. Как смеялись мужики, бабы

и дети над его причудами. Без такого артиста теперь прошлое деревни Ендурайкино невозможно и представить. Наверное, он где-то теперь между раем и адом, потому что трудно представить его в смиренном райском состоянии, а в ад эта безгрешная душа и вовсе не должна попасть, ничего плохого, кроме добра, он не творил. Так и представляю нашего артиста в пути между раем и адом со стадом впереди и с кнутом через плечо, в потрёпанном и истёртом плаще с котомкой за спиной, где краюха хлеба, пара яиц, кусочек сала и лук. Дядя Яша всю жизнь был «дитём природы», как неотъемлемая часть пейзажа среди холмов моей деревни.

Картину «Вероятность полёта», посвящённую дяде Яше, я выставлял в Москве, Вене, Берлине, Нью-Йорке, Кёльне, Казани, Чебоксарах. Она всегда неизменно вызывала добрую улыбку у зрителя независимо от сословия. Значит, не зря были дяди Яшины чудачества.

Недавно смотрел на кладбище фотографию Дяди Яши. И даже там он оригинален – улыбается, и в шляпе.

Один неглупый человек сказал, что Родина там, где мне и моим близким хорошо. И он совершенно прав, ибо человек рождён быть свободным и счастливым. Эту философию я пытался примерить к себе неоднократно находясь далеко от своей деревни. И чем дальше я от неё уезжал, тем жгучее и сильнее становилась тяга к возвращению. Хотя с годами там всё поменялось: обветшали избы, многие дома исчезли вместе с жителями в пространстве времени. Нет той шумной и бурлящей жизни, нет несущихся телег и возниц по улицам, нет шумной молодёжи по вечерам. Особенно грустно по вечерам – тишина обволакивает душу и холодит мозг... Куда всё подевалось?

Но тем не менее живёт во всём память. И мне благостно от того, что я ещё могу прикоснуться к покосившимся плетням, пройтись по опустевшим улицам, поговорить с кем-то из стариков, подышать воздухом прошлого, а на родительский день ежегодно приезжать на кладбище, отдавая дань памяти всем своим самым близким и всем ендурайцам, которые родились из этой земли и туда же ушли. «Сантименты», – скажет скептик. Но именно эти чувства соединялись в одно понятие «Родина» для меня, когда, находясь за границей с выставками, часто слышал: «А не хотите ли Вы остаться у нас?» Я не осуждаю тех, кто выбрал этот вариант (моих коллег осталось там более чем достаточно). Человек волен и свободен в выборе места пребывания на этой земле. Марк Шагал всю жизнь тосковал по Витебску и, наверное, вернулся бы, если б не режим. Без корней Родины художник как растение без почвы... Может, слишком пафосно, но среди небоскрёбов Нью-Йорка я вспоминал насмешливые лица моих земляков и их своеобразную философию жизни... «а в согласии с природой жить, всё-таки, лучше!» А если мы все уедем в другие страны, а как же наша Россия. Она мне кажется образом моей мамы, которая с укором иногда смотрела на меня, без слов упрёка, если я что-то делал не так. Зато как радостно осознать, что ты представитель большой и сильной страны, и что есть много хорошего, чего можно сказать о ней.

БАЙКА О ДЕРЕВНЕ ЕНДУРАЙКИНО

Среди холмов и оврагов, с маленьким ручейком посередине, разделившим деревню надвое, разместилась Ендурайкино.

Само название загадочное, невольно наталкивает на склонение – Ендурай, Дурайкино, Ендурак и т. д. Не из этого ли корня возникли потом многие чудаки, которые проживали в этой деревне? Байка, которую рассказывали наши прадеды, сообщает

нам о том, что деревню основал некий беглец из разинской дружины, которую разбили царские войска под утёсом Федыки-Шелудяка на Волге.

Федька-Шелудяк — это кликуха, а в Ендурайкино все были с кличками, от рождения и до упокоя. Это ещё одно веское «досье» в пользу версии о разинских беглецах. И основал этот атаман поселение в глуши, среди лесов и оврагов, вдалеке от царских рук. И жил там народ самый разный: и казаки, и русские, и татары, и башкиры, и чувашаи. Но последних было больше, видимо, потому, что говорили жители свободного Ендурайкино на чувашском. Да и бежали от преданного Стеньки все в разные стороны, спасая свои несчастные головы: башкиры и татары — в степи на своих быстрых конях; мордва и марийцы — в леса; а чувашаи — по оврагам. И овраги у нас до сих пор глубокие, не скоро и разыщешь. Прадед мой Иван всем своим обликом напоминал стрельца картины Сурикова «Утро стрелецкой казни». Глаза так же зорко сверкали, особенно, когда сердился.

Ендурайцы даже в советские времена сохранили свой независимый гонон. Деревня попеременно переходила в собственность то одного колхоза, то другого. И никому она радостей не доставляла, кроме склок. А шалопаи-дети, приходя в соседнюю деревню на учёбу, попадали в разряд хулиганов.

Одним словом, бунтарский дух выпирал из всех щелей. Питался народ в этой деревне, чем бог подает: растил скотинку, косил траву для неё, сеял, как умел, хлеб, по осени играли свадьбу, а зиму коротали шалостями, самогоном и частушками, после которых рождались такие же ядрёные и настырные в жизни ендурайцы. И народилось их достаточно много, и разбрелись они теперь по всему свету.

БАЙКА ОТ ЯШКИ-КИНО

Жил в деревне Ендурайкино дед Яков. Звали его все Яшка-кино за его любовь к чудачествам, умение приврать. Сочинял байки, не моргнув глазом. Вот одна из них:

— Уснул я однажды у табунов. Просыпаюсь, а на голове гнездо! А в гнезде цыплята вороньи каркают. Так хорошо оказывается уснул, что и не заметил перемены времени в пространстве. Так вот и хожу с тех пор с гнездом на голове, только вот не всем это дано увидеть, только самым умным и мудрым. Приглядитесь — и увидите. Любят меня вороны. А однажды я с ними наперегонки летал с элеваторной вышки. Видите, как одёжка порвалась. Это от напора ветра, который в штанах свистел и щекотал. Эх, в рай бы слетать, да боюсь, не пустят меня. Люблю я иногда выпить и покуражиться, а там таких не любят. Там правильные должны быть, а я вот уродился такой, сам не знаю почему. Но вот взлечу иногда, и так хорошо сверху видно, кто чем мается. Радостно мне от этого и жить охота.

БЕСЕДА С КОЗЛОМ

Однажды, когда я приехал в деревню Ендурайкино, отец попросил меня попасть стадо овец вперемешку с козами. Заболел старик. А я с удовольствием погулял за стадом до вечера. И не зря.

Когда я прилёг от жары в тенёчек, то почувствовал, что кто-то около меня шебуршится. Открываю глаза и вижу — гордый и осанистый козёл дожёвывает краюшку хлеба — мой обед. Но какой у козла был вид! Как у человека, который сотворил вред-

ность кому-то, а потом наслаждается своим пакостным поступком, вроде бы говоря: «Ну как тебе это нравится?!»

Я быстро достал карандаш и начал рисовать. И вот что мне поведал козёл, пока я его рисовал: «Ни в одной мифологии мира нас, козлов, не изображают дураками. Это достоинство, которым мы гордимся. Нас, правда, нигде не рисуют рядом с вельможами в парадных процессиях и на трибунах. Даже в египетских пирамидах не нашлось нам места. В настенных росписях вы не увидите наши портреты. Там есть все: змеи, кошки, коровы, всякая прочая тварь, но нас поостереглись изобразить в усыпальницах фараонов. Почему?.. Но зато греки нас очень любили. Мы у них боги в образе Сатира или Вакха. Бог веселья, обмана и труда. Этот бог вас развеселит, заведёт куда угодно, но потом разбирайтесь сами. Он будет гордо, как сфинкс, наслаждаться вашим безумством и радоваться вашей глупости. А послушайте, как люди обзывают друг друга козлами. С оттенком уважения, хотя и несколько зло. Почитают нас. Как соперника, которого не смогли сломить или победить. А по-английски козёл звучит почти как бог. Гоад и гот — разница лишь в одной незначительной букве, и то последней, можно и не заметить. Важные мы от природы. Хотя и пасёмся подчас рядом с овцами. Но посмотри на нас, как можно нас сравнивать с ними. Ну ладно, вкусный был у тебя хлеб, жаль, что мало. Пожалуй, я пойду, найду что-нибудь ещё пожевать».

И горделивый козёл важно удалился на холм, встав там, как изваяние. А портрет плохой. Не зря же один американец попросил свой портрет именно в этой позе. Наверное, что-то действительно есть в этих козлах?

БАЙКА О ЛЕТАЮЩЕЙ КОРОВЕ

Когда-то, давным-давно, в деревне Ендурайкино появился телёнок с крыльями. И вымахал он в большущую корову с огромным выменем. Как только утро, она уже быстрее всех бежит на луг, на травку с росой. На обед домой прилетала, чтоб её подоили, и снова в поле. Летит и мычит. За день три раза на подои прилетала. А добрая бабка Федосья — это её коровка была — раздавала молоко всем: кому — ведро, кому — два. И у всех масла и сметаны было вдоволь, а излишки даже французам продавали, иногда меняли на ихнее шампанское. Хорошо жилось в деревне. Благодать, да и только. А когда отжила корова свой положенный век, поставили ей памятник всем миром, как и полагается чуду природы. Вот если бы развести таких коров целое стадо, то на всю Россию бы хватило молока. А какая экономия бы вышла! И Америку эту мы бы давно обогнали по всем направлениям.

ПЕТУХ-ГИГАНТ

На дворе у Якова Семёновича появился петух, который рос не по дням, а по часам. К осени он вымахал в огромного петуха. Прогнал всех своих соперников с пол-улицы. Куры несли яйца так, что хозяйки не успевали собирать их и прятать в амбарах, в тёплом зерно. А несколько яиц куры снесли прямо золотые! Расплодился по деревне благодаря петуху-гиганту огромные куры да петухи породистые. Народ мясо возил возами на базар. Свиной повырезали и ели только белое птичье мясо.

Долго ли, коротко ли пожил петух на свете, но и его час пробил — околел от старости. О таком чуде-явлении в деревне не забыли. Поставили памятник, так же, как и всем героям Ендурайкино. Чем он хуже летающей коровы?

ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

ВЛАДИМИР АКИМОВ
ИЗ ЕНДУРАЙКИНО

Дом прадеда. Х. м. 80×85 см. 1992 г.

Ендурайкино. Х. м. 80×50 см. 2006 г.

Июль в Ендурайкино. Х. м. 100×85 см.

Вероятность полета. Х. м. 105×100 см. 1992 г.

Санька Хо-Ши-Мин. 40×50 см. 1998 г.

Тетка Пасковья из Ендурайкино.
Х. м. 45×55 см. 2009 г.

Оба-на! X. м. 145×160 см. 2008 г.

Федька Хусейн.
X. м. 40×50 см. 1993 г.

Мамед (портрет Александра
Сергеева). X.м. 40×50 см. 2007 г.

Петька де Голль.
X. м. 40×50 см. 1996 г.

Портрет тетки Анны из Ендурайкино.
Х. м. 45×55 см. 2007г

Сосед дядя Федя из Ендурайкино.
Х. м. 2005г.

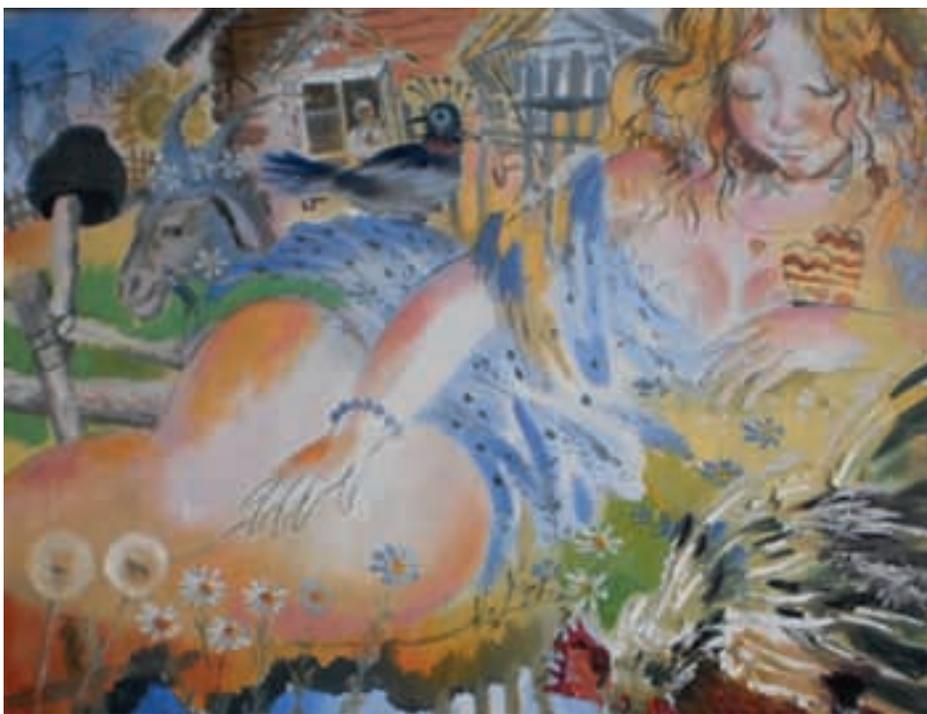
Частушки бабы Марины.
Х.м. 110×110 см. 1989 г.

Сооружение памятника Сальвадору Дали жителями деревни Ендурайкино

Открытие памятника летающей корове..

Ендурайская Флора. Х. м. 60×75см. 2010 г.

Портрет мамы с внуком Димой. Х. м. 65×75 см. 1989 г.

БАЙКА-СОН ОТ ДЯДИ ВАНИ

Однажды дядя Ваня, проснувшись, долго не мог понять, то ли это сон, а то ли явь. Слишком всё это было реально, рядом его окружают полулюди-полуживотные, странно большие растения и прочая чертовщина. Все в этом сне активно сооружали что-то необычное, большое и громоздкое, которое не уживалось всем своим видом с деревенским пейзажем. Командующие люди — с козьими мордами и тыквенными головами — утверждали, что сооружается сверхдвигатель для всей деревни, который будет давать электричество. Без электричества в деревне было темно, даже днём люди от тоски сходили с ума, превращались в полуживотных и птиц. Козлоголовые строители и руководители были важными, и все их слушались беспрекословно, хотя и не понимали, что же они сооружают. Но ослушников строго наказывали, и все это-го ужасно боялись. И почувствовал дядя Ваня, что рядом с его кроватью идёт шум стройки, стук топоров и окрики начальствующих... Лишь тень Марии удалялась, как живая реальность.

Это было под пятницу.

ЖИЛИ — НЕ ТУЖИЛИ

СЕРГЕЙ КУЗНЕЧИХИН

Из рассказов Петухова Алексея Лукича

МОМЧИК

Есть такая пузатенькая рыбка с большими глазами — монашкой называется. С подобным имечком самое место в каком-нибудь озере за полярным кругом спрятаться от мирских соблазнов за метровую толщу льда, как за монастырскую стену, а она Чёрное море выбрала, курортную зону. Если уж действительно монашка — с какой бы стати ей по курортам шляться? У меня, по крайней мере, очень большие сомнения на её счёт. Может, она вовсе и не монашка, а самая натуральная блудница. Против блудниц я ничего не имею, рыбы всякие нужны, но зачем головы людям дурить неточными именами? Имена должны быть чёткими. Чтобы открыл справочник или книгу, прочитал и всё понял, а то из-за путаницы в именах сплошные неприятности.

Момчика, к примеру, взять. Слышали о такой рыбе?
В первый раз?

Я тоже до поры до времени не знал о ней. А рыбёшка эта водится как раз в северных озёрах, в районе Туруханска. Того самого Туруханска, где Сталин, Свердлов и Спандарян гостили за казённый счёт. Даже песня такая есть: «И вот сию я в Туруханском крае, где при царе сидели в ссылке вы...» Я тоже там побывал, правда, мои посещения были добровольные. Но впервые об этом весёлом крае услышал, когда в институт приехал поступать. Был и такой период в моей многострадальной жизни.

Батя убедил, что надо испытать всё. Настоящий мужчина должен обязательно испробовать студенческого чайку с маргарином. Я загадал страницу в справочнике, раскрыл... и прочитал — «Вологодский мясо-молочный институт». Перечить судьбе, в общем-то, нежелательно и даже глупо, но если она позволяет себе такие оскорбительные намёки — приходится бунтовать. Ну, как можно парня, мечтавшего о геологии, направлять в какой-то мясомолочный, да ещё и вологодский? А что делать?

С троечным аттестатом столицы не завоеешь — это мне и батя говорил, и друзья, и враги — учителя, имеется в виду. И спорить с ними у меня не хватило наглости. Но в Калининском институте был горный факультет. Туда я и подался. Правда, факультет мой точнее было бы назвать не горным, а болотным, но такие выводы появились у меня несколько позже. Потом объясню. Разговор-то зашёл о рыбе под названием «момчик» — к ней и вернёмся.

В комнате, не считая меня, ещё три сокола куковало.

Вы говорите, что соколы не кукуют.

Это смотря когда — перед вступительными экзаменами даже орлы куковать начинают. Один был из города Клина, второй — из вологодской деревни, а третий — аж из Туруханска. О вологодском помню, что имел второй взрослый разряд по лыжам и каждый вечер уходил трусовать вдоль Волги, а днями сидел в читальном зале и зубрил, упорный парень, как звали — забыл. Но зря говорят, что вологодские на лампочку дуют, этот, если хотел выключить свет, всегда находил выключатель. Того, что из Клина, звали Игорем. Он единственный из нас городской, почти москвич. Куда уж нам, темноте неотёсанной. Чего он только не знал: и про композитора Чайковского, который в их городе жил, и про поэта Асадова, и про Эдика Стрельцова... он и специальную школу математическую посещал, и в олимпиаде юных химиков участвовал, и по физике что-то там знал, о чём мы даже и не слышали, короче, с первого дня давал понять, что мы напрасно теряем время, сначала намёками, а потом и открытым текстом заявлял, что мы зря тратим родительские денежки, дожидаясь экзаменов.

И что греха таить, лично я чувствовал себя по сравнению с ним не просто темной, а темной в квадрате, если не в кубе. Туруханец, наверное, тоже, хотя и виду не показывал, но когда вечером в комнате собирались, старался о формулах не говорить, больше про рыбалку, да про охоту, и вообще про Север. Кстати, благодаря ему я первый раз в жизни попробовал вяленую оленину, и очень она мне понравилась. А настоящей рыбой он обещал зимой угостить, если поступит, конечно. Наверное, и осетрины обещал, и омуля, теперь уже не вспомню. Но спор о момчике, пожалуй, до смерти не забуду. Когда туруханец сказал, что момчика бочками на зиму солят, Игорь ему не поверил. Интересная штука — мы его рассказам почему-то верили, а он нашим — никогда. Сначала меня доводил, потом отстал и прицепился к туруханцу.

«Что это за момчик? — говорит. — Нет такой рыбы».

«Это у вас нет, — отвечает туруханец, — а у нас все есть».

На первый раз долго не скандалили, порывали друг на друга и разошлись. Но уже на следующий вечер Игорь подвёртывается к туруханцу и спрашивает:

«Значит, бочками солите?»

Туруханец видит, конечно, что его подначивают, но и он не совсем размазня.

«Запросто, — говорит, — только не все, у кого-то и на литровую банку не хватает».

Игорек для начала отошёл от него метра на два, чтобы тот не зашиб его ненароком, и с расстановочкой, выделяя каждое слово:

«А как же вы ловите то, чего в природе не существует?» — спросил и нам подмигивает, вроде как приглашает потешиться вместе с ним.

Туруханец не сдаётся. Ударом на удар отвечает.

«Если ловим — значит существует».

Мне даже понравилось, как он его окоротил. И вологодский хихикнул. Но Игорь кое-что имел в запасе, иначе с чего бы он так напирал. Ухмыльнулся ехидненько и говорит:

«Вы посмотрите на этого хвастуна. Я сегодня в читалке Большую Советскую Энциклопедию изучал и авторитетно заявляю, что момчика там нет. И мамчика там нет — это я уже со скидкой на неграмотность поглядел. И мумчика — тоже нет».

Энциклопедия книга серьёзная. Против неё трудно выступать. Мы с вологодским призадумались. И туруханец поскущел. А Игорь не унимается. Мало того, что с ног сбил, ему и лежачего попинать охота.

«Может, завтра вместе ходим и посмотрим мемчика?»

Туруханец, словно ему под дых двинули, задыхается, мямлит, оправдываться начал:

«Может, забыли в энциклопедию внести, рыба-то не очень крупная».

Я для поддержки спрашиваю у Игоря, не выдумал ли туруханец вяленую оленину, которую наш всезнайка жаднее всех трескал, но он мои намёки опять же против нас повернул. Насчёт оленины, мол, у него никаких сомнений, и быть таковых не может, потому как олени не только в Большую, но и в Малую энциклопедию занесены. И туруханцу ответить нечего. И нам его нечем поддержать. А Игорю всё неймётся. Мало того, что каждый день энциклопедию, потерявшую момчика, вспоминает, так ещё и новые раскопки ведёт, чтобы уж совсем парня по полу размазать. Выбрал момент, когда все в комнате собрались, и говорит туруханцу:

«Слушай, а может ты и в самом деле прав, может, забыли твоего момчика в энциклопедию внести?»

И туруханец купился. Обрадовался, что наконец-то поверили, улыбается Игорю, обещает полную сумку осенью привезти. Но поспешил расслабляться. Отпустила кошка мышку на расстояние вытянутой лапы, рванулась глупенькая на свободу, да не тут-то было, когтистая лапа опять за хвост тянет.

«Я уже совсем было согласился с тобой, — говорит, — но попалась мне книга Сабанеева, и решил я заглянуть в неё для очистки совести, извиняться приготовился... увы, и там не нашлось места для момчика».

Потом он объяснил нам, малограмотным, кто такой Сабанеев, и совсем доконал туруханца. Да и нас, дураков, почти убедил. Туруханец отозвал меня и спрашивает:

«Ты-то хоть веришь, что есть такая рыба?»

Я, конечно, киваю: верю, мол, и в момчика, и в бочки до краёв — во всё верю. А он смотрит на меня и чуть не плачет, видит, что утешить его хочу, но не верю. Я тогда Игоря в коридоре поймал и без всяких ссылок на энциклопедию предупредил, чтобы забыл он про этого несчастного момчика, а если вспомнит — ему же хуже будет. Парень он сообразительный был, всё понял. Во всяком случае, при мне про момчика не говорили. Но туруханцу легче не стало. Съехал с дороги, а вырулить на неё не может. И вроде даже не хочет. На носу экзамены, а он в библиотеке по всем книжкам момчика разыскивает.

И провалился парень. На первом же экзамене сторел. Уехал, даже не попрощался. Но самое забавное, что энциклопедист наш тоже провалился, и тоже на первом экзамене. Только мы об этом узнали в последний день, когда пошли сочинение писать и не увидели его. Темнил, гадёныш, да ещё и над нами постоянно издевался, каркал, что мы обязательно завалим.

Почему сразу не уехал?

Не знаю. Или на какие-то тайные силы надеялся, или нам навредить хотел, или домой боялся возвращаться — тёмная личность. Но мы с вологодским поступили — дуракам везёт. Это я себя имею в виду. Вологодский-то парень упорный был. Ну, а я, чтобы к прорехам в моих познаниях не слишком пристально приглядывались, договорился с морячком и на каждый экзамен заявлялся в его флотской форме. Со служивого какой спрос. Форма, правда, великовата была, но пролезло. Короче, не мытьём, так катаньем.

А туруханец всё-таки прав был. Есть такая рыба. Вопреки всем энциклопедиям и всем справочникам. Момчик — это разновидность ельца, которая водится возле Туруханска. И Сабанеев знать о нём, конечно, не мог. У него Туруханск всего два раза упоминается. Вот если бы ему Свердлов или Сталин в консультанты запросились, они бы обязательно просветили, направили бы гражданина Сабанеева по верному пути. А то про каспийскую селёдку написал, а о туруханской — ни слова. Это уже не просто ошибка. Это — вопиющая несправедливость. Потому что самая вкусная из селёдок — туруханка. Хотя и момчик неплох. Так что книги книгами, а в жизни всегда есть место...

Не только подвигу, но и некоторым поправкам в книги.

Не знаю, упоминается где-нибудь озеро Момчик или нет, но на Севере оно пока что существует. Сам видел. И воду из него черпал на уху. И спирт этой водой разбавлял. И по усам она текла. И, главное, в рот попадала.

ЛЮБОВЬ И КАРТОШКА

Первокурсников отправляют в колхоз, чтобы они поближе познакомились и сдружились перед долгой студенческой жизнью. Так нам в институте объяснили, но предупредили, что для тех, кто сбежит из колхоза, эта увлекательная жизнь закончится уже в октябре. Ну, меня-то деревней испугать трудно. Посёлок наш, можно сказать, на деревенских задворках вырос. Получалось, что раньше я заходил в деревню, как человек с окраины, а теперь — как человек из центра, красивый и гордый, не на хромой кляче, а на белом коне, хотя и привезли на чумазом тракторе, точнее, в прицепе, на соломе. Часа три, если не больше, трясли по лесам и полям. Кстати, там я в первый раз увидел настоящую лежнёвку.

Не знаете, что это такое?

Деревянный асфальт, можно сказать.

Но перед тем, как пересечь в тракторный прицеп, мы ещё и в поезде от заката до рассвета прокемарили в общем вагоне.

Представляете, в какую дыру задвинули? Захочет городская девочка к маме убежать, вспомнит развесёлую дорогу и одумается.

Деревня без лампочки Ильича, без радио и, разумеется, без телевизора. А до полной победы коммунизма оставалось уже меньше двадцати лет.

Расселили нас по три-четыре человека, но дома выбрали кучно, чтобы на работу было проще сгонять. Мы втроём достались одинокой и глухой бабуле. Умишка нажить не успели, а дури нахватались через край. В первый же день придумали себе развлечение. Позвали гостей и начали при них изощряться:

«Эй, старая карга, тащи быстрее сметану, а то в глаз получишь», — кричит один, другой заворачивает ещё хлеще.

Удивлённые гости округляют глаза и разевают рот, а мы хохочем. И бабуля тоже смеётся. Взгляд у неё ласковый и немного виноватый. Рада, что студентов поселили.

Лишние трудодни за наше проживание начислят, да и веселее с гостями. Соскучилась по хлопотам. Жизнь-то не баловала. Первый мальчишка в войну помер. Мужик вернулся с фронта, поколотил, что не уберегла. Она и второго сумела родить. Только и младший потерялся. После указа о колосках припаяли бедной бабе пять лет. Ребёнка в детдом забрали, а мужик, от беды подальше в город подался. Ни того, ни другого больше не видела. В лагере и слух потеряла. Повезло ещё, что успела вернуться до смерти матери, а то бы и без дома осталась.

Спросили, не пыталась ли искать сына. Только отмахнулась. Хотела, да не знала с какого боку подступиться. Ни денег, чтобы в райцентр съездить, ни слуха, чтобы умных людей расспросить, ни грамоты, чтобы толковое письмо написать.

А мы, недоумки, подшучивать взялись. Пусть и не долго, и не со зла, и всё равно стыдно до сих пор. Я про неё: старуха, бабуля, а сейчас подумал и получается, что ей, наверное, и пятидесяти не было. В наше время некоторые городские бабёнки в её возрасте не только молодых любовников имеют, но и замуж за них выходят. А там настоящая старуха была. Изработала жизнь, измяла, перекрутила и высушила. Но не озлобила. Каждое утро выставляла на стол тарелку сливочного масла, настоящего крестьянского, без всяких там промышленных добавок, сама взбывала.

Можете себе представить ситуацию, когда на хлеб денег не хватает, а масла вволю? И не только у нашей бабули, вся деревня так жила. До городского базара дорога не близкая. Если вырастишь чего, продать замучаешься. Единственные живые деньги — на колхозной картошке. Девять мешков накопал, десятый — твой. Сдавай в заготконтору и получай наличные. Правда, чтобы до десятого дойти, понагибаться надо. Так ещё и на свой огород силы где бы отыскать. У кого семья большая всё-таки полегче. А наша-то одна.

Не подумайте, что хвастаюсь, но мы с ребятами тоже не последние жлобы. И выкопать помогли и в подпол спустили. Сами догадались предложить. Мы и дров ей на зиму напилили и накололи. А я ещё и грибов натаскал. Там такие дубравы, с шикарными боровиками! Ничего подобного ни до, ни после не встречал. Мне удовольствие, а ей продовольствие. И для нас жарила, и себе полмешка насушила.

С бабулей жили дружно. Когда уезжали, всплакнула даже. А в тот день, когда с её картошкой управилась, она сбегала к соседке и принесла бутылку самогонки. И сама с нами приняла. Раскраснелась, разговорчивая стала. А нам, олухам, слушать некогда. В соседнюю деревню кинопередвижка приехала, а после кино — танцы. Самогонку прикончили и засобирались. Бабуля без обид, она давно своё отобижалась, понимает — дело молодое. Только попросила, чтобы с местными парнями из-за девок не подрались, а то в тюрьму дорога широкая, а из неё — тесная, и напомнила, что хорошей жизни там не бывает.

Тюрьма нас не пугала, уверены были, что так далеко не зайдёт. А с деревенскими всякое могло случиться. Но драк бояться — на танцы не ходить.

Если верить песенке, то получается, что на десять девчонок по статистике девять ребят. Может быть и так. Только девчонок почему-то всегда не хватает. Даже если по три на одного, без драки поделить не можем. Перед отправкой в колхоз, флотский, тот, в чьей бескозырке на вступительные экзамены ходил, вразумлял меня, салажонка:

«Ты, Лёх, когда в деревне на танцы пойдёте, приглашай самую некрасивую, её и уговорить проще, и морду за неё не начистят, а она в благодарность и первача для тебя найдёт, и про закуску не забудет».

Поначалу я очень обиделся на его совет, особенно за выпивку с закуской. Я и теперь-то выгоды в любви не ишу. Не к лицу это мужику, а юнцу и подавно.

Кино пересказывать не буду, потому что в кино мы опоздали. Явились в клуб, когда уже и лавки вдоль стен были расставлены, и баянист наяривал. По углам, возле сцены две лампы семилитревые, другие источники света отсутствуют. Полумрак. Романтика, если не бутафорская, а вынужденная, воспринимается как неудобство. Но на деревенских танцах выбирают не глазами и не на ощупь даже, все давно знакомы, и темнотой бородавку не замажешь.

«Стоят девчонки, стоят в сторонке, платочки в руках тербят». Ну а мальчонки в другой сторонке. И те, и другие посматривают на заезжих студентов с интересом. Только интересы разные. Тут-то я и вспомнил совет флотского. Высмотрел самую невзрачненькую. Хотя при керосиновом свете легко обмишуриться в любую сторону. Переждал один танец. Мою никто не пригласил. И на следующий не пригласили. Пареньки поглядывают косо, но меня этим не удивишь. На деревенских танцах не в первый раз, порядки везде приблизительно одинаковые. И беспорядки — тоже. Так и я себя в трусы не записывал. Подхожу к девушке. Заулыбалась от радости. Не наврал, думаю, флотский, и впрямь благодарна. Когда поближе рассмотрел, оказалась, что не такая уж и страшненькая. Ниной зовут. И разговоры рассудительные. Тоже могла студенткой стать, но балла не хватило в Московский медицинский. Единственного. На химии вместо запланированной пятёрки четвёрку получила. На будущий год поедет или в Калинин, или в Ярославль и обязательно поступит. В общем, дала понять, что, не замахнись на столицу, тоже бы, не отстала. Хотя я вроде и не гордился своими успехами, пятёрки на экзаменах не планировал, честно признался, что из троечников не вылезал. Единственное, чем похвастался, что придумал вырядиться на экзамен в матросскую форму. Но она мою изобретательность не оценила.

Раза три с ней станцевал. Никто меня не толкает, никто не задирает, никто не спешит опередить. Даже не интересно стало. А в клубе вроде как совсем потемнело: или стёкла в лампах слишком закоптились, или фитили обгорели, а прибавить некому. Да и зачем?

Потом объявили дамский танец. Я не волнуюсь, почти уверен, что моя Ниночка меня пригласит. И не ошибся. Не испугалась. Шла не вдоль стенок, а через зал, прямо на меня. И почти дошла. Но откуда-то выскочила девица в чёрном свитере и с белыми включенными волосами. Причёска под названием «не одна я в поле кувыркалась». Может в модных парикмахерских это и по другому обзывали, но народное слово всегда точнее. Схватила меня за руку и потащила в круг. И уже по пути, как бы между делом, уточнила:

«Приглашаю».

Я даже растерялся от неожиданности. А если бы и не растерялся? Не вырывать же? Иду покорный, как телёнок. Ниночка презрительно фыркнула и пригласила моего однокурсника. А девица обхватила меня, уронила косматую голову на плечо и молчит. Я даже рассмотреть её не успел. Зато почувствовал очень хорошо. Талия тонкая, тело гибкое. Прижалась так, что всё во мне заговорило, без слов, но откровенно. И для неё очень даже доходчиво. Когда с Ниной танцевал, расстояние между нами было, как нейтральная полоса на границе с капстраной. Я попытался его сократить, но сразу же почувствовал какие железные у неё руки и какая железобетонная спина. А с этой: изгиб в изгиб без угла и без зазора. Как зовут — спросить не успел, а в тесных объятиях не до разговоров, во рту пересохло, и смотрим в разные стороны: она в моё плечо, а у меня перед глазами месиво площадки. Ниночка пару раз мимо проплыла, но уже, как чужая. Топчемся, почти не сходя с места. Она мурлычет, я млею. Танец вот-вот кончится. Гадаю, как дальше быть. Я в сомнениях, а для неё уже всё решено. Плавненько выскальзывает из объятий.

«Линяем отсюда», — говорит и, лавируя между пар, продвигается к выходу, и меня за руку тащит, чтобы не потерялся.

Отошли от клуба. Остановились. Достала сигарету. Мне предложила. Я отказался, не курил ещё.

«Молоток, — говорит, — вырастешь, кувалдой станешь, — и объясняет. — Парень должен прийти, а мне видеть его ноль желания. Проводи до дома, если не боишься».

Да если бы и боялся, не признаваться же. А парень крепеньким должен быть — когда прикуривала рассмотреть её успел: губки бантиком, ямочки на щеках — такие слабакам не достаются.

Тропинка узенькая, идти приходится гуськом. Перед глазами, как факел, её белая причёска. Говорит, не оборачиваясь. Половину слов не разбираю, но понял, что взяла отгулы и приехала к матери на картошку, два дня не разгибаясь пахали с утра до вечера, но выкопали, теперь можно спокойно возвращаться. А в город уехала после семилетки, Ремеслуху закончила, теперь крановщицей работает. Я спросил, почему в ткачихи не пошла, была бы знаменитой, как Валентина Гаганова. Рассмеялась, не надо, мол, ей такой славы, и нудную работу она терпеть не может. Ей в Сибирь хочется. Если бы не мать, давно бы уехала. Похвастался, что и я чуть было не сбежал в Сибирь с геологами. Заинтересовалась, но не поверила или всерьёз не приняла. Она вообще разговаривала со мной свысока, особенно когда речь зашла о работе.

Остановились возле её крыльца. Ревнивого ухажёра так и не встретили. Я не спрашиваю. Она не напоминает. Снова закурила. Стоит, поёживается. На улице свежо. Она в тоненьком свитерке. А я свою фуфайку из пижонства у бабки оставил. Как девушку согреть не знаю. Сигарету бросила и говорит:

«Пойдём на сеновал, у меня там одеяло ватное, не замёрзнем».

У меня от волнения коленки затряслись и язык отсох. Промычал что-то. Да оно и к лучшему. Если бы начал говорить, обязательно бы дурь спорол и всё испортил.

К чердаку лестница приставлена. Она первая. И я следом поперся.

«Да подожди ты, — шипит, — ломаем».

А лестница и впрямь хлипкая, запросто могла бы треснуть, вот бы посыпались. Дождлся. Карабкаюсь. Руки, ноги не слушаются, лестница шатается, скрипит. Сейчас, думаю, сорвусь и не бывать мне с ней на сеновале. Забрался кое-как. А она уже под одеялом. И голая.

Когда отдышались, она спрашивает:

«Ты раньше-то пробовал?»

Хотел соврать, да не получилось.

Засмеялась. Научу, мол, не волнуйся.

А сама-то, говорю, где училась?

«В ремеслухе. Там всему научат быстрее, чем в ваших институтах».

И только под утро спросила, с чего это я на Нинку нацелился.

Да просто так, говорю, увидел, что бедняга скучает, жалко стало.

«И всё что ли? И не знаешь, кто она такая?» — спрашивает.

Откуда мне знать. Первый раз увидел. Я оправдываюсь, боюсь, что приревнует. А вместо ревности хохот. Отсмеялась и говорит:

«Значит, напрасно я тебя вводила. Ты знаешь, почему её никто не приглашает? Батка у неё председатель колхоза. Боятся парни. Да и сама стерва порядочная. Мы в одном классе были. Учит всех, нотации читает. Самая умная, самая правильная. Вот я и решила её проучить. — Потом увидела, что я вроде как скис, прижалась, обхватила и шепчет прямо в лицо. — А тебе-то на что обижаться?»

И спрашивает и утверждает одновременно.

А на что мне обижаться? У меня праздник. Голова кружится. Двух слов связать не могу. Только мычание. Выдохи и вздохи. Единственное, чего не хватает — не могу полюбоваться ей. Слишком тесно прижалась и темнотища на сеновале.

А выпроводила ещё до рассвета, чтобы с матерью случайно не столкнулся.

Три километра до своей деревни, как на крыльях. Не заметил, как отмахал. В ушах её шёпот, остальное в чёрном тумане, ничего не помню, разве что лицо, лицо, освещённое спичкой, когда прикуривала, пока на улице стояли. А на чердаке... хоть убей. Словно забрался туда и потерял сознание, в обморок провалился и очнулся когда уже на землю спускался.

Домой заявился, пацаны ещё спали. Я тоже прилёт, но сна ни в одном глазу. Лежу, танцы вспоминаю, керосиновые лампы, председателю дочку, тропинку вдоль улицы, лестницу на чердак, а дальше сплошной сумбур, только отдельные слова в передышках да запахи пота и сена. И запах пота, кстати, вспоминался намного волнительнее. Лежу: не то маюсь, не то млею — понять не могу. Наверно, и то, и другое одновременно.

Ребята проснулись, любопытствуют: что да как? Не признаюсь. Проводил, мол, А когда возвращался, заблудился в темноте.

На разнарядке бригадир послал картошку возить. Таскаю мешки на телегу, со счастливой мордой корячусь, а в голове только одно, силуюсь вспомнить, как там, на сеновале было. И ничего не получается.

Вечером не утерпел, отправился на место преступления. Знал, что уехала, но вдруг проспала или трактор сломался. На любое бедствие согласен, даже на пожар и землетрясение. От клуба прошёл той же тропой, остановился приблизительно там же где она курила. Увидел лестницу на чердак, обрадовался, как лучшей подруге. Помаячил возле окон. Ничего не высмотрел и на меня никто внимания не обратил. Потом женщина с ведром вышла и к сарайке направилась, наверно, корову доить. Я быстренько на крыльцо и в дверь стучусь. Не отозвалась. Значит уехала. Надеяться не на что. Хочешь, не хочешь, а надо возвращаться. Поплёлся потихоньку, уже за деревню вышел, а ноги не слушаются, словно оставил чего-то. Развернулся. На что надеялся? На последнее авось? Ещё раз прогулялся под окнами. Темнеть начало. На прощание дурачку захотелось до лестницы дотронуться. Подошёл, попробовал рукой... И совершенно не соображая зачем и для чего забрался на чердак. А если бы хозяйка заметила и соседей позвала вора изловить? Что бы я им сказал? Чем бы оправдывался? Но обошлось. Постели на чердаке уже не было. Унесла в избу на зиму. Завалился на сено. Раскинул руки. Закрыв глаза... И заснул без воспоминаний. В общем-то, не мудрено после бессонной ночи. Организм молодой, требовательный.

Разбудили петухи. Не сразу сообразил, где нахожусь.

Вот такая вот картошка и такая вот любовь. Нежданная, негаданная.

Я ещё и про лён собирался рассказать, как его стелют, поднимают, колотят и молотят. Но после праздничной ночи, что-то не потягивает на разговор о тяжёлой и нудной работе.

Кстати, заработали мы за месяц по семь рублей.

ГОРИЗОНТАЛЬ

Володька Соловьёв называл её ничертганепонимательной геометрией. Не сам, конечно, придумал, подхватил от кого-то, но выговаривал с чувством — помотала

нервишки, потыкала мордой в грязь человека из президиума. Его, как передовика, устроили в институт, а геометрия эту сделку расстроила. Не далась проклятая. Три года её долбил, потом плюнул и вернулся к трудовой славе. И мне, когда узнал, что я в институт поступил, советовал не тратить попусту время и здоровье.

Изучали эту науку по книге Посвянского, который в нашем же институте и преподавал. Легендарная личность. Если ему чертёж на зачётах приносили и он замечал пустующее место, сразу же припечатывал туда свою переднюю конечность с растопыренными пальцами и обводил красным карандашом. А лапища у него была больше, чем у скрипача Паганини. С таким пялом в пристенок бы играть — наверняка больше бы заработал, чем лекциями, да, видно, никто вовремя не подсказал. Но Посвянский читал на более серьёзных факультетах, а нас просвещал его заместитель. Все знали, что между ними кошка пробежала, но, сдаётся, не одна даже, а целая дюжина, и все чёрные. Фамилию заместителя я, к сожалению, забыл, но мужик ни в чём профессору не уступал, пожалуй, даже и остроумнее был, вот только учебника своего не имел, приходилось читать лекции по книге любимого недруга. Наверное, поэтому и заверял нас, что начертательная геометрия — самая простая из всех наук, любой дурак в ней за три дня разберётся, достаточно усвоить, что такое фронталь, вертикаль и горизонталь... а дальше уже семечки. Рассказывали, будто на экзамене какой-то наивный студент вздумал доказать ему свою правоту и сослался на учебник Посвянского.

«Молодец, — похвалил он, — давай зачётку, а пока я расписываюсь, будь ласков, сходи, открой дверь, а то душно в аудитории».

Студентик на радостях бежит исполнять, а зачётка вслед за ним. Хотел, наверное, чтобы она в дверь вылетела, но промахнулся чуток. Зачётка в косяк ударилась. А девица одна возьми да и заметь:

«Точное попадание в горизонталь».

«Кто сказал?» — спрашивает он.

Девица скромничает.

«Если не признаетесь — всем двойки поставлю».

Староста группы, заботясь о коллективе, мужественно показывает на любительницу шуточек. Преподаватель и у неё зачётку требует. Девчонка одной рукой книжку протягивает, другой — слёзы по лицу размазывает.

«Ставлю тебе отлично, потому как суть науки на лету усвоила», — говорит на полном серьёзе.

И не обманул. Вывел пять баллов и в зачётке, и в ведомости.

Что такое фронталь, вертикаль и горизонталь — я вроде бы понял, а дальше, там, где, по его словам, семечки были, в семечках я завяз, погряз и запутался. Сокол на лету хватает, а ворона и сидячего не поймает, но петуху, к примеру, и даром не надо того, что сокол с вороной ловить пытаются, у него другое назначение. И мне тоже все эти абстракции не интересны, мягко говоря. Прежде чем понять, мне пощупать надо. Давайте любой механизм, от импортной стиральной машины до нашего комбайна, давайте ключ с отвёрткой, и я разберусь, что к чему, без всякой начертательной геометрии...

И вот наступила первая сессия, первый экзамен, и по закону подлости — начерталка. Беру билет и сажусь грустить. Что-то я, конечно, знал, готовился всё-таки, но знал приблизительно и не то, что в моём билете. Но сдаваться без боя — не нашему. Чтобы мысли быстрее раскрутились, начинаю карандаш в пальцах вертеть. И так увлёкся, что карандаш выскочил. Нагнулся за ним под стол, а начертальщик в этот самый момент объявляет:

«Кто первым пойдёт сдавать, тому пятёрку поставлю».

Я поднимаю голову, чтобы на смельчака посмотреть... И затылком — об столешницу. Не сказать, что сильно, но громко. Держусь за темя и совершенно непривольно бормочу:

«Аккурат в горизонталь врезался».

Он засмеялся. А я-то, разумеется, помню про девицу, которая пять баллов за такую же горизонталь заработала. Хватаю зачётку и — к его столу. Смех его за приглашение принял, желаемое — за действительное. Сказку — за быль. Сон — за явь. Да так уверовал в этот сон, что без малейшего сомнения сую зачётку ему под нос и даже не присаживаюсь, зачем лишними разговорами время у занятого человека отнимать. Он то в зачётку посмотрит, то на меня. А я в недоумении. Я жду, когда обещанную пятёрку выведет. А он почему-то спрашивает:

«Ты задачку решил?»

«Нет, — говорю, — а зачем, я же горизонталь нашёл».

«Ну ты и ухарь!» — удивляется.

А я, к моему счастью, этого удивления понять не могу. Если бы понял, то завилал бы, как колесо на малой скорости, и всё бы пропало. Но я, говорю же, уверовал в желаемое. Я сам его удивлению удивляюсь.

«Не ухарь я, — заверяю профессора, — вы же сами пятёрку обещали».

«Кто тебе это сказал?» — спрашивает.

А я ему: и вы, мол, говорили, и многие другие рассказывали. Вполголоса объясняю, словно больного успокаиваю.

И дошло. Посмотрел на меня внимательно, усмехнулся, раскрыл зачётку и написал: «отлично». А я забрал её, повернулся и вышел, даже спасибо не сказал. В коридоре зачётку раскрыл — всё верно, без обмана, да я, собственно, и не удивляюсь, уверен в своей правоте и торжестве справедливости. Других успокаиваю — не бойтесь, мол, дяденька добрый, пятёрки, почти не спрашивая, за голую сообразительность ставит. Балагурю в радостном хмелю. Даже когда отличник наш вылетел после меня с пустой зачёткой, я всё ещё не отрезвел. Не повезло, думаю, парню, на экзаменах всякое бывает. Но потом ещё один вылетел, и ещё... и все с претензиями к Петухову. Тут-то меня и прострелило, что я действительно ухарь, да ещё какой ухарь. Ох и лишенько мне стало, хоть топись. Но ведь не специально же. Не хотел я другим напакоstitь...

Следующий экзамен через три дня был, историю партии сдавали. Готовиться я, разумеется, не мог. Переживал. И, самое смешное, что снова чуть на дурачка не проскочил. Но бес попутал. Сам себя перехитрил. Вопросик попался простенький, про Гражданскую войну, а кто про неё не знает — Котовский, Махно, партизан Железняк, Олеко Дундич... «там вдали, за рекой засверкали штыки, голова обвязана, кровь на рукаве, уходили комсомольцы...» — это я и без подготовки мог. И отвечал не плешивому зануде-профессору, а помощнице его, добрейшей тётке. Травлю и чувствую, что ей нравится. Четыре балла, думаю, обеспечено. А то и — пять! Отстрелялся по билету, а она дополнительный вопрос задаёт о Брестском мире. Это я тоже знаю, но отвечать не тороплюсь. Дело в том, что профессор не разрешал помощнице ставить выше четвёрки. Кто претендовал на отлично, должен был пересаживаться к нему на собеседование. Но я-то не претендовал. Она повторила вопрос. Я молчу. Она — второй вопрос, и снова как назло простой. А я опять не отвечаю. Вижу — лицо у неё поскучнело. Соображаю — пора кончать притворяться, зачем хорошего человека разочаровывать. Меняю тактику. Она спрашивает про левых эсеров, об их отношении к революции. Я счастливым голосом докладываю, что они были злостными противниками. Она плечами пожала и попросила объяснить — почему. А как объяснять?

Не рассказывать же, как родного деда приняли за левого эсера и объявили врагом народа. Поэтому стараюсь домыслить: если враг народа — значит, против Советской власти, значит, за царский режим и так далее. Но домыслы мои расстроили добрую тётку ещё сильнее.

«Так хорошо начинали, — говорит, — я уже хотела четвёрку ставить, а теперь придётся ещё раз встретиться».

Там аукнулось, а здесь откликнулось, дед из-за левых эсеров два срока оттянул, и я без стипендии остался. Вот ведь какая вредная партия.

ЧЁРНО-БЕЛЫЙ ТЕЛЕВИЗОР

Петуховы — люди пёстрые, но одна общая черта в нашем расхристанном роду всё-таки держится — мы не любим жаловаться на жизнь. Я, разумеется, не самый яркий листик на этом дереве, но в излишнюю скромность впадать не собираюсь. Короче, не стал говорить старикам про неприятности с левыми эсерами, внушил им, что все экзамены сдал и заработал стипендию. Однако желудок мой, как соловей, его баснями не накормишь. И устроился я ночным директором на стройбазу. Нет, не сторожем. Начальник прочитал моё заявление и почему-то не нашёл ни одной ошибки, а, главное, завитушки на росписи моей очень ему понравились, и он решил, что человеку с таким красивым автографом можно доверить должность диспетчера.

Принимал ночные грузы, сдавал под охрану сторожихи Романовны и заполнял всякие там накладные, а за это получал семьдесят два целковых. Можно даже сказать, что я всё-таки поскромничал, когда врал старикам про стипендию — зарплата перекрывала не только повышенную, но и Ленинскую. А работёнка — не бей лежачего. Кстати, почему лежачих надо бить — до сих пор не понимаю, но это к делу не относится, короче, не пыльная работёнка и не потная.

Месяц отдиректорствовал, и наступило Восьмое марта — любимый день мужчин и двойной тариф для тех, кто в море и на зимовках. Я принёс огнетушитель портвейна, Романовна — закусить. Сидим, выпиваем за здоровье женщин вообще и Романовны в частности, она этого очень даже заслужила. Всю молодость партизанила в белорусских лесах, потеряла там двух мужей и собственноручно застрелила одного полицая. Полицаев она не любила, но ещё сильнее не любила бухгалтеров, не могла простить, что с неё, заслуженной партизанки, высчитывали за бездетность. Если бы эти клуши из бухгалтерии поморозили бы свои задницы в землянках, даже не две зимы, а хотя бы неделю, тогда бы подумали, у кого и за что надо высчитывать. Налили по второй. Гость на пороге — дядя Коля, муж Романовны. Глянул на стол, и строгость на лицо надвинулась.

«Маловато, матка, одной-то на троих, или как ты думаешь?» — спрашивает и вроде как размышляет, стоит к нам заходить или нет.

Романовна без лишних слов плюшку накинула и — в лавку.

Он дверь за бабкой прикрыл и говорит:

«Учёная она у меня. Но учил. Долго, паря, учил».

Я полагал, что он сразу же за стакан схватится, а он, как будто и не было ничего на столе, для начала фуфайку снял, потом дровишек в печку подкинул, пачку «Прибоя» достал, мне предложил. Я в ту пору ещё не баловался, отказался. Он на корточках перед печкой присел, головешку достал, прикурил от неё, окурочек тоже в топку выбросил, чтобы добро не пропадало. И только после этого на бутылку кивнул — наливай, мол. Подсаживался к стакану долго, степенность соблюдал, а махнул одним глотком,

да так быстро, что я даже здоровья ветерану пожелать не успел. Хотя этого добра ему хватало, пусть и немцы зарились на его здоровьишко, и наши пытались поубавить — мужику всё нипочём. Даром что пенсионер, а любому молодому фору даст. Выпил, закурил и начал рассказывать, как бабку свою воспитывал.

Перед тем как на пенсию уйти, она штукатуром работала, квартиру однокомнатную получила, мебелишку завела, и радиола имелась, и телевизор — скучно одной-то. А он заявился из Норильска на родину, где никакой родни не осталось: кто умер, кто потерялся. Я в ту пору ещё не знал, что Норильск строили не комсомольцы-добровольцы, и не знал, как наших солдатиков после плена встречали. Я не знал, а он считал, что пользы от таких знаний немного, он меня житейской мудрости решил учить.

Сошёлся он с Романовной не потому, что у неё квартира имелась, он это несколько раз повторил, сошёлся исключительно по любви. Очень ему понравилось, что она в партизанах воевала. Лесные ягоды всегда ароматнее садовых, целебнее, и ухода не требуют. Так же и партизанки, если сравнивать их с женщинами из регулярной армии. Захочет дед после баньки, как Суворов учил, Романовна никогда не против, у неё, на всякий пожарный, всегда запас имелся. И сама за компанию сядет, пусть граммульку, но уважит. С бутылочкой и телевизор интереснее смотрится. Хорошо жили. Да не шибко-то любят у нас, когда кто-нибудь хорошо жить начинает. Соседка, завидующая натуре, своего мужика удержать не сумела и Романовну принялась подзуживать. Пьёт, дескать, много твой примак. И затуманила мозги. Приходит дед в расстроенных чувствах после проигрыша в домино и со всей простотой и душевностью просит:

«Дай, матка, рублёвку на гнилушку».

Гнилушкой в ту пору фруктово-ягодное вино называли, кое-где его во фруктово-выгодное перекрестили, потому что стоило оно девяносто две копейки вместе с посудой. Попросил, значит, со всей вежливостью и уважением, а она ему:

«Денег нет, Коленька, и вообще пить вредно, давай лучше телевизор посмотрим».

А в ящике показывали Зыкину с её душевными песнями. Зыкина ему тоже нравилась, но не настолько, чтобы из-за неё оскорбление стерпеть. Голос на старуху повышать он не стал, настоящий мужчина никогда не опустится до крикливости, взял топор и с размаху шарахнул по телевизору. Зыкина поморгала, поморгала и потухла. Романовна тоже вроде того. Хотя её он и пальцем не тронул. Он вообще ни разу в жизни не ударил женщину, даже в Норильске. Потухла Романовна, но к соседке жаловаться не побежала, партизанская молодость даром не прошла, хорошие уроки — они на всю жизнь.

Однако телевизора оказалось недостаточно. Не сказать, что коса на камень... или на корягу, но и трава иногда жёсткой бывает. Так что через полгода пришлось и радиолу об пол разрушить.

Комод тоже под топор подвернулся, хотя и старенький был, кустарной работы.

Вместо комода купили настоящий шифоньер с зеркалом во всю дверь. Не так это и дорого, когда оба работают, а много ли старикам на еду требуется. Скопили, значит, на красивый шифоньер, а телевизор в рассрочку взяли. Новую радиолу покупать не стали. Зачем пожилым людям радиола? Не танцевать же? Да и пластинки он поколотил, все девять штук разом.

На этом курс обучения закончился. Два или три раза он ещё брался за топор, но Романовна успевала найти случайно завалившийся последний рубль. Да и не спешил дядя Коля, телевизор хоть и в рассрочку взят, но не даром же; обидно выплачивать за вещь, которая уже разбита, так что он замахиваться не спешил, давал старухе

время оценить обстановку. И она оценивала, потому что способная. А способных учеников всегда любят и жалеют.

Романовна из магазина вернулась, дед подсел к ней, приобнял, сидят, как голубки, разве что целоваться при мне стесняются.

Цветные телевизоры в ту пору ещё не появились, и отношения между людьми были попроще, чёрно-белые, можно сказать.

ШЕСТИМЕСЯЧНАЯ ЗАВИВКА

Знал я в Туве мужика, два института кончил, так он не то чтобы магнитофон отремонтировать или киловатты со счётчика смотать — обыкновенный утюг починить не мог. Не тувинец был, зачем тувинцу утюги чинить, наш, русский мужик, может, правнук Кулибина или праправнук по женской линии младшего из Черепановых. Но этот дважды инженер паровозов не изобретал, и даже велосипедов... Ему, пока он свои дипломы высиживал, последние мозги выхолостили, потому как высшее образование у нас организовано из рук вон и ни в какие ворота. Всю систему надо под корень... и новую налаживать. Это я к чему рассуждаю? Да к тому, что выгнали меня из института. И за что, спрашивается, вытурили, за какие грехи? За изобретательность пострадал.

Историю партии я пересдал без особых хлопот. Взял чужие шпаргалки, прочитал их — сначала сверху вниз, а потом снизу вверх — и понял, кого — ругать, кого — хвалить. А если пришлось работать, чтобы стипендию неполученную заменить, так в этом ничего страшного, работы я не боюсь, особенно весёлой работы. Но время отнимает даже весёлая работа. Да тут ещё городская жизнь закружила. Если в родном посёлке — один кинотеатр, в городе их — чёртова дюжина, с хвостиком. Кстати, о городских кинотеатрах: знал я большой город, в котором всего два кинотеатра, но чёртова дюжина ресторанов. Честное пионерское — не шучу. Это — Норильск.

Наверное, рановато я о ресторанах заговорил, в наше время редкие первокурсники ходили по кабакам. Подружек водили в кино. Чёртова дюжина кинотеатров или чёртова дюжина подружек... совсем запутался. Короче, на бедного юношу свалилось столько соблазнов, и все — разом. Глубокий цейтнот. Спасение только в двадцативосьмидневной неделе, но кто ради студента будет перекраивать календарь? Конечно, если пошевелить извилинами, выкрутиться можно из любого цейтнота. Но есть такой пакостный предмет, который на смекалке не объедешь, черчением называется. Хотя и там имелись маленькие хитрости для облегчения жизни. «Телевизор», например. Система очень простая — из окна общежития демонтируется рама с неразбитым стеклом, устанавливается одним краем на подоконник, другим на стол или на спинку стула. На стекло укладывается чертёж, который требуется переснять, а сверху — чистый лист ватмана. Снизу под стеклом включается настольная лампа. Остаётся только обвести. Просто и надёжно, как всё придуманное народом. Кстати, если уж речь зашла о самодельных телевизорах, расскажу ещё об одном. На Дальнем Востоке видел.

Японский, говорите, с порнухой?

Ну почему вы такие испорченные? Никакой порнухи, никакого карате — чисто рыбацкое изобретение. Хариус, если вы не знаете, стоит на перекатах или в ямах. Иногда он клюёт хорошо, но случаются и капризы, начинает брезговать наживкой. Тогда на него идут с телевизором. Сколачивается ящик, примерно такой же, как в письменных столах, с той лишь разницей, что на дне вместо фанеры — стекло, и ручка

сверху. Торец у ящика делается скошенным, чтобы течение не напирало. Щели промазываются замазкой. К ящику прилагается острога, но особая, зубья у неё не вперёд жалами, а к рыбаку. Работает боекомплект следующим образом: подходишь к яме, ставишь ящик на воду, слегка притапливаешь его, и сквозь стеклянное днище всё, что находится на дне ямы — и камушки, и хариусы — предстаёт перед тобой, как на экране телевизора во время передачи «В мире животных» или «Очевидное невероятное». А дальше можно любоваться подводным миром или по-военному острожно подвести острогу под хариуса и резко поддёрнуть. Лично я предпочитал любоваться, а рыбачить на удочку, но здесь: кому поп, кому попадя, а кому и попова дочка. Изобретение, как я уже говорил, народное. На авторские права я не претендую, но и не отвечаю за его несколько браконьерскую сущность. Ответить мне пришлось совсем за другое.

Однако, я о главном ещё не сказал, почему всю зиму проболтался и чертежи не сделал. Лень, конечно, вперёд меня родилась, я не отказываюсь, но с ленью можно ещё и побороться, а с военкоматом — бесполезно. Ещё по осени дяденька из этого заведения пообещал нам, что поможет отдохнуть от учебников годика на три. И забрить нас грозили уже в мае, перед летней сессией. Ну скажите, какой смысл вгрызаться в гранит науки? Только зубы портить. Вот мы и дышали свободой. А на лекциях или над чертёжной доской не очень-то надышишься. Даже и не такие лоботрасы, как я, гуляли напропалую.

И вдруг постановление — из институтов в армию не брать.

Слышал я, что самое неприятное зрелище — это пьяная женщина, но мне кажется — смотреть на паникующего мужчину гораздо противнее. А паника началась ужасная. Вчерашние записные гусары на глазах превращались в жалких суеящихся зубрил и попрошаек. Бедные наши девушки, каково им было видеть всё это. А у меня как раз прилив чувств случился. Появилась единственная и неповторимая. Упасть в её глазах было равносильно смерти. И я продолжал бездельничать. Надеюсь, что выкручусь. Авось да небось подвернётся какая-нибудь соломинка. И подвернулась. Один заочник добыл три рулона старых чертежей. Я покопался в них и нашёл те, которые мне нужны. Но времени уже не было, даже на телевизоре передрать не успевал.

И я пошёл другим путём.

Чертёжник наш был подслеповат, стёкла в очках толщиной в палец, с такими в солнечную погоду костёр без спичек можно развести. Это меня и надоумило. Вырезал из чистой бумаги прямоугольники по размерам углового штампа, аккуратненько наклеил их на чужие чертежи, фаски соскрёб бритвочкой, чтобы заплатки в глаза не бросались, обвёл жирными рамками, а потом нарисовал на этих заплатках свои штампы. Два часа работы — и все чертежи готовы. Но тонкость потребовалась ювелирная. Постарался.

Приношу свои произведения к чертёжнику. Там очередь. Я не спешу. Пусть человек подустанет, стравит давление придиричивости. Одну девушку вперёд пропустил, перед второй — расшаркался, потом какому-то заполошенному типчику, несмотря на его наглость, разрешил без очереди пройти — быстрая вошка первая на гребешок попадает. Но ириску без риска не ухватишь. Захожу. Усаживаюсь перед чертёжником, разворачиваю первый лист, чтобы тот лишний раз в наклеенный штамп не заглядывал, быстренько называю группу и фамилию. За чертёж я спокоен, а в себе уверен не очень. Внешность у меня и сейчас-то провокационная, а в те годы особенно подозрительная была, всем почему-то казалось, что я не приспособлен для серьёзной работы. И этот туда же. Посмотрел на меня очками, полными сомнения, первый лист не подписал, второй требует. И снова отодвинул, не подписывая. Он молчит, мне

лишние волнения. Даже хуже — самая настоящая нервотрёпка. По телу мурашки бегают, душу в пятки загоняют... Добрались кое-как до последнего листа. Очки на меня поднял и спрашивает скрипучим голосом:

«А почему такой бледный?»

Три ночи не спал, говорю, над чертежами уродовался. Ляпнул и язык прикусил. Надо бы что-нибудь похитрее придумать, да некогда было при таких переживаниях. А ему — понравилось.

«Молодец, — говорит, — не ожидал. Давай зачётку.»

Такую просьбу два раза повторять не надо. Подсовываю. Он вписывает зачёт убористым почерком, поскольку места мало, а на чертежах выводит размашистые вензеля со всей душевной щедростью. Ещё немного, ещё чуть-чуть... Душа поёт. Но не говори гоп... Ещё и бледность моя не успела со щёк сойти, а его, так называемое, золотое перо угораздило зацепиться за край наклеенного штампа. Путные преподаватели давно уже на шариковые ручки перешли — шарик бы прокатился и ничего не почувствовал, — а этот пижон всем новшествам предпочитал китайские самописки.

И сгорел бедный студентик.

Зачётка с автографом чертежника осталась у меня. Но толку-то. На следующее утро вызвали в деканат и сказали, что такие изобретатели позорят звание студента.

Если не считать время, проведённое на уборке картофеля, и зимние каникулы, проучился я в высшем учебном заведении ровно шесть месяцев. Про шестимесячную завивку слышали? Искусственные кудри держатся всего полгода, но волосы после этого редют и секутся. Одним словом, химия. Похожую процедуру прошёл и я, только завивали не волосы, а мозги.

С такими кудряшками и загремел Алексей Лукич в Красную Армию, на самую секретную точку, в объятия старшины Лихобабенко и майора Терещука. Отцы-командиры — народ весёлый. Отчимы — ещё веселей. Век не забуду солдатского юмора. Но рассказывать об этом не имею права, даже не упрашивайте — бесполезно, потому как служба сверхсекретная была, и, уходя на дембель, подписку давал хранить военную тайну двадцать пять лет. Честное гвардейское!

ДВА МНЕНИЯ ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ

ОЛЬГА ЖУРАВЛЁВА

МЫ ВСЕ РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Мы все родом из детства, но об этом забываем. Взрослая жизнь, к которой так стремились, берёт нас в оборот, и детство является только в снах. А наутро сон забыт, жизнь начинает новую круговерть. В стихах Алексея Остудина всё реально. И детство открывается самыми острыми гранями. Трагедией веет от его строк.

Помню, как в детстве потряс меня тот факт, что родилась я через пятнадцать лет после войны. Как не страшно было моим родителям? Пятнадцать послевоенных лет в моём представлении были сроком ничтожным. Война была некоей реальностью, потому что рядом жили дед и бабушка, перенёсшие это страшное время на своих плечах. В книгах и журналах печатались стихи и проза о войне. Она не отпускала никого. Но просто так о ней не говорили. Говорили о том, что у нашего поколения золотое детство. Где же было это золото? Разве что в солнечном свете. Но даже за владение солнечным золотом грянет расплата. Но мы не знали — когда и как придётся расплачиваться.

*«Я вышел из детства, в чём был, ты меня не рожала —
Я выскользнул искрой в трубу из ночного пожара!
Гудящее пламя казанских проулков и скверов
Вылизывало, будто сука, нас — сырых и серых».*

Так начинается стихотворение Алексея Остудина, которым открывается подборка его стихов в первом номере «Казанского альманаха» за 2008 год. И даже если бы в конце страницы не была напечатана справка о поэте, с первых строк можно догадаться, что их написал человек, рождённый в шестидесятые годы прошлого века. Время легендарное уже потому, что именно с него началась эра космоса и эра новой поэзии и прозы. И хотя шестидесятниками в литературе называют людей совсем другого поколения, но именно на их плечах выросли те, кто, родившись в то время, стали писать позднее, но, возможно, более смело и хлёстко, и не менее талантливо. Но почему же такое пренебрежение к маме? Женщине, которая всё же родила тебя и меня? Им было не до нас. Они занимались карьерой, строили новую жизнь, которая складывалась или нет, но они упорно шли вперёд по дороге, ведущей зачастую совсем не туда. Не хочу никого обидеть, но думающих людей мало в любом поколении. Есть люди, знающие, чего хотят получить от жизни, но умом они не блещут. Их выручает упрямство.

К родителям надо относиться с уважением. Просто за то, что они нас родили. Распустили, не представляя даже, что их дети будут более требовательными к ним, нежели

они были к своим родителям. В этом тоже никто не виноват, такое уж поколение уродилось. Родители нам были очень нужны. В особенности нам нужна была их любовь, внимание. Но нас воспитывали школа и улица. Почти всех. Большинство. Наше поколение выросло в тоске по родительской любви. И отцы и матери редко бывали дома. Они работали, причём в разные смены, поэтому почти не ссорились. И нас, своих детей, они пытались вести за собой, фразой — «Делай, как я». Она была их вечным приказом. Но мы приказа ослушивались не из шалости, а сознательно. Мы хотели быть самими собой и ещё — героями в глазах друзей, да и родителей тоже. Примером для нас были наши деды, прошедшие войну и знавшие, что такое подвиг. Они имели за подвиги награды, но в их рассказах о войне подвиг не просматривался, звучали самые простые слова о деле, о приказе, который надо было выполнять. Мы думали, что подвиг — это нечто возвышенное и красивое. Мы не знали правды о той войне и поэтому ошибались. Но это были наши ошибки и от них — шишки на лбу и ссадины на коленках. Это было не самое страшное. Позднее, попав в Афганистан, мы ещё раз расплатились за незнание, что же такое — война. Афган — был нашим подвигом, никому не нужным.

Наши родители, притом, что они пережили войну, воспитывались без отцов в холоде и голоде. Чтобы выжить, в детстве им надо было быть послушными. Мы были другими. А именно — самостоятельными и независимыми. Это свойство детей раздражает старших во все времена. Они путают его с непослушанием и так и живут в убеждении: их дети — неслухи.

*«Я вышел за квасом с бидоном в июльское утро
Во двор, где на лавках — портвейн, а в кустах — камасутра.
Где пеной пивной поднялись тополиные кроны
И старый фокстрот подавился иглой патефонной!»*

Вот она — смена эпох, проходившая на наших глазах. Мы всё видели и всё замечали. Мы слишком рано начали верить в себя и себе. Наши знания жизни порой превосходили жизненный опыт родителей. Хотя, конечно, нельзя быть столь категоричными, и стоит признать, что песни Высоцкого были нам прокручены на магнитофоне «Чайка — М» именно нашими отцами. И много ещё благих намерений осуществлялось ради нас нашими «предками». А мы сегодня не тем ли занимаемся, когда точно знаем, как надо растить своих детей? И что мы слышим в ответ от них о наших нотациях о вреде курения? Вот то-то же!

*«Я вышел в открытый киоск с сигаретами «Космос»,
где люк на асфальте и глюк состыкованы косо.
Где шишел и мышел, копейки сшибающий хроник...
Где, Дороти, твой сволочей убивающий домик».*

Это немало раздражало и наших дедов, они просто напросто не знали, что с нами делать! Потому что не понимали, как могут сигареты, убивающие жизнь, носить название «Космос», а сказочный домик, несущий смерть сволочам, принадлежать беззащитной девочке Дороти? Она иностранка? Форменное безобразие! Читайте русские народные сказки! И вообще, кто эти сволочи? Сволочи — это наши враги, которые изощрённо придумывали для нас пытки и казни. И осуществляли всё это против нас, хотя мы были одного поколения, а значит, имели одинаковые понятия о жизни

и слушали одни и те же песни. У нас были разные цели с этими самыми сволочами. И разные пути.

Что же касается русских сказок, мы их читали в детстве, но поняли их волшебный смысл гораздо позднее.

*«Там вечный ремонт и о стены шершавые гулко
Котом загулявшим скребётся монтажная люлька».*

И, конечно же, над этой запущенной роскошью ремонта красовался лозунг — «Наша цель — коммунизм». Но в глубине души мы в это не верили. Нашей целью была свобода. Ах, этот первый поцелуй в тринадцать лет! Родители даже не догадывались об агонии безответной любви, они уже с трудом и опаской отпускали нас во двор, не понимая музыки «Битлз», а также новых танцев.

А для свободы передвижения нам хотелось иметь собственные мотоциклы. Ну, хотя бы мопеды. О машинах не было речи. Что такое «иномарка» не знал никто, даже наши родители.

*«Дворовый Шумахер с руками в порезах и цыпках
играет джаз-рок на горячей трубе мотоцикла».*

Здесь, во дворе, у сарая, звучал джаз-рок! А в районном клубе — танцы под песни о БАМе. Как танцевать под них? Как влюбляться? Думая о трудовых подвигах? Фигушки! Что такое любовь, мы знали точно, всем двором читая растрёпанную книгу «Три мушкетёра» и ещё более растрёпанную «Анжелику — маркизу ангелов». А в свободное от танцев и школы время мы резались в карты. На желание. Желания были вполне невинными, заверяю в этом родителей, которые даже не подозревали до сегодняшнего дня о том, что их дети ещё и картёжники! Бывшие, конечно. И безобидные. Денег родительских не проигрывали. Потому что денег-то и не было.

*«Невольники чести сражались в оврагах, как психи —
разменные карты «козла», «петуха» и «зассыхи»...
Я вышел из детства, а был запечатан в колоде,
Но детство само до сих пор из меня не выходит!»*

До поры мы все находимся в карточной колоде жизни. И не имеем до поры никакого значения для других, пока не становимся козырями. Но это совсем другая история.

Хорошие стихи хорошего поэта Алексея Остудина заставили размышлять меня о связи и вечном конфликте поколений. Говорят, что поколение, на которое пришлась война, считается потерянными. А у нас был Афганистан. В итоге наше поколение не преодолело конфликта ни с дедами, ни с отцами. У одних была война, из которой они вышли победителями, у других был безоблачный развитой социализм и заклинание: «Только б не было войны!»

Русский солдат из всех войн выходил победителем. И вот уже вторая война, где нет побеждённых и победивших. И это досталось нашему поколению и поколению наших детей. Сейчас будем ждать, что они скажут о нас. Ведь они достаточно взрослые и имеют свой голос, не похожий на наш, как бы мы ни старались внушать им — делай, как я...

НАТАЛЬЯ ПЕРВОВА

ПЯТЫЙ ГУГЛ, ИЛИ ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО О. ЖУРАВЛЁВОЙ

Здравствуйте, Ольга! С Вашим творчеством познакомилась в «Аргамак», где прочла сначала рассказ «Середина цветка цикория», а через два номера и афганские стихи. В рассказе мне понравилось всё, начиная с выбора темы. Очень актуально сказать о женском счастье сегодня, когда это понятие настолько сдвинуто, что, кажется, скоро выпадет из сферы нравственности. Литературоведы жалуются на отсутствие героев, но к вашей Злате (героиня рассказа) это не относится: настоящая положительная героиня. Ровная сюжетная линия. Внутренний строй рассказа позитивен. Язык ясный и точный, ни одной лишней фразы. Словом, прочитывается с маху. То же скажу и о Ваших стихах. Хотя проза больше запомнилась.

Довелось прочитать и Вашу статью о стихах А. Остудина, которая называется «Мы все родом из детства». Заинтересовавшись, познакомилась со сборником этого автора «Проза жизни». Вы пишете: «Хорошие стихи хорошего поэта Алексея Остудина заставили размышлять меня о связи и вечном конфликте поколений». «Трагедией, а во все не романтикой веет от его строк». Потому как, на Ваш взгляд, родителям «было не до нас. Они занимались собой, своей карьерой, которая складывалась или нет, но они упорно карабкались вперёд по дороге, ведущей зачастую совсем не туда.» «... они нас родили... бездушно, не зная о последствиях.» «Поколение наших родителей... было очень инфантильным.» «Наши родители в нас не верили, как мы не верили им.» Между тем (следует из автобиографической справки), когда Вам было 15 лет, Ваш отец отнёс Ваши юношеские стихи в редакцию заводской газеты, где они были опубликованы. Именно он, представитель «бездумного, инфантильного, неверящего» поколения первым заметил Ваш дар и постарался помочь Вам начать осознавать его. Значит, верил в Вас?

То же самое поколение произвело на свет и Вашего протеже — поэта, от строк которого якобы «веет трагедией». Я родилась раньше и хлебнула больше. Когда отец был на фронте, умерла мать. Это ли не трагедия? Но вспоминается замечательный человек — дед, не сдавший нас в детдом, как любили его в деревне, как ухаживал он за нашей Пеструхой, учил меня читать. Позже, в школьные годы, у отца с мачехой нас было семеро. Родители — учителя с утра спешили в нашу школу, затем перебежали в вечернюю и домой возвращались в одиннадцатом часу ночи. По хозяйству мы, дети, всё делали сами. Выросли нормальными, добрыми людьми. Считаю, родители дали нам всё, что могли. Кроме благодарности и теплоты нет у меня к ним других чувств.

Вправе ли мы судить предыдущее поколение? Сомневаюсь. Могу судить сегодняшнее время, в котором живу — взрослой и уже умеющей анализировать. Вот тут-то вижу трагедию — тысяча тысяч детей-сирот, во множестве при живых родителях. Перед этим, Ольга, меркнут «трагедийные» мечты Вашего поколения о мопедах и мо-

тоциклах... И что-то подсказывает мне, что у Вас с Вашими родителями всё обстояло не так уж плохо, иначе не написали бы Вы умного рассказа «Середина цветка цикория». Да если уж и считает кто-то, что родители недодали ему того да сего, то, став взрослым — просто не повтори их ошибок! А всю жизнь взмучивать в себе это чувствико — уж больно непродуктивно. Это, к слову, из той же серии о нашей истории, которую старательно оплёвывают нынешние либералы.

Словом, Вы стихи похвалили. Поэзия обращена к чувствам, поэтому когда берёшь в руки новую книжку, испытываешь даже лёгкое волнение в предвкушении чего-то притягательно-неведомого. Коль скоро всю жизнь тревожит недосягаемо высокий «гений чистой красоты», став идеалом, светочем, на который равняешь прекрасное, если встречается в жизни, но — издали, не осмеливаясь приблизиться... Вот что делают с тобой поэтическое слово и русский язык. Но остудинская книжка не восхитила, а наоборот, вызвала сумятицу мыслей и чувств. Под ярким зонтиком нынешней толерантности автор лихо резвится на палочке-лошадке среди выраженных созвучий и затуманенных образов. То ли одно ради другого, то ли уповая на бездонную фантазию читателя.

«Поперхнувшись австрийской ириской,/не тарасься в протёртый стакан:/наших сумчатых жён австралийских/эскортируют за океан...» Привыкнув во всём искать смысл, пытаюсь и это перевести на русский язык. Поэт пишет о том, что его ранит? О том, что наших девушек вывозят за границу для известных дел? Но всё это так же завалировано, как и вывоз девушек. Посему и «боль» поэта растворяется где-то там... Нет, не удаётся перевод. И кто они такие — «наши сумчатые австралийские жёны» — остаётся невыясненным. Как и «Поедем в кроссовках кататься, давно я тебя поджидал!», как и «замнём компромисс коромысла — повтора не будет на бис...», как и «сеть пуста — пятый Гугл ищущу», и «стрёкот мяты и запах сверчков», и «коровьи божки», и «дыханье зебом», и почему «Мы — меченные печенью трески...»?

А вот из «Монолог монгола»: «подумай, стирая одежду —/какая заразица между/Щелкунчиком или Жувагой/с губой над промокшей бумагой?/Символику времени она/отыщешь в протонах картона,/сплавляясь, в протоке, на выдрах/к светящейся надписи: «выдох». Из названий стихов: «Хулутно, плят!», «Динозавтра»... Не правда ли, что-то сродни нашей дурной эстраде: дыма напустят, лазерных блёстков, плясок с двусмысленными телодвижениями, музыка чем громче, тем лучше, а о чём поют — не разберёшь. Да там-то оно и слава Богу, что не разберёшь, а тут-то как быть? С опасением покачаешь головой: берегись, мол, великий и могучий, остудины идут. Искать пятый Гугл.

Правда, во все времена были у нас говоруны, жонглирующие словами, ёрники, скоморохи. Так ведь то для смеха, не для серьёзных речений. Видно, живя в мире, подёрнутом чёрным флёром глобализма, теряем ясность и плавность русской речи. Да и не только этот признак собственной идентичности. В паспорте уже нет национальности, а на будущее, читала, есть мысль писать: россиянин марийского происхождения (или любого другого). А дальше, значит, землянин российского происхождения?

Впрочем, зачем я говорю Вам это? Вы же знаете всё лучше меня, иначе не написали бы «Середину цветка цикория», где жизнь не каламбурирована, а мысли и разговоры героев ясны — понятны до последнего словца. Просто трудно совместить в одном лице авторов отклика на остудинские стихи и того, что было напечатано в «Аргамак». Язык-то поэта отличается от Вашего как чёрное от белого. Мне это чёрное принять трудно, а Вы его словно не замечаете. Просто позавидуешь Вашей толерантности.

ЧТЕНИЕ С ПРИСТРАСТИЕМ

ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ

ПОЮЩАЯ ПТИЦА

(О влиянии Сергея Есенина на современную поэзию)

Вглядываясь в поэзию Сергея Есенина, мы можем отчётливо увидеть, чем она питает стихи сегодняшние и чем от них кардинально отличается.

Есенин дал всем последующим поколениям русских поэтов непревзойдённый пример певца, будто растворённого в родной земле, её традиционном укладе, природе, а также — во времени, которое безжалостно рушит всё вчерашнее. Он испытал в своей художественной мастерской новые приёмы поэтического творчества, его проникновенные строки не кажутся архаичными и теперь, когда стихами порой называют очевидный словесный мусор.

Есенин удивительным образом соединил в себе черты поэта-традиционалиста и поэта-новатора. И обрёл творческую возможность увидеть родину в трагическую эпоху исторического перелома и воплотить зримое в ярчайших образах, проникнутых любовью и горечью, жадной жизни и печальным расставанием с ней.

Однако есенинский лирический пессимизм несопоставим с нынешними «поэтическими рыданиями», будто провожающими Россию в последний путь. Такое различие продиктовано, прежде всего, неотделимостью поэта от родной земли: он чувствует её мистические токи, тайное сопротивление губительному мороку, который охватил знакомые пределы, он является живой частью родины — и потому никак не может присутствовать на её отпевании, будто бы склоняясь над усопшей и обливаясь слезами.

В Есенине не найти рассудочности, которая, словно жук-древоточец, выедает древо современной поэзии изнутри. Это ещё одна причина, по которой его лирического героя нельзя представить стоящим *рядом* с Россией и говорящим о её кончине.

В его произведениях отразилась русская история и русская беда, прошлое, настоящее и будущее отчего края. Это свойство есенинской поэзии помогло ей сохраниться в безжалостном XX веке. Строки поэта повторялись на фронтах Отечественной войны, пронизывали собой все годы нашей жизни. Будто капля крещенской воды, превращающая в святую влагу целый водоём, стихи Сергея Есенина входили в душу, которая ещё не поняла собственных истоков, и делали её русской.

У Есенина достаточно много строк, совсем не похожих на знакомые образцы народной лирики, с её напевностью, мерностью повествования и прозрачностью сюжета. Масса смысловых диссонансов, ритмических перебоев, гротескных образов и тому подобных примет урбанистического, городского стиха. Но интонация поэтического голоса в столь разных произведениях, по существу, везде одна. Перед

читателем возникает облик человека, который может говорить тихо и громко, признаваться в любви и кричать от негодования, быть вдумчивым и непререкаемо резким. Такая переменчивая и широкая в своих берегах художественная речь — одна из примет творческого гения, которому послушны слова и смыслы. Для него внутренняя свобода есть «человеческая» сладость и, вместе с тем — бремя мистической ответственности.

Современная поэзия взяла из сокровищницы Есенина очень важные свойства:

- любовь к русскому пейзажу;
- тягу к деталям реальной жизни, будь то предметы быта или коллизии меж людьми, живущими на селе;
- понимание своих родовых корней — можно сказать, таинственный зов крови, что течёт в наших венах и является частью крови древней, вошедшей в состав земли.

Каждый поэт примеряет к себе ту художественную вещь, в которой ему не тесно петь и жить. Иначе и быть не может, поскольку певческий голос должен быть свободным — достаточно посмотреть на поющую птицу. Есенинское пространство пополняется новыми стихами, в которых современный автор *естественно* слит со своим великим предшественником. И это не подражание давним прописям, когда дыхание сего дня отодвинуто от слов и красок, от образа человека и образа мира.

Поэты «есенинской школы» очень часто не похожи друг на друга, и может показаться, что заветы Есенина таким образом размываются и мельчают — но это неверно. Та река вдохновения, начало которой дал наш национальный поэт, принимает в себя разные притоки и становится полноводной, будто Волга.

И в том — значение Сергея Есенина и причина непреходящей любви русского человека к своему гению.

«СОЕВАЯ» ЛИТЕРАТУРА

Литературный ландшафт, который предлагает нам телевидение, отчётливо напоминает «потёмкинские деревни». Или, к примеру, ложные цели, применяемые в военное время для дезинформации противника. Это когда из фанеры и маскировочной ткани мастерят танк или самолёт, а из досок и брёвен — артиллерийское орудие. Посмотришь с высоты — похоже, подойдёшь поближе — дрова и тряпки, да ещё — ватные куклы с палками в мягких руках.

В программе «Новая антология. Российские писатели» Николай Александров каждый четверг знакомит телезрителей с весомыми литературными персонами. Вот на экране — Борис Акунин. Он успешен, а для буржуазного бомонда это чрезвычайно важное обстоятельство. Обласкан кинематографом, притом что фильмы, снятые по его романам, отличаются нестерпимо пошлой опереточностью. Наша либеральная интеллигенция уже давно мечтала о «комфортной» литературе — примерно в том смысле, в каком может быть комфортен письменный стол, пиджак, освещение или эргономичная компьютерная мышь. Наконец такой долгожданный сочинитель появился. С тех пор прошло полтора десятка лет. Уже и самому Акунину, кажется, поднадоело историческое «мыло» собственного производства, а телевизионные затейники всё никак не угомонятся.

Впрочем, есть вариант и для молодёжи — Ксения Букша, которая «с отвагой берётся за любые жанры», пишет игровые стихи в духе обэриутов, исторические ро-

маны и вообще — «творит текст». Порой получается, по её словам, «чушь полная, но шутки есть хорошие». В ход идёт всё: исторические факты и приметы, язык биржевых трейдеров и офисный сленг. А также — имитация философии: «Дух — вот что главное. Иначе ничего не будет» и пустозвонная бабская дурь: «Что надо сделать, чтобы полюбить человека? Надо его растанцевать». Примечательно суждение критики о прозаических опусах Букши: «кастрюля, в которой кипит словесное варево, сдвигая крышку». Плюс признание самой сочинительницы: «всё бы сидела и строчила, дай мне волю...».

Книжная девочка изучает историю как конструктор, а прозу понимает, очевидно, как способность «балаболить» на самые разные темы. Раньше это называлось графоманией, а сегодня совершенно сознательно заталкивается в телеящик, у которого загодя «сдвинута крышка».

Вот определяют победителя конкурса «Большая книга», и попутно Александр Архангельский даёт интервью круглосуточному телеканалу новостей «Россия-24». «За всё время существования премии никому случайному она не была присуждена — Дмитрий Быков, Дина Рубина, Людмила Улицкая...». Действительно, в этой литературной песочнице случайных мальчиков и чужих девочек не найти — идейная близость лауреатов очевидна. Но любопытно, что неутомимая Букша считает своим литературным кумиром именно Быкова, а не, к примеру, Крусанова или Пелевина. Создаётся дурная преемственность и вырождается даже то малое, о чём можно говорить серьёзно применительно к либеральному творческому взгляду на реальность.

В «Культурной революции» тема литературных премий обсуждается крайне решительно. Андрей Василевский по-хозяйски говорит в пользу конкурсной системы — подобно вагонновожатому трамвая, который уже наполнен: не возмущайтесь, следом идёт машина того же маршрута. Оно и понятно — член жюри «Большой книги». Тогда как председатель экспертного совета премии — его ближайший соратник по «Новому миру» Михаил Бутов — о, сколь велик его литературный авторитет! Пожалуй, никто и не вспомнит, что был такой роман «Свобода», получивший «Букера» в 1999 году...

Вездесущий Александр Гаврилов, прежний редактор «Книжного обозрения», теперь отрекомендованный как менеджер, всерьёз утверждает, что премия является «формой благодарности читательского сообщества». Уже сама фразеология этого хлестакова последней выпечки несёт на себе очевидный отпечаток нынешней деятельности Гаврилова: он пользуется успехом у нуворишей в роли консультанта по написанию книг.

Двенадцать лет тому назад Олег Павлов в статье «Тотальная критика» высветил кротовые ходы московского газетно-журнального литературного процесса. Система проглотила это пушечное ядро и даже не чавкнула. И теперь уже Татьяна Сотникова (Анна Берсенева), автор женских романов, говорит о том, что сегодня премия стала выражением искусственно созданной литературной иерархии, в которую живое произведение не вписывается. И потому решительно отбрасывается устроителями, несмотря на недоуменный читательский вопрос: недавно прочёл хорошую книгу, почему она не заинтересовала жюри?

Культуролог Людмила Булавка говорит о существовании проблемы: художник может развиваться, если в культуре есть дух соревновательности, однако теперь он агрессивно вытеснен духом конкуренции. В первом случае речь идёт о содержании, а во втором — соревнование идёт в отвлечённых сферах: влияние в корпоративной среде, большие продажи, идейная благонадёжность. Таким образом, литературная премия

становится соревнованием цехов и девальвацией высокой литературы, поскольку жизненная реальность тут отодвигается в сторону и не признаётся как фактор творчества.

Лекция Игоря Волгина о Достоевском в цикле «ACADEMIA» — будто глоток свежего воздуха в затхлом чулане. С наслаждением слушаешь умную, точную речь, в которой неуловимо растворена аналитика, отчего рассказ исследователя приобретает черты основательности — серьёзности, пунктуальности, умения видеть важные вещи не кусочно, а целиком.

В недавнем документальном фильме о Владимире Максимове в цикле «Острова» приводились слова писателя: «Искусство, литература в частности, не может жить без надежды. Отними надежду — и это начало конца. Негативная информация в кино, в книгах как будто призвана задавить человека. И вы ждёте от этого человека созидательного труда?!».

Сколь ответственна здесь этическая и художественная мысль, столь чужда она либеральному российскому телевидению. Всё бы ему сводить счёты с советским прошлым и втюхивать доверчивым зрителям «соевую» литературу.

МОЛЧАНИЕ ШАРА

Они встретились в первый раз все вместе в пространстве, которое было выделено специально для их встречи... Цилиндр, куб, конус, шар и пирамида... И каждый из них завёл речь о своих достоинствах.. Первым начал говорить куб и сказал, что он несёт идею абсолютной устойчивости и надёжности... «Я прообраз всех кирпичей и основа всех домов, я могу стоять на любой грани бесконечно долго и терпение моё безгранично, а суд мой беспристрастен, ибо все мои грани одинаковы и во все стороны света я смотрю одним и тем же немигающим взором, от которого ничто не в силах укрыться»... Куб хотел добавить что-то ещё, но тут в разговор вступил цилиндр..

Он тоже стал говорить о своём совершенстве, о том, что он может двигаться, но может и стоять... О том, что он, цилиндр, прообраз всех осей, вокруг которых всё в этом мире вертится... «И не из меня ли, друзья мои, делают трубы, по которым течёт вода и газ, и не я ли скрыт в каждом стакане? И что есть колесо, как не малая часть моего совершенства?!»

Куб с цилиндром подвинулись поближе друг к другу, и посмотрели друг на друга как равный на равного... «Ну а вы что, скажете, пирамида?» -спросил насмешливо куб. Пирамида немного помолчала, а потом ответила: «Ну вы же понимаете, что я не могу много говорить.. Вы же знаете, что во мне спит Вечность, и я боюсь её разбудить... И то, что вы видите, лишь поверхность.. Внутри меня скрыты великие тайны мироздания, но я никогда их вам не открою»... И пирамида отползла подальше, очень медленно и осторожно.. И больше не произнесла ни слова. Она знала себе цену. Она была спокойна и как будто бы мудра..

А конус вдруг завертелся, подскочил и крикнул: «Всё это вздор! Все вы бесцельные, банальные фигуры... Посмотрите на моё острие.. Я всегда куда-то устремлён... Я сама скорость и недаром меня помещают на макушках ракет. Я несу идею цели и цельности.. И кто из вас устоит на моей вершине, кто?!» Конус говорил бы ещё больше, если бы его не прервал своим глухим басом куб: «Послушайте, а почему молчит шар? За всё это время, что мы вместе, он не произнёс ни слова!» И все обратились к шару... Но шар продолжал хранить молчание. «А он не хочет с нами общаться», — обиженно сказал цилиндр. — «Совершенством себя почитает... Он же шар!» «Да уж это точно, — подхватил конус. — Что ему до нас опускаться, кто мы ему!.. А он небось себя считает солнцем, землёю и луной одновременно...»

Они ещё долго продолжали отпускать шпильки в сторону молчащего шара и никто из них не представлял, как далеко их слова от истины, как далеко от их слов и от них самих были мысли шара. Потому что только он один знал, как трудно, как неворотно трудно и больно нести идею совершенства в этом мире... Только он один знал,

какими огромными усилиями достигает он устойчивости... У каждой из фигур была грань, которая позволяла ей удержаться на наклонной плоскости. Даже цилиндр мог встать на одну из своих двух плоских граней и сохранить устойчивость, до определённых пределов, конечно... И только шар начинал скатываться вниз при малейшем, даже незаметном наклоне, только ему, идеальному трёхмерному телу, не за что было зацепиться в этом неустойчивом мире наклонных плоскостей, в мире кривых поверхностей, каждая из которых стремилась сделать положение шара как можно ниже, ибо в несовершенном мире образ совершенства приводит остальные сущности почти в ярость... Только шар знал, как трудно лежать в сетке бильярдного стола и ощущать себя в сетях времени, и ждать своего собрата по потерянной вечности, и вспоминать то время, когда вся Вселенная была шаром, когда не было ни плоскостей, ни бильярда, ни ловушек, а на одном прекрасном дереве висел прекрасный шар яблока в первозданном своём совершенстве... Пока... пока его не коснулась рука человека, чтобы откусить от него кусочек разрушить совершенство Вселенной, и разбить её на кубы, пирамиды и прочие фигуры, а также на людей и ангелов, на Землю и Небеса, на время и Вечность... И только шар помнил всё это, только он катясь вниз, помнил о том, что когда-то всё было иначе... И мучился своей неустойчивостью, своей беспомощностью и своим совершенством, которое по иронии геометрии стало его наказанием и самым большим несовершенством в этой несовершенной вселенной несовершенных фигур.

КОФЕ С ЛИМОНОМ

Человек держит в руках узкую высокую кружку с чёрным кофе.. На чёрной поверхности ярко-жёлтый ломтик лимона, а в глубине — бесконечная непостижимость жизни.. За окном льёт мелкий осенний дождик, а в комнате вкусно дымится белая кружка и негромко звучит фортепьянный концерт Моцарта, и кажется, что время лениво разлеглось у ног, словно добрый старый пёс, который чутко прислушивается к каждому движению своего старого одинокого хозяина.. Но у человека с кофе нет пса, у него ещё нет старости, хотя и молодости тоже нет...

Он просто сидит на диване, слушает музыку и смотрит в чёрную глубину кофе, смотрит как на поверхности рождаются и исчезают узоры из световых бликов от висящего сзади бра... Десятки неуловимых узоров, каждый из которых живёт долю секунды... О чём думает человек, глядя на эти узоры? Глядя в чёрную глубину кофе? О непостижимости этой глубины? О непостижимости времени и всей нашей жизни? Почему и зачем с нами происходит то, что происходит? Разве человек сможет постичь это когда-нибудь?

Даже музыка даёт лишь приблизительное ощущение судьбы, а ведь она почти безмерна, почти бездонна.. Но и она скрывает от нас свои тайны и тайны нашей жизни... Каждый звук живёт лишь мгновение, но благодаря ему это мгновение становится прозрачным для Вечности и как бы отражает её в своих глубинах...

Быть может, главное свойство нашей жизни — это её странная бесконечная непостижимость, безграничность её проявлений, непредсказуемость её форм.. Всё двойится, троекратно и множится в её зеркалах, расставленных нашей судьбой так хитро, что мы никогда не поймём, где её отражение, а где подлинный её лик. Да и есть ли он вообще, этот подлинный облик судьбы? Быть может, мы видим только кофе её бесконечные ирреальные отражения, словно порождения наших снов о боли и радости...

Кто этот человек, так сосредоточенно смотрящий в глубину кофе? О чём он думает? Сейчас мне кажется, что я слышу его мысли, мне кажется, что он — это я... И тогда

возникают странные образы. Образ времени, как огромной бесконечной спирали, образ любви, которая светится, как ось этой спирали, и образ боли, что осколком зеркала отражает нашу неполноту, отражает лишь отдельные детали уставшего тела, детали сна, детали воспоминаний, у которых уже нет сил подняться со дна прошлого к поверхности будущего... Человек берёт лист бумаги и проводит несколько линий, которые выходят из одной точки, как лучи... Что он хочет этим сказать? Быть может, он говорит нам, что есть центр Вселенной, из которого всё начало быть? Начало всякого бытия и начало всякого дыхания... То, в чём нет конца, но только извечное дление, извечный Свет и неизречённая радость?

«Не нужно грустить!» — говорю я этому человеку. «Не нужно грустить!» — говорю я себе. «Не нужно грустить, милая!» — говорю я своей любимой. Потому что наша жизнь — это таинственное переплетение возможностей и невозможностей, и нам никогда не понять, как одно переходит в другое. И как на дне чашки кофе, в чёрной непрозрачной его глубине роятся мириады молекул, ежесекундно меняя свои комбинации, так и в жизни возможности и невозможности каждое мгновение переходят друг в друга, и только лёгкие удары Вечности заставляют их застыть в определённом узоре, что потом, вместе с сотнями других узоров, составит причудливый рисунок нашей судьбы...

Всё связано и переплётно друг с другом и нам никогда не постичь всех тайн, всех хитростей этих переплетений.. И здесь есть место для отчаяния, но ещё больше места для надежды. Ибо невозможное сегодня, становится возможным завтра, и то, что невозможно для человека, возможно для Бога. И значит, это опять и опять вопрос личной веры и умения ждать. Не подачек и милости от небес, но той единственной возможности, которая предназначена одному тебе и упадёт в твои замёрзшие ладони, как тёплая звёздочка, как нежный лепесток, как взгляд любви, так долго тебя ожидавшей, как свою последнюю и единственную возможность. И вот тогда появляется светлый рисунок на чистом холсте вечности. И тогда высвечивается в глубине кофе, в глубине моей отчаянно-безумной надежды твой профиль, твой лёгкий силуэт, твой взгляд, полный нежности и радости. И я начинаю понимать, что всё это время все переплетения моих возможностей и невозможностей были лишь долгой дорогой к этой точке, к этому пределу, в котором, как таинственный огонь в сосуде, мерцает чудо нашей встречи, и после которого уже нет и не может быть никаких невозможностей, после которого прозрачная стена времени исчезает, тает в тепле наших сомкнутых рук, в тихой музыке наших взглядов, в божественной тишине наших улыбок...

...А возможность и невозможность — это ведь всего лишь порождения нашего ограниченного разума. Это всего лишь исчезающие малые точки в бесконечном пространстве света, где есть только одна возможность и одна бесконечная свобода — свобода Любви...

ДЕБЮТ В «АРГАМАКЕ»

НАДЕЖДА БЕЛЬЦОВА

ВОСКРЕСНАЯ ПРОГУЛКА ПО ПЕТЕРБУРГУ

Я точно знаю, что за Бронницкой улицей идёт Серпуховская. Причём неважно, идёшь ли ты по Загородному проспекту или по Малодетскосельскому, или даже дворами — эти улицы всё равно будут лежать бок о бок.

Тем не менее, в одну солнечную субботу между ними обнаружился какой-то незнакомый мне переулок. Как он туда попал и что там делал — неизвестно. Боюсь даже, что никто никогда этого не узнает, ведь день был выходной, и все исследователи городской ткани мирно отдыхали где-нибудь на даче. А я, решив, что другой такой возможности, наверняка, не представится (раз уж у этого переулочка столь непредсказуемый характер), свернула со своего пути и пошла знакомиться с новым местом.

Переулок оказался шире, чем показалось сперва. По обеим его сторонам росли тополя и липы. Архитектура мне показалась вопиюще современной и до неприличия элегантной (это в историческом центре! Ох уж эти бессовестные зодчие). Фонари, скамейки, стриженные кусты... Ни одной таблички с названием переулочка. Навстречу шла округлых форм дама с толстым ротвейлером без поводка.

— Извините, Вы не подскажете, как называется этот переулок?

— Да никак.

— Спасибо.

Странная женщина.

Но чем дальше я шла, тем больше понимала, что это не она была странная, а сам переулок. Кстати, он к тому времени уже перерос в полноценную улицу, если не сказать, проспект. Хотя чем он был на самом деле, понять трудно, ведь ни от одного прохожего мне так и не удалось добиться сколько-нибудь внятных сведений на этот счёт. Как бы то ни было, дорога вела всё прямо и прямо без намёка на поворот. Идти уже надоело, к тому же, несмотря на солнце, было прохладно, и я решила заглянуть в кафе.

Догадаться, что это было именно кафе, а не, скажем, банк или мастерская по ремонту обуви, помог запах кофе. Вывески здесь не было, как не было никаких надписей в этом странном месте. Внутри — совершенно тихо и вполне уютно. Несколько ничем не примечательных человек сидели за столами, что-то пили и смотрели в окно. Вид у всех был крайне отсутствующий. Меню тоже отсутствовало, как и ценники на витрине. В надежде, что чай тут не слишком дорогой, я попросила одну чашечку и села к окну (чтобы не отличаться от местных). Но, поскольку за стеклом ничего интересного не наблюдалось, я стала листать рекламный журнал, который мне утром дали на выходе из метро.

— А вы в каком веке живёте? — неожиданно спросил голос у меня за спиной. Я обернулась.

— Не поверите: в двадцать первом! — ответила, подумав: «А вот ещё один псих».

— А? Тогда понятно.

Мне стало любопытно.

— А Вы в каком?

— А мы уже давно не ведём счёт годам. У нас, видите ли, пост-информационное общество. А ваши тут частенько бывают. Всё удивляются, почему нигде никаких надписей, почему рекламы нет, цвета все сдержанные, тихо...

Я ещё раз окинула взглядом помещение. И правда: ни одной буквы вокруг. Одежда на людях неопределённо-бежевого цвета. Интерьер прост настолько, насколько это вообще возможно. Даже упаковки с разными сортами чая на полках все одного цвета и без названий.

— Зачем же вы избавились от всего этого? — удивилась я.

— Дело в том, что в какой-то момент просто стало слишком много информации. Люди начали сходить с ума от её переизбытка. Многие страдали нервными срывами. Наконец, так много появилось в мире информации, что уже нечем стало дышать. Человечество задыхалось. Тогда были предприняты попытки избавиться от того, что мешало. Информацию сжигали на свалках и в крематориях, спрессовывали и закапывали в землю, нагружали ею космические корабли и отправляли их в вечные путешествия по Вселенной. Людей с высшим образованием чуть ли не под страхом смерти заставляли молчать. Говорят, труднее всего было очистить мир от цветового загрязнения. На это ушли долгие годы...

— Освободите место, будьте добры! Вы растворяетесь, — вдруг обратилась ко мне официантка с упрёком в голосе и недовольным лицом.

Я не шевельнулась. Во-первых, было досадно, что мою беседу так невежливо прервали. В конце концов, можно было бы и подождать, пока я совсем растворюсь и место освободится само собой. А во-вторых, никто меня не учил, как надо вести себя в таких ситуациях. Тем временем мой недавний собеседник опять отвернулся к окну и уже принялся за вторую чашку чая. А я смотрела на свои руки и понимала, что вот-вот исчезну.

Через несколько мгновений я увидела знакомые здания, услышала грохот грузовых машин и поняла, что вышла на Обводной канал.

ЕЩЁ ОДИН НЕВИДИМЫЙ ГОРОД

Путешественник П проснулся среди ночи оттого, что один из его спутников, самый молчаливый и злой, крикнул:

— Тормози! Приехали.

И сразу же наш путник понял, что из всех виданных им ранее невидимых городов, тот, что лежал теперь перед ним, был самым невидимым. И дело было не в ночной темноте. Просто впереди действительно ничего не было видно, кроме хаотично лежащих, стоящих, сидящих и шевелящихся групп людей, разбросанных по бескрайнему полю, утопающему в осенней ночи.

Через несколько минут П стоял лицом к лицу с сонным господином, который вежливо приглашал его пройти в свободный гостиничный номер. П не видел вокруг ни дверей, ни номеров на них, и даже стен и потолка кругом не было. Но делать было нечего, и он проследовал за вежливым хозяином мимо рядов кроватей со спящими на них людьми, мимо кадок с фикусами и мягких кресел. Наконец, улыбчивый хозяин остановился возле пустой кровати и, сообщив, что здесь путешественник П мо-

жет располагаться, удалился. П сел на постель, сложив на землю свою ручную кладь, и огляделся.

Занимательное было место. Рядом стояло десятка два кроватей, на которых ворочались, храпели или просто лежали с открытыми глазами какие-то люди, причём, несмотря на прохладную погоду, все были одеты в пижамы и выглядели так, будто спят в самом что ни на есть уютном и тёплом доме.

Чуть подалее П заметил стол, накрытый белой скатертью и уставленный зажёжёнными свечами. За столом сидели и шептались двое влюблённых, очевидно, уверенные, что никто их не видит.

П отвернулся и с другой стороны увидел, как какая-то группа людей в чёрных масках подкрадывается к стеллажу с железными сейфами, стоящему прямо на земле, и зачем-то пытается ломать на них замки. А в нескольких шагах от этого места спал, сидя на стуле, пожилой человек в форме охранника...

Путешественник ещё долго смотрел бы по сторонам, удивляясь всему вокруг, но усталость оказалась сильнее любопытства, и он уснул.

Утром путника П разбудил оглушающий звон сотни будильников, сменившийся через несколько мгновений жужжанием бритвенных станков и электрических зубных щёток. Народ вокруг засуетился. Начался обычный трудовой день. П тоже встал и решил прогуляться.

Не прошёл он и двадцати шагов, как какая-то свирепая дама в бигуди выросла перед ним и отчаянно взвыла:

— Вот бессовестный! Вламывается в чужой дом среди бела дня! Милицию позову!..

П кинулся прочь и, когда дама скрылась из виду, остановился. Тут только он заметил, что на земле были какие-то линии, где-то процарапанные, а где-то начерченные мелом. Линии образовывали собой замкнутые контуры, а рядом с некоторыми из них встречались таблички с надписями «школа», «больница», «столовая» и тому подобное. И действительно, внутри круга, подписанного школой, сидели малыши за партами и писали что-то в тетрадках, а за чертой, обозначенной как больница, оперировали какого-то несчастного. В пределах одного контура резали лук и разделявали курицу, внутри другого люди в пиджаках кричали что-то и размахивали папками с бумагами. А между контурами, со стороны «улиц», сновали пешеходы, ездил транспорт, спали бомжи в нескольких сантиметрах от линии, ограничивающей жилище миллионера. Жизнь кипела.

П удивился поначалу, как же люди ориентируются в этом хаосе, ведь даже таблички были не на каждой линии. Но скоро он выяснил у одного молодого человека, что никакие подписи местным не нужны: они и так отлично тут ориентируются. Городу уже шесть тысяч лет, перемены здесь не часты, и народ уже так привык ко всему, что не нуждается в указателях. Каждый знает, куда ему идти на работу, где его любимое кафе, где ждёт его бабушка и где, в случае чего, можно полечить зубы. Тут же прохожий рассказал, что, по преданию, много лет тому назад тут всё было перегорожено стенами и закрыто крышами, но случилась какая-то катастрофа, и всё исчезло, кроме людей. А люди поняли, что они вполне могут обходиться без крыш и стен, ведь все и так знают, где что находится. Так и остался этот город жить, как на ладони, под холодным и суровым небом.

ДЕБЮТ В «АРГАМАКЕ»

ДМИТРИЙ ЦЫГАНКОВ

Среди людей

Утром, на подмоченной моросящим июльским дождиком узловой железнодорожной станции суетился народ, желая непременно подгадать, куда подойдёт вагон, согласно купленным билетам. В основном это были деревенские жители, принарядившиеся на денёк для поездки в соседний город. Кто-то ехал к детям, кто-то за покупками, коих в деревне не сделать, а кто-то на городской рынок, чтобы продать выращенные на огороде овощи, зелень, ягоды; всевозможные молочные продукты, домашнюю птицу, яйца, которые надо ещё довести до базара. Волновались люди и не сводили глаз с лукошек, бережно наполненных белоснежными горками яичек среди прочей клади, аккуратно разложенной вдоль невысокого бетонного забора. Беспокоились, чтобы кто-нибудь из торопящихся пассажиров, проходя мимо, случайно не задел ногой и не повредил их драгоценный хрупкий товар. Бабы, не забывая следить за сохранностью товара, жестикулируя руками, словно регулировщики на перекрёстках, громко обсуждали своих с вечера перепивших или, напротив, недопивших мужей. Те же, в основном провожающие, привычно и покорно выслушивали своих жён, под бабий гомон курили, сплёвывали и злобно кряхтели, зная наверняка, что настанет, настанет очередной долгожданный вечер и только им известными сверхсекретными способами, любыми окольными путями они найдут, чем залить свою оскорблённую прилюдно душу. И тогда уже настанет их законный черёд и размахивать руками, и находить в споре такие неопровержимые доводы, что ни одна женская логика на всём белом свете не придумала.

Обособленно от всех стоял долговязый, сутулый человек, опиравшийся на кривую, выточенную из коряги трость. На его худые плечи был накинута старый выцветший военный плащ. Голову человека покрывал давно потерявший форму и цвет картуз с треснутым посередине козырьком, надвинутый на лоб так, что не было видно глаз. Плащ по середине голенищ скрывал съёженные, заляпанные грязью кирзовые сапоги. Из всей внешности можно было только разглядеть торчащий из-под козырька картуза длинный орлиный нос, тонкие, плотно сжатые губы и недельную седую щетину, обильно росшую чуть ли не от самых глаз. Поскольку никому не было до этого человека никакого дела, и никто не обращал на него внимания, то и человек, в свою очередь, стоял с отрешённым от всего происходящего вокруг видом и то ли дремал, то ли смотрел себе под ноги, предавшись только ему ведомым думам.

Вскоре из-за леса раздался протяжный раскатистый гудок. Народ засуетился, разговоры смолкли и состав областного значения, состоящий из локомотива и прикреплённых к нему пяти вагонов, пытаясь, прибыл на станцию по расписанию. Бабушки, охая и ахая, цеплялись руками за поручни, дотягивались ногами до подножки, чуть ли не изображая при этом шпагат. Кому-то из них удавалось зацепиться ступнёй за подножку, подтянуться и протолкнуться в тамбур, а кто-то застывал в подвешенном состоянии и тогда кто-нибудь из стоявших позади сердобольных мужчин подталкивал старушек, упираясь в те их дородные мягкие места, до которых давным давно не дотрагивалась крепкая мужская рука. В самих вагонах тоже шла толкотня. Поскольку места в билетах указаны не были, всем обязательно хотелось занять место у окна и, что было не менее важным, по ходу движения состава, чтобы виденные не раз, знакомые с детства пейзажи медленно надвигались на них издали, а не наоборот — уплывали вдаль, вылетая обрывками из-за спины.

Поезд тронулся. Бабы заново, с воодушевлением возобновили прерванный на перроне разговор про своих неполноценных, недоделанных свекровьями мужей. Состав медленно набирал ход. За окном одного из вагонов промелькнула знакомая плацнакидка. Клавдия Спиридоновна, пассажирка удачливее всех занявшая в купе место, женщина пожилая, невысокого роста, среднего телосложения, с впалыми, задумчивыми глазами, вокруг которых паутиной въелись глубокие морщины. Она, провожая взглядом силуэт одиноко стоящего человека, облокотившись на купейный столик и подперев ладонью подбородок, тяжело вздохнула и, сквозь короткие, искривлённые на тяжёлых колхозных работах пальцы, тихо произнесла:

— Эх, Семёныч, Семёныч... Что ни день, всё стоит и стоит, как семафор... Чего стоит, что ему по утрам дома не сидится?

— Так, может, его, беднягу, геморрой одолел, вот ему в избе и не сидится! — смеясь взахлёб, выпалила соседка по купе Дарья Захаровна.

Дарья Захаровна была ровесницей Клавдии Спиридоновны, но выглядела на много моложе. Бабой она была пышной, круглолицей, весёлой, разбитной и дерзкой на словцо. На коленях у неё стояла корзина, покрытая поверх белой тряпицей. Из помятой тряпицы торчала взъерошенная голова гуся. Гусь изредка трепыхался, пытаясь высвободиться из некомфортного пристанища, но Дарья Захаровна, не глядя на него, уверенной рукой водворяла его на место. При этом недовольный гусак издавал звуки очень похожие на гортанный смех своей хозяйки.

— Зря ты так, Захаровна, мужик-то он хороший, — с упрёком ответила Клавдия Спиридоновна.

— Хороший! Конечно, хороший! Так ты бы его на своего непутёвого Гришку, не глядя, и поменяла! — хохоча, не унималась веселиться Дарья Захаровна.

— А что ей шило на мыло менять! — вмешалась в разговор сидящая напротив Клавдии Спиридоновны односельчанка Анфиса Тихоновна, женщина в годах, сухощавая, но ещё не перешагнувшая тот возрастной порог, после которого мужчины начинают смотреть женщине вслед с чувством глубокого сожаления. — И тот пьёт, и у неё пьёт. Семёныч ко всему ещё и безрукий! Нет, оба никудышные! — и отмахнувшись снятым с головы платком, отвернулась к окну, давая всем понять, что её веское слово последнее и обжалованию не подлежит.

— А ты бы, Тихоновна, лучше о своём мужике помнила! — заступилась за подругу успокоившаяся Дарья Захаровна. — Или у тебя не пьёт? Или позабыла, как твой Васька полоумный бабе Шура по пьянке угодил?

В очередной раз ткнув посильней гусака, Дарья Захаровна начала рассказ:

— Слушайте, девки. Подвязала как-то баба Шура Ваську новый столик в саду смастерить. Говорит ему: «Василий, сделай уж на совесть, а то мой совсем в труху превратился. Сделай, как положено, с двумя скамьями по бокам. Доски я из леспромхоза выписала. Они во дворе возле дома лежат. Я-то завтра поутру дочку с внучатами в город собралась проведать, а к вечеру буду. Постарайся, родной! Коли к вечеру управишься, я вернусь и отблагодарю по-человечески.» На том и поладили. А Васька, паршивец этакий, с утра зенки залил, раз контроля не будет. Взял свой инструмент, приходит во двор бабы Шуры, а что делать надо, напрочь позабыл. Память из головы по нужде до ветру прогуляться вышла и не возвращается никак. Начал Васька рассуждать: «Так... баба Шура старуха уже совсем древняя... как-никак восьмой десяток давно разменяла. Доски основные вон приобрела... немало денег за них наверняка выложила... ладные досочки, одна к одной. Ну, никак старая к смерти своей уже готовится помаленьку начала. Отсюда выходит, что она мне гроб и заказала... да... по другому и быть не может!»

Сварганил он ей гроб, поставил с крышкой возле дома, сидит на пеньке, руки на груди сложил, работой своей любитесь, хозяйку ждёт и магарыч обещанный. Вот баба Шура с города возвратилась. Входит через калитку, видит — гроб, на дом опёршись, с крышкой стоят. Баба Шура сумки из рук выронила, за голову обеими руками схватилась и Ваську шёпотом спрашивает: «Вась, а Вась, аль помер кто?» А этот идиот к ней с важным видом оборачивается, слюну сглотнул, шары свои бесстыжие выпучил и удивлённо, спокойно так, вопрошает: «Баб Шур, а ты что, помирать уже передумала?» Ну и получил он от неё и на магарыч, и на всё остальное! Та потом отошла, всё же отблагодарила Ваську. Дескать и эта вещь рано или поздно пригодится...

— Ой, не могу! — рассердилась не на шутку задетая за живое, Анфиса Тихоновна. — Ты бы лучше, чем людям байки про других травить, вспомнила бы, как твой Степан и взаправду тещу, твою матушку Анну Матвеевну, живьём чуть в могилу не свёл.

— Ты это про что? — насторожилась, нахмутив белёсые брови, Дарья Захаровна.

— Ну, конечно! Только про других сплетничать и умеем! Запомнявала, что твой изверг взбалмошный учудил?

Не дождавись на свой каверзный вопрос реакции Дарьи Захаровны, Анфиса Тихоновна заговорила с нескрываемой издёвкой:

— Понаехала к ним погостить как-то Степана родня. Откуда-то издалека приехали, но не из нашей области, это точно. Целым табором на машинах. А у той родни собачка с собой была больно диковинная, — бульдожка. Сама маленькая, чёрная, будто в саже вымазанная, морда страшная, лапки кривенькие, уши торчком. В общем, с виду чёрт во плоти, разве что рогов не хватает. Ночку всем табором благополучно погуляли. Хорошо погуляли. Утром, как положено, похмелились, конечно. А Стёпка не смог снести обиду, что теща не пришла его родню потчевать, и решил бабу Нюру проучить, как следует. Взял он ту бульдожку в охапку, пошёл к бабе Нюре, перелез через плетень, юркнул в баню и стал дожидаться, когда та в огород выйдет. Вышла Нюрка из дому в огород, начала в грядках ковыряться. Возится, значит, возится и, вдруг, слышит голос: «Ню-ю-ра, подь сюды...» Приподнялась Матвеевна, оглянулась, нет никого. Ну, думает, померещилось на старости лет. Взялась дальше в грядках копать. Тут опять голос слышится: «Нюра, подь сюды... Ню-ю-ра...» Пошла, бедная, на голос. Подошла к бане, открывает дверь в предбанник и своим тихим старческим голосом осведомляется: «Ктой-то тут озорничает?» А из самой бани, изнутри, опять

голос: «Заходи, заходи, Нюра, давно я тебя тут поджидаю...» Открыла баба Нюра вторую дверь, в саму баню заходит, видит, кто-то на полу ёрзает. А зрением-то уже совсем Матвеевна слаба была. Наклоняется до самого пола, глаза прищурила и ужаснулась! Смотрит на неё в упор зверь доселе невиданный — глазища огромные, кровью налитые, ноздри раздувает, хрипит, слюни изо рта в два ручья текут, челюстями шевелит, чавкает. И тут Степан, придурок малохольный, лёжа за печкой, утробным голосом вещает: «Ну что, грешница, готова ли ты в свой последний путь? Настало твоё время! Пойдём, Анна. Я за тобой пришёл!» Нюрка только и успела, что руку ко лбу поднести, чтобы перекреститься, да выдохнуть: «Свят, Свят, Свят... Господи, помилуй...» Так с поднятой рукой, не разгибаясь, в обморок и завалилась. Долго потом, сердечная, в себя придти не могла...

— Ну, что ты брешешь, что брешешь! — завелась, обиженная от услышанного, оскорблённая в чувствах, Дарья Захаровна.

— Всё, как было, так и рассказала! Люди не дадут соврать! — не без злорадства парировала Анфиса Тихоновна.

— Ох, и язык у тебя, Анфиска, что помело поганое! — повысив голос, не успокаивалась Дарья Захаровна и, оттолкнувшись спиной от стенки купе, сунула под нос Анфисе Тихоновне корзину с сердитым гусаком. — Сейчас гусь-то его тебе наполовину и оттапает, чтоб не несла, что попало!

Анфиса резким движением руки отпихнула от себя корзину так, что гусь чуть не оказался, вывалившись, на свободе, и, сильно хлопнув ладошкой по столику, возмущённая агрессивным поведением односельчанки, пригрозила:

— Это я сейчас, припадочная, твоему гусю башку враз сверну, если не угомонишься! Ишь ты, разобиделась!

— Только попробуй...

Тут обе женщины, моментально сменив до сей поры умиротворённое выражение лиц на воинственную гримасу, перешли на ненормативную лексику, обильно покрываясь при этом гневными пятнами — не тем здоровым румянцем, который выступает на щеках после хорошо истопленной бани, а багрово-красными кляксами, коими озаряется небосвод во время грозы.

Наблюдая со стороны, было понятно, что словесная перепалка вот-вот перейдёт в рукопашный бой. Чтобы хоть как-нибудь разрядить атмосферу, четвёртая пассажирка купе, молодая учительница Мария Дмитриевна, стройная опрятная блондинка с аккуратно зачёсанными в хвостик волосами, недавно переселившаяся в деревню из города, вежливо обратилась к Клавдии Спиридоновне, спокойно следившей за происходящей склокой со стороны:

— Клавдия Спиридоновна, а что это за мужчина, который на станции остался? Я у вас в деревне уже год живу, видела его несколько раз в сельпо, но ничего про него не знаю, не слышала. Почему у него руки нет? На войне потерял? Расскажите про него.

Дуэлянтки, обрадованные, что их спор был прерван таким дипломатичным способом, мгновенно спустив пары, расслабились и синхронно повернули лица, помаленьку приобретающие свой естественный цвет, в сторону Клавдии Спиридоновны.

С укором встретив взгляды успокоившихся женщин и выразительно покачав головой, Клавдия Спиридоновна обратилась к молодой учительнице. Говорила она короткими предложениями, не спеша, вдумчиво, после каждого предложения делая небольшую паузу.

— Да что, Машенька, про него скажешь? Ничего особенного. Мужик как мужик, коих полна деревня. Хотя, милая, время ещё есть, пока доедем. Мне про Семёныча, про его судьбу бедовую сестра моя двоюродная, Марфуша, сказывала. Она, голубушка, в де-

ревеньку ту, откуда Семёныч родом, раньше за мёдом частенько ездила... Он к нам пару лет назад перебрался из соседней деревни. Прохором Семёновичем его величать. Там, где он жил, никого уже в живых не осталось. В деревне той и было-то дворов тридцать, не больше. Спрашиваешь, не на войне ли он руку потерял? Там он её, горемычный, и оставил. Войну он, почитай, всю прошёл. От начала и до конца. До самого Берлина дошёл целёхоньким. А под Берлином его, в сорок пятом, под самый конец, и ранило. Снаряд при атаке неподалёку от Семёныча разорвался. Осколки его сильно изувечили. Живого места на нём не было, когда в медсанчасть привезли. Руку по локоть пришлось ампутировать. Нога тоже сильно была повреждена, но ногу доктора смогли спасти. До сих пор Семёныч на неё сильно хромает. Да лучше на своей хромать, чем на протезе ковылять. Свою плоть никакая деревяшка не заменит. Потом в госпитале долго подлечивался. А после госпиталя, конечно, домой комиссовался...

Только дома солдата ещё одна контузия ждала. Не знал Прохор Семёнович, что жена его, Людка, пока он на фронте кровь проливал, завела в районе роман с тыловым лейтенантом. Офицер, когда уже фашиста с нашей земли-матушки теснить да гнать начали, снабженцем при штабе числился, который временно расположился в районном городке, неподалёку от родной деревни Семёныча. Людмила как-то подводу с провиантом сопровождала в тот штаб от деревни. Там и познакомились. Общий язык быстро нашли. И роман Людмилы с лейтенантом развивался стремительно, согласно законам военного времени, без лишних банальных прелюдий, без цветов, без ухаживаний. Но мужа с войны солдатка дождалась. Пришёл Прохор Семёнович весь в медалях. Вернулся радостным, что живой остался, что жену родную увидит, обнимет крепко-крепко, к груди прижмёт, любимую, пусть и одной рукой. Из той деревни-то всего двух мужиков на войну призывали, больше никто по возрасту не подходил. Оставались старики немощные да дети малые. На другого односельчанина ещё в сорок первом похоронку получили, пал он в бою под Москвой. А Прохору Семёновичу повезло живым вернуться. Всей деревней встречали. Посидели всем миром, попили, попели. Встретили, как положено. Одна жена Семёновича в смятении пребывала. С кем жизнь продолжать? Баба ведь ещё совсем молодая, в самом соку, вся жизнь впереди. Посмотрела Людка на мужа-калеку, спать уложила, приласкала, как подобает жене в таких случаях после долгой разлуки. А потом всю ночь прорыдала, и на рассвете, потихоньку, не попрощавшись, к лейтенанту и сбежала. Больше они с той поры не виделись. И как дальше судьба Людмилы сложилась, никто не знал, никто не слышал.

Проснулся Прохор поутру в чудесном настроении. Открыл глаза. В первый раз за долгие, выстраданные пять лет проснулся в родной, мягкой, чистой, тёплой постели, а не на пропитанной кровью больничной койке, не в сырой промёрзшей землянке. На дворе — весна. За окном — яблоньки в белую фату нарядились, птички райскими голосами поют. Будто и не был на войне. В избе — тишина. Ни тебе грохота канонад, отдающего пудовой звенящей кувалдой по голове и дальше по всему позвоночнику до самого копчика, ни изматывающего душу, холодящего кровь в жилах бесконечного, непрерывного свиста пуль. Тишина... Лишь шмель где-то на подоконнике тихонечко шубуршит подусталый, всю ночь бестолковый оконное стекло на прочность проверял: притомился, мохнатый. И дух в избе царит родной. Не забывает, обжигая и разъедающая, ноздри и глотку едкая пороховая копоть. Не раздражает нос тошнотворный приторный запах лекарств и мазей в опустевшей палате госпиталя. А пахнет высушенной сосной дерево сруба, впитавшего в себя и хранящего для будущего потомства душевное тепло своих хозяев. С остывшей за ночь печи пахнет уцелевшими после застолья пирогами. Цветущим лугом пахнет букетик из ромашек и васильков, который Людмила по обыкновению, собрав и принеся в дом с лесной полянки, ставила в стеклянной вазочке на кру-

жевную скатёрку стола. Хорошо дома! На душе хорошо! Из красного угла Богородица с младенцем Иисусом на руках умиленно смотрят на Прохора. Благодать! Да только насторожила вдруг Прохора эта тишина, растревожила не на шутку сердце, как бывало на войне, в траншее, в ожидании боя. Провёл Прохор уцелевшей рукой под лоскутным одеялом справа от себя, повернул голову — нет жены-красавицы рядом. Наверно, во двор вышла по хозяйской нужде. Ну, конечно же! Забыл солдат, что такое хозяйство. Отвык за пять лет. Забыл, что и скотину, чудом уцелевшую при оккупации, нужно накормить, и баньку, видать, жёнушка решила пораньше истопить, чтобы сделать мужу приятно. Повернулся Прохор на левый бок и... будто тот снаряд под Берлином рядом бухнул! Перед глазами стоял настезь распахнутый, наполовину пустой шкаф. В этот шкаф вчера Людмила заботливо вешала гимнастёрку, и Прохор краем глаза видел, что на вешалках рядом с его старыми костюмами висели и её довоенные, разноцветные, пёстрые ситцевые платища. Не раз в окопах, в минуты затишья, Прохор вспоминал свою любимую Людмилку в этих ярких нарядах. Как она в них была хороша и изящна! Вспоминал, как они познакомились, как гуляла она в тех платищах с ним за околицей до первых петухов, как возвращались они украдкой домой, чтобы, не дай Бог, не повстречаться кому-нибудь из односельчан вдвоём, и не дать раньше времени повода для сплетен и пересудов. И вот теперь перед глазами — пустота, как после того страшного взрыва...

Надломился мужик, запил с горя, запил всерьёз и надолго. Не ждал он от жены своей такой подлости. Люди что? Люди понимали, жалели Семёныча. Все в деревне с сочувствием относились к такому крутому повороту в его судьбе. Все, кроме одного человека. Жила в той деревне бабёнка одна. Сучихой её прозвали односельчане. Мало того, что фамилия её девичья была — Сучкова, так она ещё и привычку имела скверную — лаяться со всеми без разбора, как сучка, кипятком ошпаренная. Сучкова Степанида Мефодиевна — полное имя её от рождения. Ох, и вредная! В деревне ту Сучиху все недолюбливали. Мужик её рано, ещё до войны бросил за её норы пакостный. Дети они с мужем не успели обзавестись. Как муж от Сучихи ушёл, так баба совсем с катушек съехала. На весь белый свет озлобилась. А на Семёныча так и во все взъелась. Может, потому что дом Семёныча ближе всех к ней стоял, через забор общий. А на ком люди зло испокон веков привыкли на Руси срывать? На близких да на ближних. Вот и не повезло бедолаге с соседкой. Не давала Сучиха Семёнычу проходу ни днём, ни вечером. Выйдет, бывало, Семёныч во двор. Та его заприметит с крылечка, руки к небу поднимет, кулачки сожмёт и давай, на чём белый свет стоит, орать на всю округу: «Ах ты, пьянь непутёвая! Вы посмотрите на него. С утра уже залился! Смердишь, пьянчуга негодный, за версту! Послал же Бог соседа! У всех соседи — люди как люди, а у меня алкаш покоцанный! Чтоб тебе пусто было! Чтоб ты своим зельем подавился, гад ползучий!» Односельчане и заступиться боялись за Семёныча, чтоб под раздачу Сучихи не попасть. А так что? С хозяйством Семёныч наловчился со временем и с одной рукой управляться. Дров поколет, кашу для поросёнка сварит, птицу накормит. Разве что крупную скотину не держал — хлопотное, непосильное для него это было дело. Пить — пил, но двор всегда в порядке содержал. Да и вёл себя прилично, даже когда под градусом. Из избы в сильном подпитии никогда не выходил, на людях не показывался. Бывало только песни после литра-другого горланил по ночам, когда совсем уже душу клещами зажмёт. Но окромя Сучихи это никому не мешало, никто не жаловался. Люди добрые, чтобы мужик совсем не пропал, занятия ему нашли — наняли коров пасти. И приработок тоже какой-никакой к пенсии. К Сучихиной брани по привычке Семёныч. Чудит баба, ну и пускай себе чудит на здоровье. Не обращал на её закидоны никакого внимания, что ту ещё больше злило.

Так жизнь и шла своим чередом. Кто из деревни в город подался, кто по соседним деревням разъехался, кого Бог прибрал. Так сложилось, что остались на постоянном жительстве в той деревне одни Семёныч да Сучиха. Летом только дачники наезжали. Несколько домов горожане покупали для отдыха. Места там были знатные, богатые на природу. Со всех сторон маленькую деревеньку обнимали могучие вековые леса. Кто-то из селян при обустройстве деревни, поленившись вкопать лишний столбик для забора, приколачивал прогоны для штакетника прямо к развесистым елям, срубив нижние ветви, и те в отместку за причинённую боль, залечив раны душистой смолой, щедро забрасывали огороды хозяев коричневыми огурцами. Нет-нет да сквозь щель между штакетником просунет тёмно-бурую шляпу любопытный коренастый боровик, не догадываясь, что его любопытство будет стоить ему головы. Лесные птицы, не различая границы между лесом и садом, облюбовав ветви яблонь для отдыха, прилетали поглазеть на одомашненных причудливых сородичей. Бывало частенько и дикий зверь наведывался на опушку, но вовремя сообразив, что не рады здесь непрошенным гостям, развернувшись, стремглав убежал обратно в глушь. Среди этой природной красоты и гармонии и приютилась деревенька...

Жить бы Мефодиевне тихо да мирно. Ведь ни одной души людской за версту поблизости. Так нет же! Пуще прежнего на Семёныча накидываться принялась. Как нарочно, то у колодца его подстережёт, то на опушке подкараулит: «Ну что ты за мужик такой? Живёшь, только небо коптишь перегаром. Никому ты в жизни не согдился, не пригодился. Жена, и та ушла. И правильно сделала! Любая бы на её месте сбежала. Кому такой обмылок нужен? Какая от тебя польза? Эх, никчёмный ты человек, Семёныч! Тьфу, на тебя, бес культяпый!»

Семёныч постоит, голову опустит, выслушает Сучихину брань да пойдёт своей дорогой. Так и жили, пока в один из дней не приключилась беда. Как-то поздней ночью, ворочаясь в постели, сквозь сон, слышит Прохор Семёнович крики за окном: «Прохор! Проша!» Вышел Семёныч во двор. Видит у калитки Мефодиевна навзничь лежит, за грудь обеими руками держится и, задыхаясь, стонет: «Проша, что-то худо мне стало. Грудину схватило, дышать не могу. Помоги, Христом Богом прошу, родимый, помираю совсем!» Заволок Семёныч соседку одной рукой кое-как в свой дом, на кровать уложил. Что делать? Осень уже поздняя. Дачники на машинах давно поразъехали. До ближайшей деревни, если напрямки через лес, вёрст этак с пяток будет. Это для бешеной собаки не крюк. А на его ноге больной, да по мхам, да ещё и ночью по тёмному лесу, попробуй, дотопай. И волк, давно не пуганный, в последнее время осмелел, сызнова к деревне начал подбираться. Бродит где-то неподалёку, воеет, жуть нагоняет. Куда деваться? Замахнул Семёныч двести грамм водки разом из гранёного стакана, да и отправился за подмогой. Пробирался через дебри вслепую, торопился, спотыкаясь о кочки да об коряги. Ох, как потерянной руки не хватало от назойливых комаров отмахнуться. Живьём нещадно жрали проклятущие. И размашистые ели ветками да иголками всё лицо в кровь исцарапали. Но доковылял как-то Прохор Семёнович с Божией помощью до соседней деревни. Скорую из района по телефону со станции вызвали. Долго машина ехала, но подоспела вовремя. Благо, что распутица не началась, осень сухая выдалась. Смогли проехать. Забрали Степаниду Мефодиевну в район. В больнице откачали её доктора, на ноги поставили. А Степанида Мефодиевна после того случая враз к Семёнычу душой перевернулась. Из больницы как выписалась, в церковь городскую зашла, свечку за здравие соседа поставила. Как в деревню возвратилась, каждый день Семёныча навещать повадилась. То блинчиков напечёт, то пирогов! По вечерам и стопочку, бывало, подносила. Зажили спокойно, в согласии, по-людски, что называется. Зажили, как добрые соседи...

— Пиво! Лимонад! Пирожки с капустой, пирожки с повидлом! — выкрикивая, словно на митинге, одну и ту же фразу, бренча бутылками, по проходу вагона лавировала, держа обеими руками на выпяченном животе металлическую корзину, грузная женщина в белом халате.

— Постой, дорогуша, — задержала продавщицу Клавдия Спиридоновна. Достав из сумочки кошелёк и отсчитав мелочью тридцать копеек, она заплатила за бутылку прохладного лимонада.

Откупорив бутылку об подстольную открывалку, Клавдия Спиридоновна сделала из неё несколько больших глотков, поставила, лимонад на коленку, придерживая рукой...

— О чём Вы, Клавдия Спиридоновна, задумались? — поинтересовалась Мария Дмитриевна.

— Жизнь, Машенька, штука сложная, — ответила Клавдия Спиридоновна. — После того случая у Семёныча со Степанидой отношения наладились. Живи, не тужи. На пару в двух-то избах... Перезимовали благополучно. Но всё-таки душа человеческая — потёмки. Поехала как-то по весне моя сестра Марфуша в очередной раз к Мефодьевне за медком. Зашла в дом, поздоровалась: «Здравствуй, Степанида! Как поживаешь? Как Прохор Семёнович жив-здоров?» — от ответа чуть мимо табуретки не села! «Да, что ты про эту пьянь спрашиваешь? Какое мне до него дело?» — бросила Мефодиевна.

Марфа, оторопев, перевела дух: «Побойся Бога, Шешка, ведь Семёныч тебя от смертушки неминуемой спас!»

А Мефодьевне шлея под хвост попала, больше прежнего давай браниться: «Чай, у Боженьки всё в руках и было! Глядишь, и не померла бы. Что я ему теперь по гроб жизнью обязана? Было б кому, а то какому-то пьянчужке дрянному! Никчёмному человечешке!»

Марфа на образа перекрестилась, развернулась и прочь из избы. С того дня больше к Сучихе ни ногой.

А дальше, как они там ладили, мы уже только от дачников слышали, которые отовариваться в нашу деревню приезжали. Люди к ним в магазине подходили с распросами, интересовались: «Как там Сучиха? Семёныча до смерти ещё не заела?» — «Нет, жив Прохор Семёнович, — отвечают. — Мефодьевна только разболелась что-то в последнее время. Скотину свою распродала. Козу только с курами оставила, чтобы с голоду не помереть. Мы ей, что попросит, прикупим, привезём. Семёныч с лесу пойдёт, ей пакетик с грибами на забор повесит, ягод каких в лукошке во двор поставит. Но, видать, недолго старушка протянет. Совсем плохая...»

Вот. А года два назад Степанида и отошла в мир иной. Похоронили её за государственный счёт. Правда, говорят, фотографию на надгробье Семёныч за свои деньги ездил в город делать. А как схоронили, так он к нам в деревню и перебрался. Что ему там одному? Всё ж среди людей лучше...

За окном вагона показались крыши малоэтажных домов старинного уездного городка, спрятавшегося за раскидистыми кронами лип. Умывшись дождем листвы на кронах деревьев переливались на солнце разнообразными оттенками ярко-зелёных красок, тронутых и разбавленных пыльной бархатисто-белых цветов. Сквозь щель чуть приоткрытого окошка купе лёгкий ветерок задувал сладко-нежный аромат липового цвета.

— Ну, вот и приехали, — подытожила Клавдия Спиридоновна. — Давай, дочка, собираться помаленьку.

Вагон оживился, загудел, и пассажиры, увешанные разнообразной поклажей, стали протискиваться по узкому проходу к тамбуру на выход.

* * *

Прохор Семёнович, проводив взглядом поезд, закрыл глаза и задумчиво улыбнулся, как будто почувствовал на расстоянии, что хоть кто-нибудь в том поезде да проронит о нём словечко. Хорошее ли то будет слово, плохое ли, ему было не важно. Постояв ещё немного после того, как состав вдали растаял между плотно прижавшимися к железнодорожной колее елями, подняв лицо к небу, он вдохнул полной грудью свежий утренний воздух, чуть разбавленный маслянисто-прогорклым запахом сажи, исходившим от потревоженных поездом старых деревянных шпал, встряхнул плечи, освободил правую руку, подперев палку животом, провёл ладонью под плащом по левой стороне бостонского пиджака, погладил и поправил орденскую планку, затем цепкими пальцами обхватил поудобнее рукоять трости и не торопясь пошагал, прихрамывая, по давно намеченному маршруту в сельпо за поллитровым трофеем. «Нет, — думал он про себя. — Конечно, что не говори, а среди людей лучше».

В МЫТИЦАХ ЕСТЬ «КРЫЛАТЫЕ КАЧЕЛИ»...

Признаться, я никогда не мечтала работать с детьми. Как только вспомнишь этот галдёж на переменках в школе, так сразу думаешь, что тебе это точно не подходит, хотя бы потому, что ты не в силах их перекричать. А уж тем более донести что-нибудь до их сознания...

Всё вышло как-то само собой: возле моего дома открылся после ремонта культурно-информационный центр «Леонидовка». Одноимённый с районом Мытищ, где я уже много лет живу и столько же лет отсюда езжу на работу в Москву... Потом пришла информация, что там не хватает руководителей кружков. Потом я туда наведальась и вскоре приняла на себя обязанности организатора литературно-поэтического кружка.

Название возникло неизвестно откуда. Когда нас объявляют, мол, выступают «Крылатые качели», я понимаю, что тут я немного переборщила с названием, но когда я вижу их лица, светящиеся предвкушением счастья оттого, что вот они вышли на сцену и все на них любят, веселятся вместе с ними, смеются над шутками иронических стихов и тут же затихают, внимая серьёзным стихам, я начинаю думать, что в этом названии есть зерно...

Мой любимый детский возраст 9–10 лет, они ещё верят взрослым безоговорочно, у них ещё столько места незаполненного в голове, успевай только закладывать... Вот я и стараюсь. Я им говорю: «Ваша голова – самый лучший компьютер в мире! Так включайте же её!»

Мы не сразу же стали писать стихи. Сначала мы выступали со стихами российских писателей. Начали с «Вредных советов» Остера, насмешили ими все Мытищи и окрестности. Потом перешли к серьёзным стихам, но я не стала ждать, когда они вырастут, и показала им образцы замечательной русской поэзии о войне: читали Берестова, Окуджаву, Самойлова, Тушнову, Друнину... Стихи давала им на вырост, чтоб вот запомнил в третьем классе, а пригодилось ещё и в одиннадцатом. «Включая голову», мои дети запоминали совсем не детские объёмы стихов, потом в канун 65-летия со дня Победы нам пришлось много выступать с ними. И что бы вы думали: практически каждый из пятнадцати человек, пройди через десяток выступлений, знал не только то, что читал сам, но и то, что читали стоящие на сцене рядом с ним дети.

А потом я сказала: «А давайте попробуем писать стихи сами!» Только не поймите меня неправильно: я не собиралась подарить миру пятнадцать юных Пушкиных. Мои

задачи были проще: дать им представление об основах стихосложения, научить чувствовать завораживающие ритмы стихов и подстраивать под эти ритмы свою жизнь. По себе знаю: вот ты проснулся поутру, и настроение нулевое, и на улице слякоть, и на работе засада, и дома такая тоска, что убежать бы подальше отсюда и поскорей, но ты выгалкиваешь себя за шварник из подъезда и принимаешь привычное направление, бормоча под нос стихи Чухонцева:

«Колючий воздух утреннего Крыма,
И этот свет: не ярок, а слепит.
Скажи, скажи — но грусть необъяснима,
Лишь галька черноморская хрустит...»

И вскоре в твоей походке возникает завораживающий ритм этих чудесных стихов, и они перетекают в твою душу и в ней возникает совершенно иной настрой... Вдохновенный...

Вот, размышляя об этом, мы потихоньку взялись сочинять. И сейчас вы можете посмотреть, что из этого вышло!

Может быть, ни один из них не станет поэтом. Может быть все до одного будут менеджерами. Но уметь сочинять пригодится им и в этом случае... Ведь что у нас движет рекламу? — Хороший слоган! А какой слоган хороший? — Конечно рифмованный. Вон в нашем дворе висит громадный рекламный щит, на нём изображена злая тетенька, указывающая скалкой на вход в торговый центр, а слоган звучит так: «Не купил супруге платье — не надейся на объятья!» Ну что, складно? — Складно! А справедливо? — Разумеется, справедливо!

ЛИЗА СПИРИНА

СТИХИ О ПУШКИНЕ

Ну кто не знает этого поэта?
В России он любим и знаменит!
И для меня нет ни весны, ни лета
Без пушкинских великолепных книг.

В каникулы под деревом читаю
И грею душу строчками стихов.
Ведь и сама я тоже сочиняю
Про жизнь, про мир и даже про любовь!

ВЕСНА

Солнце пригрело. Капель зазвенела,
Ручьи понеслись кутерьмой!
Шагаем мы смело. И песни умело
Скворец запекает весной!

Поёт он о мире. О мире чудесном!
Заводит весеннюю трель.
Весна к нам приходит! Весна к нам стучится!
И мы открываем ей дверь!

ЖЕНЯ БУРМИСТРОВА

УТРО

Бабочки порхают над лугами!
Во весь голос птички нам поют.
Утонули рощи в птичьей гаме,
Облака, как лебеди, плывут.

ПОЖАР

Разбудив сигналом длинным
И тревожным светом фар
Всех вокруг, летит машина -
Сразу видно – на пожар!
Лишь бы не было беды,
Лишь хватило бы воды!
Лишь хватило бы отваги
И умения у людей,
Выносящих из пожара
И старушек, и детей!

ДИМА ЗОЛОТАРЁВ

* * *

Как хорошо пить чай в Мытищах
В погожий день в кругу друзей.
Приятней места не отыщешь
И нету города родней.

ТВЕРЬ

Я приеду в город Тверь –
Приоткрою в детство дверь.
Я родился здесь и рос:
Здравствуй, Волга, здравствуй, плёс!

Вновь родной любимый край
Мне объятья раскрывай.
Жизнь здесь тихая течёт –
Словно лодочка плывёт.

АЛИНА ГАЛИМОВА

НАЧАЛО ВЕСНЫ

Вот март настал. Уже блинов наелись
И чучело глазастое сожгли.
Но всё ещё позёмки и метели
Подальше в лес от нас не уползли.
Но вдруг ручей – он первый. Очень робкий!
А вон капель затенькала с утра!
И капли бьют в стекло без остановки!
Иди же к нам весна! Уже пора!

МАЙСКИЙ ДЕНЬ

К нам май пришёл. И солнце светит ярко!
И птицы с юга вновь вернулись к нам!
И стало вдруг тепло, почти что жарко!
И всё слышнее птиц весёлый гам.

На ветках тополей раскрылись почки,
И детский смех гул улиц заглушил!
И рвутся поэтические строчки
Из радостной, доверчивой души!

ТИГРАН ДЕЯНОВ

КАТОК

Звонил с утра друзьям я рано,
Все спят, никто не отвечал,
Но глупо спать весь день упрямо,
Я взял коньки и побежал.
Каток блестит, как дискотека
И снег летит, но он не вечен.
В большой толпе узнал я сразу
Своих друзей, как по заказу
Явились Глеб и Тёма Красин
И было много игр разных.
На льду был Тёма безобразен,
Он на коньки не встал ни разу!
А вот и чудное мгновенье,
Явилась Катя перед ним,
Увидев чудо в ослепленье,
Погнался Тёма на замин.
Спросила Катя – «Прокатнёмся?
Туда, обратно и домой!»
Мы смотрим с Глебом и смеёмся!
Хорошенький он стал какой!

НАТАША АНТОНОВА

Не печалься, ступаем мы вместе по зимней дороге.
У дороги – сосна, мы идём и любимеся ею.
С наступлением Нового года мы станем взрослее.
И окажемся рядом у нового дня на пороге.
– С Новым годом! – кричим мы. И вдруг появляются слёзы.
Слёзы радости. В льдинки они превратятся.
Иль в снежинки... В красивые зимние звёзды!
Чтоб встречать Новый год, нам не нужно совсем расставаться!

ПОХОД

Снег летит, метель метёт,
По дворам бредёт народ.

Ну а мы пойдём в поход!
Взял вещички и вперёд.
Мы поставим здесь палатки
Прямо у лесопосадки...
На снегу уснём мы сладко –
Жизнь моя для всех загадка.

ВИКА ЩЕРБАКОВА

СКОРО КАНИКУЛЫ

Месяц май открывает страничку,
Прилетают чудесные птички,
Ручейки голосисто журчат,
Набухают зелёные почки,
Просыпаются звери, листочки,
Свежий воздух, как будто в лесу.
И меня это всё окрыляет!
Я беру самокат и лечу,
Я лечу и весной наслаждаюсь
После долгой протяжной зимы.
И в душе моей солнце играет,
И кругом расцветают цветы.
Мне так радостно, так интересно.
Улыбается солнышко мне
Настроение скачет до вышки,
Это здорово, словно во сне!
Я смеюсь дуновению ветра,
Я играю под тёплым дождём.
Неспроста я пишу эти строчки
Скоро лето, и дело всё в том...
Что каникулы жду с нетерпением,
И весна тут совсем ни при чём!

АРТЁМ КАРЕТНИКОВ

ШКОЛЬНЫЙ АВТОБУС

По утрам лесной дорогой
Наш автобус, как ракета,
Мчится к школе неустанно
И везёт с собой детей.
Анекдотов слышно много,
И приветов, и ответов.
Если б двойки отменили –
Жить бы стало веселей!

ЛАБРАДОР МАКС

День сегодня не задался-
Я пошёл гулять во двор.

На помойке там питался
Настоящий лабрадор.
Я привёл его домой -
И теперь он будет мой!
Имя мы его не знали –
Максом мы его назвали.
Он теперь наш лучший гость
Мы ему купили кость.

НАША КОШКА

Наша кошка круче всех –
Хорошеет с каждым днём.
Средь котов большой успех –
Без котят мы не живём.

СОНЯ БЕЛЯВСКАЯ

ИЗ ЛЬВЁНКА В ЛЬВА-ЦАРЯ

Жил был львёнок в зоопарке,
Рос он, рос. И стал он львом.
Львом- царём стал величавым,
Грозным, сильным и кудрявым!

КРИСТИНА ПЕТРОСЯН

* * *

Моя мамуля – суперкласс
Она же сказочный фантаст.
Расскажет сказку перед сном
И вместе с мамой мы уснём!
Смешаем сказку мы и сон,
И сказка доброй будет...
И сон твой будет наведён
На сказочные будни!

ИГОРЬ РУЦКОЙ

В моей семье главное папа,
И мама главная у нас.
Где что лежит: носки и шляпа,
Рубашка – всё найдёт тотчас...

Всё постирает и погладит,
Всё уберет и принесет.
Нам приготовит и поставит,
Покормит, снова унесёт.

И всех нас мама приголубит,
И поцелует и прижмёт.

Уж очень всех она нас любит,
Всех и всегда она поймёт!

И нет на свете лучше мамы,
И нет любимее моей!
Мы все – семья! И вместе с папой
Ещё нас пятеро детей!

ПАВЕЛ ПАНФИЛОВ

Звать меня Панфилов Паша,
Мне всего лишь 9 лет,
Папа мой таксистом «пашет»,
Мама варит нам обед.

Вместе мы живём все дружно,
Нам ругаться ни к чему.
Что-то сделать папе нужно -
Помогаем мы ему.

В третьем классе я учусь
Грызу гранит науки,
В школе каждый день тружусь
Устают аж руки.

Я болею за «Динамо»,
Папа любит наш «Спартак».
За кого болеет мама
Не поймём пока никак.

Летом я спешу на море
У меня там дед живёт.
На рыбалку мы с ним ходим
У него есть свой вельбот.

Ловим рыбу мы кефаль,
Камбалу таскаем,
Рыбку мелкую нам жаль
Её мы отпускаем.

Вот примерно так живу
В мирском круговороте.
Не курю я, и не пью,
У девочек в почёте!

Изба-читальня № 23. Приморский литературный журнал. Владивосток, 2010. — 120 с.

Изба-читальня № 24. Приморский литературный журнал. Владивосток, 2011. — 134 с.

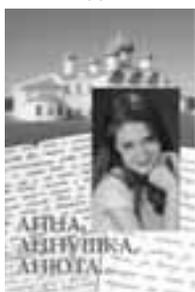

Уж очень располагающее название, ну просто как никакое другое. В такой избе в прошлом веке и читать научат, и книжку занимательную дадут — садись на лавку у окна с геранями и наслаждайся. Видимо, этим путём и идёт приморский журнал, по крайней мере, старается соответствовать образу. Интересное чтение здесь есть, и прежде всего это проза. Вот рассказ «Трофимыч» Виктора Квашина. Герой, как теперь говорят, «кинут» жизнью: потерял в автокатастрофе семью, скитался, теперь работает на хозяина на таёжной пасеке — и пчеловод, и сторож — за кошт. Спасает молодую женщину, тоже обойдённую удачей. Следует, как вы уже догадались, счастливый конец. Она продаёт в городе квартиру, выкупает пасеку и возвращается к Трофимычу. Мелодрама, скажут критики. Тем не менее, едва не самый любимый народом жанр. Есть в этом номере и совсем иные — морские были Евгения Фёдорова. Уж тут-то непридуманной жизни, что воды в океане. А юмор начинается прямо с названия повести — Ж.О.П. (ы). Аббревиатура из лексикона помполитов — женский обслуживающий персонал. Да, о них и иже с ними ведёт автор повествование. А что такое женщина на судне даже вся сухопутчина знает, но по меньшей мере, явление это вовсе не скучное. И прав местный обозреватель журнала — такое мы читали только у Виктора Конецкого.

Если читателю всё ещё мало разнообразия и жанров, журнал предлагает «Блистающий мир» Владимира Маратканова. Этакие посиделки у костра любителей побродить с рюкзаком по родному краю. Тут вам и целитель, и видения, и змеи кишмя, и образ жизни, и философия — в обоих номерах с продолжением под рубрикой «Загадки-разгадки». А ещё замечательная повесть писательницы и художницы Тамары Алёшиной «Письмо от Рокуэлла Кента», и пара коротких рассказов икорного мастера Евгения Пермякова прямо из Охотского моря — через спутник... Вот так «строится» эта «Изба». Делает её примечательной и рубрика «Наша публицистика» — дайджест из фрагментов выступлений разных изданий, чаще это «ЛГ», звучащих остро на злобу дня, конкретных и ёмких. Только один пример — «Тайны священной коровы»: что можно сделать из барреля нефти. Наверняка знает далеко не каждый. А узнавши — удивится: так много всего! Да ещё и рабочие места на перерабатывающих предприятиях. Выгоды от глубокой переработки нефти — не тайна, она в другом: почему страна продаёт сырьё.

Анна, Аннушка, Анюта... Сборник воспоминаний. Набережные Челны, Татарстанское отделение Союза российских писателей, 2011

Кризис нынешнего общества — в падении института семьи, этой главной его составляющей. Проблема налицо, и на всех уровнях о ней говорится очень много. Но в литературе она почти не находит отражения. Книга, которую вы держите в руках — иного толка. И хотя написана она в форме дневника отца, пережившего и ещё переживающего жестокую трагедию — потерю дочери, она всё же о семье, её родных, близких, друзьях, просто знакомых. В самый сложный и невероятно трудный период жизни семья Суворовых сохраняет любовь, единство, уважение и нежность друг к другу. Вы, конечно, обратите внимание на стиль общения в этой семье, её внутренний лексикон со множеством ласкательных обращений и просто какой-то одарённостью чувствовать, осязать состояние души родного человека. Отношения внутри семьи словно перекидываются и на отношения с внешним миром — здесь органично присутствуют и любимый цветок, и котёнок, и добрая соседка, и множество друзей. Читая дневниковые записи сражённого горем Виктора Семёновича, пытающегося быть мужественным и признающего, что получается это не всегда, Вы переживёте непростые моменты и, как и я, может быть, не удержите слёз. Но это будут очистительные слёзы: так светла память об ушедшей!..

Рифмы солнечных лучей. (Поэты Грузии в переводах русских поэтов). Стихи. Москва, 2011. — 190 с.

Строфы нового века. (Поэты России в переводах грузинских поэтов). Стихи. Москва, 2011. — 248 с.

Перед нами новый проект двуязычной серии книг Международного сообщества писательских союзов. Председатель Исполкома этой организации Иван Переверзин стал инициатором и главным редактором серии. В предисловии к первой книге он пишет: «... поэзия всегда выступала в качестве вестника мира и духовности, помогая всем глубже понять душу народа и укрепляя тем самым дружеские, деловые и культурные связи между различными государствами... Мы хотим знать и читать произведения друг друга. Мы хотим, чтобы стихи современных грузинских поэтов, не встречая на своём пути границ и преград, пришли в Россию, а затем летели по миру и объединяли людей в большую семью». О чём же они, стихи современных грузинских поэтов? О заброшенном поле пишет Багатер Арабули: «И лишь во сне в нём шепчутся цветы,/и память видит образы сквозь дали —/как острый плуг легко взрезал пласты/и люди зёрна в борозды бросали». Такие поля есть в каждом краю России, значит, и боль одна... Грешник — и тот общий: «Иуда — каждый третий,/Иуда — первый друг/Грехи былых столетий/сошлись в единый круг» (Реваз Артилаквва); «-Как звать тебя, мальчик?/-Иуда./-А денежку хочешь?/-Конечно./ Вот с этого всё и пошло» (Евгений Чепурных). А стихи о детях? Они — переключка не только стран, чьи культуры соприкасались веками, но и целых континентов. Как и стихи о Родине — большой ли, малой — они у любого поэта исходят из сердца. Достаточно их и в этих сборниках, чьими авторами стали известные поэты Грузии и России, среди которых Владимир Шемшученко, Николай Переяслов, Владимир Коробов, Нино Сихарулидзе, Заая Эбаноидзе, Маквала Гонашвили — председатель Союза писателей Грузии, предварившая основное содержание сборника «Строфы нового века». После крушения Вавилонской башни люди задумались,

на каком языке отныне общаться с Богом? «Я же уверена,— пишет во вступительной статье М. Гонашвили,— что слово Господне это поэзия... Эта книга является продолжением великих грузинско-русских литературных традиций и безошибочным свидетельством того, что усеянный терниями путь двух православных народов к Божьему Храму пересечётся только в том случае, если мы возьмём в дорогу любовь, прощение, память о прошлом и надежду на будущее».

Из рода богатырей. А. Г. Комиссаров. *Набережные Чёлны, 2011. — 236 с.*

Шесть лет назад издательский дом «Новости мира» приступил к выпуску серии книг «Жизнь во благо». Вот эта — очередная. Она посвящена русскому учёному В.М. Бехтереву и его роду. Академик Владимир Михайлович Бехтерев — выдающийся российский учёный и организатор науки, врач — невропатолог и психиатр. Автор более тысячи опубликованных работ, основатель более 40 различных учреждений, среди которых такие институты, как Психоневрологический (ныне носящий его имя), Санитарно-гигиенический, Нейрохирургический, Ветеринарный, Педиатрический, Химико-фармацевтический, первый в России частный Университет, в котором преподавали знаменитые учёные того времени. Владимир Михайлович основал более десяти периодических изданий, а как практикующий врач вылечил десятки тысяч тяжелобольных. Он из той плеяды богатырей науки — говорится в предисловии от издательства — что и Мечников, Сеченов, Павлов, Менделеев, основавшие целые научные направления. Из потомков великого учёного наиболее известна внучка Н.П. Бехтерева, наша современница, ушедшая из жизни в 2008 году. Выдающийся физиолог минувшего века, Наталья Петровна была научным руководителем Института мозга человека Российской академии наук. Исследования привели академика Бехтереву и её учеников к выводу об огромнейшем потенциале нашего мозга, который в режиме сверхзадачи способен почти на невозможное. Пример тому — ленинградцы, выжившие в блокаде.

Книга рассказывает о многочисленных ветвях родословной Бехтеревых с 17 века. Многие из них были церковнослужителями, а Владимир Михайлович родился в семье станового пристава в селе Сарали (ныне Бехтерево) Елабужского уезда Вятской губернии, теперь это район Татарстана. В сельской школе работает музей, рассказывающий о жизни и деятельности знаменитого земляка. В 2007 году в Елабуге во время торжеств в честь 150-летия со дня его рождения открыт первый в стране и в мире памятник выдающемуся сыну России Владимиру Михайловичу Бехтереву. В недалёком прошлом небольшой провинциальный город, нынешняя Елабуга всё больше привлекает людей культуры и науки. Здесь проходят «Международные Цветаевские чтения», «Международные Стахеевские чтения», чтения на тему «Языки и литература тюркских народов: история и современность», а с момента открытия памятника — «Бехтеревские чтения в Елабуге», куда съехались десятки учёных, исследователей, врачей из многих городов страны. Конечно же, в конференции участвовал и председатель «Бехтеревского врачебного общества» — кандидат медицинских наук, заведующий отделением Набережночелнинского неврологического диспансера А.Г. Комиссаров, ко всему прочему ещё и член Союза краеведов России, написавший эту нужную познавательную книгу.

Марина Сальгина. *Слеза Европы. Рассказы. Москва, 2011. — 256 с.*

Герои юмористических рассказов М. Сальгиной живут рядом с нами — на одной коммунальной кухне, в офисе, на даче, в отпуске. Узнаваемые, близкие, а то и вовсе родные. И назвать-то эти маленькие рассказы хочется, по журналистской привычке, зарисовками с натуры,— настолько атмосфера в них привычна и понятна. Но в этой обыденности автор

умеет увидеть то, о чём можно сказать с добрым юмором и на что читатель улыбнётся или покачает головой, мол, хоть плачь, хоть смейся. Вот баба Клава, явный выходец из деревни, которая по простоте душевной носит в химчистку одежду всех соседей, ибо пользуется пенсионерской скидкой. Сегодня же вернулась расстроенная: не приняли у неё свадебное платье, говорят, обманываешь нас... Да ещё дочка кумы вручила подарок, о назначении которого гадали всей кухней, пока не позвонили одному умному человеку. Оказалось, приспособление служит для того, чтобы ровно обрезать макушки у яиц, когда их всмятку подают на завтрак в специальных формочках. Словом, всё, как в жизни.

Это не первый сборник М. Сальтиной — режиссёра, актрисы, педагога. Её рассказы публикуются в разных журналах, наши читатели также имели возможность познакомиться с её творчеством на страницах «Аргмака».

Николай Красильников. Охотничий ветер. Стихи. Москва, 2011. — 100 с.

По названию и оформлению сборника видно, о чём он. Но охоты в прямом смысле слова здесь нет. Даже внезапно испугавшись змеи, герой стихотворения опускает ружьё: «Не виновата, ведь, чертовка,/Что в красоте таится яд!» Красота же — зверя, птицы, муравья, сосны, весеннего утра — присутствует в каждом стихотворении. Вот «дуэльный франт, косач-повеса», вот медведица купает медвежат, вот «выбежал растерянный лисёнок и застыл во всей своей красе», вот «старинной песней позабытой глухарь волнует сердце мне». Разумеется, лирический герой Красильникова много раз провожал и встречал журавлей, чьи клики «родниково прозрачны, чисты и набатны», но... «отчего же каждый раз мою бедную душу знобит?». Может быть, оттого, что вмещает она восторг, радость, грусть, удивление, да целый сонм чувств от общения с природой, от встреч на лесных тропах?... Старый пасечник один живёт на кордоне. «А семья?/Да — война.../В общем — бомбой./В сорок втором.» Он рад каждому гостю, заведёт в дом, угостит мёдом, спросит, как на вкус. «Я блаженно молчу, отвечаю кивком.../Сладок мёд.../Да на сердце/Горчит».

Городской житель Николай Красильников — поэт, журналист, писатель — автор десятков книг, в большинстве своём они о природе. Это издавна присуще русской литературе. Заповедные уголки родных мест воспели Тургенев, Пришвин, Аксаков, Толстой. В чести данная тема и у нынешних литераторов. Например, в антологии вятской литературы один из томов — это сборник П. Маракулина, от которого тоже не оторваться, так как здесь есть всё, чем живёт вятская деревня — от огорода, леса, рыбалки, бабушкиного кота до рассказа о том, как правильно вырыть колодец. А наши читатели познакомились с творчеством нижекамца Николая Матвеева — во втором номере «Аргмака» были опубликованы две зарисовки из его книги «Рыбачьи страсти и встречи».

Пётр Ткаченко. Драма Грозного царя. Литературно-критическая повесть. Москва, 2011. — 301 с.

Новая книга писателя, публициста, критика П.И. Ткаченко — «это не историческое исследование, а скорее мировоззренческое повествование», обращённое к личности Ивана Грозного. Споры о первом русском царе не утихают несколько столетий. Он стал героем литературных произведений, научных работ, кинофильмов, живописных полотен. При этом мнения авторов полюсно противоположные. Одни видят в нём жестокого извращённого человека, едва ли не шизофреника. Другие — умного, образованного государственника, глубоко преданного христианской вере. Проводятся параллели со Сталиным и Петром

Первым. Крови возле каждого было предостаточно, тем не менее оба поименованы державниками, Пётр – Великим. Грозному же достаётся хула. Это при том, что он продолжил благое дело деда и отца – соби́рание русских земель в единое государство. При нём завоёваны Астраханское и Казанское ханства, началось присоединение Сибири, а долгая Ливонская война велась за выход к Балтийскому морю. При нём установилась связь с Англией. При нём проведены реформы управления и суда, составлен Судебник. В Москве открыта первая типография, начался созыв Земских соборов. В вину Грозному всегда ставят опричнину. А если это была вынужденная мера? Шли бы добровольно под сильную руку царя знать и бояре, привыкшие к своевольному удельному княжению? Надо полагать, он испытывал колоссальное сопротивление. Угроза смерти постоянно висела над ним и его семьёй, многие члены которой, как считают историки, были отравлены.

Пётр Ткаченко оценивает книги о Грозном, изданные в наше время и ранее, и приходит к неутешительному выводу: авторов, объективно рассматривающих (снимающих, живописующих) царя и его эпоху, значительно меньше, чем прочих. А прочие делают это с позиций сегодняшнего дня, когда мы говорим о бесценности человеческой жизни, праве свободно мыслить и т.д. Только средневековые жили иными мерками и тирания, которую лишь одну видят многие в той России, точно так же процветала в Европе. Личность царя формировалась в условиях своего времени. Проявилась в его деяниях, о которых сказано выше, а также в его литературных творениях. Много внимания П. Ткаченко уделяет переписке Грозного с Курбским, сбежавшим якобы боясь опалы и ставшим участником войны с Россией. Три его послания царю и два ответа Грозного составили уникальный литературный памятник средневековья. По этому поводу академик Д.С. Лихачёв пишет о Грозном: «в его писательской деятельности сказалась его исключительная талантливость... Ничего отдалённо похожего мы не находим во всей древней русской литературе». Письма Курбскому с предельной ясностью раскрывают духовный и мировоззренческий облик, понимание им задач, стоящих перед страной. «Это был тот редкий случай в истории России, когда рядом с царём по сути не находилось людей, равных ему по интеллекту, образованности, государственному мышлению, и главное – по той силе духа и государственной воле, которые и позволяют человеку безошибочно распознать вещи этого мира в их истинном свете. Это-то Ивану Грозному и не прощается до сих пор». Знакомство с «Драмой Грозного царя» сулит читателю часы размышлений, открытий, познания истории своей страны, связи эпох в ней. Книга написана на обширном материале, написана заинтересованно, полемично-истинным русским патриотом.

Николай Лугинов. Мать и жёны Чингисхана. Роман. Москва, 2010. — 144 с.

От Байкала до китайской стены простиралась Великая степь. И была она обильно полита кровью. Ибо множество кочевавших по ней племён и родов беспрерывно враждовали между собой. Но в середине 12 века у знаменитого батыра, из всех битв выходявшего победителем, родился сын, которому в мировой истории было суждено занять видное место – Тэмучин. Ещё будучи юношей он понял: междоусобицы – худший образ жизни, а чтобы каждый род процветал и множился, племена Великой степи должны быть собраны в единую сильную империю. Более двух десятков лет потребовалось ему, чтобы стать главой монгольской Орды – Чингисханом. Конечно, природа щедро наделила его умом, отвагой, даром повелевать, но, говоря современным языком, нужны ещё команда и обеспеченный тыл. И вот тут-то главным лицом была его

мать Ожулун — мудрая, дальновидная, любящая, после ранней смерти мужа ставшая старшей в роду. С каким почтением внимали ей дети и внуки... И традиционное монгольское «ты сказала — мы услышали» означало лишь одно: каждое веление матери будет исполнено. Они с сыном были достойны друг друга.

О судьбе этой женщины и рассказывает в своей книге народный писатель Якутии Николай Лугинов — заслуженный работник культуры РФ, лауреат нескольких литературных премий. Многие годы он работает над образом Чингисхана. Его роман «По велению Чингисхана» лёг в основу фильма «Тайна Чингисхана», выдвигавшегося на премию «Оскар». Новый роман «Мать и жёны Чингисхана» даёт широкую картину жизни степных народов — их быта, занятий, обычаев, культуры, верований, наконец, менталитета. Через живые образы кровников и сподвижников прослеживается становление великого полководца. Но прежде всего — это роман о Женщине, несомненно, с большой буквы.

Степь да степь... Степь в русской поэзии XIX–XX века. Стихотворения. Волгоград, 2010. — 336 с.

Доктор философских наук Леонид Карасёв пишет во вступительной статье «Степная песнь»: «Глубоко вошла в русскую душу дума про степь. Много значила степь в прошлом, не менее значит она и теперь: без её просторов образ России был бы неполон, приблизителен. А потому редкий поэт обошёл степь молчанием, не написав о ней искренних — светлых, лёгких или грустных строк». Вот некоторые из них. Евгений Боратынский: «... и вновь/Я вижу вас, родные степи,/Моя печальная любовь.» Алексей Кольцов: «Ковылём густым/Степь белеется,/Травкой шёлковой/Зеленеется./Ты цветёшь красой,/Степь привольная...». Павел Васильев: «Родительница-степь, прими мою,/Окрашенную сердца жаркой кровью,/Степную песнь! Склонившись к изголовью/Всех трав твоих, одну тебя пою!». Василий Макеев: «В моей крови течёт степная горечь...» Елизавета Иванникова: «Отпусти меня в степь золотую,/За смородиной знойной пусти!». Геннадий Дементьев: «Словно в сказке дедов о сивке,/У степи широкая спина,/Хорошо у лета на загровке —/Не нужны седло и стремяна». Константин Бальмонт: «И мерцание мелькнувшее/Исчезает за туманами;/Утонувшее минувшее/ Возникает за курганами».

Степь для русских поэтов — символ свободы, вечности, земли-кормилицы. Если для поэтов позапрошлого века это чаще возвышенный образ, то в строках сегодняшних стихотворцев уже слышна озабоченность судьбами степей. Антология степной поэзии включает более полутора сотен авторов — от классиков до современных поэтов. Этим книга особенно интересна. Составил её известный волгоградский поэт Борис Гучков, чей последний сборник мы уже представляли нашим читателям. Остаётся добавить, что издание красиво выполнено, в нестандартном формате; несомненно, это — достойный подарок любителям поэзии.

М. Саввиных. Сага о Красноярске. 2011.

По объёму издание совсем невелико, чуть более десятка страниц. Вроде, и книгой-то не назовёшь. Но это до начала чтения. Именно об этой тонюсенькой книжице, об этой «Саге» говорит народная мудрость про «мал золотник...». Выношенное, страстное признание в любви. В нём столько дочернего уважения к историческому прошлому города, сибирского края, наконец, собственного здешнего рода. Столько гордости за деяния земляков с их известным сибирским характером, подставлявших плечо Родине в трудную годину. И горечь от картины сегодняшнего дня России, которая

опять на изломе... Мы, живущие по эту сторону от Урала, ближе к Европе, успевшие разочароваться в её демократии и ценностях, копим в себе сомнения и неверие. Сибирь, наоборот, сильнее. По крайней мере, «Сага о Красноярске» утверждает, что будущее у нас есть, и оно в следующем: «Когда я говорю, волнуясь, «мы»,/То в этом слове — тяга поколений/К народному бессмертному единству.../Мы все — сибиряки.../Нам есть, что защищать и что любить./И дай-то Бог, чтоб дальние потомки/Нас добрым словом так же помянули./Как благодарны пращурам своим./Мы их над братской чашей поминаем!». Автор сказания, написанного белым стихом на чистом русском языке и прочитываемого от первой до последней строчки, это называется, одним махом,— Марина Саввиных. Поэт, прозаик, публицист, главный редактор литературного журнала для семейного чтения «День и ночь», многими отмечаемого среди лучших в стране.

Биктимир Мурясов. Набережные Челны — моя судьба. Казань, 2011. — 304 с.

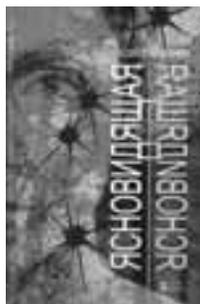
С мемуарной литературой мы встречаемся всё чаще и чаще, она прямо наступает на пятки художественной прозе с её бледными героями, существующими зачастую по принципу квд (куда ветер дует). А тут — всё осязаемо: многие герои со страниц книги и сегодня живут рядом с нами, а ушедших помнят сотни и тысячи, в первую очередь челнинцы, потому что вместе делали одно общее дело. Его масштаб сравнить не с чем: более грандиозной стройки, чем в Набережных Челнах, страна не знала. Автор отображает это многочисленными эпизодами, называя десятки и сотни имён конкретных людей. Они не месили бетон, не вели дороги, не монтировали заводские корпуса и жилые дома — они были организаторами, штабом, мозговым центром, мобилизующей и движущей силой. Автор из их числа. Сам строитель по образованию, он со знанием дела рассказывает о руководителях высшего звена, по долгу и совести отвечавших за всё, что происходило в 70–80-е в челнинской «буче боевой, кипучей». Восемь лет работал Биктимир Гизатуллин заместителем председателя горисполкома, и эти годы считает «самыми трудными, самыми напряжёнными,— но и самыми счастливыми!», потому что его «желание жить и работать для людей воплотилось в конкретные дела и приметы городского облика»: «...любая улица и переулок мне близки и дороги, практически каждого человека тогда я знал хотя бы в лицо».

Разумеется, за долгий жизненный путь автору довелось побыть и на многих других должностях, например, заместителем начальника строительства гидроузла на реке Евфрат в Сирии. А последнюю главу своей трудовой биографии автор так и назвал: «Кормящий цех КАМАЗа». Генеральный директор автомобильного объединения Николай Иванович Бех пригласил его к себе заместителем, и вместе с Биктимиром Гизатуллинчиком они создали мощную систему общепита, куда входили заводские столовые, кафе, буфеты, фабрика-кухня, пригородные совхозы.

Но кроме всего прочего эта книга — ещё и искренний рассказ о себе, о личной жизни, где любовь — одна на всю жизнь, где много душевного тепла по отношению к старшим поколениям — к своему роду и роду жены, где гордость за детей, выросших похожими на родителей. Словом, эта книга написана счастливым человеком.

Александр Воронин. Ясновидящая. Роман, повесть, новеллы. Казань, 2011. — 333 с.

В сборник прозы вошли криминальный роман, детективная повесть и фантастическая новелла. Книга казанского писателя, драматурга и сценариста Александра Воронина — это его попытка доказать, что популярные жанры, занимательные сюжеты и загадочные события только помогают автору показывать реальных героев в условиях захватывающего

круговорота, в который попала Россия в конце прошедшего века. Роман «Ясновидящая» публиковался когда-то в «Молодежи Татарстана». Повесть «Лиенере» печаталась в журнале «Казань». А детектив «Везунчик» написан для первого городского конкурса художественных произведений о милиции, который потом вырос во всероссийский конкурс МВД «Щит и меч». Кстати, в том первом конкурсе Александр Воронин стал победителем, наградой за первое место были компьютер и публикация повести в «Казанских ведомостях», куда вскоре писателя пригласили работать. И вот прошло десять лет... Жаль, что Татарское книжное издательство так долго готовит к изданию книги русскоязычных авторов. С другой стороны, может, это и к лучшему?

Во всяком случае, теперь повествование о тех «лихих 90-х» воспринимается сквозь историческую перспективу «никаких нулевых» и начавшееся новое «страшное» десятилетие – с мировыми экономическими кризисами, социальными взрывами в Африке и Европе, природными катастрофами... Но их уже опишут новые писатели, которые идут на смену «поколению, потерявшему в СССР»

Наталья ПЕРВОВА

ПО СОКРОВЕННЫМ ЗАКОУЛКАМ

ШИРОКАЯ ДУША

Ах, необъятна широтою
Моя российская душа.
С непряснённою мечтою
На мир взираю не спеша.

Полурусак – полутатарин,
Кулацкий внук, чекиста брат,
Хозяин лавки на базаре,
Марксизма бывший аспирант.

О, как желаю я ретиво
Весь мир насилия взорвать,
Когда амбал ко мне лениво
Приходит деньги забирать!

Сочтя маржу, уйдёт бродяга,
Мне вскользь щёку потерябя.
А я в мечтах отцом ГУЛАГа
Представлю мстительно себя.

Мне как Авроры залпом гулким
В душе смешались даль и близь,
По сокровенным закоулкам
Серпом и молотом прошлись.

Чтобы не вспыхнуло пожара,
Чтоб катастрофа не стряслась,
Вся совесть нашего базара
Возле киоска собралась.

Все те, кому Россию жалко,—
Один застенчивый фашист,
Путанка Клава — либералка
И грузчик Вася — монархист.

Томясь Отчества судьбою,
Едва сойдёт базарный гам,
Мы пятой власти меж собою
Распределим по двести грамм.

Ещё пришёл водитель Дима,
Когда в гараж поставил «ЗИЛ».
Он Евразийской парадигмой
Под самогонку нас «грузил».

Хоть каждый был принципиален,
В одну ударили мы цель
И, как один, забраковали
Однополярную модель.

Увы, гармония не спелась —
В деталях что-то не срослось.
А как соборности хотелось!
Но — как обычно — не смоглось.

Водитель с выраженьем танка
Крушил бутылкой мне мозги,
А либеральная путанка
Мочила грузчика с ноги.

Менты заполнили дорожки.
О, Родина! Куда идти?
И надо ж взяться чёрной кошке
На историческом пути!

Спаси, Господь! — чего б не вышло!
Я в нерешительности встал.
«Аллах акбар!» и «Харе Кришна!» —
Ещё для верности сказал.

ВЛАСТИТЕЛЬ ДУМ

Тихо скрипит мирозданье шарнирами,
Звуки разносятся горными лирами.
Где-то звезда во вселенной рождается,
Где-то поэт в гонораре нуждается.
Тихо планета в пространстве летит.
Тихо издательство небо коптит.

Ходят по офису люди нарядные,
Все – дарования незаурядные.
Вот они – строчек нетленных создатели.
Вот они – книжек блестящих издатели.
Классиков гордых шеренга стоит.
Спонсор пузатый над ними царит.

Тяжко шагая крутыми ступенями,
Сил не щадя, содрогаясь коленями,
Вверх графоманов отряд поднимается.
Жажда признанья во взорах читается.
Булькает, звякает каждой сумой
Творческой жизни источник живой.

Если писатель к прилавку спускается,
В море народной любви он купается.
Все гастрономы в районе издательства
Взяли повышенные обязательства.
Хоть не читал там никто ни строки,
Как же размеры любви велики!

Сколько бы яства столы не сгибали бы,
Сколько мы тостов не провозглашали бы,
Сколь не гремели бы песни раздольные,
Сколь не крепчали бы шутки фривольные, –
Ясный блестит над стаканами ум.
Вот что такое властители дум!

Только один лишь поэт опечаленный
Снова завяз в паутине глобальной.
Вместо того, чтоб душою компании
Плыть в фимиаме, любви и признании,
Вместо того, чтоб глядеть веселей,
Взглядом безумным буравит дисплей.

Так проявляется, паче хотения,
Крайняя степень его опьянения.
Вот уже пары в ночи растворяются,
Тьма за окошком рассветом сменяется,

В спину луна с укоризной глядит,—
Он у экрана, как зомби, сидит!

Вдруг негритянка ему улыбается.
Еле в экран её прелесть вмещается.
Вот долгожданное музы явление.
Сердце поэта теснит вдохновение.
Трудно, однако, рождается стих.
Это не первая встреча у них.

В Африке нынче у муз безработица,
Скромно бедняжка без платья обходится.
Выглядит муза сравнительно молодо,
Только распухла — должно быть, от голода.
Нет для поэта картины больней:
Эва, как титьки раздалась у ней!

Как негритянка в движеньях раскованна,
Словно поэту судьбой адресована!
Глядя на их отношенья чудесные,
Я отмечаю намёки скабрёзные,
Против пошлятины насмерть стою:
Любит поэт шоколадку свою!

Эх, литератора жизнь аномальная:
Зреет над ним катастрофа глобальная.
Что, если эта красотка лупатая,
Нежною страстью к поэту объята,
Всем теоремам дурацким назло
Титечкой толстой продавит стекло!

Хлынет, осколки сметя материальности,
Злой и таинственный мир виртуальности.
Правду сказать, мы в реальном-то маемся —
Еле до дому порой добираемся...
Вот что таит поэтический дар —
Белой горячки вселенский кошмар.

В глазки поэту, подружки, взгляните-ка,
В руки гитару ему подложите-ка!
Что нам до всяких чудес виртуальности,
Мы же здесь дома, в своей-то реальности!
Мы до краёв ему снова нальём —
От катастрофы планету спасём!

Мы не гоняем курсор лихорадочно,
Нам своего интеллекта достаточно.
Толку во лбу мудреца белокаменном!
Надо когда-то побыть дураками нам.

Женщин прелестных в издательстве — тьма.
Сколько в них славного, кроме ума!

Мы, закалённые в старой формации,
Жили прекрасно без информации.
Но не ищите изъяна в ментальности,
Будто мы были рабами реальности.
Дайте стакан и кусок огурца —
В мир виртуальный уйду до конца!

ЖЕНИХ

Иван Иваныч в жизни беспечальной
К запросам дам отзывчивый всегда,
Хоть был и незначительный начальник,
Зато с виагрой парень хоть куда.

Превыше брака он не мыслил цели,
Да всё откладывал — шестидесятый год:
То Зина с Таней в плановом отделе,
То секретарша — мало ли хлопот!

Но вот уж он готов без торможенья
Идти на приступ лучшей из невест:
Втянул брюшко до головокруженья,
Пригладил лысину и отработал текст.

Вдруг в кабинет его вплыла со шваброй пава,
Не без приятности притягивая глаз.
— Меня зовут,— она сказала,— Клава.
Я новая уборщица у вас.

В экстазе производственных усилий
Румянец на щеках её играл.
Её сатиновый халатик синий
Избыток плоти щедро распирал.

Иваныч взглядом стиснул это тело,
В груди достиг крещендо сердца стук,
И бремя холостяцкого удела
Не столь постылым показалось вдруг.

Она смущённо пальчики сплетала,
Когда он ей помог поднять ведро.
И жаром раскалённого металла
Его обдало Клавино бедро.

Увяла сладость колокольных звонов,
Растаял в воздухе невестин кринолин.
И смелый запах Клавиных гормонов
В Иван Иваныче разжѐг адреналин.

– С женитьбой мог бы и повременить я,—
Подумал целомудренно Иван,
В трагическом предчувствии соиться
Оценивая офисный диван.

Для двух сердец, что чувства горячили,
Ниспослан был судьбою вещей знак:
Электрики питание отключили,
И офис поглотил кромешный мрак.

...Читатель! Ты поэта обижаешь,
Бездарно тайну творчества губя:
Ты в мыслях дерзостно меня опережаешь!
О боже, как мне стыдно за тебя!

Наши авторы

стр. 41 АЛЕШКОВ Николай Петрович родился в селе Орловка Челнинского района ТАССР 26 июня 1945 года. Работал монёром связи, электриком, кровельщиком, диспетчером домостроительного комбината. Но основная трудовая деятельность связана с журналистикой. Газетчик. Был редактором набережночелнинской городской газеты «Время», а также редактором межрегиональной литературной газеты «Звезда полей». В настоящее время – председатель Татарстанского отделения Союза российских писателей, главный редактор литературного альманаха «Аргамак. Татарстан».

В 1982 году закончил заочное отделение Литературного института им. А. М. Горького (семинар Н. Н. Сидоренко). В 1984 году принят в Союз писателей СССР. Автор девяти книг стихов, изданных в Казани, Набережных Челнах и в Москве.

Живёт в Набережных Челнах. Лауреат республиканской литературной премии имени Г. Р. Державина и Всероссийской литературной премии «Ладога» (г. Санкт-Петербург).

стр. 210 АХМЕДОВ Баходыр (Бах) родился в Ташкенте в 1967 г. Закончил физический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (1990 г.) и аспирантуру физфака МГУ (1994 г.). Кандидат физико-математических наук.

Стихи и проза Б. Ахмедова публиковались в литературных журналах и альманахах в Узбекистане, России, Великобритании и Израиле, а также в антологиях современной поэзии Узбекистана «Анор» (Москва, 2009). В октябре 2007 года занял первое место на Международном поэтическом конкурсе «Пушкин в Британии». В сентябре 2008 г. принимал участие в 6-м Ташкентском Фестивале поэзии.

В настоящее время работает зав.отделом поэзии журнала «Звезда Востока» и в Институте Химии и Физики Полимеров АН Узбекистана.

стр. 181 АКИМОВ Владимир Яковлевич родился в Самарской области в деревне Ендурайкино. В 1971 году окончил Чебоксарское художественное училище. Работал учителем рисования и черчения в Сугутской средней школе Батыревского района Чувашии. С 1972 по 1974 годы служил в рядах Соевской армии. В 1980 году окончил академию художеств в Санкт Петербурге. С 1980 по 1982 годы проживал в городе Казани, а затем переехал в Набережные Челны, которые стали постоянным местом жительства.

Член ВТО ООО «Союз художников России» и международной ассоциации художников при ЮНЕСКО. Заслуженный деятель искусств РТ, народный художник РТ. Участник международных, всесоюзных, всероссийских, зональных и республиканских выставок.

Провёл крупные персональные выставки в Казани, Чебоксарах, Москве, Альметьевске, Берлине, Вене, Гота (ФРГ), Кёльне, Ольденбурге (ФРГ), Роли (США). Произведения В. Я. Акимова находятся в музейных, корпоративных и частных коллекциях России и зарубежья. Работает во многих направлениях живописи, в том числе и как художник-монументалист. Известность и популярность получила тема «Ендурайские байки», где В. Я. Акимов пробует себя и в словесном творчестве.

В настоящее время В. Я. Акимов работает преподавателем на кафедре дизайна в инженерно-экономической академии г. Набережные Челны.

стр. 213 БЕЛЬЦОВА Надежда Александровна родилась в 1988 году в городе Набережные Челны. Училась в школе архитектуры и дизайна «ДА-ДА». С 10 лет пишет стихи и рассказы, первые публикации состоялись в городском молодёжном журнале «Девочки просят внимания».

С золотой медалью окончила татарско-турецкий лицей для девочек. Будучи ученицей 9 класса выиграла грант: год учёбы в Америке по программе Конгресса США. В настоящее время студентка 6 курса Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета.

стр. 116 ВЕРДЕРЕВСКАЯ Наталья Александровна родилась в 1927 году. С юных лет посвятила свою жизнь литературе. Более сорока лет работала на кафедре литературы Елабужского государственного педагогического института. Доцент, кандидат филологических наук, специалист в области русской литературы 40-х – 60-х годов XIX века. В 1998 году издала сборник «Провинциальные стихи», в 2001 году – книгу «Двадцать лет спустя. Этюды о поэзии Владимира Высоцкого», в 2003 году – сборник стихов «Невеликие города» и в 2007 году – «Осень с дыханьем весны».

Член Союза российских писателей. Живёт в Елабуге.

стр. 34 ВОРОНИН Александр Геннадьевич родился 29 декабря 1958 года в Куйбышеве (ныне – Самара). Учился в Казанском театральном училище, играл в спектаклях театра юного зрителя. Выпускник Литературного института имени Горького 1986 года (се-

минар драматургии В.С. Розова). В 1987 году в Казанском ТЮЗе поставлена его пьеса-фантазия «Четыре вечера и одно утро». Участник Всесоюзных семинаров драматургов в Рузе, Дубултах, Ленинграде.

С исчезновением СССР подался в журналистику. В газете «Молодёжь Татарстана» опубликовал роман с продолжением «Ясновидающая». С 1998 по 2001 год работал в журнале «Казань», опубликовал в нём три повести. В 2005 году в Казанском ТЮЗе к 60-летию Великой Победы поставили пьесу Александра Воронина «Прикосновение к войне» — по автобиографической прозе Виктора Розова, ушедшего тогда из жизни. Там же через год сыграли премьеру комедии «Полеты в параллельных мирах».

Более двадцати лет Александр Воронин преподаёт историю театра в Казанском театральном училище. В 2008 году вышли его книги «Драма диасизма» (к 70-летию Диаса Валеева) и «Монарх — монах» (сборник пьес). В 2010-м под его редакцией издали альманах «Галерея», посвященный 75-летию казанского поэта Виля Мустафина.

Председатель Казанской городской организации Татарстанского отделения Союза российских писателей. Член бюро Правления Союза театральных деятелей Татарстана.

стр. 35 ГАРАЙ Рахим (Родионов Григорий Васильевич) — родился в селе Федотовка, Лениногорского района республики Татарстан 15 июля 1941 года. В 1962–1967 годах Родионов Г.В. — студент Казанского государственного университета. В 1979–1981 годах Г. Рахим учился на Высших литературных курсах при Литинституте им. Горького.

Г. Рахим регулярно занимается литературно-научным трудом. Он является составителем академических изданий «Антология татарской детской поэзии» и «Антология татарской поэзии» (двухтомник), где собраны лучшие поэтические произведения авторов с IX века до наших дней. Г. Рахим — один из авторов «Литературного энциклопедического словаря» (издательство «Советская энциклопедия»). В настоящее время завершена работа над производством первого татарского многосерийного художественного фильма «Сага древних Булгар», соавтором сценария которого является Г. Рахим. Кинооплея рассказывает о жизни, быте и взаимоотношениях евразийских народов в IV–XII веках. Идейной основой фильма являются мирные, добрососедские отношения, стремление к дружбе народов, населяющих современную территорию России.

Г. Рахим активно занимается общественной деятельностью. Он является членом ревкомиссии Литературного фонда России, председателем Литературного фонда писателей Татарстана, членом правления Союза

писателей Татарстана и редколлегии журнала «Казан утлары».

Г. Рахим является членом Союза писателей СССР с 1968 года, Государственным Советником I класса Республики Татарстан, заслуженным деятелем искусств Татарстана, заслуженным работником культуры Российской Федерации, лауреатом государственной премии Республики Татарстан им. Габдуллы Тукая. К 70-летию юбилею ему присвоено звание народного писателя Татарстана.

стр. 201 ЖУРАВЛЁВА Ольга Владиславовна родилась 11 июля 1960 года в городе Кирове. Её поэтический талант был замечен и раскрыт отцом Владиславом Николаевичем. Он отнёс первые стихи пятнадцатилетней дочери в заводскую газету «Голос рабочего», где они были опубликованы. Ольга — член Союза писателей России, автор нескольких поэтических сборников, лауреат литературных премий, а также член Союза журналистов России. Она работала в областных газетах, на телевидении и радио. Радиопрограммы Ольги Журавлёвой награждены дипломами международных и всероссийских фестивалей. Её журналистский труд также отмечен грамотой Союза женщин России. Имя Ольги Журавлёвой занесено в книгу «Женщины — лидеры вятского края», она участница проекта «Женщины Вятки — краса и гордость России».

стр. 15 КРАВЧЕНКО Оксана Викторовна родилась 27 июля 1989 года в городе Заинске Татарской АССР. В 2011 году закончила факультет журналистики Казанского (Приволжского) федерального университета. Сотрудничала со многими периодическими изданиями города Набережные Челны: «Доброхот», «Вечерние Челны», «Сегодня», «Единство», «Тайный советник» и др. Публиковалась в Интернете.

Живёт в Набережных Челнах.

стр. 241 КОБЛЕВ Евгений Аюпович родился в 1953 году в Донбассе. Член союзов журналистов Российской Федерации и Республики Татарстан, лауреат Всероссийского конкурса журналистов «Экономическое возрождение России» (2010 г.) Учился в Литературном институте им. А.М. Горького. Работал в редакциях газет, журналов, на радио, в издательствах Краснодарского края, Ростовской области, Татарстана. Автор нескольких очерковых книг. Как литератор известен иронической прозой, юмористическими стихами и пародиями, которые публиковались в литературном журнале «День и ночь» (Красноярск) и изданы книжкой «Карманный выпендрёжник». Живёт в Набережных Челнах.

стр. 7 КУЗЬМИЧЁВА-ДРОБИШЕВСКАЯ Ольга Владимировна родилась 8 апреля 1964 года в городе Волжском Волгоградской области. В начале семидесятых вместе с родителями приехала в Набережные Челны, где и окончила среднюю школу, училище искусств по классу виолончели и факультет педагогики и психологии педагогического института.

С 2000 года сотрудничает с Татарстанским отделением Союза российских писателей как редактор, журналист и организатор литературно-музыкальных встреч.

Ольга — автор двух поэтических книг «По воле небес» и «Раскачивая маятник судьбы», двух песенных альбомов «Любовь пою» и «Ты услышишь», художественно-документальной книги «Одноклассники. Письма в будущее».

Лауреат XIII республиканского конкурса «Бәллүр каләм — Хрустальное перо» 2010 года. Член Союза российских писателей. Слушательница Высших литературных курсов.

стр. 186 КУЗНЕЧИХИН Сергей Данилович родился 14 июля 1946 года в посёлке Космынино под Костромой. После окончания химфака Калининского политехнического института уехал в Свирск, потом переехал в Красноярск. За двадцать лет работы инженером-наладчиком извездил Сибирь от Урала до Дальнего Востока, от Тувы до Чукотки.

Выпустил шесть поэтических сборников и четыре книги прозы.

Печатался в «Литературной газете», в журналах: «Дальний Восток», «Сибирские огни», «День и ночь», «Предлог», «Коростель», «Арион», «Дети Ра» и др.

стр. 226 ЛИМОНОВА Инна Валерьевна Родилась в 1955 году в Челябинске. Приехала на КамАЗ в 1972 году, работала плиточницей на стройке, диспетчером на литейном заводе, корреспондентом газеты «Камские Зори». Окончила Литературный институт им. Горького. Член Союза писателей СССР. Автор нескольких книг поэзии и прозы. Живёт в Москве.

стр. 206 ЛЮТЫЙ Вячеслав Дмитриевич родился в 1954 году в городе Легница Польской Народной Республики. Окончил Воронежский политехнический институт, Литературный институт им. А. М. Горького. Служил в армии, работал радиоинженером, звукооператором и заведующим литературной частью театра, инкассатором, менеджером коммерческого банка. В настоящее время — ответственный секретарь журнала «Подъём». Лауреат премии Общественной Палаты Во-

ронезской области «Живые сокровища славянской культуры», премии журналов «Подъём», «Русская речь». Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

стр. 134 МАНУСОВ Юрий Владимирович, родился в Тбилиси в 1948 году. С детства занимался кинолюбительством. Окончил ВГИК (сценарный факультет) и Высшие режиссёрские курсы. Работал на ЦТ, на студии «Мосфильм», на Одесской киностудии. Снял пять игровых полнометражных фильмов, среди них сюрреалистическая трагикомедия «Выкидыш». Снял короткометражные и документальные фильмы. Писал сценарии, пьесы, рассказы. Работает над многотомным романом «Донпижон». Член Союза кинематографистов СССР, член Союза российских писателей.

стр. 158 МАТВЕИЧЕВ Александр Васильевич родился в 1933 году в Татарстане, в деревне Букени Мамадышского района. Окончил Казанское суворовское (1944–1951) и пехотное училища (1951–1953). лейтенантом командовал пулемётным и стрелковым взводами в Китае и в Прибалтике. После демобилизации из армии в декабре 1955 года учился в Казанском авиационном институте, где получил диплом инженера-электромеханика. В студенческие годы регулярно посещал и представлял на обсуждение свои рассказы в литературном объединении при Доме-музее М. Горького в Казани.

Пройдя все ступени инженерных должностей, карьеру завершил главным инженером крупного научно-производственного объединения и директором предприятия. Депутат райсовета трёх созывов. В 70-х годах XX века более двух лет проектировал электроснабжение и автоматизацию цехов никелевого комбината на Кубе; этот период жизни стал основой крупного романа «El Infierno Rojo — Красный Ад».

С 1993 года работал журналистом в редакциях газет, переводчиком с английского и испанского языков, помощником депутата Госдумы, а затем — Законодательного собрания Красноярского края. В девяностых годах избирался сопредседателем и председателем демократических общественных организаций Красноярского края и Сибири.

В настоящее время является президентом Английского клуба при Красноярской научной библиотеке и Почётным председателем «Кадетского собрания Красноярья».

Стихи, повести, рассказы Александра Матвеевича постоянно публикуются в журналах, альманахах, антологиях. Автор более десяти книг. Член Союза российских писателей. Живёт в Красноярске.

стр. 151 МОЛОКАНОВ Анатолий Николаевич родился 14 февраля 1946 года в городе Светогорске Выборгского района Ленинградской области. В 1976 году заочно окончил Горловский филиал Донецкого политехнического института. В 1978 году получил второй диплом о высшем политическом образовании. С декабря 1981 года работал в г. Надыме. В тресте «Надымстройгаздобыча» осваивал Ямсовейское месторождение газа.

Первые публикации рассказов состоялись в газетах «Трасса», «Рабочий Надыма», «Норд-Вестник» и альманахе «Окно на Север». В декабре 1995 года в малом издательстве «Рутра» вышла первая книга повестей и рассказов «В рейсе». К 25-летию г. Надыма вышла вторая книга повестей и рассказов «Непротокольный случай».

В 1986 году принят в Союз писателей России. Позже выпущены книги «Гулял свой отпуск северянин» и «Как мне хочется в детство вернуться», которые публиковались в альманахе «Вече».

С 2007 года проживает в г. Великом Новгороде и является председателем местного отделения Союза писателей России. Секретарь правления СП России.

стр. 48 МУРАТОВ Пётр Юрьевич родился в 1962 году в Казани. После окончания средней школы поступил в Казанский государственный университет на биолого-почвенный факультет, кафедра микробиологии. В 1984 году по окончании университета был распределен в НИИ молекулярной биологии НПО «Вектор» под Новосибирском. Кандидат биологических наук. С начала девяностых и до сих пор — предприниматель. Женат, имеет двух детей, внучку.

стр. 17 МУХАММАТ Мирза (Илфак Мирзаевич Ибрагимов) поэт, публицист, лауреат Государственной премии имени Г. Тукая, член исполкома Международного Сообщества писателей союзов, председатель Союза писателей Республики Татарстан.

Родился 3 января 1953 года в д.Чалманарат Актанышского района Республики Татарстан. Окончил режиссерско-театральное отделение Казанского государственного университета культуры и искусств. Работал в должности редактора местного радиовещания, I секретаря Актанышского райкома ВЛКСМ, зам.начальника Актанышского РОВД, зав.отделом культуры Актанышского райисполкома, зам.министра культуры Республики Татарстан.

В мае 2005 года был избран председателем Союза писателей Республики Татарстан. Автор 10 сборников стихотворений. Последователь классической восточной поэзии. Его стихи переведены на русский, казахский,

турецкий, английский языки и на языки народов Поволжья. Живет в Казани.

стр. 204 ПЕРВОВА Наталья Ивановна родилась в 1939 году в Мурманске. Закончила факультет журналистики Ленинградского университета. Работала в Череповце в городской газете.

В начале 1970-х приехала с семьёй в Набережные Челны. Работала в редакции радиовещания автомобильного комплекса, затем — на литейном заводе редактором объединённой редакции радиовещания и газеты.

В 2007 году издательство «Новости мира» выпустило сборник её стихов «Моя параллель», а в 2009 году в свет вышел второй поэтический сборник «Китежанка», выпущенный Татарстанским отделением Союза российских писателей. Член Союза российских писателей.

стр. 143 ПЕРЕЯСЛОВА Марина Вячеславовна родилась 16 сентября 1954 года в г. Новокуйбышевске Самарской области. В 1976 году закончила факультет иностранных языков Самарского Государственного педагогического университета имени М. Горького. Работала учителем, переводчиком, редактором в Самарском областном книжном издательстве, инструктором Самарского областного отделения Всероссийского общества книголюбов, журналистом Самарского регионального выпуска газеты «Комсомольская правда» («КП» в Самаре).

Член Союза писателей России, Союза журналистов Москвы и Международной Федерации журналистов.

С 1997 года живёт в Москве, работает в Исполкоме Международного сообщества Писательских Союзов. Печаталась в альманахах «День поэзии», «Московский Парнас» и «Алмазные грани «Хрустальной розы», журналах «Наш современник», «Вертикаль» (Н. Новгород), «К единству!», «Прикосновение» (Тула), «Десна» (Брянск), «Всероссийский собор» (С.-Пб), «Молодая гвардия», «Роман-журнал, XXI век», «Слова», «Золотое перо», «Свет» («Природа и человек»), «Воин России», «Поэзия». Многие статьи и интервью Марины Переясловой увидели свет на страницах таких газет как «Трибуна», «Литературная газета», «Российский писатель», «Парламентская газета», «День литературы» и в других общероссийских и областных изданиях.

Автор книги стихов «Треугольник» (Самара, 1991) и сборника интервью «О самом главном» (Москва, 2006). В последний вошли её беседы с писателями Сергеем Михалковым, Юрием Поляковым, Анатолием Салуцким, Владимиром Крупиным, Юрием Бондаревым, Олегом Шестинским, кинорежиссёрами Георгием Данелия и Николаем Бурляевым, актрисой и писательницей Ека-

териной Марковой, а также другими известными общественными и культурными деятелями. В 2010 году в издательстве «Феникс» (г. Ростов-на-Дону) у неё вышла книга прозы «Спасёмся любовью», написанная совместно с известным писателем и супругом Николаем Переясловым.

Лауреат Международной литературной премии им. С.В. Михалкова «Облака».

Дипломант премии «Хрустальная роза Виктора Розова».

стр. 19 ПЕРЕЯСЛОВ Николай Владимирович — поэт, критик, прозаик, журналист, переводчик; член Международной Ассоциации писателей и публицистов; член Союза журналистов Москвы и Международной Федерации журналистов; действительный член Петровской Академии наук и искусств; секретарь Правления Союза писателей России.

В настоящее время работает советником председателя Комитета по телекоммуникациям и СМИ города Москвы.

Родился 12 мая 1954 года в Донбассе, работал шахтёром, геологом, журналистом, директором Самарского областного отделения Литфонда России. Окончил заочно Литературный институт им. А.М. Горького.

Автор 16 книг стихов, прозы и критики, печатался в газетах и журналах России, Украины, Беларуси, Молдовы, Казахстана, Башкортостана, Туркменистана, США, Китая, Германии, Болгарии, КНДР и других стран.

Член редсоветов журналов «Всероссийский Соброрь» (С.-Пб), «Север» (Петрозаводск), «Донбасс» (Донецк), «Роман-журнал, XXI век» (Москва), «Десна» (Брянск), «Бийский Вестник» (Бийск), «Дон и Кубань» (Ростов), «Сура» (Пенза), редколлегии альманаха «День Поэзии» и других изданий.

Участник выездного Пленума Союза писателей России в Чечне, Конгресса народов России в Якутске, первой Международной поэтической конференции в Каире и нескольких Всемирных Русских Народных Соборов. Был руководителем ряда совещаний молодых писателей, творческих семинаров, литературных фестивалей и мастер-классов.

стр. 91 ПОПОВ Василий Николаевич — поэт, член Союза писателей России, секретарь Правления Союза писателей России. Родился в 1983 году в городе Ангарске Иркутской области. Закончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор книг «Голос тишины» и «Берсерк», вышедших в Москве. Стихи публиковались в «Литературной газете», «Литературной России», «Роман-журнале-21 век», журнале «Наш современник», журналах «Русское эхо» (Самара), «Траектория творчества» (Калуга), «Братина» (Москва), «Новый енисейский литератор» (Красноярск), «Приокские зори» (Тула) и других изданиях Рос-

сии. Лауреат Всероссийской поэтической премии «Соколки русской земли». Живёт в Москве.

стр. 81 СОПИН Михаил Николаевич родился в 1931 году в селе Ломном Курской (ныне Белгородской) области. В первый раз был арестован за хранение оружия, отбывал наказание на строительстве Волго-Дона. Вторично — по Сталинскому Указу от 4.06.47. Срок в 15 лет отбывал в пермских северных лагерях. В лагере закончил заочно десятилетку. Там же, в лагере, начал всерьёз писать стихи. По отбытии срока переехал в Пермь. Трудился сантехником, имел семью, двух сыновей. В публикации отказывали. Однажды в отчаянии обратился к известному критику В.В. Кожину, и тот Михаила поддержал, но для того, чтобы пожелания превратились в действие, нужно было переехать в Вологду.

В Вологде получил поддержку местной писательской организации. В 1985 году в Северо-Западном книжном издательстве вышел его первый сборник «Предвестный свет», в дальнейшем — сборники «Судьбы моей поле», «Смещение», «Обугленные веком», «Девяносто третий год», «Молитвы времени разлома», «Свобода — тягостная ноша». С 1991 года — член Союза писателей СССР.

Публиковался в коллективных сборниках, в журналах «Наш современник», «Новый мир», «Москва», «Юность», «Север», «Подъём» и других. Однако большая часть наследия осталась в рукописях.

Умер 11 мая 2004 года. Похоронен в Вологде.

стр. 104 УНТИЛА Александр Павлович родился 3 апреля 1979 года в посёлке Южный Багратионовского района Калининградской области в семье военнослужащих. После окончания средней школы поступил в Военный автомобильный институт (г. Рязань), который окончил в июле 2001 года. С августа того же года проходил службу в в/ч 48427 на должностях заместителя командира, командира механизированной группы специального назначения, заместителя командира отдельного батальона СпН ВДВ. Принимал участие в контртеррористической операции на территории Северо-Кавказского региона с 26.12.2002 по 27.08.2003; с 28.10.2003 по 27.05.2004; с 26.10.2004 по 24.08.2005; с 14.03.2006 по 07.04.2006. С апреля 2007 года — спасатель отряда «Центроспас» МЧС России. Принимал участие в спасательных операциях на Алтае, в Туве, на Гаити, в Японии, в ликвидации аварии на Саяно-Шушенской ГЭС.

стр. 216 ЦЫГАНКОВ Дмитрий Васильевич родился 17 июня 1971 года на Украине. В 1972 году родители переехали в Набереж-

ные Челны на строительство автогиганта. С 1983 по 1985 год семья проживала в Польше, затем снова вернулась в город на Каме. В 1988 году Дмитрий окончил среднюю школу и некоторое время работал слесарем-ремонтником на городской ТЭЦ, однако полученная в 1994 году тяжёлая травма не дала молодому человеку продолжить трудовую деятельность. А дальнейшее образование ему заменило чтение русской и зарубежной классики, а также документальной литературы. Возможно, чтение подтолкнуло к литературному творчеству.

стр.
96 ЧВАНОВ Михаил Андреевич родился 25 июля 1944 года в Башкирии, на реке Юрюзани в деревне Старо-Михайловка Салаватского района в семье инвалида Великой Отечественной войны. В 1967 году окончил филологический факультет Башкирского университета. Преподавал математику и черчение в сельской школе, был разнорабочим на стройке, работал в молодёжной газете, в Башкирском книжном издательстве, в правлении Союза писателей Башкортостана. Автор более 20 книг прозы и публицистики, вышедших в Уфе, в Воронеже.

Известен также как исследователь и популяризатор жизни и творчества великого русского писателя С.Т. Аксакова и его сыновей: И.С. Аксакова и К.С. Аксакова. Автор двух книг об Аксаковых и целого ряда статей и эссе, которые помимо России публиковались в периодике Сербии и Болгарии.

Возглавляет Мемориальный дом-музей С.Т. Аксакова в Уфе, в своё время созданный при его активном участии. В короткое время при помощи созданного им же Аксаковского фонда, музей превратился в известный не только в России общественно-культурный центр, активно проводящий в жизнь евразийскую идею славяно-тюркского и православно-мусульманского согласия.

Лауреат Всероссийской литературной премии им. С.Т. Аксакова и премии им.К. Симонова Международной ассоциации писателей баталистов и маринистов.

В июле 2006 года награждён Большой литературной премией первой степени Союза писателей России за книгу «Мы – русские? Всего мира Надежда и Утешение». С 2009 г. – почётный гражданин г. Уфы. Награждён орденом «Знак почёта».

СОДЕРЖАНИЕ

СОБЫТИЯ МИНУВШЕГО ЛЕТА

МАРИНА ПЕРЕЯСЛОВА. АПРЕЛЬ. КАЗАНЬ. ТУКАЙ	3
ОЛЬГА КУЗЬМИЧЁВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ ПРОСКАКАЛ «АРГАМАК» ПО ТВЕРСКОЙ	6
АЛЕКСАНДР ВОРОНИН СВЯТОЙ ЖЫЕН БОЛГАРА.....	7
НА САБАНТУЙ В СВИЯЖСК.....	10
ОБОЗРЕВАТЕЛЬ СЛАВЯНСКИЙ ПРАЗДНИК	11
ОКСАНА КРАВЧЕНКО «Я СВЯЗЬ МИРОВ, ПОВСЮДУ СУЩИХ...»	12
НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ С ОКРЕПИШИМ СЕРДЦЕМ	15

ПЕРЕВОДЧИК ПРЕДСТАВЛЯЕТ ПОЭТА

НИКОЛАЙ ПЕРЕЯСЛОВ КАЖУЩАЯСЯ ЛЁГКОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОЙ «ШКОЛЫ» ХАЙЯМА.....	17
МУХАММАТ МИРЗА ЗА ТОЙ РЕКОЙ	20

ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

АЛЕКСАНДР ВОРОНИН ВНЕ ХУЛЫ И ХВАЛЫ. ВСЕЛЕНСКИЙ ХРАМ ИЛЬДАРА ХАНОВА В СТАРОМ АРАКЧИНО ПОД КАЗАНЬЮ.....	30

ЛИРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

СИБГАТ ХАКИМ ОН – ИЗ ЦВЕТОЧНОЙ КАЛИТКИ.....	35
ГАРАЙ РАХИМ ТО, ЧТО НЕЛЬЗЯ УВИДЕТЬ ГЛАЗАМИ.....	36
ЖЁЛТЫЙ ЛИСТ	37
АПРЕЛЬ	38
ПУТИ И НАЧАЛА.....	38
ГЛАЗА	39
СИНИЦА	40

ИМЯ В ПОЭЗИИ

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ ЗЕМНАЯ ТЯГА И МЕРЦАНЬЕ ЗВЕЗД.....	41

Я ШАГАЮ ПО КАЗАНИ

ПЁТР МУРАТОВ ИМПЕРАТОРСКИЙ, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ, ФЕДЕРАЛЬНЫЙ. ВОСПОМИНАНИЯ О КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ	48

ИМЯ В ПОЭЗИИ

МИХАИЛ СОПИН	
АГОНИЯ ТРИУМФА	81
ВАСИЛИЙ ПОПОВ	
ПОДЫМАЙСЯ, ВАНЯ!	91

ПОЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ

МИХАИЛ ЧВАНОВ	
БЫВШИХ ОФИЦЕРОВ НЕ БЫВАЕТ	96
АЛЕКСАНДР УНТИЛА	
НОГА	104

ЖЕНСКОЕ ИМЯ В ПОЭЗИИ

НАТАЛЬЯ ВЕРДЕРЕВСКАЯ	
ЖИЗНИ ВЕЧНЫЙ КРУГОВОРОТ	116
ЕЛЕНА БУРУНДУКОВСКАЯ	
ПОТАЁННАЯ ДВЕРЬ	125

РАССКАЗЫ О ГЛАВНОМ

ЮРИЙ МАНУСОВ	
ВНУК	134
МАРИНА ПЕРЕЯСЛОВА	
РУКИ ГОСПОДА	143
СРОКИ	147
АНАТОЛИЙ МОЛОКАНОВ	
Я ЗНАЛ, ЧТО МЫ БУДЕМ ВМЕСТЕ	151
БЕССОННОЙ НОЧЬЮ	153
АЛЕКСАНДР МАТВЕИЧЕВ	
«КАК ЕГО НАЗЫВАТЬ?..»	158

ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

ВЛАДИМИР АКИМОВ	
ОДА МОЕЙ ДЕРЕВНЕ	181

ЖИЛИ – НЕ ТУЖИЛИ

СЕРГЕЙ КУЗНЕЧИХИН	
ИЗ РАССКАЗОВ ПЕТУХОВА АЛЕКСЕЯ ЛУКИЧА	186

ДВА МНЕНИЯ ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ

ОЛЬГА ЖУРАВЛЁВА	
МЫ ВСЕ РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА	201
НАТАЛЬЯ ПЕРВОВА	
ПЯТЫЙ ГУГЛ ИЛИ ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО О. ЖУРАВЛЁВОЙ	204

ЧТЕНИЕ С ПРИСТРАСТИЕМ

ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ	
ПОЮЩАЯ ПТИЦА	206
«СОЕВАЯ» ЛИТЕРАТУРА	207

НЕФОРМАТ**БАХ АХМЕДОВ**

МОЛЧАНИЕ ШАРА.....210

КОФЕ С ЛИМОНОМ211

ДЕБЮТ В «АРГАМАКЕ»**ЕКАТЕРИНА БЕЛЬЦОВА**

ВОСКРЕСНАЯ ПРОГУЛКА ПО ПЕТЕРБУРГУ213

ЕЩЁ ОДИН НЕВИДИМЫЙ ГОРОД214

ДМИТРИЙ ЦЫГАНКОВ

СРЕДИ ЛЮДЕЙ.....216

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ**ИННА ЛИМОНОВА**

В МЫТИЩАХ ЕСТЬ «КРЫЛАТЫЕ КАЧЕЛИ»...226

СТИХИ УЧАСТНИКОВ «КРЫЛАТЫХ КАЧЕЛЕЙ»: ЛИЗА СПИРИНА,**ЖЕНЯ БУРМИСТРОВА, ДИМА ЗОЛОТАРЁВ, АЛИНА ГАЛИМОВА,****ТИГРАН ДЕЯНОВ, НАТАША АНТОНОВА, ВИКА ШЕРБАКОВА,****АРТЁМ КАРЕТНИКОВ, СОНЯ БЕЛЯВСКАЯ, КРИСТИНА ПЕТРОСЯН****ИГОРЬ РУЦКОЙ, ПАВЕЛ ПАНФИЛОВ****ИЗДАНО В РОССИИ.....233****СМЕХОТЕРАПИЯ****ЕВГЕНИЙ КОБЛЕВ**

ПО СОКРОВЕННЫМ ЗАКОУЛКАМ241

НАШИ АВТОРЫ247**ВТОРАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: ФРАГМЕНТ ВСЕЛЕНСКОГО ХРАМА ИЛЬДАРА ХАНОВА****ПЕРВАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: ВСЕЛЕНСКИЙ ХРАМ ИЛЬДАРА ХАНОВА****ВТОРАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: ВЛАДИМИР АКИМОВ ИЗ ЕНДУРАЙКИНО****ТРЕТЬЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: ВЛАДИМИР АКИМОВ.****ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ. Фольга, масло, холст. 75×85 см.**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Аргамак

ТАТАРСТАН

Выходит ежеквартально
(1 раз в 3 месяца)

Учредитель

ОАО «Татмедиа»

420016, г. Казань, ул. Декабристов,
д. 2, 6 этаж. Тел.: (8-843) 222-09-84

Адрес редакции:

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Издатель:

**Татарстанское отделение
Союза российских писателей**

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Издатель:

**Союз писателей
Республики Татарстан**

420012, г. Казань, ул. Муштари, 14.
Тел.: (8-843) 236-97-91

Подписано в печать 29.08.2011 г.

Формат 70x100^{1/16};

Печать офсетная. Бумага ВХИ.

Усл. печ. л. 20,64. Тираж 2000 экз.

Заказ Р-1285

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии филиала
ОАО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «Идел-Пресс»

420066, Казань, ул. Декабристов, 2

Рукописи принимаются по адресу:
**423809, Татарстан, г. Набережные Челны,
а/я 126** или e-mail: **anp45@mail.ru**. Жела-
телен диск с набором, фотография, краткая
биографическая справка.

Рукописи не рецензируются и не возвра-
щаются. Читательские письма и предложе-
ния могут быть опубликованы в альманахе.
Ответственность за достоверность инфор-
мации несут авторы материалов. Мнения
авторов могут не совпадать с мнением
редакции. При перепечатке материалов
ссылка на альманах «Аргамак. Татарстан»
обязательна.

Для приобретения номера и размеще-
ния рекламы социальной направленности
обращайтесь: e-mail: **anp45@mail.ru**,
тел. (8-8552) 58-13-71; 8-927-241-01-19.

ВЛАДИМИР АКИМОВ. ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ, ФОЛЬГА. МАСЛО. ХОЛСТ. 75×85 см.

